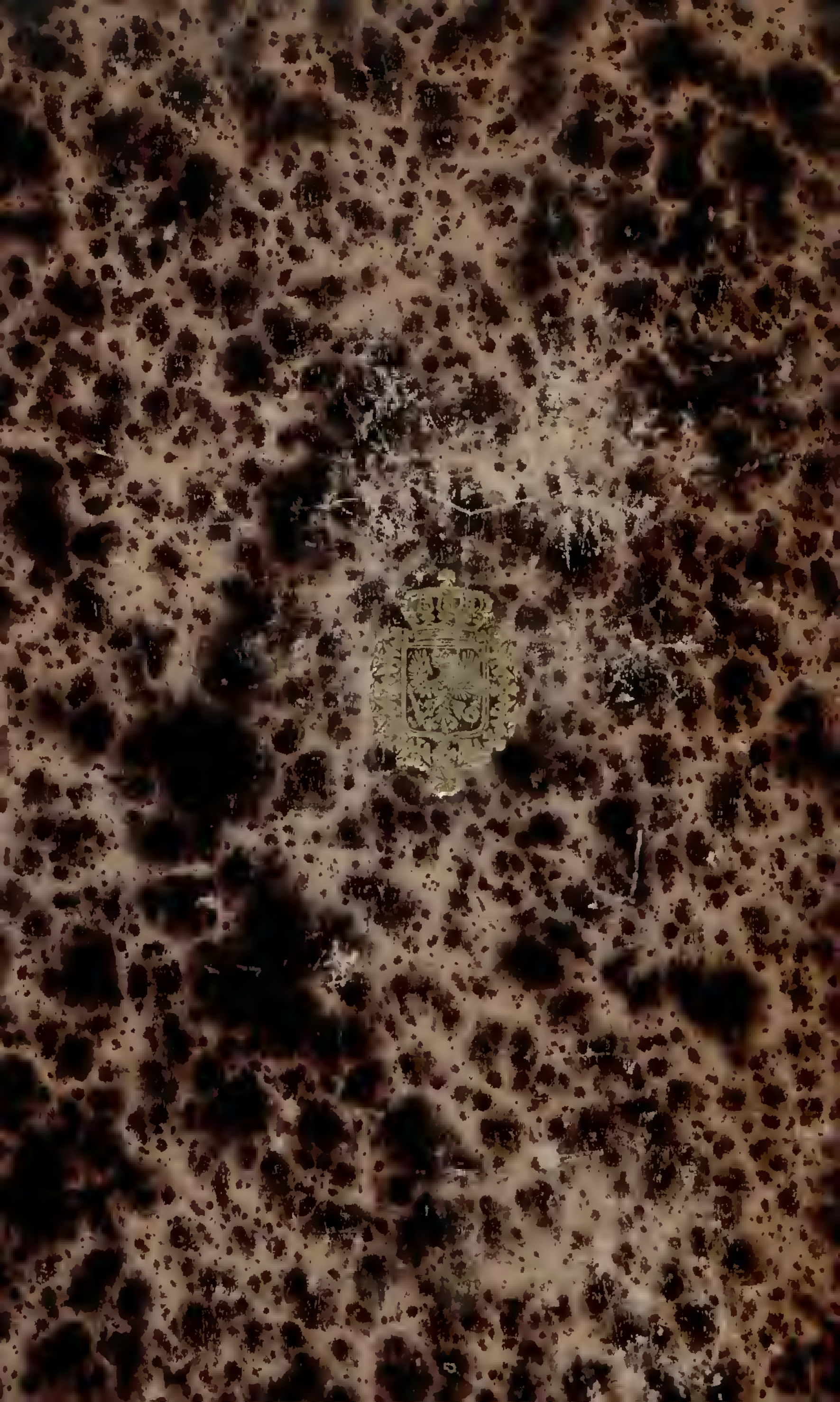


Memoiren über Südrussland
herausg. von P. Kuliš.
Band II.

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

II.

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

ИЗДАЛЪ П. КУЛИШЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 25 февраля 1857 года.

Ценсоръ *Н. фонъ-Крузе.*

Въ типографіи Александра Якобсона

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

При записываньи произведеній народной словесности, необходимо принимать въ соображеніе обстоятельства самого разсказщика, или пѣвца, и всю его обстановку. Стр. 4 — 5.

Какъ сильно дѣйствуетъ на простолюдина родная пѣсня. Стр. 8—9.

Различіе между Сѣверно- и Южно-Русскими сказками. Стр 12—13.

Сказка и пѣсня служатъ для народа истолкованіемъ его настоящаго положенія. Онъ разсказываетъ, въ своемъ кругу, тѣ сказки и поетъ тѣ пѣсни, которыя выражаютъ современный его взглядъ на вещи. Стр. 82 — 103.

Гайдамачество явилось, какъ противодѣйствіе нестерпимому злу въ Польскомъ гражданскомъ обществѣ. Стр. 107 — 108, 139 — 141.

Любовь къ родинѣ есть лучшее основаніе любви къ отечеству Любовь къ родной словесности утверждаетъ въ обществѣ нравственныя понятія и вводитъ ихъ въ дѣло жизни. Стр. 145 — 146.

Гетманщина не стремилась къ общему благу Малороссійскаго народа, и по тому самому не могла быть долговѣчна. Стр. 171 — 174.

При отсутствіи правильнаго судопроизводства въ старинной Малороссіи, старшины козацкіе захватывали во владѣніе земли, безъ всякаго права, подъ видомъ *стараго займа*. Стр. 176.

Множество козаковъ обращено въ *подданныхъ* (крестьянъ) козацкими старшинами и другими чиновными и денежными людьми. Стр. 178.

Выборъ всѣми голосами полковниковъ и сотниковъ существовалъ только на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ чиновная партія въ Малороссіи опредѣляла во всѣ должности — кто ей былъ нуженъ. Стр. 187.

Судопроизводство по Литовскому, Магдебургскому и Саксонскому праву давало просторъ произволу и изворотливости судей, во вредъ несвѣдущаго въ законахъ населенія Малороссіи. Стр. 188.

Члены богатыхъ фамилій, получивъ званіе бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ, дѣлались подсудимыми только генеральной

канцеляріи и гетману, а это давало имъ возможность безнаказанно угнетать мелкопомѣстную свою братію и простолюдиновъ. Стр. 191.

Названіе *Русскій* принадлежитъ Южно-Русскому, или Малороссійскому народу и языку искони. Малороссійскій народъ и Малороссійскій языкъ суть Русскій народъ и Русскій языкъ по-преимуществу. Стр. 263.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, Южно-Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ. Этимъ языкомъ говорили при дворѣ великихъ князей Литовскихъ и въ знатнѣйшихъ Южно-Русскихъ домахъ. Стр. 264.

Южно-Русскій языкъ всегда отличался отъ Церковно-Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Стр. 267.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Малой и Червонной Руси, одинъ и тотъ же Южно-Русскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи. Стр. 269.

Южно-Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго. Стр. 273.

Польскій языкъ нынѣшнею своею чистотою, богатствомъ и самимъ даже слогомъ своимъ обязанъ, большею частью, Южно-Русскому языку. Стр. 274.

Поводомъ къ войнѣ козаковъ съ Поляками подъ предводительствомъ Остряницы, какъ и въ другихъ козацкихъ войнахъ, были злодѣйства со стороны частныхъ лицъ. Стр. 309.

Озлобленіе Украинскаго народа противъ Поляковъ не вытекало изъ владѣльческаго права. Стр. 311.

Систематическаго угнетенія страны со стороны Польскаго правительства не было. Стр. 311.

Польскому правительству и Польскимъ дворянамъ Малороссія обязана была своимъ вещественнымъ благосостояніемъ. Стр. 132.

Самымъ тяжкимъ бременемъ для Малороссіи были постои Польскихъ войскъ. Стр. 313.

Городовые козаки до временъ Хмѣльницкаго противодѣйствовали Запорожскимъ. Стр. 314.

Запорожцы озлоблялись на Поляковъ за запрещеніе дѣлать морскіе набѣги на Крымъ и Турцію, что было со стороны Поляковъ политическою необходимостью. Стр. 315.

Вмѣшательство Поляковъ во внутреннее управленіе козачества было вынуждаемо козацкими возстаніями. Стр. 315.

Изгнаніе Поляковъ изъ Украйны было вмѣстѣ и изгнаніемъ коренныхъ Южно-Русскихъ дворянъ, которые имѣли неопровержимое право на владѣніе землею. Стр. 317.

У Поляковъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ ихъ политическихъ представителей, не было посягательства на Малороссійскую національность. Стр. 318.

Высшее развитіе Украинской народной словесности совершилось во времена Польскаго владычества. Стр. 319.

Унія, въ своей идеѣ, была устройствомъ іерархіи, а не перемѣною вѣры. Стр. 319.

Всѣ эти, по видимому, счастливыя условія для обоихъ народовъ привели Рѣчь Посполитую къ несчастному концу потому, что въ ней господствовало право сильнаго, что собственно націю Польскую, по мнѣнію правительства, составляло дворянство, что это дворянство проникнуто было духомъ касты и не обращало вниманія на положеніе чернорабочаго класса въ государствѣ. Стр. 321.

Малороссіяне, по своей природѣ и по мѣстнымъ условіямъ, не могли иначе себя сознавать, какъ людьми, безъ всякихъ гражданскихъ пред-

разсудковъ. Пренебреженіе со стороны Поляковъ, аристократовъ по племенному началу, чувствовали они слишкомъ глубоко. Стр. 324.

Война между ними была, въ корнѣ своемъ, изъ-за оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства. Другія оскорбленія со стороны Поляковъ только раздули готовое пламя. Стр. 325.

До какой степени Южно-Русскій народъ созрѣлъ уже и тогда для высшей формы гражданской жизни, видно изъ того внутренняго устройства Малороссіи, въ какомъ она явилась при Хмѣльницкомъ. Стр. 326.

Неумышленныя и несознаваемыя Польскимъ дворянствомъ угнетенія народа Малороссійскаго со стороны его человѣческаго достоинства принесли ту пользу, что Русскій человѣкъ, въ освобожденіи отъ нихъ Малороссіи, сдѣлалъ первый шагъ къ истинному самосознанію и самодѣятельности. Стр. 328.

2.

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ И ПОВѢРЬЯ.

Сказка о красавицѣ и о злой бабѣ. (Царевичъ плѣняется красавицей. Царь не соглашается на женитьбу сына, но, увидѣвъ рушникъ, вышитый ею, согласился. Провожавшая молодыхъ баба подмѣнила красавицу своею дочкой. Дидъ принялъ къ себѣ покинутую красавицу, съ выколотыми глазами. Она научила его, какъ добыть у злой бабы глаза и вышила рушникъ. Увидѣвъ этотъ рушникъ, царевичъ отыскалъ по немъ свою красавицу жену) Стр. 10.

Сказка объ ужѣ и царевичѣ. (Царевна соглашается быть женою ужа за то, что онъ позволилъ ей почерпнуть воды для отца. Кума свела ее со свѣта и обрѣзала у ней руки, съ золотыми кольцами. Но кольца не снимались. Кума ночью парила руки въ кипяткѣ, чтобы снять кольца, а царевна пришла къ ней за своими руками.) Стр. 14.

Сказка объ Ивасѣ и вѣдьмѣ. (Ивась ѣздилъ на рыбную ловлю. Вѣдьма приманила его къ себѣ и унесла въ свою хату. Тамъ она велѣла своей дочкѣ зажарить его, а сама отправилась звать гостей на пиръ. Ивась умудрился зажарить дочку вѣдьмы, а самъ взлѣзъ на высокій яворъ. Вѣдьмы начали грызть яворъ; но перелетныя гуси взяли на крылья Ивася и принесли къ родителямъ.) Стр. 17.

Сказка объ убитой сестрѣ и о калиновой дудкѣ. (Одна сестра изъ зависти убила другую. На могилѣ выросла калина. Чумаки сдѣлали изъ калины дудку. Заѣхавши случайно къ отцу убитой, начали играть. Дудка обличила убійцу.) Стр. 20.

Сказка о гоненьяхъ мачихи. (Мачиха обременяетъ неродную дочку пряжею. Корова помогаетъ гонимой. Корову за это велѣла мачиха зарѣзать. Въ ея внутренностяхъ нашли два яблока. Отъ тѣхъ яблоковъ выросла яблонь, съ золотыми и серебряными яблоками, а подъ нею открылась криница. Гонимая дочь подала изъ этой криницы пану воды и нарвала для него яблоковъ. Панъ за это на ней женился. У нихъ родился сынъ. Но мачиха подмѣнила пани своею дочкою, а пани превратила въ дикую козу. Коза приходила кормить сына и въ это время обращалась въ женщину. Панъ узналъ тайну отъ слуги, сжегъ ея козью шкуру, и она навсегда осталась женщиною.) Стр. 23.

Кирило Кожемяка, легенда. (Змѣй бралъ съ Кіева дань людьми. Дочка князя, очутясь у змѣя, вывѣдала отъ него, что въ Кіевѣ есть силачъ Кирило Кожемяка, который побѣдитъ змѣя. Князь трижды посылаетъ пословъ къ Кирилу съ просьбою сразиться съ змѣемъ. Кирило наконецъ соглашается, выходитъ на бой и убиваетъ змѣя.) Стр. 27.

Свирйдова могила, легенда. (Пахарь Свиридъ въ день Христова Воскресенія провалился сквозь землю. На томъ мѣстѣ выросла *могила* (т. е. курганъ), которую и прозвали Свиридовою.) Стр. 30.

Миѳъ о первомъ вѣкѣ творенія. (Мышь и воробей дѣлились просомъ и завели драку. Собрались звѣри противъ птицъ, но птицы звѣрей одолѣли. Человѣкъ помогъ птицѣ. За это получилъ яйцо, въ которомъ

заключалось цѣлое царство. Послѣ этого наступилъ другой вѣкъ творенія — человѣческій.) Стр. 31.

Соколъ и пчела, повѣрье. (Соколъ и пчела мѣрялись зрѣніемъ и чуткостью и потомъ подѣлились землею, кому гдѣ жить.) Стр. 32.

Разсказы о превращеніяхъ. (А. Близнецы превращаются въ кукушку. — Б. Переселеніе души въ разныхъ тварей. — В. Превращеніе въ вовкулаку. — Г. Превращеніе въ »пригѝжковатого« волка. — Д. Превращеніе въ кукушку и дятла. — Е. Превращеніе въ сирень. — Ж. Человѣческій языкъ у птицъ.) Стр. 33.

Разсказы о вѣдьмахъ. (А. Вѣдьма помогаетъ сыновьямъ-охотникамъ. — Б. Способы узнавать вѣдьмъ. — В. О томъ, какъ »природженныя« вѣдьмы »заправляютъ« своихъ дѣтей. — Г. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами человѣка. — Д. О томъ, какъ знахарь управляетъ бурею. — Е. О томъ, какъ »видьмáчъ« управляетъ пчелами.) Стр. 36.

Разсказы о мертвецахъ. (А. О томъ, какъ мертвецъ приносилъ ужинать ткачихѣ. — Б. О томъ, какъ мать видѣла мертвеца-сына. — В. О томъ, какъ дочь видѣла мертвую мать. — Г. О томъ, какъ снаряжаютъ умершихъ на тотъ свѣтъ.) Стр. 42.

Разсказы о чертяхъ. (А. О томъ, какъ черти выманили у одного человѣка сало. — Б. О томъ, какъ черти съиграли роль мельниковъ. — В. О томъ, какъ одинъ панъ неосторожно вспомянулъ чорта.) Стр. 44.

Сказка о Соловьѣ-разбойникѣ и о слѣпомъ царевичѣ. (Царь посадилъ сына, за буйство, въ темницу. Царица бѣжитъ съ сыномъ. Царевичъ убиваетъ Соловья-разбойника. Царица оживляетъ его. Въ одномъ царствѣ, на мѣсто умершаго царя, избираютъ странствующаго съ матерью царевича. Соловей-разбойникъ летаетъ къ царицѣ и вооружаетъ ее противъ сына. Сынъ исполняетъ разныя опасныя порученія; между прочимъ освобождаетъ отъ змѣевъ царевну и женится на ней. Когда возвратился онъ къ матери, она предала его Соловью-разбойнику; тотъ из-

рубилъ его въ куски, сложилъ тѣло въ мѣшокъ и привязалъ коню къ сѣдлу. Баба-Яга оживляетъ царевича; но онъ остался слѣпъ. Купцы, за пѣсни, взяли его съ собою и привезли въ городъ, въ которомъ жила его жена. Она узнала своего слѣпого мужа, и начали они жить вмѣстѣ счастливо) Стр. 48

Сказка объ Иванѣ Голикѣ и его братѣ. (Иванъ Голикъ, за буйный нравъ, брошенъ былъ княземъ, своимъ отцомъ, въ море Китъ-рыба проглотила его, но онъ нашелъ средство выдти изъ великанской рыбы. Братъ его, сдѣлавшись послѣ смерти отца княземъ, ѣдетъ жениться; онъ дѣлается его слугою. Встрѣча съ войсками мышей, потомъ комаровъ; Иванъ Голикъ оказываетъ имъ услуги; потомъ выкупаютъ у рыбака двѣ щуки и пускаютъ въ море. Пріѣзжаютъ къ змѣю, у котораго двѣнадцать дочерей-красавицъ. Змѣй заказываетъ молодому князю разныя трудныя работы; но Голикъ, при помощи одолженныхъ имъ мышей, комаровъ и рыбъ, выручаетъ его изъ бѣды. Змѣй отдаетъ дочку за князя. Молодые ѣдутъ домой. Княгиня озлилась на Голика и отрубила ему ноги чародѣйскимъ рушникомъ. Голикъ, безъ ногъ, очутился въ лѣсу. Тамъ встрѣчаетъ его безрукій человѣкъ. Они вступаютъ въ дружбу и находятъ средство возстановить себя въ прежній видъ. Тогда Голикъ возвращается къ своему брату и находитъ его въ крайнемъ униженіи: онъ пасетъ свиней. Голикъ усмиряетъ его жену, и они живутъ счастливо). Стр. 59.

3.

ПѢСНИ.

I.

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ.

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ.

Уже нѣсколько лѣтъ знакомъ я въ Малороссіи съ молодымъ Русскимъ художникомъ Л. М. Жемчужниковымъ. Онъ проводитъ у насъ на югѣ сплошь лѣто и зиму, изучая нашу природу и нашу жизнь во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Не довольствуясь тѣмъ, что̀ видитъ глазъ, онъ изучаетъ нравственный образъ Малороссійскаго народа въ произведеніяхъ его духа. Онъ убѣжденъ, что Малороссіянина не поймешь, не зная языка его и не ознакомясь на мѣстѣ съ его настоящимъ и прошедшимъ. Это убѣжденіе, покамѣсть мало примѣняемое къ дѣлу и между нами, людьми пишущими, тѣмъ замѣчательнѣе въ г. Жемчужниковѣ, что онъ родился въ глубинѣ Сѣверной Россіи, воспитывался въ С. Петербургѣ (въ пажескомъ корпусѣ) и до пріѣзда въ Малороссію не слыхалъ Малороссійской рѣчи. Не знаю, въ какой мѣрѣ будутъ полезны для его искусства пріобрѣтенныя имъ между нами свѣдѣнія; но этнографія Южно-Русская имѣетъ въ немъ несравненнаго дѣятеля. Не говоря уже о множествѣ этюдовъ съ натуры, выражающихъ бытъ народа со всѣми его принадлежностями, у г. Жемчужникова набралось около пятисотъ напѣвовъ пѣсень, положенныхъ на ноты имъ самимъ, или, по его просьбѣ, другими, съ голоса Малороссійскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ; а недавно онъ привезъ мнѣ изъ Пырятинскаго уѣзда большой свертокъ сказокъ, записанныхъ имъ слово въ слово изъ устъ народа: подвигъ, истинно трудный, особенно для г. Жемчужникова, иноземца въ Малороссіи, который притомъ занятъ

постоянно техникою живописи и набиранiемъ въ свои альбомы живописныхъ впечатлѣнiй для будущихъ своихъ работъ. Но онъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ и составляетъ свои нотные и рукописные сборники заурядъ съ коллекцiями эскизовъ съ натуры, во время своихъ странствованiй по обширнымъ равнинамъ Южной Руси и пребыванiя въ мѣстахъ, гдѣ его знаютъ и любятъ... Какая противоположность съ большинствомъ нашихъ пановъ, которые живутъ посреди народа, пренебрегая его словесностью и не придавая никакой важности тому, что̀ составляетъ цвѣтъ его жизни!

Прочитывая мнѣ свою толстую тетрадь, онъ дополнялъ ее изустными разсказами о разныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ непривычную для художника работу перомъ, и эти разсказы много придавали жизни самимъ сказкамъ. Они показывали мнѣ, какъ сказки живутъ вмѣстѣ съ народомъ, падаютъ съ нимъ, или цвѣтутъ вѣчною прелестью съ несокрушимыми ничѣмъ нравственными его качествами. Тутъ же виденъ былъ и самъ собиратель: какъ онъ смотрѣлъ на личности, посредствомъ которыхъ передъ нимъ открывалась сокровищница духовной жизни народа; какъ его простая, чисто художническая любовь къ человѣку была угадываема тонкимъ чутьемъ сельскихъ *дiвчатъ*, парубковъ, старковъ и старухъ, которые, при всей своей одичалости, скоро становились съ нимъ въ прiятельскiя, свободныя отношенiя и забывали различiе кастъ, которое всего больше препятствуетъ въ Малороссiи путешественнику видѣть народъ въ его искренней развязности. Разсказы г. Жемчужникова интересовали меня не меньше, какъ и записанныя имъ для меня сказки. Я думаю, что и въ глазахъ моихъ читателей они будутъ имѣть свое значенiе, и потому стану повторять слова его, сколько позволитъ мнѣ моя память, — точно какъ-бы это я самъ странствовалъ между народомъ и имѣлъ съ нимъ дѣло. Въ разсказѣ моемъ могутъ быть пропуски, или неточности въ послѣдовательности фактовъ, но не будетъ ошибокъ противъ натуры, потому что она была у меня передъ глазами въ то самое время, что̀ и у моего художника-этнографа.

Я думаю (говорилъ г. Жемчужниковъ), что сказки, которыя я записалъ, могутъ быть вполнѣ для васъ понятны только въ связи съ моими тогдашними впечатлѣніями. Какъ это выразить яснѣе? Еслибы напримѣръ я нашелъ на дорогѣ рукопись, которую вамъ передаю, я бы и въ половину не видѣлъ въ ней того интереса, какой она имѣетъ въ моихъ глазахъ теперь, когда въ моемъ воображеніи рисуется вся обстановка записанныхъ мною разсказовъ. Мало того: вы должны знать кое-что и изъ того, что̀ предшествовало моему труду, и въ какомъ я былъ настроеніи духа, бесѣдуя съ сказочниками и сказочницами.

Я провелъ за своей обычной работой нѣсколько прекрасныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ селѣ Л**** Пырятинскаго уѣзда. Я полюбилъ свою мастерскую во флигелѣ полуобитаемаго господскаго дома, полюбилъ людей, которые меня окружали, и все, что̀ представлялось глазамъ моимъ, до послѣдняго куста на дворѣ, передъ моими окнами. Каждая личность, каждый предметъ въ этомъ уединеніи сдѣлались мнѣ такъ извѣстны, какъ будто я здѣсь и родился. Я сжился съ селомъ Л**** въ теченіе лѣта, и вдругъ принужденъ былъ оставить его осенью, въ самое то время, когда особенно пріятно оставаться въ обогрѣтомъ уголкѣ, посреди привычныхъ занятій и, размышляя, какъ скучно тащиться въ слякоть отъ станціи до станціи, — работать подъ завыванье осенняго вѣтра, или читать что-нибудь хорошее съ добрыми пріятелями. Всѣ эти удовольствія скромной художнической жизни въ глубинѣ провинціи я долженъ былъ промѣнять на утомительную ѣзду по столбовой дорогѣ и скакать на перекладной въ Харьковскую губернію, для хлопотъ, вовсе не-артистическихъ.

Пробылъ я въ отсутствіи мѣсяца два и воротился въ Л**** уже зимою. Взъѣхалъ я на дворъ господскаго дома въ морозное утро 18-го ноября. *Дівчáта* выбѣжали ко мнѣ навстрѣчу, кто въ чемъ былъ, съ радостными криками. Весь домъ какъ-бы проснулся отъ своего сна. Собаки, завидѣвъ меня, подняли веселый лай и едва отъ радости не откусили мнѣ носа. Вотъ я опять подъ мирнымъ кровомъ гордо глядящихъ палатъ въ селѣ Л****.

Наши отцы и дѣды были очень вѣтрены. Мнѣ часто случалось бывать въ большихъ домахъ по деревнямъ, и всегда я говорилъ самъ себѣ: »Стоило ль столько кидать денегъ и тратить столько труда на выкладку этихъ странныхъ хоромъ?« Такъ и въ селѣ Л****. Строитель дома былъ человѣкъ богатый; по дѣтямъ его досталось состояніе раздробленное, и нынѣшнему хозяину Л**** едва достаетъ средствъ на поддержаніе отцовскаго дворца въ приличномъ видѣ. Большая часть комнатъ не отапливается; снаружи карнизы опадаютъ; крыша гніетъ; штукатурка осыпается; дождевыхъ трубъ давно ужъ нѣтъ; въ домѣ сыро; вездѣ пропасть мышей; а въ подвалахъ живутъ побродяги–собаки и выводятъ щенковъ. Что̀ будутъ дѣлать съ нимъ наслѣдники, когда и нынѣшній достатокъ помѣщика уменьшится? Вся усадьба обнесена каменной оградой съ деревянной решеткой. Решетки уже нѣтъ: ее разрушило время и разнесли добрые люди. Ограда осыпалась и покрылась мхомъ. Все на дворѣ пришло въ ветхость и заросло желтой и бѣлой акаціей.

Возвратясь сюда изъ своей поѣздки, я не засталъ хозяевъ: они уѣхали въ Кіевъ на зиму. Въ домѣ оставались только двѣ близкія родственницы, которыя живутъ здѣсь безвыѣздно. Всѣ мои художническіе снаряды увезли такъ-же въ Кіевъ, и потому я не имѣлъ теперь съ собой ни красокъ, ни кистей, ни карандашей, а между тѣмъ долженъ былъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прожить съ недѣлю, или болѣе въ селѣ Л****. Что̀ мнѣ было дѣлать? Отказавшись отъ живописи, я началъ жить праздною жизнью, какою живутъ, съ немногими исключеніями, всѣ помѣщичьи семейства въ Малороссіи. Утромъ мы пили чай, или кофе. Собаки и кошка дрались, или играли вокругъ насъ, а иногда, сытыя и мирныя между собой, располагались грѣться у огня. Одна только ручная курица вѣчно надоѣдала намъ, вскакивая на столъ, таская у насъ хлѣбъ и проливая чай. А послѣ завтрака я уходилъ въ дѣвичью, наполненную швеями по канвѣ, по кисеѣ, по бархату и по чему угодно, швеями всѣхъ возрастовъ, отъ десяти до двадцати-пяти лѣтъ, — и мнѣ пѣли пѣсню за пѣснею.

Я страстно люблю пѣсни, особенно Малороссійскія. Для меня что-нибудь одно слушать — или самыя высокія музыкальныя произведенія, или просто народную пѣсню. Народная пѣсня въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вмѣстѣ, полна чувства, мысли и притомъ необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слова, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпать самый высокій талантъ. Какъ часто случалось мнѣ слышать, въ музыкальныхъ композиціяхъ людей съ именемъ, какой-нибудь одинъ легкій и недурной мотивъ и въ-слѣдъ за нимъ ровно ничего новаго. Этотъ мотивъ вертятъ во всѣ стороны; то освѣтятъ его такъ, то такъ, займутъ всѣхъ слушателей, а въ-сущности это бездѣлица и только повтореніе и размазыванье того же впечатлѣнія. Народная поэтическая рѣчь всегда скупа, сжата, всегда выскажетъ только необходимое, и ни слова болѣе. Здѣсь нѣтъ подѣлки, нѣтъ обмана для вашихъ чувствъ. Умѣйте только наслаждаться какъ природою.

Пѣнье народное бываетъ двухъ родовъ: иногда пѣсня *напѣвается*, иногда она *поется*. Пѣвецъ сидитъ за работой; онъ задумался; мысли его Богъ вѣсть гдѣ, и онъ едва внятно напѣваетъ легкую для голоса пѣсню. Отъ одной онъ переходитъ къ другой незамѣтно. Онъ напѣваетъ часъ, два, три и не устаетъ, какъ мы не устаемъ мыслить; но прервите его, и онъ потомъ не скажетъ вамъ, о чемъ онъ пѣлъ. Тотъ же самый пѣвецъ, возбужденный извнѣ какими-нибудь обстоятельствами жизни, дружескою бесѣдою, или вліяніемъ оживляющей личности, споетъ вамъ ту же самую пѣсню такъ, что вы ея не узнаете. Его умъ, чувства, все тутъ запоетъ до послѣдней жилки, и часто случается, что онъ прерываетъ свою пѣсню плачемъ.

Я разскажу по этому предмету о весьма замѣчательномъ явленіи въ селѣ Л****. Дивчáта помѣщичьяго дома, въ которомъ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ-ряду, любятъ меня; я съ ними въ дружбѣ и пріучилъ ихъ къ себѣ до того, что уже пѣсня поется у нихъ при мнѣ непринужденно, уже при мнѣ говорятъ онѣ между собой деревенскія остроты и шутятъ со мной почти какъ

съ *парубкомъ*. Я уѣхалъ; хозяева дома себѣ уѣхали; остались только старушка лѣтъ восьмидесяти да сестра хозяйки, которыя смотрѣли за работой дивчатъ, именно за шитьемъ въ пяльцахъ. Вотъ жизнь въ швейной сдѣлалась скучною. Сидятъ надъ узорами по большей части молча; шутки прекратились; каждая задумывается о себѣ. Сперва сдѣлается грустно одной, потомъ другой: а какъ душа душу чуетъ, то скоро грусть обнимаетъ все общество. И вотъ которая-нибудь одна запоетъ:

Моя мàтінко, моя голубонько!
Якъ мині жàти, якъ доживàти?...

Къ ней присоединится другая, третья, и пѣсня мало-помалу превращается въ настоящій плачъ. Всякая припоминаетъ въ душѣ свою потерю, свое горе, и всѣ поютъ и плачутъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ общее рыданіе не прерываетъ пѣсни. Ихъ унылые голоса несутся безъ словъ по опустѣлому дому и наводятъ на двухъ его жилицъ такую тоску, что бѣдныя не знаютъ куда дѣваться. Когда я пріѣхалъ, дивчàта развеселились; пѣсни приняли другой характеръ; пошли жàрты и хохотъ, и уже *Моя мàтінко* напѣвалась мнѣ со смѣхомъ, и ничего изъ нея не выходило: импровизація была потеряна. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Кіевъ, я старался навести на нихъ грусть, въ чемъ и успѣлъ отъ-части, потому что мнѣ самому было грустно покидать этотъ милый и поэтическій уголокъ. Сначала дѣвушки смѣялись; потомъ пѣло только двое, другія слушали въ задумчивости и начали одна за другой плакать. Но вдругъ пѣвицы прервали свою пѣсню и расхохотались: имъ не хотѣлось еще поддаться грусти. Когда я вздумалъ было записать пѣсню, никто не могъ ее продиктовать мнѣ: слова раждались и складывались у пѣвицъ въ порывѣ грусти!

Приведу другой примѣръ сочувствія слушателей къ пѣснѣ. У меня былъ на натурѣ *хлóпчикъ* (мальчишка), а кобзарь по обыкновенію сидѣлъ въ моей рабочей комнатѣ и напѣвалъ всякую всячину подъ свою кóбзу. Пришли ко мнѣ двое изъ хозяйскихъ гостей (это было не въ Л****, а въ другомъ селѣ), именно Н. А.

Ригельманъ и И. С. Аксаковъ, и заставили кобзаря спѣть какую-то думу. Мальчикъ слушалъ его внимательно; потомъ лицо его начало дергать, и онъ при всѣхъ заплакалъ. А вѣдь извѣстно, что Малороссіяне очень неподатливы на слезы, особенно въ присутствіи пановъ, да еще чужихъ.

Кстати вспомню еще, какъ я былъ на ярмаркѣ въ селѣ Срибномъ, Прилуцкаго уѣзда. Я рисовалъ толпу, собравшуюся около лирника. Народу было множество, а въ томъ числѣ семейство Г. И. Г**** и другіе паны слушали думу. Лирникъ пѣлъ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, и всѣ мы видѣли, какъ одинъ парубокъ заплакалъ и утиралъ рукавомъ слезы.

Но возвратимся въ Л****. Итакъ я проводилъ свое время въ швейной. Мнѣ поютъ; я записываю; я расспрашиваю о томъ, о семъ, чтò относится къ пѣснямъ, или лучше сказать къ выражаемой пѣснями жизни народа; отвѣчаю на шутки и въ то же время обдумываю то, чтò вижу и слышу. Такъ проходитъ время до втораго часу. Въ этотъ часъ приходитъ изъ деревни прислуга (въ господскомъ домѣ лакеи не живутъ) и подаетъ намъ обѣдать. Тутъ начинается кормленіе звѣрей: надобно накормить большую лягавую собаку, маленькую левретку, собаченку со щенятами, двухъ кошекъ и курицу. Курица взъерошивается, кричитъ, загоняетъ лягавую собаку подъ диванъ. Та грызетъ подъ диваномъ кость и рычитъ на всю комнату. Кошка подкрадывается къ тарелкѣ, курица хватаетъ съ вилки кортофель, который только что хочешь положить себѣ въ ротъ. Визготня, лай, прыганье, ворчанье, мяуканье, все это для непривычнаго человѣка показалось бы Богъ знаетъ чѣмъ. Но намъ нравится такая суматоха; мы спокойно ведемъ свою простую бесѣду, смѣемся и миримъ животныхъ. Кончился обѣдъ. Дивчáта оставляютъ въ сумерки господскую работу; жартуютъ до свѣчей между собой; иногда поднимутъ пляску, отъ которой идетъ гулъ по всему дому; потомъ играютъ въ карты и бьютъ проигравшую жгутомъ по ладони. Наконецъ утихаютъ, шьютъ *на себя* разныя разности и поютъ пѣсню за пѣснею.

Я провелъ, слушая ихъ и записывая пѣсни, нѣсколько вече-

ровъ. Наконецъ запасъ пѣсень въ швейной истощился, и мнѣ пришло на мысль приняться тѣмъ же порядкомъ за сказки. Любопытство мое на этотъ разъ смутило дивчатъ: онѣ считали свои сказки недостойными моего вниманія. Я долго убѣждалъ ихъ въ противномъ. Наконецъ, послѣ разныхъ отговорокъ, смѣху и жеманства, Химка, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, начала такъ:

СКАЗКА О КРАСАВИЦѢ И О ЗЛОЙ БАБѢ.

У гаяхъ стояла хатка. Тамъ живъ чоловікъ и жінка, да въ іхъ не було дітей. Отъ вони й пішли на богомілля просить Бога, щобъ давъ імъ Богъ дитя. Такъ Богъ и давъ імъ дочку. Ото вона й росте. А царевичъ у той часъ пріхавъ на охоту, да й посилає свого парубка: »Пийди, будь ласкавъ, у ту хату попроси води.«

Прийшовъ той парубокъ води просить, ажъ та дитина плаче, а жемчугъ такъ и сиплетця зъ очей. Мати забавила; засміетця — такъ усякі квітки цвітуть. Той парубокъ вийшовъ да й каже: »Оттамъ, царевичу, я бачивъ дитину! якъ плаче — жемчугъ сиплетця, а якъ сміетця — такъ усякі квітки цвітуть.«

Той царевичъ пішовъ у хату, да знарошне й дражнить тую дитину, щобъ плакала. Плаче, а жемчугъ такъ и сиплетця. Вінъ и просить матери, щобъ забавила. Якъ же засміетця, такъ и бачить царевичъ, що всякі квітки цвітуть.

Ото та дівчина росте, а царевичъ усе заиждже, якъ на охоту приде. Отъ вона й виросла. Царевичъ и каже, що »оддай за мене, діду, дочку.« А вона вже вишиває рушники орлами.

А царь каже: »Де жъ такі тобі, сину, да мужичку брать!«

Тоді царевичъ якъ узявъ той рушникъ, що вона вишила, да повізъ до батька, такъ царь ажъ руками сплеснувъ. Чи нічого жъ? »Женись«, каже, »синку, женись!«

Отъ вінъ и оженивсь. Да везе додому, а зъ нимъ була баба, а въ баби дочка. Отъ, ідучи царевичъ уставъ щось-то тамъ устрелить, а баба познимала зъ еі все да й повиколювала ій очи, да ії

упхнула еі въ яму, а дочку въ еі одёжу й прибрала; такъ царевичъ и повізъ замісь еі, не пізнавъ.

А коло тиі ямки да пèхвороці багато росло; такъ якиіісь дідъ прийшовъ пèхвороці рвать. Дивитця — дівка сидить у ямці, и передъ нею оттака купа жемчугу, що вона сидячи наплакала; а очéй нема.

»Візьми«, каже, »мене, дідусю, и оце намістечко забери.«

Отъ дідъ еі взявъ и намістечко забравъ да й привівъ додому. У діда дітей не було, а баба є. Вона, та дівчина, каже: »Забери, дідусю, оце намістечко въ торбинку да понеси у городъ продай; да якъ зостріне тебе баба якась, то ти ій не продавай, а скажи: »Оддай те, що въ тебе є.«

Отъ вінъ поніс и стрівъ ту бабу.

Баба каже: »Продай намисто!«

»Купи.«

»А що за ёго?«

»Дай те, що въ тебе є.«

Вона ёму й дала одно око.

Тоді та дівка й почала вишивать, изъ одним окомъ, рушникъ.

Изновъ дідъ поніс намисто.

Баба зновъ: »Продай намисто, діду!«

»Купи.«

»Що за ёго?«

»Дай те, що въ тебе є.«

Вона й друге око оддала.

Дівка тоді ще й краще почала вишивать.

Дідъ и каже: »Отъ у царя обідъ.«

А дівка ёму: »Иди, дідусю, на обідъ, да візьми глечичокъ да й мині попросишъ юшки.«

Да й почепила свого шиття діду рушникъ на шию.

Якъ побачивъ царевичъ у діда на шиі рушникъ: »Відки ти, діду?«

»Я тамъ, царевичу, зъ хутора; да въ мене тамъ и дівчина проживає, такъ дай, будь ласкавъ, и ій чого-небудь у сей глечичокъ.«

»А рушнíкъ, дíду, дé ти взявъ?«

»Да се я въ ямці дівку найшóвъ, такъ оцé вонá ïï вишиває.«

А царéвичъ ужé пізнáвъ по вишивáнню. Тоді сказáвъ зáразъ візъ запрягтú; поïхавъ да ïï пізнáвъ ïï: »Се жъ вонá, се жъ вонá!« А тýю бáбину дочкý вúпроводивъ свинéй пановáть.

Оцé жъ и вся. Живýть и хлібъ жýють, и постолóмъ добрó вóзять.

Между Сѣверно-Русскими и Южно-Русскими сказками, въ которыя вводятся цари и царевичи, достойно замѣчанія то различіе, что первыя для изображенія царя и царевича ищутъ красокъ внѣ мужицкаго быта и избѣгаютъ сходства между сказочнымъ богатыремъ и тѣми людьми, которыхъ разскащикъ видитъ вокругъ себя: напротивъ Южно-Русскія сказки смѣло представляютъ царя зажиточнымъ поселяниномъ, а царевича молодцоватымъ козакомъ. Иногда онѣ придаютъ царскому дворцу принадлежности помѣщичьей усадьбы; но такія сказки разсказываются только дворовыми людьми, которые не живутъ собственнымъ хозяйствомъ. Въ сказкѣ четырнадцатилѣтней Химки, которая провела дѣтство на селѣ, въ батьковской хатѣ, царь плѣняется рушникомъ, который вышила живущая въ лѣсу дѣвушка, и изъ-за рушника позволяетъ сыну на ней жениться. У царевича въ услуженіи парубокъ, и царевичъ проситъ его сходить въ хату за водой тѣмъ тономъ, которымъ обращается хорошій поселянинъ къ своему наймыту: между ними небольшое разстояніе, и наймытъ, обзаведясь женой и хатою, можетъ самъ сдѣлаться что̀ называется хозяиномъ. Обѣдъ у царя — совершенно въ простонародномъ вкусѣ. Такіе обѣды по праздникамъ очень часто давали зажиточные поселяне, и это велось издревле. Въ пѣснѣ о разореніи Кіева Батыемъ говорится:

Поможú намъ, Бóже, городъ Кіевъ боронúти;
Дождемó Пéршоï Пречúстоï, бýдемъ обíдъ становúти.

Это не »почестный пиръ« Сѣверно-Русскихъ сказокъ, на которомъ разыгриваетъ свою роль предъ князьями и боярами какой-

нибудь богатырь: это — угощеніе нищихъ, которые обыкновенно приходятъ съ кувшинами и запасаются пищею для другого дня. Дидъ съ разшитымъ узорами рушникомъ — самое видное лицо на этомъ обѣдѣ, и царевичъ естественно обращаетъ на него вниманіе.

Кстати замѣтить еще одну особенность Южно-Русской сказки. Если въ нее вводится чудесное, то оно происходитъ скорѣе отъ таинственной силы, помогающей человѣку, или отъ колдовства, нежели отъ свойственнаго героямъ Сѣверно-Русской сказки богатырства. Богатырство имѣетъ здѣсь свой отличительный характеръ: часто оно является не въ героѣ сказки, а въ его слугѣ, который довольствуется своимъ смиреннымъ положеніемъ и дѣлаетъ дивныя дѣла изподтишка; и настоящій героизмъ Малороссійской сказки заключается не въ торжествѣ физической силы, или удальства — непремѣнномъ условіи сказки Великорусской, а въ перенесеніи постигающихъ человѣка бѣдствій и въ выжиданіи счастливыхъ обстоятельствъ. Иногда сказка даже оканчивается горестнымъ положеніемъ главнаго дѣйствующаго лица, и мѣсто торжества заступаетъ тогда въ ней великодушное участіе къ судьбѣ несчастнаго со стороны другихъ дѣйствующихъ лицъ. Герой сказки, претерпѣвъ разныя несчастія и лишась напримѣръ такой драгоцѣнности, какъ зрѣніе, или самой жизни, покоряетъ себѣ не государство, какъ въ сказкѣ Великорусской, а сердца людей, и слушатель успокоивается на его счетъ совершенно. Ясно, что сказочная фантазія основывается здѣсь на высшихъ понятіяхъ народа о человѣкѣ, какъ о существѣ по преимуществу моральномъ, и что отъ этихъ сказокъ одинъ только шагъ до художественнаго изображенія дѣйствительности.

На мой взглядъ, особенно замѣчательны сказки съ стихотворными вставками, которыя напѣваются во время разсказа и повторяются нѣсколько разъ. Эти напѣвы, и по содержанію, и по голосу, отзываются глубокою древностью, и нѣкоторыя слова въ нихъ утратили уже для народа свой смыслъ; но, по пословицѣ: *Изъ пісні слова не викидáть,* народъ продолжаетъ повторять ихъ въ своихъ сказкахъ безъ перемѣны, если только не забываетъ вовсе.

Такихъ сказокъ разсказали г. Жемчужникову въ селѣ Л**** три, или четыре. Изъ нихъ слѣдующая представляетъ загадочный обломокъ народнаго воспоминанія о какомъ-то трагическомъ событіи отдаленной языческой старины.

СКАЗКА ОБЪ УЖѢ И ЦАРЕВНѢ.

Бувъ собі царь да царіця, и було́ въ іхъ три дочки́. Ось царь занедужавъ да й посла́въ свою́ ста́ршу дочку́ по во́ду. Вона́ іі пішла́ набра́ть, ажъ ужъ: »А куку́?« гово́рить, »Чи пійдешъ за мене́ за́міжъ?«

А царівна: »Ні, не пійду́.«

»Ну, не дамъ же«, гово́рить, »и воді́.«

Ось дру́га гово́рить: »Пійду́ я! вінъ мині дасть.« И пішла́.

Ужъ іій: »А куку́! Чи пійдешъ за мене́ за́міжъ?«

»Ні«, гово́рить, »не пійду́.«

»Не дамъ же іі воді́.«

Вона́ верну́лась и гово́рить: »Не давъ воді́.« Ка́же: »Якъ пійдешъ за мене́ за́міжъ, то дамъ.«

А ме́ньша гово́рить: »Я пійду́, вінъ мині дасть.«

Пішла́, — ужъ и до сіеі ка́же: »А куку́! Чи пійдешъ за мене́ за́міжъ?«

»Пійду́«, гово́рить.

Отъ вінъ и набра́въ іій воді́ изъ са́мого дна, холо́дноі, свіжоі. Вона́ принесла́ додо́му, напоіла ба́тька, — ба́тько й оду́жавъ.

Колі́ въ неділю поіздъ іде и гово́рить:

»Ой одчиняй ворітечка,
Кацарівно!
На́ що люба любова́ла,
Зъ бро́ду во́ду вибира́ла,
Кацарівно!«

Вона́ злякалась, пла́че да іде, одчиняє воро́та.

Ось вонѝ знòвъ:

»Ой одчиняй сінечки,
Кацарівно!
Нà що люба любовàла,
Зъ брóду вòду вибирáла,
Кацарівно!«

Отъ ввійшлѝ у хáту, а ýжа на столі на тарíльці й постáвили. А вінъ лежѝть — такѝй, ажъ золотѝй! Вихóдять съ хáти й говóрять:

»Ой сідай же у ридвàнець,
Кацарівно!
Нà що люба любовàла,
Зъ брóду вòду вибирáла,
Кацарівно!«

И поіхали зъ нéю ажъ у въ ýжівъ будѝнокъ. Тамъ ось живýть вонѝ и дитѝну нажилѝ. И взялѝ собі кумý, тілько недóбра вонá булà. Дитѝна та скóро вмèрла, и мàти скóро вмéрла за нéю. А кумá пішлà въ-ночі, де ei сховàли, да рýки ій и пообрізовала. А прийшóвши додóму, окрóпу нагріла; пàрить тѝі рýки и золоті пèрсні здиймáє.

Ажъ тáя царівна — такъ Бòгъ давъ — и прийшлà до ei за рукàми, и говóрить:

»И кýри сплять, и гýси сплять,
Тілько моя кумà не спить:
Білиі рýки въ окрóпі пàрить,
Золотиі пèрсні здиймáє.«

А кумá й сховàлась підъ пічъ.
А вонá знòвъ говóрить:

»И кýри сплять, и гýси сплять,
Тілько моя кумà не спить:

Білиі руки въ окропі парить.
Золотиї перені здиймає.«

На другий день прийшли, ажъ кума підъ піччу и вмерла. Такъ сі не запечатавши, такъ и вкинули въ яму.

После этой, была разсказана г. Жемчужникову известная во всемъ Славянскомъ мірѣ сказка о спящей царевнѣ и семи богатыряхъ. Въ ней нѣтъ никакихъ особенностей, характеризующихъ собственно Южно-Русскую композицію, или обработку. Одно только слово остановило на себѣ мое вниманіе. Царица, обращаясь къ зеркалу, говоритъ: *Свічáдо, свічáдо*! Въ Великорусскомъ языкѣ нѣтъ этого слова; въ нашемъ оно то-же не употребляется; я не встрѣчалъ его и въ другихъ Славянскихъ языкахъ, точно такъ же, какъ и словъ *дáха, чáйма*, занесенныхъ къ намъ въ стихахъ народной думы изъ временъ Владиміра Святославича; но оно — въ духѣ Южно-Русской рѣчи; оно понятно не только мнѣ, да и самой разсказщицѣ, которая употребляла его, какъ синонимъ слова *зеркало*. Что же это? неужели еще наши полудикіе аргонавты, старые Руссичи, воюя съ образованною Грецією, назвали такъ вещь, которая поразила ихъ своимъ отсвѣтомъ?....

Сказочный міръ нашъ былъ для г. Жемчужникова совершенно новъ. До сихъ поръ онъ гонялся въ Малороссіи всего больше за пѣснями. Его интересовала живѣйшимъ образомъ болтовня сельскихъ дивчатъ въ Л****, которыя не всегда однакожъ попадали на хорошо сохранившуюся сказку, не всегда помнили то, что въ ней есть лучшаго, и къ поэтическимъ фактамъ сказочной исторіи примѣшивали иногда множество безцвѣтныхъ и утомительныхъ небылицъ. Эти мѣста я выбрасываю, какъ мусоръ, засыпающій обломки нѣкогда полныхъ и гармоническихъ произведеній народной фантазіи. Но онъ записывалъ все въ-рядъ съ любовью антикварія, который не пренебрегаетъ ничѣмъ,, и въ самомъ прахѣ, накопленномъ на развалинѣ временемъ, ищетъ слѣдовъ прошедшаго. Онъ былъ правъ; ибо, дѣлая выборку на самомъ ходу сказки, легко въ отброшенномъ сору потерять такое драгоцѣнное слово,

как *свічádо*, или какую-нибудь характеристическую мелочь. Изъ цѣлой тетради сказокъ, записанныхъ г. Жемчужниковымъ въ швейной, я помѣщу здѣсь еще только двѣ. Прочія могутъ быть напечатаны въ-послѣдствіи, по болѣе совершеннымъ варіантамъ.

СКАЗКА ОБЪ ИВАСѢ И ВѢДЬМѢ.

Бувъ собі чоловікъ да жінка, да въ іхъ синъ Ивась. Отъ Ивась той: »Тáту, тáту, зробій мині чóвникъ; поіду я рúби ловúть да бýду годувáти васъ.«

Вінъ и зробúвъ ёмý. Отъ Ивáсь поіде, рúбки налòвить да й годýе бáтька зъ мáтірью. А якъ прúйде обідня годúна, такъ мáти донесè ёмý обідать да прúйде до бéрега да ii клúче ёгó:

»Ивáсь синóкъ,
Золотúй човнóкъ,
А срібнее весéлечко,
Пливú до менé,
Моé сéрдечко!«

Ивáсь почýе: »Блúжче, блúжче, чóвнику, до бережкá! се моя мáтінка!«

Отъ припливé да ii оддàсть рúбку, а самъ попоість да й поплівé зновъ.

А відьма й позавúдувала, що въ тогó чоловіка да жінки такá дитúна, да ii давáй імъ усяке лúхо коіть. То оцé буió зàкрутки порóблятця въ іхъ на нúві, то двіръ переспуé щось нúтками, то кінську гòлову, костякъ, на порóзі полóжить, то мукòю обсúпле, абó крòвъю ріжóкъ хáти помáже. А вонú мóлятця Бóгу да поминáють мѐртвихъ, такъ імъ усé такъ и минáєтця. Дáлі: »Постóйте жъ!« кáже, да прийшлà до бéрега да й клúче Ивáся: (¹)

»Ивáсь синóкъ,
Золотúй човнóкъ,
А срібнее весéлечко,

(¹) Тутъ разскащица перемѣнила голосъ и запѣла басомъ.

Пливи́ до мене́,
Моѐ се́рдечко!«

Чу̂е Ивась, що такий товстий го̂лосъ: »Да́льше, чо̂внику, да́льше одъ бережка! се не моя ма́тінка!«

Отъ відьма й пішла̀ до коваля́: »Кова́лю, кова́лю! ску́й мині такий тоне́нький голосо́къ, якъ у Ива́севоі ма́тері.«

Вінъ и скова̀въ. Вона́ тоді прийшла́ до бе́рега: (¹)

»Ива́сь сино́къ,
Золотий човно́къ,
А срібнее весе́лечко.
Пливи́ до мене́,
Моѐ се́рдечко!«

Вінъ и припли́въ; а вона́ ёго́ вхопи́ла да въ залізний мішо́къ да й понесла́ ажъ до себе́. Прийшла̀ підъ две́ри: »Су́чко-Оле́нко, одчини̇!«

Су́чка-Оле́нка одчини́ла. Вона́ взяла́, соро́чечку біле́ньку, штанці на Ива́ся наділа, товка̀чечку дала́ й орішківъ. Вінъ бѐ товка́чечкою й ість. Да й говорить змія́ потиху Су́чці-Оле́нці: »Нажа̀ръ«, ка́же, »пічъ, да въ пічъ ёго́ всади́, да й зама̀жъ, да поприбира̀й тутъ усе́ чисте́нько, а я пійду́ по гостѐй.«

И пішла́. Су́чка-Оле́нка нажа́рила пічъ и лопа̀ту нагото́вила. »Сіда̀й«, ка́же, »Ива́сику, на лопа́ту.«

Вінъ и положи̇въ ніжку.

Вона́ говори́ть: »Не такъ.«

Вінъ положи́въ ру̀чку.

»Не такъ!« ка́же.

»А сядь же«, ка́же, »сама́ да навчи́ й мене́, якъ сіда́ть.«

Тілько що вона́ сіла, а Ивась за лопа́ту да въ пічъ; такъ вона́ тамъ и заскварча̀ла. Вінъ узя́въ, заслони́въ за́слонкою да й

(¹) Опять поется натуральнымъ голосомъ.

замáзавъ еі въ печі. Поприбиравъ у хáті, самъ вийшовъ, хáту запèръ да й злізъ на превисочèнного явора.

Колú відьма и йдè зъ гостьмú: »Сýчко-Олéнко, одчиний!«

Тúхо.

»Сýчко-Олéнко, одчиний! Оцè, немáє Сýчки-Олéнки! пішлá, мáбуть, на пòбридки.«

Взялá, самá и одчинúла. Гóсті посідáли за стілъ. Вонá вúпяла зъ пéчи да й ідàть. Попоіли дóбре, повиходили на двіръ да й качáютця: »Покочýся, повалюся, Ивáсевого мясця паівшись!«

А Ивась изъ явора: »Покотітця, повалітця, Олéнчиного мясця паівшися!«

А вонú: »Дè се?« Дивúлись, дивúлись да й углéділи: Кúнулись до явора да й почалú грúзти тогó явора. Такъ ні, — и зýби поламáли. Отъ вонú до коваля: »Ковàлю, ковáлю! покýй намъ такі зýби, щобъ тогó явора підгрúзти!«

Вінъ імъ и поковàвъ. Отъ вонú пішлú и давàй грúзти. Колú летять гýси. Ивáсь іхъ и прóсить:

»Гýси, гýси, лебедята!
Візьміть менé на крилята,
Понесіть менé до бáтенька;
Бýде тамъ вамъ істи й пити,
Всёгó дóброго да й не трóхи.«

А гýси й говòрять: »Нехáй тебé серèдні візьмуть.«

Ось летять серèдні. Вінъ прóсить серèдніхъ:

»Гýси, гýси, лебедята!
Візьміть менé на крилята,
Понесіть менé до бáтенька;
А въ бáтенька істи й пити,
Всёгó дóброго да й не трóхи.«

А гýси говòрять: »Нехáй тебé самé поганіійше зàдне візьме.«

Отъ вонó й летѝть: зосталося сердéнне ззáду. А відьмѝ усé гризýть да гризýть. Отъ, òтъ упадé затóго! Ивáсь и прòсить ёгó:

»Гуся́, гуся́, лебедя́тко!
Візьмѝ мене́ на крилятко,
Понесѝ мене́ до батенька;
Бýде намъ тамъ їсти й пѝти,
Всёгó дóброго да й не трóхи.«

Отъ вонó й ухопѝло ёгó на крѝла. Да втомѝлось сердéнне, то тàкъ нѝзько несé! А відьмѝ за нимъ, чи не схóплять ёгó. Женýтця, женýтця, да такѝ не наздогнàли. Отъ вонó принеслó да й посадѝло Ивáся на кóмені, а самó хóдить по дворý, насéтця. А мáти повиймàла сáме пирожкѝ съ пéчи да й говòрить: »Се тобі, чоловіче, пирожóкъ, а се мині.«

А Йвась изъ кóмена: »А мині?«

Мáти кáже: »Хтò се тамъ?« Да зновъ: »Се тобі, діду, а се мині.«

А вінъ зновъ: »А мині, мáмо?«

Чоловікъ изъ жінкою повибігáли, дѝвлятця и вглèділи Ивáся на кóмені. Зняли ёгó зъ кóмена да въ хáту и внеслѝ. Гусятко хò-дить по дворý, а мáти й побàчила: »Онъ гусятко хóдить! Пійдý я ёгó візьмý да заріжу.«

А Йвась кáже: »Ні, мáмо, не ріжте, а нагодýйте ёгó. Колибъ не вонò, то я бъ у васъ и не бувъ.«

Отъ вонá нагодувáла ёгó й напоіла и підъ крѝльця насѝпала пшонá. Такъ вонó й полетіло.

Отъ вамъ кàзочка и бýбликівъ вязочка!

СКАЗКА ОБЪ УБИТОЙ СЕСТРѢ И О КАЛИНОВОЙ ДУДКѢ.

Бувъ собі дідъ да бáба. У діда дочкá и въ бáбя дочкá. Отъ и пішлѝ вонѝ въ гаї по ягоди. Такъ дідова збирá да й збирá, да й назбирáла пóвну миску; а бáбина, що візьме ягодку, то и ззість. Отъ и кáже дідова: »Ходімъ, сéстро, додóму, поділимось.«

Отъ идýть да ïдуть шляхóмъ; а бáбина говòрить: »Ля́жмо, сéстро, одночи́ньмо.«

Полягáли; дідова, втоми́вшись, заснýла, а бáбина взялà ніжъ да й устроми́ла ïй у сéрце, да вѝкопала я̀мку да й поховàла ci. А самá пішлá додóму да й кáже: »Дивітця, скілько я я̀гідъ назбирáла.«

А дідъ и питá: »Де жъ ти мою дочкỳ діла?«

»Идé ззáду.«

Коли́ жъ идýть чумакѝ да й кàжуть: »Стáньмо, брáтця, оттýтъ одночи́немъ.«

Да й стáли. Гля́нуть — надъ шля́хомъ моги́ла, а на моги́лі такà гáрна кали́на вѝросла! Вони́ вѝрізали зъ тиі кали́ни сопілку, да й ставъ оди́нъ чумáкъ игрáть; а сопілка говóрить:

»Ой помáлу-мáлу, чумáченьку, грай,
Да не врази́ могó сéрденька въ край.
Менé сестри́ця зъ світу згуби́ла —
Ніжъ у сéрденько да й устроми́ла.«

А дрýгі кáжуть: »Щось вонó, брáтця, знáчить, що кали́нова сопілка такъ промовляє!«

Отъ прийшли́ вони́ въ селó да й натрáпили якъ разъ на тогó діда: »Пусти́ насъ, діду, переночувáть; ми тобі скáжемо приго̀ду.«

Вінъ іхъ и пусти́въ. Тілько вони́ увійшли́ у хáту, зáразъ оди́нъ сівъ на лáві, а дрýгий ставъ біля ёго да й кáже: »А ну, брáте, вѝйми сопілку да заиграй!«

Той вѝнявъ. Сопілка й говóрить:

»Ой помáлу-мáлу, чумáченьку, грай,
Да не врази́ могó ти сéрденька въ край.
Менé сестри́ця зъ світу згуби́ла —
Ніжъ у сéрденько да й устроми́ла.«

Тоді дідъ кáже: »Щò вонá за сопілка, що вонá такъ гáрно грáє, що ажъ мині плáкать хóчетця! А ке, я заиграю.

Вінъ ёмý й давъ. А та сопілка говóрить:

»Ой помалу-малу, мій таточку, грай,
Да не врази мого ти серденька въ край.
Мене сестриця зъ світу згубила —
Ніжъ у серденько да й устромила.«

А баба, сидя на печі: »А ке лишъ сюди, старий, и я заиграю.«

Вінъ ій подавъ; вона стала грать, — сопілка й говорить:

»Ой помалу-малу , матусенько, грай,
Да не врази мого ти серденька въ край.
Мене сестриця зъ світу згубила —
Ніжъ у серденько да й устромила.«

А бабина дочка сиділа на печі у самому куточку. Злякалась, що дознаютця. А дідъ и каже: »А подай ій, щобъ заиграла.«

Отъ вона взяла, ажъ сопілка й ій одказуе:

»Ой помалу-малу, душогубко, грай,
Да не врази мого ти серденька въ край.
Ти жъ мене, сестро, зъ світу згубила —
Ніжъ у серденько да й устромила!«

Тоді-то вже всі дознались, що воно е. По дідовій же дочці обідъ поставили, а бабину привязали до кінського хвоста да й рознесли по полю.

Я провелъ нѣсколько дней и вечеровъ, записывая сказки (говорилъ г. Жемчужниковъ). Когда же наконецъ все было исчерпано, мнѣ указали на мою куму Кулину и на ея мужа, какъ на отличныхъ сказочниковъ. Они жили на селѣ. Иду къ нимъ въ хату. Нахожу въ хатѣ корову съ теленкомъ. Въ ночь отелилась корова; теленокъ едва не замерзъ, и потому его взяли въ хату отогрѣвать. Грицько, мой кумъ, качаетъ въ люлькѣ моего крестника; а сама Кулина, красивая и живая молодица, возится съ топливомъ

въ *грубѣ*. Я тотъ-часъ за дѣло: »Ну, кума́, кажи́ мині ка̀зку. Ти, — ка̀жуть дівча́та — знаєшъ іхъ бага̀то.«

»Яку̀ жъ мині сказа̀ть вамъ ка̀зку?« говоритъ, безъ всякаго ломанья, Кулі́на и, оставивъ грубу, занялась люлькою, а мужъ тогда озаботился отопленіемъ хаты. »Иноді на ду́мці буває й бага̀то, а тепе́ръ и не згада̀ю. Хиба́ вамъ сю̀ сказа́ть?«

СКАЗКА О ГОНЕНЬЯХЪ МАЧИХИ.

Якъ бувъ собі дідъ да ба́ба, и було́ въ іхъ по дочці. У діда й коро̀ва есть. Отъ ма̀чуха й говóрить на дідову дочку́: »Жени́ коро̀ву пасти.«

И дала́ ій ку̀желю прясти. Вона́ й погна́ла да й пла̀че доро́гою. А корівка питає: »Чого̀ ти, дівонько, пла́чешъ?«

»Якъ же мині не пла̀кать? дали́ ку̀желю прясти.«

»Не жури́сь«, ка̀же: »сажа̀й мині ку̀жель у пра̀ве у́хо.«

Вона́ всадить, а зъ лівого у́ха й виймає, уже́ попря́дений. Да оце́, якъ ста̀не смерка́тьця, и жене́ еі додо́му.

Отъ ма̀чуха ба̀чить, що вона́ таку̀ гарну пряжу но́сить, да й ка̀же на свою дочку́: »Гони́, до́ню, тѝ пасти корівку, и ку̀желю бери́.«

Та й жене́ да на́ полі й ка̀же: »Соро̀ки, воро́ни! летіть до мене́ ку̀желю прясти!«

То соро́ки й воро́ни поназлітуютця и поросха́пують ку̀жель, да й порозно́сять на гнізда. Уве́чері вона́ й женѐ ту́ю корівку додо́му. Додо́му приженѐ, то ма́ти й пита̀е еі: »А що̀, до́ню? попря̀ла ку̀жель?«

»Ні, ма́мо, не попря́ла: соро́ки да воро́ни поросха̀пували.«

То ма́чуха на діда: »Заріжъ да й заріжъ, діду, коро́ву: вона́ зъ еі багатіе.«

Отъ дідова дочка́ погна̀ла корівку па́сти. Жене́ да й пла̀че. Такъ корівка й питає: »Чого̀ се ти пла̀чешъ, дівонько?«

»Якъ же мині не пла̀кать, що тебе́ хо́чуть зарізать?«

Отъ и гово̀рить та́я корівка: »Слу́хай же, дівочко: якъ бу́дуть

мене́ різать, такъ ти просися хляки мить, да якъ будешъ мить, то тамъ знайдешъ двое яблучокъ. Ти іхъ посади, такъ повиростають яблуньки.«

Отъ ту корівку й зарізали. Дідова дочка́ й просить хляків мить. Отъ пішла на річку да й мие; ажъ тамъ двое яблучокъ: одно́ золотѐньке, а друге срібненьке. А бабина дочка́ вглѐділа да й женѐтця за нею, — хоче одня́ть. Такъ та въ крапиву іхъ и кѝнула. Колѝ жъ и вѝросла яблунька: срібненьке яблучко, золотѐньке яблучко; а підъ нею кринѝчка.

Ажъ іде панъ да й говорить: »Хто мені тее яблучко вѝрве, тому́ я половину панства оддамъ.«

Отъ бабина прискочила—хотіла вѝрвать яблучко, такъ яблунька вгору; хотіла водѝчки зъ кринѝчки набра́ть, а кринѝчка внизъ. Дідова жъ прийшла, водиці набрала, яблучко вѝрвала да й дала́ панові. Отъ вінъ ій и говорить: »Я тебе візьму за себе заміжъ.« И взявъ еі зъ собою.

Отъ воні собі й дитину нажилѝ. Послали до батька узваръ и просять того батька у гості до дітей. А мачухи ѝ не просять. Такъ вона ѝ говорить: »Якъ такѝ можна, щобъ я не поіхала до своіхъ дітей?« И поіхала зъ дідомъ, и взяла свою дочку на візъ, и вкрѝла шкурою да й приіхала туди. А вона була відьма. Отъ и зробила дідовій доцці такъ, щобъ вона козою побігла, а свою дочку ѝ положила на місто тиі. Отъ тая дитина все плаче. А въ того пана бувъ парубокъ, да й говорить: »Пане мій мѝлий, пане мій любий! дайте мині дитину, понесу я еі гулять.«

А панъ каже: »Неси.«

Вінъ и понісъ дитину до болота да й кличе:

»Ой рись-коза! твій синъ плаче,
Твій синъ плаче, істи хоче.«

А вона й одказуе:

»Біжу, лечу, мій синочку!
Пісокъ очи забивае,

Очерéтъ ніжки підкóшуе,
Бистрá водá не пускáе.«

Отъ прибігла да зъ себé кóжу скйнула, а самá за дитйну; сі-ла, годýе, да гірко, гірко плáче! Погодувàла, оддалá пáрубкові дитйнку да зновъ и побігла.

На дрýгий день изнòвъ дитйна плáче. Вінъ изнòвъ прóситця: »Пáне мій мйлий, пáне мій лю́бий! дáйте мині дитйну, понесý я сі гулять.«

Понісъ да ій клйче:

»Ой рись-козá! твій синъ плáче,
Твій синъ плáче, істи хóче.«

То вонá й біжйть:

»Біжý, лечý, мій сйночку!
Пісóкъ óчи забивáе,
Очерéтъ ніжки підкóшуе,
Бистрá водá не пускáе.«

Отъ прибігла да зъ себé шýбу скйнула и нагодувàла дитйнку.

Пáрубокъ однісъ дитйнку; вонá до сýтокъ изнóвъ и спйть. Тоді панъ éгó й питáе: »Що се знáчить«, кáже, »що ти оцé по-несéшъ дитйну гулять да й не плáче?«

Такъ вінъ давáй ёмý признавáтьця: »Щò жъ?« говóрить, »твоя́, пáне, жонá побігла козòю.«

Отъ вонй й пішлй у-двóхъ. Пáрубокъ и клйче сі:

»Ой рись-козá! твій синъ плáче,
Твій синъ плáче, істи хóче.«

Вонá й біжйть:

»Біжý, лечý, мій сйночку!
Пісóкъ óчи забивáе,

Очерéтъ нóги підкóлюе,
Бистрá водá не пускáе.«

Прибігла, скйнула зъ себé шýбу, взялá дитйнку да тáкъ плáче! »Тепéръ«, кáже, »моя́ дитйнонько, у остáнній рáзъ побáчимось; атó далéко вже поженýть менé; не почýю, якъ бýдуть звать.«

А панъ узя́въ да ій укйнувъ еі шýбу въ огóнь. Якъ затрещйть шерсть! а вонá й почýла да въ купцъ: немáе шýби! Тоді панъ плащéмъ еі накрйвъ, и пішлй додóму, да й живýть изъ нéю. А тихъ рознеслй кіньми.

Лишь только кончила Кулйна сказку, какъ пришла знáхарка осмотрѣть едва неоколѣвшаго на морозѣ теленка. Тутъ они принялись за него гуртомъ и составили вокругъ коровы интересную для художника сцену. Одна держала ее за морду, другая гладила приговаривая: »Телýшечка, телýшечка!« самъ хозяинъ поднялъ лежавшаго неподвижно теленка и подносилъ его нѣжную мордочку къ соскамъ; и всѣ обращались такъ дружелюбно съ матерью и ея дѣтищемъ, какъ-будто это были ихъ семьяне. Я видѣлъ, что имъ теперь не до сказокъ, да къ тому еще я почувствовалъ, что въ хатѣ угарно, — по крайней мѣрѣ для меня, и ушелъ съ головною болью, которая потомъ усилилась и мучила меня долго. Не смотря однакожъ на то, я получилъ такую жажду къ сказкамъ, что къ вечеру напыталъ себѣ новаго сказочника, человѣка пожилыхъ лѣтъ, и призвалъ его изъ села къ себѣ въ комнату. Сказать правду, я гонялся не за поэтическими достоинствами этого рода произведеній фантазіи народной. Въ разсказанныхъ мнѣ сказкахъ поэтическихъ красотъ было мало, сравнительно съ массою утомительной болтовни. Но въ соединеніи разныхъ понятій и представленій, составляющихъ Малороссійскую сказку, я вижу, чѣмъ бываетъ занятъ въ праздное время умъ Малороссіянина, вижу, чему онъ сочувствуетъ, чего желаетъ, чему дивится, надъ чѣмъ смѣется; а это стóитъ того, чтобъ записывать все, чтó мнѣ баяли.

Когда пришелъ ко мнѣ изъ села старикъ сказочникъ, я усадилъ его въ Вольтеровскія кресла противъ камина, попотчивалъ

сорокалѣтней водкой изъ старинной серебряной чарки, и онъ, помѣшивая въ каминѣ своей палкой огонь, началъ мнѣ баять всякую всячину. Вмѣсто пролога къ своимъ разсказамъ, онъ проговорилъ нѣчто въ родѣ параболы изъ земледѣльческаго быта.

Ой купти́тця, купти́тця,
Ажъ ко̀ржикъ ко́титця.
Куди́ ти, бра́тіку ко́ржику, ко́тисся?
А до млинця́ на весілля.
Щò жъ тамъ за весілля?
Млинéць да ла̀дку посва́тавъ.
Що жъ тамъ за сва̂шка?
Пу̀тря да ква̂шка.
Щó жъ тамъ за боя̀ре?
А куликѝ въ маку́.
Що жъ тамъ за дружкѝ?
Въ олії пампушки́.

И послѣ этого онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько легендъ и повѣрій, принадлежащихъ къ тѣмъ созданіямъ народной фантазіи, посредствомъ которыхъ народъ распространяетъ между собой нравственныя убѣжденія. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ преданія о змѣяхъ, занесены изъ глубокой древности, другія напоминаютъ Греческіе миѳы; всѣ же они — или почти всѣ — исполнены необыкновéнной граціи вымысла и живописности выраженія, какъ въ этомъ убѣдится каждый знатокъ Южно-Русской рѣчи.

1.

КИРИЛО КОЖЕМЯКА.

Коли́сь бувъ у Ки́еві якийся князь, ли́царъ, и бувъ коло́ Ки́ева змій, и ко́жного го́ду посила́ли ёму́ дань: дава́ли або́ моло́до́го па̀рубка, або́ дівчину. Ото́ прийшла́ чѐрга вже и до дочки́

самóго князя. Нічого робíть, колú давáли горожáне, трéба й ёмý давáть. Послáвъ князь свою́ дочкý въ дань змíёві. А дочкá булá такá хорóша, що ії сказáти не мóжна. То змій ії й полюбúвъ. Отъ вонá до ёгó прилестúлась та ії питáєтця разъ у ёгó: »Чи есть«, кáже, »на свíті такúй чоловíкъ, щобъ тебé подýжавъ?«

»Есть«, кáже, »такúй у Кúєві надъ Дніпрóмъ. Якъ затóпить хáту, то димъ ажъ підъ небесáми стéлетця; а якъ вúйде на Дніпръ мочúть кóжи (бо вінъ кожемяка), то не однý несé, а двана́дцять рáзомъ, и якъ набрякнуть вонú водóю въ Дніпрí, то я візьмý да й учеплюсь за іхъ, чи вúтягне-то вінъ іхъ? А ёмý й байдýже: якъ поцýпить, то й мене́ зъ нúми трóхи на бéрегъ не вúтягне. Оттогó чоловíка тілько мині й стрáшно.«

Княжнá и взялá собі тéе на дýмку, и дýмае: якъ би ій вісточку додóму подáти и на вóлю до отця́ достáтись? А при ій не булó ні душі, — тілько одúнъ голубóкъ. Вонá згодавáла ёгó за щаслúвоі годúни, ще якъ у Кúєві булá. Дýмала-дýмала, а дáлі храпъ, и написáла до панотця́: »Оттáкъ и такъ«, кáже: »у васъ«, кáже, »панóче, есть у Кúєві чоловíкъ, на ймéння Кирúло, на прізвище Кожемя́ка. Благáйте ви ёгó черезъ старúхъ людéй, чи не захóче вінъ изъ змíємъ побúтьця, чи не вúзволить мене́ бідну зъ невóлі! Благáйте ёгó, панóтченьку, й словáми, й подарýнками, щобъ не обідивсь вінъ за якé незвичáйне слово. Я за ёгó и за васъ бýду до віку Бóгу молúтьця.«

Написáла такъ, привязáла підъ крилцéмъ гóлубові та й вúпустила въ вікнó. Голубóкъ звúвся підъ нéбо да й прилетівъ додóму, на подвіръе до князя. А діти сáме бігали по надвіръю да й побáчили голубкá. »Татýсю, татýсю!« кáжуть, »чи бáчишъ — голубóкъ одъ сестрúці прилетівъ«?

Князь пéрше зрадівъ, а дáлі подýмавъ-подýмавъ да й засумовáвъ: »Се жъ уже́ проклятий Иродъ згубúвъ, вúдно, мою дитúну!«

А дáлі примани́въ до себé голубкá: глядь, ажъ підъ крильцéмъ кáрточка. Вінъ за кáрточку. Читáе, ажъ дочкá пúше: такъ

и такъ. Отó зáразъ призвáвъ до себé всю старшúну: »Чи є такúй чоловíкъ, що прозивáєтця Кирúломъ Кожемя́кою?«

»Есть, князю. Живé надъ Днiпрóмъ.«

»Якъ же бъ до ёгó приступúтись, щобъ не обíдився та послýхавъ?«

Отó сякъ-такъ порáдились да й послàли до ёгó самúхъ старúхъ людéй. Прихóдять вонú до ёгó хáти, одчинúли по мáлу двéри, зо стрáхомъ, да й злякáлись. Дúвлятця, ажъ сидúть самъ Кожемя́ка дòлі, до íхъ спúною, и мне рукáми дванáдцять кожъ; тілько вúдно, якъ коливáє оттакòю білою бородóю! Отъ одúнъ зъ тихъ послáнцівъ — »кахú«!

Кожемя́ка жáхнувся, а дванáдцять кожъ тілько тріс, тріс! Обернýвсь до íхъ, а вонú ёмý въ пóясъ: »Оттáкъ и такъ: прислàвъ до тебé князь изъ прòзьбою...«

А вінъ и не дúвитця, и не слýхає: розсèрдився, що черезъ íхъ та дванáдцять кожъ порвàвъ.

Вонú зновъ давáй ёгó просúть, давáй ёгó благáть. Стáли на колíна... Шкодá! Просúли-просúли да й пішлú, понýривши гóлову.

Щò тутъ робúтимешъ? Сумýє князь, сумýє и вся старшúна.

»Чи не послáть намъ іщé молòдшихъ?«

Послáли молóдшихъ — нíчого не вдíють и тíї. Мовчúть та сопé, нáче не ёмý й кáжуть. Такъ розобрáло ёгó за тíї кóжи.

Дáлі схаменýвся князь и послáвъ до ёгó малúхъ дітéй. Тíї якъ пришлú, якъ почалú просúть, якъ стáли навкòлішки та якъ заплàкали, то й самъ Кожемя́ка не вúтерпівъ, заплàкавъ да й кáже: »Ну, се жъ ужé для вàсъ я роблю́.«

Пішóвъ до князя. »Давáйте жъ«, кáже, »мині дванáдцять бóчокъ смолú и дванáдцять візъ конопèль.«

Обмотáвсь конóплями, обсмолúвся смолóю дóбре, взявъ булавý такý, що, мóже, въ ій пудóвъ дèсять, да й пішóвъ до змія.

А змій ёмý й кáже: А що, Кирúло? пришóвъ бúтьця, чи мирúтьця?«

»Дè вже мирúтьця? бúтьця зъ тобóю, зъ íродомъ проклятимъ!«

Отъ и почалú вонú бúтьця — ажъ земля́ гудé. Що розбіжúтця

змій да вхо́пить зуба́ми Кири́ла, то так кусо́к смолі́ й ві́рве; що ро̀збіжитця да вхо́пить, то так жму́ток коно̀пель и ві́рве. А він ёго́ здорове́нною булаво́ю як улу́пить, то так и вжене́ в зе́млю. А змій як огонь гори́ть, — та̀к ёму́ жа́рко; и по́ки збігае до Дніпра́, щоб напи́тьця, да вско́чить у во́ду, щоб прохолоди́тьця тро́хи, то Кожемя́ка вже й обмота́всь коно̀плями и смоло̀ю обсмоли́всь. Отто́ виска́кує з води́ проклятий и́род, и що рожже́нетця против Кожемя́ки, то він ёго́ булаво́ю тілько луп! що рожженѐтця, то він знай ёго́ булаво́ю тілько луп та луп! аж луна̀ йде. Би́лись-би́лись,—аж кури́ть, аж йскри ска́чуть. Розогрів Кири́ло змія ще лу́чче, як кова̀ль леміш у го́рні: аж пи́рхає, аж захлипа́стця прокля́тий, а під ним земля́ тілько сто́гне.

А тут у дзво̀ни дзво́нять, молѐбні пра̀влять, а по го́рах наро́д, стоїть як неживий, зціпивши ру́ки; жде, що̀ то бу́де! Колй ж змію́ка бубу́х! аж земля̀ затрясла́сь. Наро́д, сто́ячи на го́рах, так и сплесну́в рука́ми: »Сла̀ва тобі, Го́споди!«

От Кири́ло, вби́вши змія, вѝзволив князівну и одда́в князю. Князь уже́ не знав, як ёму́ й дя́ковать, чим ёго́ й награжда́ть. Та вже з того́-то ча́су и почало́ зва́тьця те уро́чище, де він жив, Кожемя̀ками.

От же Кири́ло зроби́в тро́хи й нерозу́мно: взяв ёго́, спали́в да й пусти́в по вітру по̀пел; то з того́ по̀пелу завела́сь вся та́я по̀гань — мо́шки, комарі, му́хи. А як-би він узя́в да закопа́в той по́пел у зѐмлю, то нічо́го б сёго́ не було́ на світі.

2.

СВИРИДОВА МОГИЛА.

Був, ка́жуть, коли́сь, чоловік Свири́д. То як дожда̀вся Вели́кодня, то и ду́мае собі: »Ка́жуть лю́де *Вели́к-день*; а побачу я, чи спра̀вді вели́кий день? чи бага́то я ви́ору? И от на са́мий пе́рвий день Світлого Пра́зника запріг до плу́га волів да

зъ наймитомъ и пішовъ орать. Люде жъ у церкві Богу молятця, а вінъ оре. Тілько, що почали, може, скибу десяту одкидать, ажъ підъ землею щось загуло страшно, страшно, такъ якъ часомъ далеко грімъ загуркотить, и Свиридъ разомъ такъ и провалився скрізь землю. А на тімъ місті стала могила. Вона й досі зоветця Свиридова Могила. То, кажуть, якъ иноли прийдешъ на ту могилу да приложишъ ухо до землі, то все неначе хто волівъ поганяе; такъ и чутно: »Гей! гей!«

3.

МИѲЪ О ПЕРВОМЪ ВѢКѢ »ТВОРЕНІЯ«.

Колись-то ще за первого віка, за старихъ людей, миша да горобець да засіяли просо. Якъ пожали вони просо, то почали ділитьця да й не помирились. Ось стали битьця, и стала збиратьця усяка птиця и всякі звірі. Якъ стали битьця, якъ стали битьця, то птиця и подужала звірівъ. Да хочъ и подужала, а таки ії сама побилася. Тілько одна птиця винялась, що добила усіхъ звірівъ. Уже й та птиця вморилась да й сіла на такому високому дереві! (¹) Коли жъ іде чоловікъ бовкуномъ. Такъ вона того чоловіка й просить: »Дай мині бика«, каже, »я ёго ззімъ. Я въ тебе дурно не схочу, я заплачу.«

Отъ вінъ и оддавъ. Вона того бика и ззіла, да теперъ просить того чоловіка: »Донеси мене, будь-ласко', до мого дому!«

Отъ вінъ якъ узявъ нести, якъ узявъ нести да й донісъ у такі пущи страшниі! А вона ії говорить: »Погуляй же тутечка, а я тобі плату винесу.« И винесла ёму царствечко въ золотому яечку: »Ти жъ якъ увійдешъ у село, то не розчиняй ёго, а хиба на якому полі розчинишъ, або-що.«

А вінъ и розчинивъ посередъ шляху: ажъ тутъ відтиль ярмарокъ такий, що Боже храни! А вінъ уже ходить поміжъ людь-

---

(¹) Далѣе начинается, очевидно, вставка изъ сказки.

ми́ да пла́че. Излякався, що не зберѐ не якъ. Ажъ на ёго́ щасте які́йсь чоловікъ нагоди́вся, дакъ вінъ и про́сить ёго́: »Зділай ми́лость, чи не мо̀жешъ ти зобра́ть да зачини́ть!« Такъ у-дво́хъ зачини́ли. Отъ вінъ и пішо́въ зъ тимъ ца́рствечкомъ додо́му: пока́явсь уже́.

»Де жъ изно̀въ сі звірі́ понабира́лись, колѝ птіщя усіхъ стребі́ла?« (1)

Се жъ уже на дру́гий вікъ поверну́ло; то Богъ тогді и людѐй и веячину намно́живъ.

4.

СОКОЛЪ И ПЧЕЛА (2).

Сокілъ побрата́всь изъ бжоло́ю; говѝрить: »Ходімъ угору. Ты дале́ко чу̀ешъ, а я дале́ко ба̀чу: я за сімъ миль ба̀чу, а ти за сімъ миль чу̀ешъ.«

Узялѝ, изнялі́ чоловічу волоси́нку и понеслѝ вгору. И сказа́въ со́кілъ: »Летѝ за мно́ю, бжо́ло!«

Иде́ со̀кілъ угору, и бжола́ йде. »Ну«, гово́рить, »диви́сь, бжо́ло, униъзъ, чи вели́ка земля́?«

Ка́же: »Вже такъ якъ діжа́, що бабі́ хлібъ місять.«

Пото́му изно̀въ иду́ть, идуть. Изно̀ву ка́же: »А гляньь«, ка́же, »бжо́ло, чи вели́ка земля́?«

»Уже́«, ка́же, »такъ якъ жінка ви́бере изъ діжі тісто та маленький засадчичокъ поса́дить.«

»Ну, пуска́йся жъ униъзъ, бжо́ло, и пуска́й ту волоси́ну упере́дъ..... А чу́ешъ?« ка́же.

---

(1) Вопросъ слушателя.

(2) Это — безобразный обломокъ какого-то сказанія, замѣняющаго для народа естественную исторію животныхъ. Подобныя нескладицы надобно записывать со всею точностью, не обращая вниманія на ихъ искаженный видъ: въ-послѣдствіи изъ множества подобныхъ обломковъ можно возсоздать полную систему народныхъ знаній и вѣрованій по изустнымъ преданіямъ, перешедшимъ черезъ длинный рядъ столѣтій.

»Чу́ю, ажъ реве̇.«

»Ну, я«, ка́же, »не чу́ю. Ну, лети́ жъ«, каже, »да до землі́ припади́, якъ та волоси́на уда́ритця..... А що, бжо́ло, чи чу́ла?«

»Чу́ю: ажъ гу́пнула, а вгóру підняла́сь на двана́дцять са́жнівъ.«

»Застава́йся жъ ти, бжо́ло, у сімъ кра́і, достава́й за сімъ миль собі пропита́ние: а я піду́ у такі краі, де тебé не бу́де. То я за сімъ миль бу́ду пти́цю вибива́ть и діти годова́ть,...«

Бжола́ проси́ла у Бо́га, щобъ брать изъ цвіту пропита́ние. Такъ Богъ давъ іи усі цвіти́ до мо̇ря, до востáка: »Ходи́ по світу, изъ усіхъ рікъ, изъ усіхъ берегівъ избира́й Бо́гу хвіру; и лю́дямъ дбай, и собі дбай.«

5.

РАЗСКАЗЫ О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ.

А. Близнецы превращаются въ соловья и кукушку.

Одна́ дівка полюби́лась у̇жеві и сама̇ злюби́ла ёго́. Винъ и повізъ іи въ госпо̇ду. А въ ёго́ бу́ди́нокъ бувъ са́мий чи́стий скляни́й, увѐсь изъ кри́шта́лю. Либо́нь буди́нокъ той стоя́въ підъ землѐю, въ якійсь моги́лі, чи-що̇. Ну, звісно, стара́ ма́ти зне̇ршу убива̇лась за не́ю. Якъ-то вже не вбива̇тьця? А та чи зляглáсь, чи не злягла́сь зъ ужа́кою, вже й заваго́ніла, а якъ прийшло̇ вре̇мъя, то розси́палась близня́тками: хло̇пець и дівчи́нка; обо̇йко — якъ зъ во̇ску ви́лились у ма́тіръ. А вона́ собі була́ така̇ хоро́ша, якъ квітка. Отъ, якъ да̇въ Богъ діто́къ, то й ка́же вона́: »Отъ же, уже̇ коли́ вони въ людей породи́лись, хай іхъ у людéй и перехри́стимо.« Сіла въ золоту́ каре́ту, поклáла діто́къ на колінки да й поіхала въ село́ до попа́. Не докоти́лась каре́та до ца̇рини, а вже ма̇тері й ска̇зано. Стара́ за-

репетова́ла на все село̀, ухопи́ла ко̀су да до царипи. Ба́чить дочка́ видю́щу смерть, якъ заголо̀сить до діто́къ, а да́ли: »Полипа́йте жъ, дітки, пташка́ми по світу: ти, си́ику, соловѐйкомъ, а ти, до́ню, зозу̀лею.« Ви́пурхнувъ соловѐйко въ пра́ве, а зозу̀ля въ ліве віко́нце зъ каре́ти. А каре́та, й ко́пі, и все незна́ть де ділось. Не ста́ло її па́пі; тілько надъ шляхомъ уроди́лась глуха́ кропи́ва.

Б. Переселеніе души въ разн тварей.

Зъ одное́ю жінкою було́ ось яке́ привиде́ние. Що пі́йде въ по́ле жать, або́ брать коно́плі, да поста́вить у печі стра́ву, дакъ хтось повийма́е зъ пе́чи горшкѝ да й повида́е все чи́сто. Ду̀мала-ду̀мала, що̀ бъ воно́ таке́ зна́чило? ні якъ не збагну̀ла. Прийде — две́ри позами́кани, а вха́ті тілько й зостава́лась що мала́ дити́нка, мо́же въ півъ-го́да, у коли́сці. Отъ вона̀ уда́рилась до зна̀хорки; сякъ такъ упроси́ла її, ублага́ла; та й прихо́дить. Подиви́лась, почми́хала... ска́зано — зна̀хорка: за́разъ почу̀ла щось непѐвне. »Иди́ жъ«, ка́же, »ти въ по́ле, а я ту̀тъ захова̀юсь да й поба́чимо, що̀ воно́ таке́ е?«

Пішла̀ жінка въ по́ле, а зна̀хорка притаілась у куто̀чку да її дивитця. Колѝ жъ дити́на скікъ изъ коли́ски! Гляне, ажъ то вже не дити́на, а дідъ. Самъ низе́нький, а борода̀ оттакѐлезна! За́разъ за ви́ли, цу̀пить изъ пе́чи горшкѝ, ажъ крѐкче, и почавъ уплітать стра́ву. Якъ усе́ впо̀равъ, тоді зно̀въ ставъ дити́ною; да вже не влі́зе въ коли́ску, а тілько лежи́ть до́лі да репету̀е на всю ха́ту. Тоді зна̀хорка за его́; поста̀вила на дерка́чъ и почала̀ обру̀бувать дерка́чъ підъ нога́ми. Воно́ кричи́ть, а вона̀ руба́е: воно́ кричи́ть, а вона̀ руба́е. Да́лі ба́чить, що попа́всь у до́брі ру̀ки, зроби́вся изно́въ дідомъ да й ка́же: »Вже я, бабу̀сю, перекида́вся не ра́зъ да й не два̀: бувъ - я спе́ршу ри́бою, по́тімъ изроби́вся пта̀хомъ, мура́шкою, звіру̀кою, а се ще попро́бувавъ буть чоло-

віком. Такъ нема́ лу́чче, якъ жить між муравками; а між людьми — нема́ гірше!«

В. Превращеніе въ вовкулаку.

Одинъ наймитъ підгле́дівъ разъ, що хазяинъ перекинувсь черезъ пенёкъ, за гумно́мъ, изробився вовкула́кою и побігъ у лісъ. »Постой же!« ду́мае, »перекинусь и я; що́ зъ того́ бу́де?« Взявъ да й перекинувся. Ставъ и вінъ вовкула́кою, и побігъ у лісъ. До́вго блука́въ вінъ по лісу зъ вовка́ми и івъ усяку па́даль; да́лі ста́ло ёму́ ску́чно безъ людей; да вже не знае, якъ перекинутьця въ чоловіка. Отъ вінъ прийде до гумна́. поба́чить хазяина и хо́че сказа́ть ёму́ по-людські, да й завие по-во́вчи. А соба́ки такъ и обсту́плять ёго́. Вінъ бідола́ха и біжить у лісъ. Да вже насилу хазяінъ догада́вся, що се не вовкъ, да взявъ и перекинувъ ёго́ навпаки черезъ пенёкъ. Наймитъ ёму́ въ но́ги. А хазяінъ подивився, да ажъ жаль ёму́ ста́ло: худий, якъ скі́пка, а видъ увесь подряпаний: то такъ соба́ки ёго́ погризли. »Отó жъ, небо́же«, ка́же, »не робі, чого́ не знаешъ.«

Г. Превращеніе въ »пригижковатаго« волка.

Іхали два чоловіки да й заночова́ли на́ полі, у чагарнякахъ. Лягли спать, ажъ чу́ють — за во́зомъ на́че що̀ здихае. Спе́ршу імъ було́ стра̀шно, а по́тімъ байду́же да й засну́ли. Проснулись на дру́гий день: колй жъ то во̀вкъ, худий якъ до́шка; тілько ко́жа да ко́сті. Сіли й поіхали. И вовкъ за іми іде; да́лі положивъ и го́лову на візъ, да такъ жа́лібно дивитця, що й ру́ки не підняли́сь уда́рить ёго́. Кинули ёму́ шмато́къ мяса — не ість; кинули хліба — ухопивъ и помча́въ у чагарняки. Отъ пріхали въ село́ да й ста́ли роска̀зувать про се чу́до. Такъ одинъ дідъ и ка́же: »То ви не во̀вка ба́чили; а то колись у насъ незна́ть куди дівався па̀рубокъ да й хо́дить тепе́рь пригижкуватимъ во̀в-

комъ. Не займáе нічóго и живé тілько хлібомъ, що хто-небудь дасть.

Д. Превращеніе въ кукушку и дятлэ.

Зозýля ії дятелъ булú перше людьмú, а пóслі Богъ такъ давъ, що поробúлись птúцями. Прислýхайсь úноли до дятлового гніздá — наче чоловікъ. То стóгне дятелъ: у ёгó головà болúть, що знай стýкае въ дéрево.

Е. Превращеніе въ сиренъ.

Пісні не нарóдъ склáдуе, а морськіі люде. Въ субóту грáе мóре; на мóре випливáють морськіі люде, що половúна чоловіка, а половúна рúби, випливáють и співáють усякихъ пісéнь; а чумакú стоять на бéрезі да ії ўчатця.

Ж. Человѣчеокій языкъ у птицъ.

Колúсь булó такé врéмъя, що усі звіри ії птúці говорúли чоловічимъ язикóмъ. Ключі одъ вúрея булú тогді у ворóни: да вонá прогнівúла якось Бóга, дакъ тепéръ ключі одъ вúрея вже въ сóі. Сóя летúть тудú напередъ усіхъ птицъ, одчúнить вúреі и вертáетця назáдъ.

6.

РАЗСКАЗЫ О ВѢДЬМАХЪ.

А. Вѣдьма помогаетъ сыновьямъ-охотникамъ.

Булó собі три брáти и жилú полёваньемъ да риболóвствомъ, и такъ же то імъ щастúло, що тілько націлитця — зáець и е; закúне нéводъ — рúба такъ и лізе. Спéршу булú ії рáді, а по-

тімъ узялй іхъ думкп да гадки. А про іхъ мáтюръ говóрено, що вонá відьма. Отъ вонй п кáжуть: »Попрóбуемъ же, чи прáвда сёмý.« Збирáютця разъ на охóту, а вонá ïï питáє: »Кудй ви, синкй, йдете?«

»Пíйдемъ, мáмо, рйби ловйть.«

Да забрáвши крадькомá рушнйці, тенéта, собáкъ, и пішлй за заіцями. Роскйпули тенéта, загáвкали собáки, колй жъ и летять у тенéта карасі, окуні, щуки, — такъ изъ дубнякá ïï сйплють. Вонй тоді, покйдавши все, додóму: »Мáмо голýбко, не помагáй намъ! нехáй тобі все дóбре.«

Такъ мáти вже ïï перестáла імъ наворóжувать.

Б. Способы узнавать вѣдьмъ.

Якъ дóіть відьма корóву, то ïï побáчишъ тілько скрізь такý бóрону, щобъ почáвъ урáнці робйть да до зáходъ сóнця и зробйвъ. (¹)

Ще мóжна пізнáть відьму потомý, що якъ топйть ïï, то не тóне. Разъ у якімсь-то селі, за Дніпромъ, неділь зо три не булó дощý. Отъ и почалй топйть бабъ, про которихъ говóрено, що відьмй. Такъ трóе не потонýло, хочъ и рýки ïï нóги булй позвязувани. Стáли іхъ допрóшувать, такъ однá ïï призналáсь: »Що жъ«, кáже, »попóве громáдо! лáзила я догорй ногáми на фигýру да на скілько забáчила світу, стілько и вкйнула гóлоду.« А дрýга тожъ призналáсь, що лáзила такъ якъ и ся, да скілько забáчила світу, стілько одібрáла молокá. А трéйтя призналáсь, що сиділа въ болóті на ча плиихъ яйцяхъ, да вже щó вонá черезъ те занодіяла миру, тогó не вбáло мині въ пáмятку.

Відьма не хóдить тудй, де есть домовйкъ; вінъ ïï зáразъ

(¹) Для Малороссійскаго *тéсли* это — дѣло невозможное, и потому напрасно кто-нибудь сталъ бы искать такой бороны въ Малороссіи. А Русская, разумѣется, не годится.

укладè. Ще вонá боïтця собáкъ-ярчуківъ; тимъ-то якъ нарóдятця ярчукí цуценята, такъ вонá ïхъ знайде да ïï позадáвлюе волосомъ. Хибá накрúешъ осúковою боронòю, абó осúковими тріскáми; то бýдуть жúві, бо вонá того́ дéрева боïтця.

Ще колú хóчешъ познáть відьму, то стережú купáльного пóпелу. Вонú купáльний пóпелъ вáрять у воді, якъ трéба імъ летіть на Лúсу Гòру, да якъ побрúзькае себé тéю водóю, то ïï полетúть у кòменъ.

Одúнъ чоловікъ побáчивъ скрізь бòрону, що відьма дóіть корòву да до ïï зъ дубúною. А вонá: »Сядь, Гордію!«

Вінъ и сівъ.

»Сидúшъ, Гордію?«

»Сижý.«

»Ну, и сидú жъ.«

Сидúть той Гóрдій до північи; сидúть и за північъ. Ужé и світъ, а вінъ сидúть; ужé й опівдні, а вінъ сидúть. Пóти сидівъ на одномý місті пóки не прийшлá відьма да не звелíла ёмý встать.

В. О томъ, какъ »прирожденныя« вѣдьмы заправляютъ своихъ дѣтей.

Одúнъ чоловікъ женúвсь и взявъ собі жінку изъ дрýгого селá. А въ ёгó въ хáті живъ ищé бáтько, мáти и мéньші братí. Отъ якъ ёгó жінка заваго́ніла, такъ тéща й кáже ёмý: »Привезú жъ ïï до менé рожáть, бо я самá собі живý въ хáті.« Вінъ и зробúвъ такъ. Отъ якъ настáло вже жíноче діло, вінъ вúйшовъ изъ хáти да тілько дúвитця въ вікнó. Що жъ би ви дýмали? Тéща взялá да ïï перепновáла мотýзочкою нáвхрестъ хáту, изъ куткá въ кутóкъ. А дитúна вже лежить у зáпечку да кувáкае. Вонá якъ свúсне, дитúна якъ вúскочить изъ зáпечка! да по тій мотýзоцці побігло сюдú-тудú да знов у зáпечокъ. Чоловікъ бáчить, що тутъ чортячі якісь химорòди, увійшóвъ у хáту розсéрдившись: »А ну, жінко, одягáйсь да поідемъ додóму!«

Теща вже тутъ и те, й се. Ні, поідемъ да й поідемъ. Поіхали.

А на дорозі імъ річка. Вінъ зупинивсь: »Уставай, жінко зъ воза!«

Жінка встала.

»Росповий да положи дитину!«

Вона не слухае. Вінъ іі нагайкою. Мусила вона положить на землю росповиту дитину.

Вінъ тоді переіхавъ возомъ изъ жінкою черезъ річку.

»Теперъ свищи!«

Вона якъ свисне! дитина схопилась да черезъ воду! такъ и вродилась коло воза.

Чоловікъ тоді и руки попустивъ.

»Щò жъ се такè е?« почавъ роспитувать у жінки.

»А що жъ?« каже; »оце те, що я зъ матірью *прирожденни* відьми; такъ у насъ усе такъ заправляють дітей. Тілько не бійся: прирожденна відьма не така злюща, якъ *учена*. Вона тілько одборонятця одъ нечистоі сили, а сама нікому зла не діе.«

Г. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами человѣка.

Якъ захоче відьма кого приклйкать до себе, то варить корень изъ зілля *тирличъ* ([1]). Отъ якъ почне кипіть той корень, то все наче булькотить: »Грицю« ! Грицю!« чи якъ тамъ зовуть того чоловіка. А той знiметця да й полетить якъ птахъ, и все тілько: »Пить! пить!« Якъ трапитця добрий чоловікъ, то розстеле на землі хустку. Вінъ спуститця, напьетця да й знову летить. Що дужче кипить, зілля, то швидче вінъ летить. Добре жъ якъ ні за що не зачепитця; а иноли вдаритця объ дерево, або-що да й капутъ.

([1]) Volantia minor.

Д. О томъ, какъ знахорь управляетъ бурею.

Бувъ тутъ колись у нашому селі одинъ Австриятъ, и такий бувъ знахоръ, що було направить, або одведе дощъ або градъ, якъ хоче. Було оце жнемъ у полі хлібъ; отъ и находить хмара. Ми давай скорій износить снопи,а ёму й байдуже, жне да жне собі, потягуе люльку да й каже: »Не бійтесь, дощу не буде! То глядй — и нема дощу. Разъ — се вже я своіми очима бачивъ — жнемо ми жито; якъ ось небо почорніло; пиднявся вітеръ; загуло спершу одалекі, а потімъ надъ самою у насъ головою. Грімъ, блискавіця, вихоръ... така піднялась хуртовина, що Боже твоя воля! Ми за снопи, а вінъ: »Не бійтесь, не буде дощу!« Де вже тобі не буде? Не слухаемъ ёго. А вінъ закуривъ люльку да й жне собі помалу.

Ажъ ось, де взявся чоловікъ на чорному коні и самъ увесь чорний; летить и прямо до Австрията: »Эй, пусти!« каже.

А Австриятъ: »Ні, не пущу.«

»Пусти, сділай милость!«

»Не пущу: було такъ багато не набирать.«

Чорний іздець припавъ до гриви и помчавсь, помчався по полю.

Тимъ часомъ чорна хмара посизіла и побіліла. Старий наши полякались, що буде градъ. А Австриятъ байдуже. Жне собі да курить люльку.

Ажъ ось изновъ де ні візмись іздець; мчитця по полю ще швидшъ одъ першого. Тілько сей уже ввесь у білому и на білому коні.

»Пусти!« кричить до Австрията.

»Не пущу!«

»Пусти, Бога ради!«

»Не пущу: було не набирать такъ багато.«

»Эй, пусти, не видержу!«

Тоді тілько Австриятъ розогнувсь да й каже: »Ну, вже ступай, да тілько отъ у той байракъ, що за нивою.«

Тільки що вимовивъ, уже іздця нема, а градъ такъ и сипнувъ якъ изъ кошика. Черезъ малу годинку, баиракъ увесь засипало, якъ есть тобі, рівно зъ краями.

Е. О томъ, какъ видмачъ управляетъ пчелами.

Бувъ собі пасічникъ, и була въ его пасіка пополамъ изъ небожемъ. Тілько небожъ дивитця, що на дядьковії половині ульні завсегда понабивани медомъ, а въ его такъ собі. Отъ дядько, помиркувавши, що небожъ заздритця на его пчоли, да й каже: »Слухаи, небоже: може ти думаешъ, що я одобравъ собі луччі ульні; то коли хочъ, бери на ту весну мою половину, а я візьму твою.«

»Добре!« каже небожъ.

Отъ и поміпялись. »Ну«, думае собі, »теперъ же ії я наберу меду!« Тілько икъ Спасу тамъ, чи що довідуетця до меду, ажъ ему пчоли наносили ще менше, ніжъ у тому годі. Що за біда такая? Якъ ось разъ вінъ проходить увечері поузъ дядькову пасіку; слухае, ажъ у одному ульні щось наче розмовляе. Вінъ приложивъ ухо, ажъ то матка говорить изъ пчолами.

»Де ви«, каже, »попали сю кобилу?«

»Да тамъ«, кажуть, »лежала за баиракомъ, да вже собаки половину ззіли, а намъ зоставили тілько задъ.«

»Що жъ, ви увесь уже сюди втягли?«

»Ні, хвістъ не помістивсь, такъ виситъ изъ-надвору.«

Небожа наче хто снігомъ по спині потеръ. Гляне, ажъ изъ очка такъ и тече густа натока, такъ наче кінський хвістъ. Вінъ тоді й догадавсь, що его дядько відьмачъ да й годі вже ему завидувать.

7.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ.

А. О томъ, какъ мертвецъ приносилъ ужинать ткачихъ.

Разъ ото́ ми до́вго седі́ли зъ ве́чора, да ії забу́въ, чого̀: чи гарбуза̀ дожида́лись, по́куль испече́тця, чи, мо́же, ли́шень, чи не капу̀сту шаткува́ли на сё́мімъ дні. У насъ, ба́чите, та́кая заведѐнція, що колі́ хто хо́че, щобъ удала́сь капу́ста, то тре́ба зачина́ть шаткова́ть на сё́мімъ дні, якъ молодікъ наста́не. Седимо́ ми да й седимо́, що ажъ спа́ть уже́ захотілось, а да́лі и ста́ли бала́кать то про се, то про те. Толкова́ли тутъ и про капу̀сту, и про буракі́, и хто якъ пряде́, и щò на тімъ світі бу́де, хто празниківъ не глядíть, и які приведе́ння кому́ булі́. Да якъ ста́ли про се вже роска́зувать, такъ хто попе́реду вже спа́ть хотівъ ляга́ть, то вже боявся изъ місця зійти, щобъ перейті́ туді́, де хто посла́вся. А нікому, здае́тця, не було́ страшні́йшъ, якъ мині, бо я такі́ и зъ-ро́ду боюсь сіхъ відё́мъ да маня́къ... Духъ Святи́й при насъ и при ду̀шахъ на́шихъ! Ма́рта на́ша, поглядівши у вікно́, да й ка́же: »Чи не принесе́ й намъ вече́ряти мертве́ць, такъ якъ Ода́рчиній ма́тері?

А ми ї ста́ли пита́ть, колі́ и якъ? Ма́рта ажъ розсе́рдилась, що ми не зна̀емъ, да й ка́же: « Чи вамъ по три годкі́, чи щò, що ви и сёго́ не чу́ли?.... Седи́ть, ка́же, вона́ покі́йна да й тче пла̀хту. А вона́, ба́чте, на всій около́тиці пе́рва булá ткаля: уже́ чи спи́тку, чи семиро́гу, чи коле́цату, або й закладáну шовко́ву, такъ тàкъ, якъ на бома́зі ви́пише. Отъ, якъ була́ вона́ така́я ткàля, дакъ одусю́ди несу́ть ій ти́і плахти́, що й роби́ть не вверта́лась. День и нічъ, було́, сиди́ть да все тче, да все тче.

Оттáкъ вона́ разъ седи́ть до́вго, що вже всі лю́де давно́ й спать поляга́ли. Колі́ жъ хтось у две́ри сту́къ-сту̀къ да, пита́е: »Чи ти, кума́, ище́ не вече́ряла?«

А вона́ ка́же: »Ні«, да чого́сь и ста́ло ій такъ стра́шно! и ду́мае собі: »Хто жъ би се такий?«

»А да́лі, уста́вши зъ-за верста́ті, и дава́й христи́ть вікна ії двéри. Ажъ тутъ якъ загудé щось на дво́рі, ніби ві́хоръ ! а да́лі и хо́дить коло́ ха́ти да ії ро́хає якъ свиня́; а да́лі вже одчиня́є ії двéри. Двéри були́ за́мкнуті, а воно́ такъ и очини́ло. Увійшло́ въ сіни да, причини́вши ха́тні двéри, якъ пирхнé! а да́лі поглядíло по ха́ті да ії ка́же: »Ну, щасли́ва жъ ти! А я тобі принесла́ вечéрять.« Да якъ пока́же, дакъ зовсі́мъ ії покі́йний чоловікъ. А Ода́рчина ма́ти якъ гля́нула, дакъ изъ ра́зу такъ и бу́хнула на зéмлю, да на трéтій, чи на четвéртий день и Бо́гу ду́хъ оддала́.«

Б. О томъ, какъ мать видѣла мертвеца сына.

Одна́ жінка до́вго пла́кала по своі́му си́ну. »Колі́бъ мині ёго́ поба́чить хочъ мéртвимъ!« Отъ лю́де ії пора́яли ій піти́ въ почі у цéрку, якъ изійдутця усі мерцві, да взять, про слу́чай, и півня. Пішла́ вона́ и ста́ла коло́ цéркви. Якъ опівночи дивитця — идé зъ кладови́ща гурба́ мерцвівъ; а міжъ ними́ и ії синъ. Идé и несé відро́ слі́зъ: ото́, що ма́ти напла́кала. Якъ поба́чила ёго́ міжъ мерцвя́ми, да зъ ля́ку якъ кинетця втіка́ть до до́му. А вінъ почу́въ ма́терній духъ да за нéю! Отъ вона́ дава́й скида́ть зъ себé одéжу. Що ски́не, то вінъ ухо́пить и розі́рве; що ски́не, то вінъ ухо́пить и розі́рве. Да вже якъ добігла до поро́га, тоді пі́вень какаріку! Мертвéць упа́въ, а вона́ черезъ день и вмéрла. Си́нові тя́жко, якъ ма́ти по ёму́ ту́жить; а ма́тері вéсело лежа́ть, якъ діти пла́чуть по ій.

В. О томъ, какъ дочь видѣла мертвую мать.

Одна́ дівка прийшла́ до у́трені; тільки ди́витця — усé незнако́мні ій лю́де. Колі́ жъ підошла́ до нéі ії хрищéна ма́ти покі́йниця, взяла́ за ру́ку да ії ка́же: »Утіка́й, якъ мо́га утіка́й звідсі! ато́ якъ поба́чить тебé рі́дна ма́ти, то розі́рве на шмато́чки.« Дівка чимъ-дужъ додо́му. Прибіга́є вже до ха́ти, ажъ щось гудé

и вие ззаду. Огляне́тця — ажъ за не́ю жене́тця рідна ма́ти. Дівка скинула зъ себе́ свитку — ма́ти вхопи́ла й розорва́ла; скинула зъ голови́ ху́стку — ма́ти розорва́ла ії ху́стку. Убігла дівка въ ха́ту да ії упала́ безъ па́мяти. А ма́ти зупини́лась на поро́зі, зави́ла стра́шно, повела́ по всій ха́ті очи́ма та й зни́кла.

Г. О томъ, какъ снаряжаютъ умершихъ на тотъ свѣтъ.

Якъ умре́, то вже звісно, завя́жуть ёму́ у соро́чку шагъ, щобъ купи́въ собі місто на тімъ світі. А ба́бі сповиту́сі кладу́ть у домови́ну па́лицю, а до по́яса привя́жуть хусточку зъ ма́комъ. Па́лицею вона́ бу́де одбива́тьця одъ своіхъ вну́чківъ, бо тиі напа́дуть на ії, на́ що вона́ іхъ на світъ випустила! Якъ же вже приде́тця ій кру́то, тоді кине імъ жме́ню ма́ку; по́ки позбира́ють, а вона́ и втече́.

8.

РАЗСКАЗЫ О ЧЕРТЯХЪ.

А. О томъ, какъ черти выманили у одного человѣка сало.

У одного́ чоловіка висіло у сіняхъ на ко́лесі са́ло. Отъ чортя́ка ії провідавъ, — а ії чорти́, ма́буть, зна́ють у ёму́ сма́къ. Провідавъ да до чоловіка: »Спусти́ да ії спусти́ мині ко́лесо: я тобі наси́плю по́вну нашо́пну я́му гро́шей.«

»Ну, колі́ наси́плешъ«, ка́же чоловікъ, »то спущу́«.

Отъ и спусти́въ. Тоді чорти́ якъ почали́ вози́ть ёму́ гро́ши, то підво́да за підво́дою такъ и іде, да все си́плють у я́му. Наси́пали по́вну я́му да ії пита́ють: »Куди́ ще си́пать?«

»Да си́пте«, ка́же, »хоть у за́сіки, ви́бравши муку́.«

Чорти́ ви́брали муку́ и наси́пали ёму́ гро́шей по́вні за́сіки. »Тепе́ръ проща́й!« и поіхали собі.

Якъ поіхали чорти́, то чоловікъ уже́ ії не спить да все ра́дуетця, що ра́зомъ забага́тівъ. Колі́ жъ огле́дитця на дру́гий день ура́н-

ці, ажъ и са́ла нема, и въ ямі, и въ засікахъ по́вно уго́лля, тощо пополамъ изъ муко́ю.

Б. О томъ, какъ черти съиграли роль мельниковъ.

Оди́нъ чоловікъ повізъ у млинъ моло́ть жи́то. Іде по́лемъ, колй жъ стоя́ть млинй. То, було́, й воді тутъ неви́дно ні якої, а то млинй стоя́ть. »Що за чортъ?« ду́мае собі. Ажъ ось вискакують изъ усіхъ млинівъ міро́шники... а то не міро́шники, а куцакй. Той до себе́ тягне. »Ідь до мене́! ідь до мене́!»

»Чортъ изъ ва́ми!« ка́же чоловікъ, да скорішъ и приверну́въ до кото́рого було́ блйжче.

»Ну, чоловіче«, ка́жуть ёму́, » ми зъ тебе́ розміру не візьмемъ, тілько возьмі за по́ясъ оції саковкй да одвезй оце́ письмо́ у Красйловку до М****.«

»До́бре«, ка́же чоловікъ, и радъ; бо до Красйловки було́ не дале́ко. Далй ёму́ й коня́. Не вспівъ сісти, гля́не — уже́ и въ Красйловці. Пода́въ письмо́ М****. А М**** якъ прочита́въ, то такъ ёму́ й насйпавъ по́вні саковкй червінцівъ. »Везй жъ«, ка́же, »сі гро́ши тудй, звідкі привізъ письмо́.«

Изно́въ, тілько що сівъ на коня́, уже́ й коло́ млинівъ: »Э, да тутъ же, мабу́ть, не своя́ сйла заміша́лась!«

Приво́зить гро́ши и оддае́ міро́шникамъ.

»Візьмй іхъ собі, до́брий чоловіче« , ка́жуть куцакй.

»Не хо́чу«, ка́же той чоловікъ.

»Возьмі, ду́рню; бу́дешъ насъ спомина́ть.«

»Не хо́чу« да й тілько.

Забра́въ свою муку́ да й поіхавъ. Ажъ ось на доро́зі наганяють ёго́ знов тйі міро́шники: »Да возьмй, земля́къ, ато́ бу́дешъ по́слі жалкова́ть.«

»Не треба мині вашихъ гро́шей, лю́де до́бри!«

И не взявъ. Отъ якъ приіхавъ до́дому, то й роска́зуе жінці. Жінка такъ и напустйлась; тро́хи не бйла.

»Да якъ же було́ мині бра̀ть, колі́ я боявсь, щобъ по́слі нагна́вши и самого не задуши́ли?«

»Ду̀рню ти хо̀дишъ!« ка́же ёму̀ жінка: »хто жъ би ставъ тебе́ души́ть, да́вши тобі гро̀шей?«

Поду̀мавъ-поду̀мавъ тоі́ чоловікъ. Разъ же, що жінка ла́е, а дру̀ге — и гро̀шей жаль. »Поіду!« ка́же: »що бу́де, то бу́де!« И поіхавъ.

Приіхавъ на те са̀ме місто — хочъ би тобі слідъ які́й, що булі́ млині́!

В. О томъ, какъ одинъ панъ неосторожно вспомянулъ чорта.

Одінъ такі́ пашъ чоловікъ поіхавъ до млина̀. А млинъ бувъ недале́ко. Приізді́ть, гля́не, ажъ седі́ть чоловікъ на по́лі.

»Чо́го ти седишъ на по́лі?«

»Такъ мині Богъ давъ.«

»А де міро̀шникъ?«

»Я са́мий старші́й надъ міро̀шника́ми. Я змелю́ тобі жи́то ду̀рно, тілько возьмі́ оце́і ка́мень, що лежи́ть передъ тобо́ю, да однесі́ до па́па Янко̀вського. По́ки донесе́шъ до па́па Янковського мука̀ твоя́ бу́де й гото́ва.«

»Да я ёго́ изъ міста не зворухну̀!« ка́же тоі́ чоловікъ.

А въ ка́мені, здава́лось, такъ, бу́де пудо́въ деся̀токъ.

»А ну жъ, попро̀буй.«

Попро́бовавъ — не бу́де іі пу̀да.

»До́бре«, ка́же, »понесу̀.«

И понісъ. Пода́е па́пу. Панъ хри́ститця и не бере́. А то не ка́мень, а то́рба гро̀шей.

»Одъ кого́ се?«

»Одъ того́, що седи́ть на по́лі«.

»Несі́ жъ ти ёму̀ наза̀дъ да скажі́, що мині не тре́ба.«

Прихо́дить чоловікъ икъ тому̀, що сиди́ть на по́лі, да іі переказу́е па́пови слова̀.

А той ёму́: »Иди́ жъ ти до Янко́вського ще разъ, да спитáй ёго́: колú вінъ мене́ згáдувавъ?«

Чоловікъ пішо́въ да й питáе: »А колú ви, пáне, згáдували того́, що на по́лі седúть?«

А се було́ ско́ро після великóднихъ святъ.

»Що жъ?« кáже, »згадáвъ я ёго́, грішний, на трéйтій день прáзника. Сівши зъ семьéю істи пáски, я за щось розсéрдивсь да й не вдéржавсь, щобъ не назвáть лукáвого.«

Вернýвсь чоловікъ: »Оттáкъ и такъ исказáвъ панъ.«

»Оттó-то!« кáже тоді куцáкъ. »Сімъ лю́дямъ ні якúй гáсподъ не вгóдить! Згáдуе мене́ за пáскою: вже жъ, вúдно, ёму́ мене́ трéба; а пославъ грóши, такъ и назáдъ!.... Берú жъ, чоловíче, свою́ муку́ да ідь собі додóму.«

Чоловікъ забрáвъ и поіхавъ. Ажъ ось наганяе ёго́, вéрхи на коні, панъ такúй ýбраний, що ажъ сяе; а ззáду кíшки висять: »Ти въ насъ щось укрáвъ!

»Бóже мене́ сохранú!« кáже чоловікъ: »я зъ рóду ні въ кóго не вкравъ и тютюнý на лю́льку.«

»Ні, вкравъ, да й гóді. А ну, хлóпці, пошукáйте!«

Тутъ де взялúсь и хлóпці, да якъ припялúсь шукáть у мішкáхъ, то всю мукý перемішáли зъ піскóмъ такъ, що чоловікъ покúнувъ на дорóзі; а самí на кóней да й поіхали.

Долго разсказывáлъ мнѣ старикъ, сидя въ Вольтеровскихъ креслахъ и помѣшивая уголья въ каминѣ; наконецъ его умственный запасъ истощился, и мы разстались, довольные другъ другомъ. Между тѣмъ у меня былъ на примѣтѣ другой старикъ, который считался первымъ сказочникомъ во всемъ околоткѣ. Утромъ на другой день я посылаю звать его къ себѣ; но мнѣ объявляютъ, что этотъ *дідъ* ужъ очень дряхлъ и только лѣтомъ выходитъ изъ своей хаты, а всю зиму проводитъ на печи. По-этому я отправился къ нему самъ.

Меня повелъ хлопецъ. Шли мы глубокой тропинкой, точно оврагомъ. Съ обѣихъ сторонъ его края заросли лиціей, которая

висѣла, въ инеѣ и снѣгу, какъ бѣлые волосы. Крыши сосѣднихъ хатъ были покрыты свѣжимъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго чернѣли только низенькія, лѣтомъ вовсе не черныя стѣны съ маленькими оконцами. Пушистая, вся побѣлѣвшая земля рѣзко отдѣлялась отъ неба, особенно при горизонтѣ, гдѣ на небѣ темнѣли опустившіеся внизъ пары.

Хата *діда*, не слѣзающаго съ печи, стояла поодаль отъ другихъ хатъ, какъ-будто въ полѣ. Кругомъ ни кола, ни двора. Я насилу добрался за снѣжными сугробами ко входу и не безъ усилій отворилъ низенькую, обросшую мохнатымъ инеемъ дверь. Въ хатѣ не было никого, кромѣ сѣдого *діда* на печи, въ сорочкѣ и полотняныхъ, дыравыхъ шароварахъ, да его внучка въ грязной и оборванной кругомъ люлькѣ. Отъ люльки протянута была къ старику веревка, посредствомъ которой онъ колыхалъ своего внучка. На *прúпечкѣ*, у самаго жару, покрытаго пепломъ, сидитъ худой, пѣгій котенокъ. На лавкахъ мѣстами разсыпана крупа и разный съѣстной соръ, мѣстами валяется никуда негодное трянье. Бѣдность безъ малѣйшаго покрова бросилась мнѣ въ глаза.

Я поздоровался съ дидомъ, перекинулся съ нимъ двумя, тремя словами и за дѣло. Онъ былъ высокаго мнѣнія о своемъ талантѣ.

»Де вамъ хто ні казáвъ, да такúхъ не казàвъ, якъ й знáю (такъ началъ онъ). Постóйте, надýмаюсь, котóрую бъ сказáти вамъ. Ну, вже жъ слóва изъ пісéнь да зъ казóкъ не викидáють. Я бýду вамъ казáть, да й не мішàть мині, не перебивàть.

СКАЗКА О СОЛОВЬѢ РАЗБОЙНИКѢ И О СЛѢПОМЪ ЦАРЕВИЧѢ.

Десь-недéсь, у якíйсь-то землí, бувъ собі цáрь, и мавъ вінъ собі жíнку царúцю, и прижилú вонú собі сúна, якъ сóкола. И не такъ-то хýтко дíстця, якъ швúдко въ кáзці кáжетця, дойшóвъ вінъ собі рóзуму совершéнного. И бувъ у царя пéрвий совітникъ, и вінъ съ царéмъ покумáвсь. И въ пéрвого совітника то-

жъ синъ совершéнного ума̀. И виїхали вонѝ въ чѝсте пóле вдвохъ на погуля̀ннє, и въ іхъ увéсь принасъ: ша̀бля при іхъ, и рушнѝця при іхъ. Почалѝ вонѝ собі пустова̀ть, и трéба імъ посѐрдитьця мѣжъ сéбе, и тоїі царéнко тому̀ пéрвого совітника сѝнові изъ пустóти одтя̀въ рỳку по плечé.

И прихóдить пéрвиії совітникъ до царя̀: »Ва̀ше царськé велѝчество, мині шкóда зрóблена.«

»Якà тобі шкóда?

»Такъ и такъ«, ка̀же: »вашъ синъ моéму сѝнові рỳку одрубáвъ.«

Царь же бо на своró сѝна велѝко сѐрдився и велівъ ёгó въ тéмну темнѝцю засадѝть, и не велівъ ёму̀ істи ӥ пѝти дать. И сидѝть вінъ мóже якѝхъ днівъ пять, шість, не пѝвши, не івши. И мáти ёгó почу̀ла сéе да, щобъ ніхтó не знавъ, послáла ёму̀ істи зъ служèбкою. И самá зъ своéі ту̀ги пішлá пó саду прохòжуватьця. Ну, иду̀ть вонѝ поузъ темнѝцю и гомоня̀ть удвóхъ изъ служéбкою. Почу̀въ вінъ сі гласъ да ӥ ка̀же: »Оӥ моя̀ мáтінко! бу̀дте милосéрдна, укра̀дьте въ бáтька ключі да ӥ вѝпустіть менé зъ тéмноі темнѝці.«

Отъ мáти вкрáла въ-почі ключі да ӥ пішлà випускáти. »Ну, щò жъ ти, міӥ сѝну лю̀биӥ, що я тебé вѝпустила? и мині на світі не буть.«

»Не біӥсь, моя̀ мáти рідна, сідáӥ на коня̀ зо мнóю; де я̀ бу̀ду, тамъ и ти.« [Вінъ такѝӥ лѝцарь вчинѝвся, що наслáвъ на конюхівъ сóнъ, и вонѝ поснỳли смертéльно.]

Якъ поіхали вонѝ на ѝншую зèмлю, на тридесяте царство, въ ѝнше государство. Доіжджáють вонѝ до зелéного здоровéнного гáю верстóвъ за пя̀ть. И въ тому̀ гáю живъ Соловéӥ, велѝкиӥ розбóӥникъ, сѝльниӥ, могу̀чиӥ багатѝрь. И убивáе вінъ своімъ свѝстомъ за пять верстòвъ. Якъ свѝснувъ, то кінь и впàвъ на перéдні нóги. Отъ сеӥ царéвичъ схопѝвсь. »Що ти«, ка̀же, »кóню міӥ, спотикáеся?«

»Пáне міӥ мѝлиӥ, пáне міӥ лю̀биӥ! якъ мині не спотикàть-

ця, що я несу двохъ васъ сильнихъ, могучихъ багатирівъ, ще й третій свиснувъ?«

Уйжджае вінъ у ту дуброву да й шукае собі міста такого, щобъ спочить. Отъ и бачить, що три дуби у-купі стоіть. Мати каже: Одночиньмо у тихъ дубівъ.«

И приіжджають вони до тихъ трохъ дубівъ, ажъ посередині колодязь, а тамъ вода ажъ ворона. Срібне да золоте цямриние. На версі дубівъ Соловьїне гніздо.

Царевичъ и каже? »Такъ се ти, Соловей, великий розбойникъ, зачавъ зо мною гратьця?« да якъ ударить ёго зъ оружжини, такъ вінъ такъ и впавъ на цямрину. Тоді за лучокъ. »Чи не вбъю я«, каже, »птіці якоі?« и пішовъ по птіці.

Лежить на цямрині той Соловей розбойникъ, а мати пожалкувала ёго да й зачала воду брать, зачала поливать ёго, поки вінъ и ожйвъ.

И рече ій Соловей: »Ой, душа ти моя любая! якъ ти мене пожалкувала да й одъ смерті оборонила! Я тебе не забуду, а ти мене не забудь. Дасть Богъ, ми зійдемось до-купи.«

Вернувсь царевичъ, дивитця: »Де жъ«, каже, »мати моя, Соловей розбойникъ?«

»Що жъ«, каже, »сину любий? поливала я ёго водою, а вінъ знявсь да й полетівъ.«

Спочили вони зъ матірью, осідлали коня-виноходà и поіхали собі. И зновъ поіхали на иншую землю, на тридесяте царство, въ инше государство. И тамъ у тому царстві царь умеръ. Уіздять вони въ городъ, уіздять у судъ, ажъ у суді сумують, що »въ насъ царя нема, нікому охраняти нашого царства.«

Вінъ и підлицяетця. »Я«, каже, »буду въ васъ царемъ и охранителемъ вашого царства.«

Отъ вони дали ёму будинокъ, — вінъ собі й живе — не такъ-то хутко дієтця, якъ у казці кажетця — годъ, або два. И сідлае вінъ собі коня-виноходà да й іде по всёму царству; іде, зъ якого краю, якая земля на ёго царство встае. Може, вінъ тамъ

якій день, або другий іздить да вже зъ такіми кралями да царями зазнаетця.

Отъ Соловей, великий розбойникъ, навідавсь до его матери и радятця вдвохъ, що якъ би его зъ світа згубить. И мати рече: »Соловъю! вінъ такій въ мене сильний и могучий багатирь, що намъ его ні якъ не можна зъ світу згубить.«

А Соловей, великий розбойникъ, каже: »Можна! Якъ приде вінъ додому, такъ ти занедужай. Стане вінъ тебе питать: »»Чого ви, мамо, занедужали!«« — »»Що якъ, синку? десь-недесь, »въ иншому царстві е Баба-Яга, що держить вишні-черешні, и коли бъ ти мині тихъ вишень доставъ, такъ я бъ попоіла да й »здорова була.««

И приіздить ей синъ додому, и вона у недужихъ зробилась. »Що ви, мамо? чимъ занепали?«

»Оттимъ и тимъ, сину. Десь-недесь, въ иншому царстві е Баба-Яга, що держить вишні-черешні, и колибъ ти мині тихъ вишень доставъ, такъ я бъ попоіла да й одужала.« [А то, бачте, така Баба-Яга, костяная нога, що на мідному току молотить, москалівъ робить.]

Вінъ сівъ на коня-виноходa и поіхавъ. Якъ поіхавъ вінъ на иншую землю, на тридесяте царство, у инше государство, ажъ стоіть городъ, такъ обнесений, якъ жаромъ. Уіжджае вінъ у той городъ, а тамъ будинки стоять такі, що й сказати не можна. И въіжджае вінъ до тиі баби въ двіръ, коли стовбъ, а до стовба кінь привязаний и жаръ ість. Вінъ уставъ зъ свого коня, дивится, ажъ три кільця: одно мідне, друге срібне, трете золоте. Вінъ стоіть да й думае: »Привяжу я за мідне, скажуть, що якийсь-небудь пустякъ; привяжу до срібного — скажуть: »Да се що-небудь тутешне.« Ні, лучче привяжу до золотого; нехай знають, що приіхавъ не свій братъ, Руський царевичъ!«

Приходить вінъ до будинокъ, ажъ вийде три дочки тиеі баби на рундукъ: »А, здоровъ, здоровъ, Руський царевичъ, сильний, могучий багатирь! Що тебе сюди занесло? чи човникъ, чи весло?«

»Ні«, каже, »мене ні що не занесло; я сам, добрий молодець, заїхав.«

»Який ти«, кажуть, »дружбо, хороший, да убъе тебе наша мати!«

Він и питає іх: »Де жъ ваша мати?«

»У саду, на мідному току москалі робить.«

И беруть ёго за білі руки, ведуть ёго у будинокъ и цілують въ уста. Заразъ посадили ёго за стілъ, дали ёму попоісти, добре нагодували ёго й напоіли да й кажуть! »Ну, иди жъ теперъ, нашъ любий гостю, у садъ до матери.«

Провели ёго до матери, а сами повертались, не дались у вічи матері. Отъ він и приходить: »Здорова, Бабо-Яга, костяная нога! Що ти робишъ?«

»Здоровъ«, каже, »Руський царевичу,, сильний, могучий багатирю! Що тебе сюди занесло, чи човенъ, чи весло?«

»Ні«, каже, »мене ні що не занесло; я самъ, добрий молодець, заїхавъ.«

»Що жъ?« каже, »чи будемъ битьця, чи будемъ миритьця?«

»Ні«, каже, »бабусю, не того я заїхавъ, щобъ миритьця!«

Вона заразъ крикнула на своіхъ служебокъ: »Піднесіте залізного бобу решето!«

Піднесли іи, вона й віла тее решето.

»Теперъ же, Руський царевичу, сильний, могучий багатирю, коли такъ, такъ давай битьця!«

Отъ, якъ ухопить Баба-Яга Руського царевича да въ мідний тікъ, такъ по коліна и втисла. Він бабу якъ згрібъ, якъ ударить, такъ вона такъ підъ руки и вбігла въ тікъ. Ну, вона тоді давай просить Руського царевича: »Сине мій любезний, Руський царевичу! положи змилование таке, не дай мині пропасти!«

Отъ він узявъ ії, витягъ. »Ну«, каже, »вража бабо, я думавъ тебе тутъ и вбить, да живи ще на світі.«

Отъ баба бере ёго за білі руки, цілує ёго въ уста и приводить

до дочокъ: »Дочки мої любні! якийсь-то приятель до насъ наіхавъ.«

И гуляли вони собі день якъ золото, другий якъ срібло, третій якъ мідь, хочъ и додому ідь. И нарвала ёму вишень-черешень ягодъ хустку цілу, — отто матері на гостинець. Вінъ подякувавъ бабі и дочкамъ да й іде собі зъ Богомъ.

А Соловей, великий розбойникъ живе зъ матірью. Вінъ, може, неділь зо дві проіздивъ, а Соловей прилітае да й живе зъ матірью. И думавъ вінъ ёго тамъ баба вбъе. Подивитця въ прозорную трубу, ажъ вінъ іде відтиля. »Ой, душа моя люба!« каже, »и ягодъ везе. Теперъ мині не жить съ тобою!«

И не такъ-то хутко діетця, якъ швидко въ казці кажетця. Приіжджае вінъ до матери да й кланяетця вінъ матері гостинцемъ. Отъ вона якъ наілась тихъ ягодъ, такъ то була хороша, а то ще краща стала.

Одпочивъ вінъ тамъ день, або другий, велівъ сідлать коня и поіхавъ знов по границі. Прилітае Соловей, великий розбойникъ, до ёго матери знову да й радятця: якъ би то ёго зъ світу згубить, щобъ на ёго місті здіятьця царемъ? Отъ и каже Соловей, великий розбойникъ: »Десь-недесь е на чистому полі, на роздоллі криниця води, а коло тиі криниці лежить двападцять змиівъ, и тілько одинъ однимъ колодязь во всімъ царстві. Такъ забажай тиі води, щобъ доставъ. Якъ не вбъють ёго тиі двападцять, такъ нигде въ світі вже не вбъють.«

Отъ вінъ вернувсь додому, а вона й кволитця вже, — нездужае, знаешъ.

»Що ви, мамо? чимъ занедужали?«

»Оттимъ и тимъ, сину. Десь-недесь е на чистому полі, на роздоллі колодязь води, и тілько одинъ колодязь у всімъ царстві. Колибъ ти мині привізъ тиі води, такъ я напилась би да й здорова була.«

»Добре«, каже, мамо.«

Осідлали ёму коня, вінъ и поіхавъ. И якъ поіхавъ вінъ на иншую землю, на тридесяте царство, у инше государство; коли жъ

іде навпроти ёго громада така велика людей до тиі криници. Отто зо всёго общества збираютця люде да й везуть тимъ зміямъ двинадцять чоловікъ изъісти. И попереду іде карета: царь свою дочку везе. Одинадцять душъ такихъ, мужицького полу, а двинадцяту царівну везуть. Отъ вінъ порівнявся зъ ними. Грають музики; де-яке плаче, де-яке скаче. Тиі, знаешъ плачуть, которні везуть істи — якъ у насъ у некрути — а другі скачуть. Отъ той царь да цариця ёго побачили; заразъ оболону одчинили и зачали здрастувать-ця: »Здрастуй, здрастуй, Руський царевичу! куди Богъ несе? куди путь-доріженьку держишъ?«

»А, любезниі! а васъ куди Богъ несе?«

»А ми веземо двинадцать душъ на зъідень, щобъ води набрать.«

Отъ царевичъ: »Постойте жъ«, каже, »я поіду до зміівъ, а ви підождіть.«

Царь и звелівъ зупинитьця всёму обществу–громаді середъ шляху.

Приіздить той царевичъ, ажъ такий дикий степъ, роздолъ! и стоіть тамъ криниця, и іхъ двинадцять лежить. Вінъ якъ узявъ зъ ними битьця, якъ узявъ битьця, — побивъ усіхъ. Отъ оддихавъ тамъ трохи, набравъ води да й поіхавъ собі. Приіжджае до тиі громади: »Идіть«, каже, »до води, набирайте: теперъ нема нічого; побивъ усіхъ.«

Громада подякувала ёму; а царівна бере ёго за біли руки, цілуе ёго въ уста, сажае въ карету. Отъ приіжджають вони до-дому и гуляють вони неділю, чи другу. И вони ёго совіщають: »Не ідь вже ти, Руський царевичу, до матери.« А царівна каже: »Не ідь, буду тобі жінкою, а ти мині чоловікомъ. А якъ батько помре, такъ будемъ ми усімъ царствомъ голдувать.«

А вінъ такий не соглашаетця, и хоче таки до своеі матери доіхати и води повезти. И попрощались вони, и на прощанне дала ёму царівна срібний перстень.

Отъ Соловей, великий розбойникъ, дивитця въ прозорну трубу да й говорить: »Іде!... Ну, теперъ ти не моя, а я не твій!«

И не такъ-то хýтко дíло рóбитця, якъ шви́дко въ кáзці скáжетця. Приїздúть вінъ, водỳ привóзить: »Нáте, мáтінко!«

Такъ вонá тò хорóша булá, атó щè крáща стáла.

Отъ вінъ знов̀ъ поживъ недíль зó дві, чи зó три, да знòву поïхавъ по гряни́ці. А Соловéй, вели́кий розбóйникъ припітáє: »Тепéръ не бýдемо вже ми жить у-кýпі, бо ёгó ніхтò не подýжає. Колú хóчешъ«, кáже, »такъ отъ ще спрóбуемъ ёгó конáтами вмотáть.«

Отъ вертáєтця царéвичъ додòму, а вонá знòвъ занедýжала.

»Щò оцé ви, мáтінко, такъ чáсто болíете?«

»Я ще, си́ну мій люби́й, такъ чáсто болію одъ тогó, що боюсь, якъ ти поїдешъ по чужи́хъ зѐмляхъ. Коли́бъ мині́ узнáть, щò ти за си́льний, могýчий багати́рь.«

»Якъ же ти менé, мáтінко, взнáешъ?«

»Дай, мій си́ну люби́й, я тебé обматáю тими́ конáтами.«

И вінъ ій удовóльствие даè. Звелíла вонá слýгамъ принестú конàти да й обматáть ёгó. И вматáли ёгó одъ шиі до сами́хъ нігъ конáтомъ. А вінъ здвигнýвсь, такъ на малéсенькі шматóчки конáтъ и попáдавсь.

Ну, дòбре, си́ну мій люби́й! Дай же ще дрòтомъ уматáю.«

И вінъ положи́вся на Бóга одногó, піддáвсь: »Що хóчешъ, мáтінко, те й роби́.«

Отъ вонá зáразъ обматáла. Здвигнýвсь, да й шкýру опусти́въ коло себé до сами́хъ нігъ.

»Отепéръ«, кáже, »мáмо, я знáю вáше вбрáнне!«

Вихóдить Соловéй, вели́кий розбóйникъ, до ёгó зъ мечѐмъ, и вінъ речѐ: »Солóвъю, вели́кий розбóйнику! січи́ менé да рубáй на дрібнúй шматки́, да вложи́ менé въ торбúнку, да навяжи́ еі конéві да й вижени въ гай.«

Вінъ ёгó зсíкъ, изрубáвъ на шматки́. посклaдáвъ у торокú да й вúгнавъ. Той кінь пішóвъ собі въ гай да й хòдить на вóлі. Колú де ні взялáсь Бáба-Ягá, костянáя ногá; зáразъ пригнáла коня до кринúць |у гаю дві криниці въ еі на прикмéті булó; у однíй сцілюща, а въ другíй живýща водá|; узялá торбúнку, висипала кость

тую, набрала воды сцілющоі, попорськала, —такъ лежить зовсімъ такъ, якъ чоловікъ, тілько неживий. Набрала вона живущоі воды, дала ёму въ ротъ — вінъ и ожйвъ. И каже: »Оце, бабусю, якъ-то я довго спавъ!«

Такъ отъ же преврažний спнъ Соловей! усе кидавъ, усе кидавъ у торокй, да тілько очей не вкинувъ, очей нема, сліпий.

Отъ и привела его Баба-Яга до великоі річки, якъ отъ у Кременчуці, або тамъ де, де суды проходять, да й посадила его на березі. А тутъ очеретъ стоіть. Отъ вінъ зломйвъ собі очеретину да й зробйвъ дудочку, и якъ заиграе у ту дудочку, такъ луна такъ и иде по всій річці.

Коли жъ иде купецъ изъ дорогимъ товаромъ судномъ, и почуе, що вінъ такъ гарно виграває и веливъ робітнику сісти на дуба да подивитьця, що воно е. Приіздить робітникъ до его: »Здрастуй!«

»Здрастуй!«

Хто ти такий е?«

»Я«, каже, »такий и такий каліка.«

»Просить«, говорить, »нашъ хазяинъ-купецъ, щобъ ти до насъ на судину йшовъ.«

»Добре, возьміть.«

Отъ вони его взяли; а вінъ — сказано сильний, могучий багатирь — якъ устае, такъ така филя и встае. Отъ вони й ради ёму. А вінъ и пита: »А куды ви, господа купецъ, приставлятимете товаръ?«

»До царя Дзензея приставлятимемъ товаръ.«

И того самого царя Дзензея дочка за его заручена, якъ по воду іздивъ. Теперъ, може, годъ уже чи й більшъ, якъ вінъ блукае; такъ вона на его надію не кладе: дума, що его на світі немае. И зробила обідъ хороший — понахиди звести по ёму. Отъ и приіжджае купецъ нкъ тому городу. Пристань собі взяли. А вінъ и сидить на улиці. Идуть Християне на обідъ до царівни да й гомонять міжъ собою. Отъ вони собі й байдуже, бо вінъ у поганенькій одежі; вони й не знають, що вінъ такий сильний, могучий ба-

гатирь. Отъ вінъ и просить тихъ людей: »Возьміть и мене зъ собою; я хочъ ложку стрàви візьму на обіді.«

Такъ вони ёго взяли, привели и посадили поміжъ людьми. Хліба доволі, стрáви доволі, горілки то жъ. Отъ після того посилае, знаешъ, царівна одну служебку зъ горілкою, а друга по гривні грошей дае. Отъ дойшли до ёго, дають ему чарку горілки. Вінъ випивъ да й узявъ перстень заручений да въ чарку, да ѝ питае: »Чи ти служебка?«

»Служебка.«

»На жъ оцю чарку да неси до царівни, да не дивись. Бачъ, якъ у мене очи повилазили? такъ и въ тебе повилазять, тілько подивисся.«

Отъ принесла вона царівні чарку; та зирнула да такъ объ полъ и вдарилась. Заразъ веліла ёго служебкамъ узять и вести у будинокъ. Увели ёго въ будинокъ, а царівна Дружнівна брала ёго за білі руки, сажала и цілувала въ уста. Батько й мати возрадовались, що вінъ прийшовъ, хоть каліка; бо вінъ сильний, могучий багатирь, охранитель. Ну, теперъ уже зробили собі заручини и весілля одгуляли, дармо що вінъ каліка. Живуть и хлібъ жують, постоломъ добро возять и діти мішкомъ носять. Поіхали въ лісъ, вирубали на кившъ и одтяли на корець, отъ и казці конець. А якъ-би вони зробили кившъ, то ще бъ казки було більшъ.

Записавъ сказку (продолжалъ г. Жемчужниковъ), я спросилъ у *діда*: гдѣ же мать этого ребенка, котораго онъ качаетъ:

»Атъ, ходить по селу. Дома сидіть не любить. Якъ заставила страву въ пічъ, то хиба въ обідню годину вернетця.

»Се твоя дочка?«

»Да дочка жъ.«

»А чоловікъ еі де?«

»Атъ!... чортъ знае де!«

Дідъ съ неудовольствіемъ кивнулъ головою. Я перемѣнилъ разговоръ.

»Якъ тебе́, діду, зову́ть?«

»По оте́честву я прозива́юсь Левче́нко, а на имя́ Опопрій.«

»Ну, спасибі жъ тобі за ка́зку; піиду́ тепе́ръ я обідать.«

»А хиба́ й ви́ ще не обідали?«

»Ні.«

»Отъ ба́чъ! такъ якъ и я́. Ніколи передъ ве́чоромъ попоіси́, ждучи́ тиі гульвіси.«

»А пообідавши я зно́въ до тебе́ прийду́.«

»Да й прихо́дьте жъ. Ми до́брого чоловіка не цура́емось.«

Когда я послѣ обѣда шелъ опять къ діду, уже вечерѣло. Небо было свѣтло и окрасилось желтовато-краснымъ цвѣтомъ. Картина была вполнѣ зимняя и великолѣпная. Прихожу и въ сѣняхъ еще слышу оханье и тяжелые вздохи. Дідъ по-прежнему сидѣлъ на печи, по-прежнему колыхалъ внучка, который какъ-будто на то и существовалъ, чтобы спать въ своей оборванной люлькѣ. Посмотрѣлъ я на діда: глаза у него выпучились; онъ тяжело дышалъ и на мое привѣтствіе кивнулъ мнѣ только головою. Однакожъ замѣтилъ, что мой тулупъ былъ весь въ снѣгу и спросилъ прерывистымъ голосомъ: Хиба́ жъ на дворі хуртови́на?«

»Ні, діду«, отвѣчалъ я; »се, якъ я одчиня́въ две́ри, такъ зама́завъ собі пле́чи въ снігъ. А що́ се ти, діду, такъ ва́жко ди́шешъ? незду́жаешъ, чи що́?«

»Я, добро́дію, бу́въ коли́сь кре́мень, а тепе́ръ и гу́бки не сто́ю... Сла́ва Бо́гу, добродію... о̀тъ прокля́тий ка́шель!... доживаю тре́те поколіпие... (и закашлялся). Я й ба́бці служи́въ. и ма́тері па́новій служи́въ... кахи́! кахи́?... а тепе́ръ и імъ довело́сь... бгу! бгу!... служи́ти. Я усю́ди бува́въ, усю́ди мене́ поси́лано. Я и у Ніженці [1] бувъ, и у Польці бувъ. и у Кременчуці бувъ...«

Я зналъ, что онъ исправлялъ прежде должность приказчика и — надо прибавить — пользовался господскою довѣренностью

[1] Въ Нѣжинѣ.

не совсѣмъ честно: но объ этомъ онъ умалчивалъ и, къ чести его сказать, не обвинялъ господъ ни въ чемъ, какъ обыкновенно водится у сверженныхъ за злоупотребленія приказчиковъ. Жаль мнѣ однакожъ было смотрѣть на его безпомощную старость, на которую онъ вовсе не разсчитывалъ, округляя свои доходы. Но это дѣло постороннее моему разсказу.

Дідъ снова началъ охать и тяжело стонать. Глаза его налились кровью. У него было удушье.

Внучекъ впервые при мнѣ повернулся въ люлькѣ и пробормоталъ сквозь зубы: »Чи мáти прийшлá?... дідýсь... дідýсь!«

Дідъ началъ колыхать его усерднѣе прежняго и сказалъ только: »Спи жъ, спи!«

Ребенокъ снова заснулъ, а дідъ кряхтѣлъ потихоньку на печи. Я ожидалъ минутъ пять, пока онъ заговоритъ со мной. Но онъ молчалъ.

»Діду!« сказалъ я наконецъ, »чи не прийтú мині дрýгимъ рáзомъ, лýччимъ чáсомъ? Тобі тепéръ не въ моготý роскáзувать.«

»Тó-то и è, добрóдію. А тутъ зáразъ и тèмно бýде.«

Да по томý ще не бідá.«

»Хибá въ васъ світло е?«

»Е.«

Дідъ молчалъ.

»Такъ ти діду нездýжаешъ тепéръ роскáзувать?

»Чомý?« отвѣчалъ дідъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. »Чомý не роскáзувать? абú слýхали.«

Видно, ему сдѣлалось легче, и онъ позабылъ о томъ, какъ онъ себя чувствовалъ, назадъ минуту. Я зажегъ принесенную съ собой свѣчку, и онъ началъ новую сказку, возвысивши голосъ, такъ какъ-будто я былъ глухъ, или какъ-будто онъ обращался къ многолюдному собранію.

СКАЗКА ОБЪ ИВАНѢ ГОЛИКѢ И ЕГО БРАТѢ.

Десь-нéдесь въ тридесятому цáрстві, въ йиншому госудáрстві живъ царь зъ цари́цею, чи князь изъ княгúнею и бýло въ іхъ два

сипи. Отъ князь и каже своімъ синамъ; що »ходімо зо мною до моря, послухаемъ, якъ морські люде пісні співатимуть.« Отъ воні и пішли. Идуть гаемъ. Князь и захотівъ вивідать у своіхъ синівъ правди: которий зъ нихъ на одшибі буде, а которий на его царстві хозяйствуватиме. Идуть гаемъ, коли жъ стоіть три дуби у-купі. Князь глянувъ да й питае свого старшого сина: Сину мій любий, що бъ изъ сіхъ трохъ дубівъ було?«

»А що жъ«, каже, »батюшко? була бъ изъ іхъ добра комора; а якъ-би попилять, то гарні дошки були бъ.«

»Ну«, каже, »синку, ти будешъ хороший хазяінъ.«

Тоді питае й меншого: »Ну, а ти, синку, що бъ изъ сіхъ дубівъ зробивъ?«

Вінъ и каже: »Батько мій любий! коли бъ мині була воля да сила, я бъ третёго дуба зрубавъ да переложивъ на тиі два, да скілько є князівъ и панівъ, я бъ іхъ усіхъ вивішавъ.«

Князь почухавъ голову и замовкъ.

Отъ прийшли до моря, стали усі глядіть, якъ риба грае; а князь узявъ да меншого сина й пхнувъ у море: »Пропадай же«, каже, »лучче самъ, ледащо!«

Тілько що батько сина у море пхнувъ, его китъ-риба заразъ и вхопила. Вінъ у іи и ходить. Давай та риба хватать вози зъ волами и кіньми. Ходить вінъ у рибі, перешукуе, що есть у возахъ, тимъ и харчуєтця; да якось и знайшовъ у одному возі люльку, тютюнъ и кресало. Узявъ, у люльку тютюну наклавъ, викресавъ огню и давай курить. Одну люльку викуривъ; наклавъ другу, викуривъ; наклавъ и третю, викуривъ. Отъ та риба одъ диму и вшилась, приплила до берега и заснула. А по березі ходили охотники. Ходили охотники, а одинъ побачивъ да й каже. »Отъ же, братця, по гаяхъ скілько ходили, да нічого не знайшли. Чи ви бачите, онъ, яка риба коло берега лежить? Давайте іи стрелять!«

Отъ стреляли іи, стреляли; потімъ познаходили тупорі и давай іи рубать. Рубали, рубали, коли жъ чують — кричить у іи у середині: »Эй, братця! рубайте рибу, да не зарубайте Християнськоі крові.«

Вони́ зъ ляку якъ кинутця! и повтіка́ли. Отъ вінъ у дірку ві́лізъ, що охо́тники прорубáли, вийшовъ на бéрегъ да й сиди́ть. Сиди́ть собі гóлий — бо на ёму́ що було́ убра́ння, погнило́ ужé: мо́же, вінъ цілиій го́дъ бувъ у ри́бі — и ду́мае собі: »Якъ мині тепéръ у світі жить?«

А той ста́рший братъ зробивсь ужé самъ вели́кимъ па́номъ. Ба́тько вмѐръ, такъ вінъ и зоста̀всь хазя́йномъ на всій дéржаві. Не каза́въ би то и поміжъ на̀шимъ бра́томъ, якъ умрѐ хто, збира́ютця люде да й су́дятця: такъ и поміжъ князя̀ми. Позбира́лись су̀дді, сенато́рі, присуди́ли ёму́ женитьця, тому́ молодо́му князеві, и іде вінъ шука́ть собі дру̀жби, а за імъ вели́кий поїздъ. Іде, коли́ жъ сиди́ть го́лий чоловікъ. Отъ и посила́е вінъ слугу́: »Пійди́ спита́й, щò то за чоловікъ?«

Той прихо́дить: »Здоро̀въ!«

»Здра́стуй!«

»Щò«, ка́же, »ти такé?«

»Я«, ка́же, »Ива́нъ Го́ликъ. А ви хтò такі́?«

»Ми зъ такóі й такóі землі, ідемо шука́ти своéму князеві дру̀жби.«

»Пійди́ жъ ти своéму князеві скажи́, що іде вінъ сва̀татьця, да безъ мене́ не посва̀таетця.«

Той верну̀всь до князя — такъ и та̀къ. Князь приказа́въ за́разъ слу̀гамъ одімкну́ть чимайда́нъ, вийня́ть ёму́ соро́чку, нонтоло́ни, увéсь струмéнтъ. Той у во́ду вско́чивъ, обполоска́вся, убра́всь. Привели́ ёго́ до князя; вінъ и речѐ князеві: »Ужé жъ коли́ мене́ взялѝ зъ собо́ю, такъ усі мене́ й слу̀хайте. Бу̀дете слу̀хать, то бу̀демъ на Русі, а не бу̀дете — пропадемо́ всі.«

Князь сказа́въ, що »до́бре«, и звелівъ усімъ ёго́ слу̀хать.

Ідуть собі, коли́ сè — ми́шаче військо. Князь хотівъ такъ по ми́шамъ и йти; а Йванъ Го́ликъ: »Ні«, ка́же, »підождіть, дайте ми́шамъ доро́гу, щобъ не заняли́ ні одні ми́ши й шерсти́ною.«

Тутъ усі на́ бікъ звернули. За́дня ми́ша оберну́лась да й ка̀же: »Ну, спаси́бі тобі, Ива́не Го́лику, не да̀въ ти моéму війську пропасти, не дамъ я й твоéму.«

Ідуть дальше, колй се — идé комáръ изъ своімъ вiйськомъ, що не мóжна ii очіма глянуть. Налітáе комáрський девизённий генерáлъ: »Эй Ивáне Гóлику, дай моему вiйську, крові напитьця! Якъ дасй, то ми тобі у великiй пригóді стáнемо; а не дасй, такъ не бýдешъ на Русі.«

Вінъ зáразъ сорóчку зъ себé спустивъ и велівъ себé звязáть, щобъ не вбить ні одногó комарá. Комарі нассáлись и полетіли.

Ідуть по-надъ бéрегомъ, колй чоловікъ піймáвъ дві щýки въ мóрі. Ивáнъ Гóликъ и кáже князеві: »Купімъ оті дві щýки въ чоловіка да пýстимъ у мóре назáдъ.«

»Нá що?«

»Не питáй, нá що, а купімъ.«

Купйли тиі щýки и назáдъ у мóре пустили. Вони обернýлись и кáжуть: »Спасибі тобі, Ивáне Гóлику, що не давъ намъ пропáсти. Ми тобі у великій пригóді стáнемо.«

И не такъ-то хýтко діетця, якъ швидко въ кáзці кáжетця. Ідуть вонй тамъ, мóже, тйждень, чи щó; приíжджáють на йншу зéмлю, на тридесяте цáрство, въ йнше государство. А въ тому цáрстві царювáвъ змій. Будинки видно великі, а двіръ кругóмъ обстáвленний залізними пáлями, и на кóжній пáлі усé понастрóмлювані рáзного вiйська гóлови, а коло самйхъ ворітъ на двадцяти пáляхъ немá голівъ. Стáли вонй дохóдить, стáла князеві тýга до сéрця приступáть, и речé князь: »А на сіхъ пáляхъ, Ивáне Гóлику, чи не доведéтця нáші гóлови настрóмлювать!«...

Дідъ началъ вечернюю свою сказку очень храбро, вскрикивая съ какимъ-то свирѣпымъ выраженіемъ на такихъ мѣстахъ, какъ »налітáе комáрський девизённий генерáлъ«; но удушье часто заставляло его прерывать свой разсказъ, и наконецъ онъ выбился изъ силъ. »Ні, вже сёгóдні не докажý!« сказалъ онъ наконецъ. »Нехáй зáвтра.«

Я собрался идти домой и только теперь разсмотрѣлъ дідову дочь, которая вошла потихоньку въ хату въ то время, когда дідъ былъ въ полномъ разгарѣ своего сказочнаго жару и, бросая во

всѣ стороны страшные взгляды, какъ-будто говорилъ, чтобъ ему не мѣшали. Это была молодая, очень красивая, но весьма убого одѣтая женщина, съ быстрыми черными глазами, которые не смущались, встрѣчаясь съ моими, какъ у другихъ Малороссiйскихъ поселянокъ. Она молча грѣлась около печи и теперь заговорила со мною.

»Хибá жъ ви не боiтéсь самí йти у-ночí?«

»Нi, не боюсь.«

»Тéмно; собáки.«

»Байдужé мині!«

И я вышелъ. А на дворѣ была уже ночь. На западѣ едва замѣтенъ былъ вечернiй отсвѣтъ солнца. Молодой мѣсяцъ стоялъ высоко на небѣ. Небо было чисто; но землю покрывалъ густой мракъ. Только въ хатахъ сiяли огоньки. Кой-гдѣ уже собрались на вечерницы. Слышны были вдали пѣсни и говоръ, особенно, когда кто отворялъ дверь въ хату.

Утромъ 2-го декабря я опять отправился къ дiду. Онъ уже не былъ такъ страшенъ, какъ наканунѣ вечеромъ.

»Щó, дiду, дóбре спавъ?«

»Якiй мiй сонъ! Бáчте, якъ é — на колiнахъ; дакъ колй трóхи задрiмáю оттáкъ, то й дóбре.«

Дiдъ почти не слѣзаетъ съ печи и все его развлеченiе состоитъ въ томъ, что онъ укачиваетъ своего внучка и ухаживаетъ за нимъ, какъ нянька. Такъ проходитъ у него вся зима. Лѣтомъ его всякой разъ зовутъ въ ту хату, въ которой случится покойникъ. Надъ покойникомъ обыкновенно сидятъ всю ночь и стараются всѣми мѣрами не уснуть. Для этого сходятся въ хату сосѣди, и дiдъ нашъ всю ночь баетъ имъ сказки. Я распрашивалъ у него объ этихъ ночныхъ бдѣнiяхъ. Они не имѣютъ въ себѣ ничего мрачнаго и унылаго. Покойникъ лежитъ на столѣ, а народъ, набившись въ хату, попиваетъ водочку, закусываетъ и болтаетъ всякую всячину. Когда истощатся толки о повседневныхъ случаяхъ сельской жизни, о смѣшныхъ, ужасныхъ, или соблазнительныхъ приключенiяхъ, о попахъ, о вѣдьмахъ, о становомъ,

о чортѣ, о Жидахъ и Цыганахъ, — бодрствующее надъ покойникомъ общество обращается къ діду; дідъ грозно требуетъ, чтобъ ему никто не перебивалъ, и уноситъ воображеніе слушателей въ сказочный міръ, захватывая туда и ихъ обычаи, ихъ хаты и хозяйство, ихъ чумацкій и земледѣльческій бытъ. Иногда дідъ заѣдетъ съ своими слушателями и въ Великорусскую сказку, къ Бовѣ Королевичу, но, благодаря родной обстановкѣ, они и тамъ чувствуютъ себя какъ дома; таютъ Московскіе снѣга отъ ихъ переселенія, и Южно-Русская рѣчь звучитъ во дворцѣ королевны Дружневны, какъ будто посреди чумацкаго табора... Дідъ съ удовольствіемъ разсказывалъ мнѣ о посидѣлкахъ надъ покойникомъ; но потомъ призадумался и сказалъ:

»Иноді я лежу́ самъ собі въ ха́ті да й гада́ю: що чи нема́ у тому́ гріха, що я оце́ казки́ роска́зую? Уся́чину прихо́дитця перебира́ть у ка́зці, — на те вже вона́ ка́зка. Такъ мині отъ и тепѐръ прийшло́ на ду́мку, що, мо́же, я грішу́ передъ Бо́гомъ милосе́рдимъ, що такі рѐчи кажу́. Мині тре́ба бъ уже́ тілько Бо́гу моли́тьця, а не таке́ роска́зувать.«

Я началъ убѣждать его, что въ этомъ ничего дурного нѣтъ, а въ самомъ дѣлѣ я чувствовалъ, что дідъ былъ правъ!

Онъ однакожъ успокоился моими увѣреніями и заговорилъ веселѣе:

»Разъ я хожу́ коло́ хліба сто́рожемъ у-почі, ажъ иду́ть згонщики, табу́нщики. Огонь на̀ полі запали́ли: сидя́ть: и я̀ до іхъ прийшо́въ да й бала́каємъ. Поси́дівъ да й иду́ до хліба, а вони́ ка́жуть: »»Повече́рай, діду, зъ на́ми.«« — »»Добре.«« Гріємось собі коло́ огню́. А вони́: »»Ти, мо́же, казо̀къ зна́ешъ? а ми любимъ ду̀же казки́. Коли́ бъ ти діду сказа̀въ намъ ка́зку, ми бъ залюбки́ послу́хали.«« — »»Знаю««, кажу́, »»тро́хи««, да й поча̀въ імъ каза́ть, и каза́въ усю́ ні́чъ — ніхто́ и не спа̀въ. Такъ вони́ мині й гро̀шей дали́...«

Я принялъ къ свѣдѣнію этотъ намекъ и напомнилъ діду, что пора продолжать вчерашнюю сказку. Дідъ возвысилъ голосъ и началъ:

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

... »А на сіхъ паляхъ, Иване Голику, чи не стриміть«, каже, »нашимъ головамъ!«

»Побачимо!« каже.

Приіхали туди, коли жъ змій зустрівъ іхъ, наче й добрий; принявъ за гостей; звелівъ увесь поіздъ нагодувать, а князя узявъ изъ собою и повівъ у будинокъ. Ну, тамъ собі пьють-гуляють, хороші мислі мають. И въ того змія дванадцять дочокъ, якъ одна. И вивівъ іхъ змій до князя и росказавъ, котора старша, а котора підстарша, и до послідней. Такъ сама менша більше всіхъ князеві підъ нарову пішла. Гуляли вони до вечора. У-вечері давай прощатьця, йти спать. Отъ змій князеві й каже: »Ну, котора дочка краща?«

Князь и каже: »Менша мині найкраща; меншу буду сватать.«

Змій каже: »Добре, тілько я дочки не оддамъ, поки не зробишъ усего того, що я тобі буду приказувать. Поробишъ усе, такъ оддамъ за тебе дочку; а не поробишъ, такъ загубишъ свою голову, и поіздъ твій тутъ увесь поляже.«

И приказуе ему: »У мене есть на гумні триста скирдъ усякого хліба. Щобъ вінъ до світа бувъ увесь перемолочений и щобъ було такъ: солома къ соломі, полова къ полові, зерно къ зерну.«

Отъ князь иде до свого поізду почувать да й плаче. А Иванъ Голикъ побачивъ, що вінъ плаче, да и пита: »Чого ти, князю, плачешъ!«

»Якъ же мині не плакать? отте и те загадавъ мині змій.«

»Не плачъ«, каже, »князю, лягай спать; до світу все буде зроблене.«

Якъ вийде Иванъ Голикъ на двіръ, якъ свисне на мишей! де ті миши понабирались и кажуть: »На що ти насъ, Иване Голику, кличешъ?«

»Якъ мині не кликать васъ? Загадавъ змій, щобъ усі скирти, що въ его на гумні, до світу перемолотить и щобъ солома къ соломі, полова къ полові, зерно къ зерну було.«

Якъ запищять тиі мыши, якъ шатнулись на гумно! зобралось іхъ стілько, що й ступить нігде. Якъ узяли робить — ще й на світъ не поблагословилось, а вони вже й кончили. Пішли, Ивана Голика збудили. Той прийшовъ — скирти якъ стояли, такъ и стоять; полова особо лежить, а зерно то-жъ особо. Иванъ Голикъ и просить іхъ, щобъ подивились, чи нема ще въ якому колоску зерна. Вони якъ шатнулись, такъ ні одніеі мыши и не побачишъ у соломі. Повилазили й кажуть: »Ні, нема нігде; не бійсь, ніхто не знайде ні зернини. Ну, теперъ же ми тобі, Иване Голику, одслужили. Прощай!«

Вінъ ставъ и стереже, щобъ ще хто й кабіжу не наробивъ. Коли се — князь иде шукать ёго. Найшовъ; дивуетця, що такъ изроблено усе, якъ змій казавъ; дякуе Ивану Голику и пішовъ до змія. И приходять у-двохъ изъ змиемъ. И дивуетця самъ змій. И поклйкавъ дочокъ, щобъ пошукали у соломі зерна и чи не одирваний де колосокъ. Отъ дочки шукали-шукали — нема. И рече змій: »Ну добре, ходімъ; до вечора будемъ пить и гулять, а въ-вечері упять роботу загадаю на завтра.«

Отъ догуляли до вечора; вінъ и загадуе: »Сёгодні въ-ранці менша дочка моя у морі купалась...«..

Но тутъ ребенокъ проснулся и началъ плакать. Видно, ему было холодно. Дідъ приказалъ дочери, которая всё только грѣлась у печи, укрыть его потеплѣе и опять принялся колыхать люльку. Ребенокъ успокоился и уснулъ. Онъ чувствовалъ, что сонъ — лучшее благо въ его пасмурно начинающейся жизни.

»Да, у васъ сёгодні холодно!« сказалъ я, ходя по хатѣ.

»А на що жъ ви скинули кожухъ?« отвѣчала дідова дочь.

Котенокъ жался очень печально около теплой золы на припечкѣ.

»Яке въ васъ кошеня худе!« сказалъ я.

»А чого ёму буть гладкому, коли у насъ у самихъ нічого істи?« сказала молодица.

Дідъ молча ворочался на печи и потомъ обратился ко мнѣ: »Ну, яке ви мині дасте награжденіе, добродію?«

»А яке жъ! грошей дамъ.«

»Отъ за те скажу спасибі!... грошей... я буду дякувать за се... Мині отъ що треба: коли бъ ви дали мині грошей на хату, я бъ вамъ дякувавъ да и на тімъ би світі молився Богу, щобъ не оставивъ васъ.«

»А багато треба на хату?« спросилъ я.

»Чотирп дошки!« отвѣчалъ дідъ, а его дочь прибавила: »Се вони говорять на труну, значить.«

»Хиба жъ у васъ немає грошей и на труну?«

»Немає, папе!«

Я молчалъ. Дідъ то-же молчалъ.

»Ми сёгодні витопили для васъ добре«, начала опять молодица; »ато, бачте, ажъ черезъ два дні варили. Імо самий хлібъ; немає й соли; нічого й варить; а купить ні за що.«

Я всё молчу. Дідъ потихоньку вздыхаетъ на печи.

»Нічъ не спишъ«, продолжала молодица, »а тутъ иие й воно мале нездужає, да такъ, що не дасть и одпочить. Колибъ хоть батько...«

»А батько жъ де?«

»У москалі оддали.«

»Якъ заробивъ, такъ нехай и одвіча«, сказалъ вздохнувши дідъ. »Я ёму говоривъ: *Не рушъ чужого!*... Отъ теперъ черезъ ёго да й ми опобиваємось.«

И опять замолчалъ вздохнувши. Теперь я понялъ всю исторію семейства, въ которомъ отъ бѣдности рождалось безпутство, а отъ безпутства бѣдность. И надобно сказать, что такихъ семействъ слишкомъ, слишкомъ много встрѣчалъ я въ такъ называемой *блаженной* Малороссіи!

Дідъ, какъ видно, въ старости покаялся и старался быть нравственнымъ, какъ только его научили въ молодости.

»Сёгодні свята пятниця«, сказалъ онъ, »а я вірую въ Бога милосердного (тутъ онъ началъ смотрѣть на образа и креститъ-

ся), піств держу́, по̀стую. Сёго́дні до самі́сінького вѐчора ніч́о́го не ім'ъ.«

»Діду!« сказалъ я, »скоро пора́ мині пти́ обідать; такъ колибъ ти вже кінча́въ ка́зку!«

»Эгѐ, добро́дію! не ско́нчимо до обідъ!«

»А ти жъ учо́ра ду́мавъ за вѐчіръ ско́нчить!«

»Ду́мавъ, а мо́же й ні. У мене́ такі казки́ є, що одніі за́ нічъ не переслу́хаешъ.«

»А все такі кажи́; я бу́ду писа́ть.«

»Да й пишіть же... Що̀ бакъ ми тамъ каза́ли?... Эге́, эге́? зна́ю.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

...»Сёго́дні въ-ра́нці ме́ппа дочка́ моя́ у мо́рі купа́лась и впустила пѐрстень у во́ду; шука́ла-шука́ла — не знайшла́. Якъ зна́йдешъ за́втра да принесѐшъ, по́ки сіда́ть обідать, такъ бу́дешъ живъ, а не зна́йдешъ, такъ тутъ вамъ и капу́тъ.«

Князь иде́ до своіхъ да й пла́че. Іва́нъ Го́ликъ поба́чивъ его́ да й пита́е: »А чого́, кня́зю, пла́чешъ?«

»Оттака́ й така́«, ка́же, »напа́сть.«

Іва́нъ Го́ликъ и говорить: »Брѐше змій: він са́мъ у до́чки пѐрстень узя́въ и сёго́дні ра́но по-надъ мо́ремъ літа́въ и пѐрстень уки́нувъ. Ляга́й спа́ть. Я за́втра пійду́ до мо́ря, чи не доста́ну.«

Наза́втра въ-ра́нці прихо́дить Іва́нъ Го́ликъ до мо́ря, якъ крікне багатирськимъ го́лосомъ, молоде́цькимъ по̀свистомъ, дакъ такъ усе́ мо́ре й забушова́ло. Тіі дві щу́ки припливли́ до бе́рега, що він уки́нувъ, и ка́жуть: »На́ що ти насъ, Іва́не Го́лику, кли́чешъ?«

»Якъ мині васъ не кли́кать? Змій сёго́дні ра́но по-надъ мо́ремъ літа̀въ и вки́нувъ пѐрстень. Шука́йте всюди. Якъ зна́йдете, такъ бу́ду я живъ: а не зна́йдете, та́къ змій изгу́бить мене́ зъ світу.«

Вони́ й поплили́ и дѐ вже не виплавали по́ морю, дѐ вже не шука́ли? нема́! Поплили́ до своеі ма́тері и ка́жуть, що оттаке́ и

такѐ góре. Мáти й кáже імъ: »Пéрстень той у менѐ. Жаль мині ёгó, а васъ ищѐ жальнійше.« Да й вѝкинула зъ сéбе пéрстень. Воні прийшлѝ до Ивáна Гóлика и кàжуть: »Отъ же тобі й нáша одслýга. Насилу знайшлѝ.«

Ивáнъ Гóликъ тимъ двомъ щýкамъ подя́кувавъ и пішóвъ. Прихóдить, ажъ князь изнòвъ плáче, бо змій ажъ двійчи присилáвъ за нимъ, а пéрсня немà. Якъ побàчивъ Ивáна Гóлика, дакъ такъ и підскòчивъ: »Ащò, пéрстень є?«

»Есть«, кáже. »Отъ же змій и сáмъ идé.«

»Нехáй теперъ идé!«

Змій на порігъ, а князь и собі, и вдáрились лобáми. Змій сердитий. »А щò, пéрстень є?«

»Отъ вінъ! тілько не оддáмъ тобі, а оддáмъ томý, у когó ти взя́въ.«

Змій осміхнýвсь и кáже: »Дóбре! ходімъ же обідать, бо въ менé есть гòсті и давнò тебé дожидáемось.«

Пішлѝ. Князь ухóдить у будѝнокъ, колѝ змійвъ сидіть одинáдцать. Вінъ давáй изъ нимѝ здорòвкатьця. Тоді підійшóвъ до дòчокъ, вѝнявъ пѐрстень и кáже: »Которòи пéрстень?«

Мéнша покраснíла й кáже: »Мій.«

»Колѝ твій, такъ возьмѝ, бо я все мòре вѝбродивъ, ёгó шукáючи.«

Всі засміялись, а мéнша подя́кувала.

И пішлѝ усі обідать. За обідомъ, при гостяхъ, змій и кáже: »Ну, князь, пообідавши спочѝнемъ, а тоді прихòдь. У менé есть лукъ у сто пудъ. Якъ вѝстрелишъ при всіхъ оцихъ гостяхъ, такъ оддàмъ дочкý.«

Пообідавши пішлѝ усі одпихáть; а князь скорій до Ивáна Гóлика и говóрить ёмý: »Оттепéрь пропáли: такá й такà річъ!«

»Дурнѝця!« кáже Ивáнъ Гóликъ. »Якъ принесýть той лукъ, такъ ти подивѝсь на ёгó и скажѝ змію, що »я сімъ лýкомъ не хòчу срамѝтьця и що въ менé всякий слугà изъ ёгó вѝстрелить«;

да звелѝ мене́ поклѝкать. Я вѝстрелю такъ, що вже більшъ нікомý не загадáють стрелять.«

Князь, поговорѝвши зъ нимъ, пішóвъ до змія. У будѝнкахъ изъ дóчками й гуляе. Колѝ се — нескóро змій виходить изъ гостьмѝ, и за нимъ несýть лукъ и стрілý у пятьдесятъ пудъ. Князь, якъ глянувъ, изъ рáзу злякався. Вѝнесли той лукъ на двіръ, и всі повихóдили. Князь кругóмъ лýка обійшóвъ да й кáже: »Я сімъ лýкомъ не хóчу й срамітьця, а позовý кого-нéбудь изъ своіхъ слугъ, то кóжний зъ ёгó вѝстрелить.«

Тутъ змії одѝнъ на одногó зглянулись и кáжуть: »А ну, ну, нехáй попрóбуе.«

Князь и закричáвъ: »Пошліть мині Ивáна Гóлика!«

Той прихóдить. Князь и кáже: »Візьмѝ оцéй лукъ да вѝстрели.«

Ивáнъ Гóликъ лукъ підняв, стрілý заложѝвъ; якъ вѝстреливъ, такъ шматóкъ у двáдцять пудъ и одломѝвсь одъ лýка. Князь тоді стóя й кáже: »Отъ бáчите? якъ-бѝ оцé я вѝстреливъ, такъ ви бъ мене́ й острамѝли.«

Ивáнъ Гóликъ тоді пішóвъ до своіхъ, застромѝвши шматóкъ лýка за голянѝщу; а князь изъ зміівнами у будѝнокъ. Змії жъ зостáлись на дворі и все рáдились, щò бъ ёмý цè загадáть зробѝть. Порáдившись и пішлѝ у будѝнокъ. Змій увійшóвши щось шепнýвъ мéншій дочці на ýхо. Вонá пішлá, а вінъ за нéю. Тамъ дóвго говорѝли; пóтімъ вихóдять; змій и кáже: »Сёгóдні вже нерáно; нехáй зáвтра въ-рáнці. У мене́ есть кінь за дванадцятьмá дверѝма; то якъ поіздишъ на ёмý, такъ оддàмъ дочкý.«

Отъ погуляли до вéчора, поросхóдились спáть; князь прихóдить и роскáзуе Гóлику. Той вѝслухавши й кáже князеві: »А ти дýмаешъ, нá що я взявъ той шматóкъ лýка? я вже знавъ, що се бýде. Якъ же підведýть тобі коня, то ти подивѝсь на ёгó да й скажѝ: »»Не хóчу я на сёмý коню іздить, щобъ не острамѝтьця »такъ якъ лýкомъ, а нехáй поіде мій слугá.«« А то не кінь бýде, а ёгó мéнша дочкà. Ти на еі й не сядешъ, а я еі дòбре провчý.«

Отъ устáли въ-рáнці. Прихóдить князь у будѝнокъ, поздо-

рóвкався зо всіми, дúвитця — одинáдцятеро дóчокъ, а двапáдцятоі немá. Змій уставъ и говóрить: »Ну, князю, ходімо на двіръ, бо скóро вiведуть коня; бýдемъ дивíтьця, якъ вестúмуть.«

Повихóдили усі, дúвлятця, ажъ ведýть коня двóе змíівъ, и то зъ велúкою сúлою дéржать, — такъ іхъ обóхъ на голові ĭі нóсить. Привелú передъ рундýкъ; князь обіішóвъ кругóмъ, подивúвсь да й кáже: »Щó жъ ви говорúли, що коня приведетé? а тепéръ привелú кобилúцю. На сій кобилúці я іздить не хóчу, щобъ не острамúтьця, такъ якъ учóра лýкомъ; а позвý своѓó слугý, нехáй вінъ поіде.«

Змій кáже: »Дóбре! нехáй поіде.«

Князь позвáвъ Ивáна Гóлика и прикáзуе ёмý: »Сідáй на сю кобилúцю да прогуляйся.«

Ивáнъ Гóликъ якъ сівъ; змíі кобилúцю й пустúли. Якъ понеслá жъ вонá ёгó, то ажъ підъ хмáру; а відти спустúлась и вдáрилась объ зéмлю, такъ що ажъ земля застогнáла. А Йванъ Гóликъ тоді якъ вíзьме зъ-за халяви двадцятипудóвий кусóкъ лýка и давáй ei чúстить. Вона схопúлась и понеслá ёгó всюди, а вінъ ei все бъе промíжъ ýши. Отъ носúла ёгó, носúла, дàлі бáчить, що нічóго не збробить, давáй просúтьця: »Ивáне Гóлику, не бий менé; загáдуй мині, що хóчешъ; усé для тебé зроблю.«

»Мині«, кáже, »нічóго робúть не трéба, а тільки якъ приіду я до князя, то щобъ ти колó ёгó впáла и нóги простяглá.«

Вонá дýмала-дýмала. »Ну, нічого«, кáже, »съ тобóю робúть.«

И понеслá ёгó по-надъ дéревомъ, колó князя спустúлась, на зéмлю впáла и нóги одкúдала.

Князь и говóрить: »Бáчте, якúй сóромъ! А ви хотіли, щобъ я на сій кобилúці іхавъ.«

Змію стúдно стáло передъ імъ, да робúть булó нічого. Походúли пó саду и пішлú обідать. Колú ĭі мéнша дочкá іхъ зостріла, давáй здорòвкатьця. Князь дúвитця на ei, такъ тò хорóша булá, а тепéръ щé лýчча стáла. Посідáли обідать, змій и кáже: »Ну, князю, ужé жъ після обідъ вúведу я своіхъ дó-

чокъ па двіръ. Якъ пізпаєшъ, де мéнша, такъ тоді и весілля бýдемъ гуля́ть.«

Після обідъ змій повівъ своіхъ дóчокъ одягáть, а князь пішóвъ до Івáна Гóлика па порáду, щò ёмý робúть.

»А òтъ що«, кáже. Зáразъ засвистáвъ — комáръ и прилетівъ. Віпъ ёмý росказáвъ усю пригóду. Комáръ и кáже: »Ти памъ ставъ у пригóді, и я тобі стáну. Якъ вúведе змій іхъ па двіръ, то пехáй князь дúвитця — я бýду літáть падъ еі головòю. Нехáй обійде іхъ кругóмъ одúнъ разъ — я бýду літать, и дрýгий разъ обійде — я літáтиму, а трéтій разъ якъ бýде обіхóдить, то я сяду у еі па нóсі и вопá не втéрпить могó кусáння, махпé правóю рукòю.«

Се сказáвши, комáръ нолетівъ у будúнокъ. Колú присилáе змій за княземъ. Князь прихóдить, колú тамъ стоя́ть усі дванáдцять дóчокъ, и па іхъ усé одпàкове, якъ лицé, якъ кóси, якъ плáття. Вінъ на іхъ дивúвсь-дивúвсь — піякъ не пізнáе: зовсімъ не ті панночкú стáли, що булú. Отъ віпъ у пéрвий разъ обійшóвъ — не побáчивъ комарá; дрýгий разъ почáвъ обхóдить, колú сè — літá падъ головóю. Вінъ ужé й очéй не спускá зъ тогó комарá. Якъ почàвъ трéтій разъ обхóдить, той комáръ па нóсі у еі сівъ и давàй кусáть. Вопá рукóю мàхъ! а князь за еі: »Оцè моя!« и привівъ еі до змія.

Змій — нікуди дітьця: »Колú пізнàвъ«, кáже, »свою молодý, такъ сёгóдні зáчнемо й весілля гуляти.«

Почалóсь весілля. Повінчáли іхъ у-вéчері. Тутъ гуля́ли, изъ пýшокъ стреля́ли и чогó пе робúли? Ужé отъ скóро спать вестú. Тоді Івáнъ Гóликъ одозвàвъ князя да й кáже: »Ну, князю, глядú жъ, щобъ зáвтра памъ и додòму іхать, бо тутъ памъ добрá пе мúслять. Да ще слýхай: прошý я тебé, не доймáй жінці віри до семú гòдъ; хоть якъ вопá бýде до тебé лéститьця, а ти ій усіі прáвди пе кажú; а тó якъ роскàжешъ, то й ти, и я пропадемó.« ....

Дідъ говорилъ въ этотъ разъ слишкомъ долго и съ большимъ увлеченіемъ. Я то-же усталъ писать, да ужъ пора была и объ-

дать. Мы разстались до слѣдующаго утра, потому что вечеръ былъ опредѣленъ у меня для другого дѣла.

Идучи къ діду утромъ по узкой тропинкѣ, между пушистыхъ рядовъ лиціи, я встрѣтился съ человѣкомъ, который несъ деревянный крестъ, завернутый въ черную ризу. Я вообразилъ себѣ сцену убогихъ похоронъ на холодѣ. Грустно! зимою какъ-то особенно грустны похороны... Прихожу къ своему пріятелю, неслѣзающему съ печи: »Ну, щò, діду? якъ тобі? лéгше?«

»Ужé мині, добрóдію, не полéгшае, ні погіршае. А ви, спасúбі Бóгу, якъ спочивáли?«

Во время нашего размѣна учтивостями, маленькой внучекъ, лежа подлѣ діда на печи, шалилъ и кликалъ безпрестанно: »Діду! дідý!«

»Чогó?.. Мовчú!« говорилъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ дідъ. »Да сéгóдні, здаéтця, и на двóрі теплíйше, благодарúть лáски небéсної. Я, добрóдію, казáвъ дочці, щобъ дóбре вúтопила, щобъ, якъ панъ прúде, то щобъ тéпло булó писáть. И хліба напеклú сéгóдні.«

»Діду!« лепеталъ внучекъ, »о діду! дідý! щò дядя?«

»Дядя?. . да цить!«

Угомонить однакожъ ребенка было мудрено. Онъ чувствовалъ себя сегодня, какъ видно, лучше, или радовался, что дідъ взялъ его къ себѣ на печь, и потому безпрестанно проказничалъ и надоѣдалъ старику. Не обращая на него вниманія, мы снова принялись за сказку объ Иванѣ Гóликѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

...»Не доймáй«, кáже, »жінці віри до семú гóдъ; хоть ѝкъ вонá бýде до тебé лéститьця, а ти її усіѝ прáвди не кажú; а якъ роскáжешъ, то й сáмъ пропадéшъ и я̀ пропадý съ тобóю.«

Той кáже: »Дóбре, не бýду доймáть жінці віри.«

Отъ на другиій день поодігáлись молоді и повихóдили до змі-

ївъ. Тутъ князь давáй просíть бáтька, щобъ їхать додóму. Змій и кáже: »Якъ мóжна такъ скóро їхать!«

»Ужé жъ якъ собі хóчсте, а я поїду сёгóдні додóму.«

Отъ пообідавши узялú молоду́, сіли й поїхали. Ну, приїхали у своé цáрство. Тоді вже князь дя́кувавъ Ивáну Гóлику за все рáзомъ и настановúвъ ёгó пéрвимъ своїмъ совітникомъ. Якъ Ивáнъ Гóликъ скáже, такъ по всёму цáрству й дістця. А царь сидúть собі да й гáдки не мáє ні про щó.

Отъ живé молодúй князь изъ своéю жінкою годъ и дру́гий. На трéтій годъ прижилú вонú собі сúна. Молодúй князь утішáєтця. Отъ одúнъ разъ узя́въ сúна на ру́ки да й кáже. »Щò есть лу́чче на світі, якъ мині оцé дитя́?«

А княгúня, бáчивши, що князь такъ розніживсь, давáй ёгó цілувáть, да роспúтувать; згадáвши, якъ вінъ свáтався, що якъ вінъ усі сі бáтька прикàзи исполня́въ.

Князь и кáже: »Исполня́въ би я й дóсі твогó бáтька прикáзи на залізній пáлі, якъ-би не Ивáнъ Гóликъ. Се вінъ усé робúвъ, а не я.«

Тутъ вонá не показáла вúду, що розсéрдилась и зáразъ кудúсь вúйшла.

А Йванъ Гóликъ сидúть собі дòма да ні про що й не дбáє; колú її летúть до ёгó княгúня. Зáразъ вúпяла зъ-підъ полú рушнúкъ зъ золотúми кінця́ми да якъ махнè тимъ зміївськимъ рушникóмъ, такъ ёгó нá-двоє й розрубáла: нóги остáлись тутъ, а ту́ловище зъ головóю изнеслó крúшу въ буди́нку и впáло за сімъ вèрстъ одъ будúнка. Тоді упáвши и кáже: »Ахъ, ти проклятий синъ! не надіявсь я на тебé, щобъ ти признáвся! А щé просúвъ, щобъ не доймáвъ жінці віри до семú годъ! Ну, тепéръ пропáвъ я́, пропáвъ и ти!«

Підня́въ гòлову и сидúть у лісу. Колú сè — дúвитця: женé безру́кий чоловікъ зáйця...

»А щò, добрóдію?« вдругъ прервалъ свою сказку дідъ, »мóже бъ погрітьця трóхи!«

»Якъ погрітьця?«

»Бачте, сегодні свята субота...«

»Добре, нехай збігає за горілкою.«

Дідова дочка не заставила просить себя объ этой услугѣ и въ одну минуту изчезла съ бутылкой подъ мышкой.

»Охъ, колй-бъ то я бувъ письменний!« говорилъ дідъ вздыхая. »А що, пане? отъ ви письменні: чи ви можете такъ росказать на память?«

»Ні, не росказавъ би.«

»Эге!... Я, добродію, двадцять-пять літъ проживъ на худобі. Тілько гледівъ да приказувавъ, то-що. Такъ я було що ні почую, що ні побачу, усе на память роблю. Э, тутъ булі колись *голо́вушка!*« прибавилъ онъ, хлопнувъ себя ладонью по лбу.

»А що, діду? може, зновъ казавъ би казку?«

»Да й казавъ би, колй-бъ не оце писклй! Бачъ, якъ за матірью росплакалось! наче панська дитина. Хто съ тобою буде тутъ панчитьця?«

И дідъ уложилъ внучка въ колыску и началъ его укачивать. Но ребенокъ продолжалъ свою докучливую пѣсню.

»Цить же! цить! кажу«, говорилъ сердито дідъ. »Онъ вовкъ иде! Вовче, вовче, иди ззіжъ хлопця!«

Ребенокъ вдругъ замолчалъ, и въ хатѣ раздавался только скрипъ колыски да моего пера по бумагѣ.

»Ну, діду!«

»Да й ну жъ! пишіть.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

.... Жене безрукий чоловікъ зайця. Отъ, отъ, тілько що не наженé! и жене якъ разъ на Ивана Голика. Той заець добігає — Иванъ Голикъ и вхопивъ. Отъ и завелись битьця. Той каже: »Мій заець!« а той каже: »Мій!« Бились-бились, такъ ні той тому, ні той тому нічого не зробить. Безрукий и каже: Годі намъ битьця, а виверпімъ дуба, и хто дальшъ кине, того буде заець.«

Безно́гий ка́же: »До́бре!«

От безру́кий підкоти́в безно́гого до ду́ба; той ви́вернув и да́в безру́кому. Безру́кий ліг да як кі́нув нога́ми, так за три версті дуб упа́в. А безно́гий як кі́нув, так за сім ве́рст упав. Тоді безру́кий и ка́же: »Бери́ за́йця и будь мині ста́ршим бра́том.«

От побрата́лись, изроби́ли возо́к, причепи́ли віро́вку и, як куди́ тре́ба, то безру́кий запряже́тця да безно́гого й во́зить. От раз и поіхали у які́йсь го́род, де царь живе́, до це́ркви, и поста́вив безру́кий коло́ старців безно́гого на возку́. Стоя́ть и дожида́ють. Коли́ се — ка́жуть, що царівна іде. Доїжджа́є до іх и ка́же своїй хре́лівні: »Пода́й оцім калікам оці гро́ши.«

Вона́ хотіла вихо́дить пода́ть, а безно́гий и ка́же: Як би то, ва́ше добродійство, ви нам своіми рука́ми ми́лостиню подали́.«

От вона́ узяла́ у хре́лівни гро́ши и дае́ безно́гому. А він еі й пита́е: »Скажіть мині«, ка́же, »чого́ ви, не во гнів вам, на виду́ такі жо́вті?«

Вона́ ка́же: »Так мині Бо́г дав!« да и здихну́ла.

»Ні«, ка́же, »я зна́ю, чого́ ви такі жо́вті. Я«, ка́же, »мо́г би зроби́ть, щоб ви були́ такі, як вам Бог дав.«

Коли́ на сю розмо́ву надъіжджа́е царь. За́раз и вхопи́всь за те сло́во. От того́ безно́гого да безру́кого из возко́м у буди́нок: »Роби́, що зна́еш!«

А він ка́же: »Що́ ж, царю! неха́й царівна призна́етця по пра́вді, чого́ вона́ така́ пога́на ста́ла.«

Тоді ба́тько до дочки́. Вона́ й призна́лась. »Так и та́к«, ка́же: »до мене́ літа́е змій и з мене́ кро́в тягне из груде́й.«

Брати́ й пита́ють: »А коли́ він літа́е?«

»Са́ме пере́д світом, як усі сторожі посну́ть, так він до мене́ через ко́мін и влети́ть. А як хто ввійде да не вспіе вилетіть, то під подушка́ми й лежи́ть.«

»Посто́й же«, ка́же безно́гий, »ми в сінечках притаімо́сь, а ти, царівно, кахи́кни, як він прилети́ть.«

От притаілись вони́ в сінечках. Коли́ ж, тілько, що сто́рож переста́в сту́кать у стука́чку, щось наче йскрами під стрі-

хою засвітило. Царівна тоді *кахй!* Вони́ до еі; а зміяка й заховàвсь підъ подушки́. Отъ царівна схопи́лась изъ постéлі, а безру́кий лігъ на землі да безнóгого іі ки́нувъ ногáми на подушки́. Безнóгий якъ пійма̀въ у ру́ки тогó змія, дава̀й у-двóхъ души́ть. Той змій и прóситця: »Пустіть менé! не бу́ду нікóли літáть и десятому закажу́.«

Безнóгий и кáже: »Ні, сёгó мàло, а понеси́ насъ туди́, де есть цілю́ща водà, щобъ у менé були́ нòги, а у брáта ру̀ки.«

Змій и кáже: »Берітця за менé, понесу́, тілько не му̀чте менé.«

Отъ и вхопи́лись за ёгó безру́кий ногàми, а безнóгий рукàми. Той змій якъ полетівъ изъ ни́ми; прилітáе до крини́ці и кáже: »Оцé цілю́ща водá!«

Безру́кий такъ и хотівъ туди́ вскóчить; а безнóгий кричи́ть на ёгó: »Постóй, брáте. Ось подéржъ ногáми змія, а я встромлю́ въ крини́цю суху́ па̀лочку; тоді побáчимо, чи цілю̀ща водá.«

Устроми́въ, такъ пóки булò въ воді, пóти й одгоріло. Якъ узяли́сь же тоді за тогó змія! дава̀й ёгó душѝть. Би́ли ёгó, би́ли! Вінъ и дава̀й проси́тьця, що »не би́йте: тутъ е недалéко и цілю̀ща водá.« Повівъ до дру́гоі крини́ці. Вони́ тамъ устромѝли суху́ па̀лочку, такъ зáразъ и роспу́куватьця стáла. Тоді безру́кий ускòчивъ, и ви́скочивъ відти зъ рукàми. И безнóгий ускòчивъ, и ви́скочивъ зъ ногàми. Тоді змія пусти́ли и звеліли, щобъ більшъ не літàвъ до царівни; а самі подя́кували оди́нъ одному́ за те, що дру́жно жили́, и роспрощáлись.

Ивáнъ Гóликъ пішóвъ изнóвъ до своѓó брáта, до князя: щò зъ нимъ зробила княги́ня? Прихóдить підъ те цàрство, коли́ бáчить — недалéко одъ дорóги пасé свинáръ свині; свині пасé, а самъ сиди́ть на могѝлі. Вінъ и поду́мавъ: »А піду́ оттогó свинаря́ роспитáю, якъ тутъ у іхъ діетця?«

Прихóдить до свинаря́, ди́витця ёму́ въ вічи и пізнаé свогó брàта. А той ди́витця, и пізнàвъ Ивàна Гòлика. Дóвго диви́лись оди́нъ одному́ въ вічи: ні той, ні дру́гий нічóго не кáжуть. Ивáнъ Гóликъ опамятовàвся да й кáже: »Се ти, князю, свині пасéшъ!... И стóишъ тогó!... А я жъ тобі казáвъ, що не доймáй жінці віри до семи́ годъ!«

Князь упа́въ ёму́ въ но́ги да й ка́же: »Iва́не Го́лику! прости́ мене́ и помі́луй!«

Отъ Ива́нъ Го́ликъ підня́въ ёго́ підъ ру́ки да й ка́же: »До́бре, що ти ще живи́й на світі оста́вся. Тепе́ръ щѐ поца́рствуешъ тро́хи.«

Князь ставъ пита́ть ві Йва́на Го́лика, якъ вінъ добу́въ собі но́ги, бо жінка ёму́ пока́зувала, якъ переруба́ла.

Отъ Ива́нъ Го́ликъ тоді вже й признàвсь ёму́, що вінъ ёго́ ме́нший братъ и росказа́въ ёму́ усю́ свою́ жизнь. Ну, обняли́сь, поцілува̀лись. Князь тоді й ка́же: »Пора́ жъ, бра́те, сви́ні гнать додо́му, бо княги́ня ско́ро ча́й пи́тиме.«

Ива́нъ Го́ликъ и ка́же: »Такъ поженімъ же въ-двòхъ.«

А князь ка́же: »Да тутъ, бра́те, бідà! Отта́ прокля́та свиня́, що пе́редъ веде́, якъ тілько дійде до ворітъ, — на воро́тяхъ ста́не, якъ уко́пана, и по́ки трічи .... не поцілу̀ешъ, то не пі́йде зъ місця.« ...

Трогательное повѣствованіе діда прервано было возвращеніемъ его дочери съ горілкою.

»Отъ мині у шинку́ щàстя случи́лось!« сказала она намъ.

»Яке́?« спросилъ равнодушно дідъ.

»Якийсь ку́черъ чорня́вий дае́ мині бума́жку....«

»На́ що? яку́?«

»Хто ёго́ знае, на́ що! Да въ шинку́ було́ людѐй бага́то, такъ я не схотіла.«

Дідъ налилъ чарку: »Вамъ на здорòвъя! Спасибі вамъ и Бòгу милосе́рдному! Хай вамъ Богъ помага́! хай васъ Богъ не оста́вить и пресвята́ Богоро́диця на тому́ світі!«

Тутъ ударили въ колоколъ, и отъ церкви понесся глухой звонъ.

»Оттàкъ-то Марі́нчина сестра́!« сказала молодица.

»А щò?« спросилъ дідъ.

»Уме́рла!«

»Го́споди спаси́ еі!« сказалъ дідъ и перекрестился, глядя на образа.

»Такъ припóсили до Домáхи дитйну; казáли, щобъ годувáла.«

»До якóі се Домáхи?«

»А до Сидорéнковоі. Трóе дітóкъ у мáтери на рукáхъ зостá-лось; мéншенькому вісімъ неділь. Не знáють, кудú ёгó іі дівáть. А въ ту зіму, ось якъ разъ рікъ, умéрла еі сестрá Марúнка.«

Дідъ посмотрѣлъ на дочь и припоминалъ, какая это Марин-ка. Колокола печально гудѣли.

»Да та, що жилá недалéко одъ попá, що булá у дворі... Ну, що у цéркві нечúста сúла ззіла!«

»Э, э, э!... знáю!«

»Ну, тó-то жъ.«

»Якъ же се еі нечúста сúла ззіла?« вмѣшался я въ разговоръ.

»Да отъ бáчте, добрóдію«, отвѣчалъ дідъ: »якъ положúли іі въ домовúну, да такъ гарнéнько и одяглú; а управляющиіі, Ні-мець, прийшóвъ... бáчте, вінъ изъ нéю живъ... да іі кáже: »Нá що еі одяглú у мужúцьке плáтте?« да іі звелівъ еі знóву роздяг-тú; и почалú еі зновъ одягáть ужé въ тèе... у пáнське; да ніякъ не мóжна: рýки якъ дéрево; вже захолóли, якъ поліно. Такъ вонú одéжу пороспóрували да сякъ-такъ и одяглú. Однеслú въ цéркву и постáвили. У-рáнці прихóдять у цéркву люде, а въ еі немá ні нóса, ні губъ, и нóги поіли мúши. Отъ люде и загомоні-ли на попá. А нінъ и кáже: »»Я сёмý не причúна, бо се іі такъ »Богъ давъ за тè, що вонá да изъ недовіркомъ знáлась.«« Такъ оттáкъ-то!.... На чомý жъ ми тамъ застрялп?.... Эгé! пишіть.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

....»Тутъ«, кáже, »брáте, бідá! Оттá проклята свиня, що пéредъ ведé, якъ тілько дійде до ворітъ, — на ворóтяхъ стáла якъ укóпана, и пóки трічи ..... не поцілуєшъ, то не пійде зъ місця. А княгúня изъ зміями чáй на рундуці пье, на се дúвитця и смíетця.«

Иванъ Гóликъ и кáже: »Такъ тобі іі трèба! Ну, вже жъ сё-годні цілуй, а зáвтра не будешъ.«

Пригнали свині до воріть. Иванъ Голикъ дивитця, ажъ такъ: пъє княгиня чаї на рундуці и зъ нею сидить шість змиівъ. Та проклята свиня на воротяхъ стала, ноги розставила и не іде въ двіръ. А княгиня дивитця да й каже: »Опъ, уже мій дурень свині пригнавъ и буде свиню..... цілувать.«

Той бідний нахилився, тричи поцілувавъ ....., тоді свиня и пішла въ двіръ рохкаючи. А княгиня каже: »Ось подивітця, ище десь и підпасича собі взявъ.«

Отъ князь зъ Иваномъ Голикомъ свині у хлівъ загнали. Тоді Йванъ Голикъ и каже: »Візьми жъ, брате, у клюшника конопель двадцять пудъ и смолй двадцять пудъ да її принесешъ до мене въ садъ.«

А князь каже: »Такъ не донесу.«

А Йванъ Голикъ: »Да йди проси; може, ще й не дасть.«

Отъ князь пішовъ до клюшника, ставъ просить. Той довго на єго дививсь, а далі й каже: »Да робить нічого зъ вами, треба дать.«

Одимкнувъ вінбаръ. Иванъ Голикъ одваживъ двадцять пудовъ конопель и двадцять пудовъ смолй, въ одну руку взявъ коноплі, а въ другу смолу и пішли. А клюшнику сказали, щобъ нікому не казавъ.

Якъ узявъ Иванъ Голикъ плести пугу: одинъ пудъ виплете конопель, а пудомъ смоли усмолить, и виплівъ до нівъ-ночи у сорокъ пудъ пугу. Тоді й лігъ спать. А князь давно вже спить на соломі, коло хліва.

У-ранці рано повставали и давай єму Иванъ Голикъ казать: »Ну, до сєгоднишнєго дня бувъ ти свинарємъ, а сєгодні ти будешъ изновъ князємъ. А ходімъ поженемо свині въ поле.«

Князь: »Ні, ще, мабуть, княгиня не вийшла на рундукъ чаю пить; а мині треба гнать тоді, якъ вийде на рундукъ да сяде изъ зміями чаї пить, щобъ вона бачила, якъ я буду свиню ...... цілувать.« ......

Тутъ дідъ началъ ёрзаться и кряхтѣть на печи. Я испугался: не подѣйствовала ли на него вредно водка. Мнѣ очень хотѣлось

дописать сказку, которая видимо склонялась къ концу. Но кряхтѣнье діда выражало только его нежеланіе слѣзать съ печи. Это былъ для него подвигъ слишкомъ трудный. Скоро однакожъ онъ собрался съ силами, спустился съ печи, какъ-будто съ какого ужаснаго утеса, надѣлъ черевыки и вышелъ изъ хаты.

Дочь его укачивала ребенка, который стоналъ въ колыскѣ всё тише и тише, наконецъ смолкнулъ.

»Чи въ дворі немá въ васъ нікòго зъ гостéй?« спросила меня она.

»Ні, немá.«

»Мині якійсь кýчеръ, чи Богъ ёгó зна, кáже: »»Щò ти за молодúця? де твій чоловікъ?«« Хи, хи, хи! А я кажý: »»Немà въ менé чоловіка: я москòвка.««

Прошло съ минуту молчанія.

»Дідъ пішóвъ люльку тягнýть«, продолжала она.

Я всё молчу.

Черезъ нѣсколько минутъ дідъ воротился: »Отъ не багáто ії доказàть, дà не доказáвъ. Ну, пишіть же; зáразъ скòнчу.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

»....щобъ вонá«, кáже, »бáчила, якъ я бýду свиню...... цілувáть.«

Иванъ Гóликъ и кáже ёмý: »Ужé жъ, якъ бýдемъ гнать, то ти не цілуй, а поцілýю я.«

А князь кáже: »Дóбре!«

Отъ прийшлá порá гнать. Княгиня вийшла, чáй пъе. Вонй повиганяли изъ хлівá свинéй и женýть у-двохъ. Тілько що догнáли до ворітъ, — свиня на ворóтяхъ стáла и стоіть. Княгиня изъ зміями дивитця, а Иванъ Гóликъ якъ роспýстить пýгу, якъ ударить тýю свиню, такъ и кісткй розсипались. Тиі зміі тоді кудй хто втрапивъ. А вонá, клята, ії не злякáлась, да ёгó за чýба. Такъ вінъ тоді ей за кòси, да якъ узявъ стібáть, да пóти, пóки вонá не здýжала ії пó світу ходить. Оттоді вже вонá покинула своі змі-

іськi порови́ да й почала́ хороше́ жить изъ чоловікомъ. Живу́ть да постоло́мъ добро̀ во́зять. Поіхали въ лісъ, ви́рубали на ківшъ и одтялі́ на коре́ць; отъ и ка́зці кіне́ць. А якъ-би́ вони́ изроби́ли ківшъ, то щѐ бъ ка́зки було́ більшъ.

Судя по этимъ двумъ сказкамъ (продолжалъ г. Жемчужниковъ), у діда моего только что развязался языкъ, да и самъ онъ хвалился мнѣ, что знаетъ сказокъ безъ числа. Я видѣлъ впереди длинный рядъ нашихъ свиданій и, вѣроятно, набралъ бы у него сказокъ на цѣлый томъ; но вдругъ мнѣ нужно было уѣхать изъ Л****. Я имѣлъ только время проститься съ дідомъ до новой встрѣчи. На другой день я ужъ скакалъ глухимъ проселкомъ къ почтовой дорогѣ, гдѣ долженъ былъ пересѣсть на перекладную и спѣшить въ Кіевъ. Лошади то и дѣло тонули въ снѣгу, по которому только что проложенъ былъ зимній путь, и мятель едва позволяла кучеру видѣть, куда мы ѣдемъ. Мы однакожъ удачно попали въ 'Яблуновку, откуда пошла дорога, болѣе торная. Въ 'Яблуновкѣ случилась на то время ярмарка, но мнѣ было не до нея: я искалъ теплаго шинка, въ которомъ бы намъ можно было обогрѣться и покормить лошадей. На бѣду, всѣ шинки были холодные отъ множества входящихъ и выходящихъ людей. Мы проѣхали еще нѣсколько верстъ степью, чтобъ отдалиться отъ ярмарочнаго многолюдства. Холодъ усилился больше прежняго, и я, только благодаря своей бараньей шапкѣ да тулупу, ничего себѣ не отморозилъ. Наконецъ мы подъѣхали къ шинку. Мятель гуляла кругомъ въ степи; хата была занесена снѣгомъ; съ крыши мело; дверь видна была изъ-подъ снѣгу только до половины, и къ ней вели съ дороги глубокіе слѣды ногъ. Кто-то, подобно мнѣ, только что скрылся въ этотъ пріютъ отъ мятели.

Шинокъ оказался теплымъ, и слухъ мой, послѣ унылаго завыванья вьюги, пріятно поразили веселые голоса людей, которые собрались здѣсь на обратномъ пути изъ ярмарки. На лавкахъ и подъ лавками видны были свѣжія покупки: горшки, миски, ведра и решета. Когда я взошелъ, всѣ помирали со смѣху отъ какой-

то шутки, или разсказа одного изъ собесѣдниковъ, котораго тутъ же похваливали: »Ну, Феськó! уже такий не вигадае!« и опять хохотъ.

»Тепéръ твоя чергá, Остáпе!« говорили поселяне. »Тепéръ тобі трéба щось компоновáть. Колй засміемóсь, пий нашу горілку; а ні — такъ сáмъ постáвишъ квáрту.«

»Ні, вже сёгó не бýде, щобъ стáрець наповáвъ мирянъ горілкою; а ви мині постáвите квáрту, такъ се вже пèвне. Роскажý вамъ такé, що йнші засміютця, а розумнійші, то, мóже, й посумýють. Чи ви чýли про бідного Кирика?... То-то, що не чýли. Якъ бувъ я въ Киеві, такъ перепявъ про ёгó пісню, чи кáзку одъ стáрця зъ Дймера. Есть за Днiпрóмъ селó Дймеръ.«

Еще не взглянувъ на того, кто говорилъ эти слова, я уже зналъ, что это говоритъ слѣпой: у слѣпыхъ особая интонація рѣчи, такъ что ихъ тотъ-часъ узнаешь. Остапъ былъ странствующій пѣвецъ, который тоже возвращался съ ярмарки. Онъ началъ шарить вокругъ себя и досталъ изъ-подъ свитки бандуру. Можно судить, какова была моя радость! Я пріютился подальше отъ толпы, окружавшей Остапа, раскупорилъ свою провизію, а вмѣстѣ съ тѣмъ приготовилъ и записную книжку и, отвернувшись въ-сторону, старался казаться совершенно равнодушнымъ къ тому, что дѣлалось въ шинкѣ. Остапъ попробовалъ струны, настроилъ бандуру и минуты двѣ-три бралъ заунывные аккорды, какъ-будто пробѣгая въ памяти то, что хотѣлъ пѣть.

»Бýду жъ я вамъ співáти«, сказалъ онъ наконецъ, »да, глядіть, мовчáть мині, не перебивáть. А хто не знáє чèсти, тогó взять за чýба да на двіръ вивéсти.«

БАЛЛАДА ИЗЪ ВРЕМЕНЪ УНІИ (¹).

Щось-то стáлось на Волйні,
Въ Бобрýйськімъ повіті;

(¹) Складъ этой баллады совершенно новъ для собирателя памятниковъ Южно-Русской народной поэзіи: до сихъ поръ не открыто въ этомъ родѣ ничего

Таке́ чу́до изробилось,
Що й не було́ въ світі
Послу́хайте, лю́де добрі,
Щось ма́ю каза́ти...
Моя мо́ва хочъ не гла́дка,
Да не ста́ну бреха́ти.

Въ одні́мъ селі міжд́о бо́ромъ
Тече́ би́стра рі́чка.
Ой тамъ стоя́въ хре́стъ висо́кий,
А підъ нимъ капли́чка.
Ой тамъ стоя́въ дворе́цъ кра́сний,
А въ ёму́ роско́ши:

подобнаго. Всего замѣчательнѣе въ ней искуственные, какъ-бы уже литературные пріемы, съ которыми обрисованы разныя дѣйствующія лица и вся ихъ обстановка. Судя по нѣкоторымъ явно искаженнымъ и отрывочнымъ мѣстамъ, надобно думать, что въ первоначальномъ своемъ видѣ она была гораздо совершеннѣе по формѣ и полнѣе по содержанію. Въ ней представлено бѣдственное состояніе Греко-Русской Церкви во времена уніи, когда духовенство въ Южной Руси назначалось, мимо воли православныхъ епископовъ, по усмотрѣнію властей, непренебрегавшихъ никакими мѣрами для объединенія двухъ вѣроисповѣданій. Церкви въ приходахъ, отвергавшихъ унію, были закрыты; въ другихъ же мѣста приходскихъ священниковъ (уніятовъ) не рѣдко доставались людямъ недостойнымъ, которые, будучи *наемниками*, а не *пастырями*, естественно унижали себя въ глазахъ собственной паствы. Народъ покорялся силѣ вещей, но въ пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ выражалъ свое презрѣніе къ этимъ орудіямъ Iезуитской факціи, которые смотрѣли на свою должность, какъ на средство къ обогащенію, будучи равнодушны къ нуждамъ и страданіямъ ближняго. Помѣщаемая здѣсь баллада изображаетъ красками, очевидно взятыми съ натуры, попа-уніята, продающаго прихожанамъ церковныя требы тѣмъ дороже, что они просятъ его исполнить ихъ *съ благочестіемъ*, т. е. по обрядамъ православной церкви. Постигнувшее его бѣдствіе выражаетъ иносказательно убѣжденіе народа, что завистливая жадность къ деньгамъ господствовала въ этихъ людяхъ надъ всѣми другими чувствами и что, поставленные учить добру прихожанъ, они не имѣли въ сердцѣ своемъ никакого добра. Это одинъ изъ историческихъ документовъ, которые не горятъ въ огнѣ и не истребляются временемъ и которые рано или поздно пригодятся историку для уразумѣнія дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ извѣстной странѣ и въ извѣстный историческій моментъ, — на перекоръ, можетъ быть, архивнымъ свидѣтельствамъ и печатнымъ документамъ, въ которыхъ самъ народъ не подавалъ голоса на судѣ о немъ.

Тамъ живъ лідичъ дуже добрий —
Все роздае гроші.
Кажний день пъе, веселитця.
Ще й грають музики:
А якъ прийде хто судітьця.
Такъ що твій владика!
Тамъ и церковця стояла,
Не знаемъ, якая:
Коло неі пінъ косматий,
Попадя гладкая.
Тамъ живъ мужикъ, дуже бідний.
Вінъ Кірикомъ звався:
Що вінъ робивъ діло щиро.
Добра не сподівався.

Саме въ жнива, въ робочий часъ, —
Нещасна година!
Зробивсь Кірикові клопітъ —
Померла дитина
Пішовъ Кірикъ по сусідахъ
Помощей прохати;
Не схотівъ ніхто нічого
Кірикові дати.
Отъ и вернувсь вінъ додому.
Облившись слёзами:
Зазнавъ теперъ бідолахъ,
Якъ жить зъ сусідами

Пішовъ Кірикъ до напотця
Да впавъ на коліна:
»Помилуй мя, честний отче,
Померла дитина!
Саме въ жнива, въ робочий часъ
Превелика біда!
Що нема въ мене, напотче,
Ні соли, ні хліба.

Прошу́ я васъ, честній о́тче,
Дити́ну схова̀йте,
А що ма́ю пла̀ти да́ти —
До весні̀ чека́йте.«

А згрізну́всь піпъ на Ки́рика,
Ту́пнувши погóю:
»А, ти«, ка́же, »плутъ, пъяни́ця!
Я въ тебе́ слугòю?
Нема́ въ тебе́ чимъ плати́ти,
А лінúвъ роби́ти.
Отъ хочъ-би пішо́въ до ме́не
Днівъ на пять коси́ти.
А жинка неха́й би на ланъ
Ишла́ жѝта жа́ти,
Ніжъ би я мавъ тобі пла́ти.
До весні́ чека́ти!«

»Ні, папо́тче!« ка́же Ки́рикъ,
Сей часъ не надо́вго;
Чоловікъ я одинòкий,
Нема́е въ дворі ніко́го.
Тре́ба й хліба зароби́ти,
Й па̀нщину одбу́ти,
Щобъ ище́ и передъ па́номъ
Леда́щомъ не бу́ти.«

»Ахъ, ти«, ка́же, »плутъ, пъяни́ця!
Въ васъ нема́ й не бу́де!
Щобъ ви усі вѝгинули,
Леда́чні лю́де!«
А на-ре́шті піпъ Ки́рика
Кулако́мъ у спи́ну:
»Пішòвъ геть зъ моéі ха́ти,
Ерети́чний си́ну!« (¹)

(¹) Въ лѣтописи архіепископа Георгія Конискаго, изданной Московскимъ

Отъ и пішо́въ бідний Кирикъ,
Иде́, пла́че, ту́жить:
Нема́ ёму́ щастя-до́лі,
Форту́на не слу́жить!
Иде́ село́мъ бідний Кирикъ,
Слёзи утира́е;
Ажъ ось ёго́ дідичъ до́брий
Якъ разъ зустріча́е:
»Чого́ се ти пла́чешъ, Кирикъ,
Чого̀ засмути́вся?«
Росказа́въ Кирикъ свою біду,
Такъ панъ ажъ скриви́вся. (¹)
Да́лі й ка́же Кирикові
Про ёго́ причи́ну:
»Що̀ жъ робить? Иди вже, Кирикъ,
Схова́й са̀мъ дити́ну.«

Оттоді вже бідний Кирикъ,
Що̀ більше чинити?
Узя́въ за́ступъ да лопа́ту,
Пішо́въ ямки значи́ти.
Прийшо́въ Кирикъ на могилки.

Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, сохранено преданіе объ упадкѣ православной Церкви во времена уніи, дошедшее до насъ въ этой легендѣ. Онъ говоритъ (на стр. 38): »Гетманъ Наливайко.... старался всемѣрно.... очистить церкви и духовенство, уніею зараженныя. Нѣкоторые изъ духовенства прямо отстали отъ сея заразы, а другіе притворялись быть таковыми; но всѣ они сожалѣли о потеряніи власти надъ народомъ, отъ Поляковъ слишкомъ имъ наданной; ибо, сверхъ порабощенныхъ имъ по пятнадцати домовъ, владѣемыхъ ими какъ невольниками, повиненъ всякъ парафіянинъ договариваться съ попами о платежѣ имъ за главныя требы Христіянскія, каковы суть сорокоусты и суботники по умершихъ и вѣнчаніе новобрачныхъ. Въ таковыхъ случаяхъ бывали продолжительныя и убѣдительныя просьбы прихожанъ предъ попами, и называлось то *еднать попа;* и попы, исчисляя достатокъ просителя, вымогали какъ можно большей заплаты, а сіи о уменьшеніи ея просили съ поклонами до земли, а часто и со слезами.«

(¹) Скриви́вся, ба́чте, пла́кать. Да про те не да̀въ гро́шей, чо̀ртівъ сину! *Примѣч. пѣвца.*

'Ямку зачинає;
Аж ось иде старенький дідъ,
Борода сідая.
»Здоровъ«, каже, »бідный Кирикъ!
Що ти хочешь робити?«
»Хочу«, каже, »ямку копать,
Дитя схоронити.«

»Не копай же ти тутъ ямки:
Твердо копать буде.
Хай тутъ викопають ямку
Собі инші люде.
Ось иди лишъ, я покажу,
Де тобі копати:
Будешь мене за се місто
Довго споминати.«

Отъ и пішовъ собі той дідъ,
Изъ нимъ роспрощався,
А нашъ Кирикъ до копання
Дуже щиро взявся.
Небагато вінъ прокопавъ,
Докопавсь до грошей
Да й витягъ, якъ сили мога,
Котелокъ хороший.
Оце жъ не ставъ надъ котелкомъ
Кирикъ розмовляти;
Узявъ изъ нимъ карбованці
Да й помчавъ до хати.
Засунувъ тиі карбованці
Подальщъ у комору.
И радъ Кирикъ карбованцямъ,
И боявсь поговору.
Оце жъ набравъ Кирикъ грошей
Въ кишеню чимало,
Щобъ исправить обідъ бучний,

Щобъ для усіхъ стало.
Теперъ пішовъ до оренди.
Да взявъ спустъ горілки; (1)
Покрепивсь по гіркихъ трудахъ,
Не забувъ и жінки.
А вона всю нічъ не спала,
Пекла да варила,
Завистливихъ своіхъ сусідъ
Добре угостила.

Тутъ ще Кирикъ до напотця
Побігъ швидко й прудко,
Щобъ и тамъ не забаритьця,
И звернутьця хутко.
»Помагайбі, честний отче!
Знову до васъ у хату:
Поховайте съ *благочестиемъ*, (2)
Візьміть зъ мене плату.«

»Що ти, Кирикъ! чи ти зцапівъ,
Чи горілки впивсея,
Чи, лежачи знай на боку,
Одъ жиру скрутивсея?
Дай пятнадцять карбованцівъ,
Якъ добриі люде, —
Поховаю зъ благочестиемъ,
Усе гараздъ буде.«

Бідний Кирикъ одъ порога
Приступавъ поволі (3)

(1) Спустъ — три ведра.

(2) Благочестіемъ называлось тогда православіе, въ противоположность уніи, которую народъ считалъ нечестіемъ.

(3) Потихоньку. Полонизмъ.

Да й висипавъ карбованці
Передъ попомъ на столі.

Тутъ ще пішовъ и братчиківъ
Кирикъ загодити,
Щобъ братчики звеліли
На братство дзвонити. (1)
Тутъ ще людей бідний Кирикъ
На обідъ ззиває,
И хто іде изъ копами,
У двіръ завертає.
То всі сусіде у Кирика
Наілись и напилися
А наівшись и напившись,
По домамъ розійшлися.

Да й ніхто жъ такъ, якъ панотець
Не жере, не пожирає,
И яку ище вінъ думку
Самъ собі гадає!
»Отто, Боже милостивий,
Якъ у світі дивно!
Що який ище учора
Бувъ сей Кирикъ бідний!
Вчора лазивъ на колінахъ,
Плакавъ да просився;
Теперъ сипле карбованці...
Де вінъ такъ розжився?«

'Алчущая попадя зъ обіду
Прийшла, роздяглася,
Якъ здумала про Кирика,

(1) Въ этихъ стихахъ заключается воспоминаніе о церковныхъ братствахъ, которыя устроялись повсюду въ Южной Руси для поддержанія *благочестія* противъ уніи.

Такъ ажъ схопилася.
»Ой ти«, каже, »чѐстний отче!
Прийми наставлѐние:
Нехай прийде Кирикъ на сповідь
У се воскресѐние,
Да випитай усю правду,
Нехай тобі скаже,
Дѐ вінъ узявъ стілько грошей, —
Нехай все покаже.«

Оттó жъ уже воскресѐние,
Святé наступае,
А пінъ дяка по Кирика
Заразъ посилае.
Кирикъ прийшовъ и висповідь
Въ цѐркві вислухае;
А пінъ про гроші у Кирика
Вже скорійшъ питае.
»Оцé ти, Кирикъ, не признаѐшъ,
А то гроші прокляті:
Трѐба тобі іхъ посвятить,
Да на цѐркву дати.
Тепѐръ«, каже, »ти въ роскошахъ
Все пъешъ да гуляешъ,
А я знаю, якъ ти за іхъ
Душу потеряешъ.«

Кирикъ вислухавъ висповідь
Да й признавсь про гроші,
Що викопавъ на могилкахъ
Котелокъ хороший.
»Коли жъ я взявъ за ті гроші
Гріхъ на свою душу,
То я той гріхъ то сякъ, то такъ
Спокутовать мушу.«

Одправивъ пінъ служѐние,

Додо́му вертáе,
А попадя́ áлчущая
Вже ёго́ питáе:
»А щò« , кáже, »честнı́й о́тче,
Якъ Ки́рикъ признáвся?«

»Знайшовъ« , кáже, »вели́кий скарбъ,
Да гріхá не злякáвся.«

»Не знáешъ же« , кáже, »по́пе,
Якъ ті гро́ші взя́ти!
Тре́ба въ сіня́хъ изъ бáтнини
Воло́ву шку́ру зня́ти.«

Унесли́ шку́ру, роспяли на столі,
Намочи́вши водо́ю;
Не було́ въ хáті більшъ ніко́го,
Тілько піпъ съ попадёю.
Оце́ жъ попá попадя
Въ шку́ру наряди́ла,
А щобъ шку́ра держáлася,
Ще й дрàтвою зши́ла.
Наділа попо́ві шку́ру
На ру́ки й на но́ги,
А на го́лову постáвила
Воло́вні ро́ги.
Такъ то пе́рше бувъ той піпъ
Тілько бородáтий,
Ато вже ставъ тепе́рь той піпъ
Начe чòртъ рогáтий.

Якъ прийшо́въ же рогáтий піпъ
До Ки́рика хáти,
Да й ставъ чортъ бáтька знáе
По-яко́му муркотáти.
Оце́ жъ Ки́рикъ одсу́нувъ квати́рку,
На двіръ подиви́вся;

Бачить чорта изъ рогами
Да й перехристився.
»Ой ти, чорте«, каже, »чорте!
Чого ти явився?
Чого се ти такъ рогами
На мене наставився?«

»Ти знайшовъ«, каже, »на могилкахъ
Котелокъ зъ рублями:
Оддай мині, бо залізними
Обдеру назурами,
Да й укину въ пекло на дно,
Голову зірвавши:
Будешъ знать, якъ брати гроші
Не загорювавши!«

Кирикъ вийшовъ, ёму гроші
За двері висунувъ;
Двері скорійшъ зачинивши
Засовомъ засунувъ.
Якъ вернувся жъ вінъ у хату —
Що зъ біди робити?
Забравъ дяволъ усі гроші...
Почавъ голосити.

А пінъ уже надъ котелкомъ
Не ставъ розмовляти,
Вхопивъ скорійшъ карбованці
Да й помчавъ до хати.
А попадя вже въ кватирку
Давно виглядала:
»Бачишъ, попе, швидко справивсь!
Я тобі казала!«

Оце жъ хотівъ пінъ попаді
Котелокъ оддати,

Такъ ужé не хóчуть ёгó рýки
Одъ котелкá одстáти.
Оцé жъ хотіла попадя́ зъ ёгó
Волóву шкýру зня́ти:
Такъ чóрта зъ два! вже не мóжна
И пожéмъ одідрáти!
»Эхъ!« кричи́ть піпъ космáтий,
»Ви грóші прокля́ті!
Ой на щò булó мині васъ
У Ки́рика брáти!«

Назáвтра рáно до Ки́рика
Попадя́ прихóдить
И чудéньку вже стóрію
Вонá зъ нимъ розвóдить:
»Добри́день«, кáже, »тобі, Ки́рику,
'Магáйбі діло роби́ти.
Оттó піпъ хотівъ зъ тóбою
Шýтку пошути́ти;
А та ёмý изъ тобóю
Шýтка не далáся,
Да нещáсна годи́нонька
Въ рýки вчепи́лася.
Иди́, Ки́рику, будь лáскавъ
До нáшоі хáти,
Чи не дадýтця твоі грóші
Тобі въ рýки взя́ти.«

А Ки́рикъ не пішóвъ до попá
Своіхъ грóшей брáти,
А ще пішóвъ до дідича
Про ди́во сказáти.
А дідичъ извелівъ зáразъ
Громáду збирáти.
Да велівъ попý нести́ грóши
До Ки́рика хáти.

Оце́ жъ уже́ до́брий ді́дичъ
Грома́ду збира́е,
Да вже про того́ попа́ листи́
Писа́ть зачина́е.

. . . .

»Ну тепе́ръ же«, ка́же, »хло́пці,
У моїй ви вла́сті:
Веді́ть попа́ до Почае́ва,
Хочъ би мавъ вінъ и пропа́сти.«

Залига́ли тоді попа́
За ру́ки й за ро́ги,
Зоста́вили незвя́зані
Тілько одни́ но́ги.
Якъ повели́ жъ, то по база́рахъ
Кури́ща (1) кури́ли,
А по церква́хъ, куди́ вели́,
Скрізь на зборъ дзвони́ли.
Збира́лися шевці, кравці
И мали́ї діти,
Усе на те вели́ке чу́до,
На ди́во глядіти,
То якъ привели́ вже въ Поча́евъ,
Де стоі́ть Бо́жа Ма́ти,
Такъ вінъ упа́въ на колі́на
Да й дава́й проха́ти:
»Ой зними́ зъ мене́, Бо́жа Ма́ти,
Воло́вую шку́ру!
Переста́ну вже жінки слу́хать,
Покажу́ нату́ру!

. . . .

Бандуристъ не ошибся: повѣсть его произвела на однихъ ве-

(1) Смíття́. *Пр. п.*

селое, а на другихъ грустное впечатлѣніе. Мнѣ самому, сквозь ея саркастическій тонъ, послышалось что-то глубоко трагическое... Слушатели единодушно потребовали горилки и начали пить за здоровье Кирика.

»А щò жъ изъ тимъ стáлось попòмъ?« спрашивали нѣкоторые.

»Такъ и пропàвъ у волóвій шкýрі«, отвѣчалъ Останъ. »Почáевська Бóжа Мáти, кáжуть, одвернýлась одъ ёгó, такъ вінъ такъ и сконáвъ окаянний.«

Пошли разные толки, шутки, хохотъ и круговая попойка. Бандуристъ едва наигривалъ на бандурѣ.

»Тепéръ же вже нехáй ковáль Мирòнъ роскáже якý стóрню«, сказалъ кто-то изъ собесѣдниковъ.

»А роскажí, роскажí, Мирòне!« отозвалось нѣсколько голосовъ. »Ти здáвна бувъ мистéць. Онъ, якá хуртовúна. Якъ ёгó й додòму добрáтьця!«

»Да вже полòжимъ тутъ остáнні грóші, що вторговáли на ярмарку«, сказалъ Миронъ коваль, »то й по глибóкому снігý добридемó: не заважáтимуть у кишéняхъ.«

»Ужé нóки ти надýмаесся, то пéвно всі грóши пропьемó.«

»Да вже й ви нóки чáрку горілки піднесете, то й глáсу не стáне.«

Горілка была поднесена ковалю Мирону, онъ выпилъ, крякнулъ отъ удовольствія и началъ:

СЕЛЬСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Було собі два волоцюги и доволочились до того, що вже íести нічого. Прийшли вони до мужика, такъ якъ-бй й до мене. А въ мужикá сáме родилась дитúна. Не казáвъ би такúй слýчай; людéй съ хáти не виганять, а трéба зъ нúми познакòмитьця. Называють вони ёгó брàтомъ: »Колú хòчъ, будь ти намъ брàтомъ.«

»Які жъ ви люде?«

Одúнъ кáже: »»Я салдáтъ біглий««, а дрýгий кáже: »»А я одъ пáна втікъ««.

»Ну, добре.«

Отъ переночували въ его да й кажуть: »Пiйдемо жъ ми, брате, въ лiсъ погуляемъ. Сподiвайсь насъ черезъ три недiлi.«

Оттó випроводивши iхъ, пiшовъ на другий день у поле. А вонй й вертаютця: »Здорова булá, сестро! Дè се нашъ братъ?«

»Дè жъ вашъ братъ? пiшóвъ у поле орáть.«

Сидiли, сидiли. Одинъ одному й каже: »Нашъ братъ зарiсъ дуже.«

А другий каже: »Треба пiдголити.« Да й пiшли собi.

Отъ приходить вiнъ съ поля. Жiнка й хвалитця: »Якъ твоi братй забарились, що на другий дèнь явились.«

»Щò жъ вони казали?«

»Казали: »»Нашъ братъ зарiсъ дуже.«« А другий каже: »»Пiдголить треба.««

»Эге! засвiти жъ, жiнко, огонь, бо вонй хочуть сало вкрасти.«

· И знявши сало, положивъ пiдъ покутемъ.

Отъ приходять вонй въ-ночi; продрали солому: »Ну«, каже, »и мй хитрi, а братъ нашъ щè хитрiйший.«

А другий: »Якъ?«

»Нема вже сала!«

»Даромъ. Не вбереже вiнъ его и пiдъ покутемъ.«

Отъ узяли, повипускали скотъ, да тодi пiдъ вiкно: »Добривечiръ вамъ! Щò оцè ви пороспускали скотину, що по вигону ходить?«

Вонй скорiйше съ хати за скотиною, а панськийутiкачъ у хату, узявъ сало пiдъ покутемъ да й пiшли.

Позаганявши скотину: »А дè жъ, жiнко, сало?«

»А тамъ же пiдъ покутемъ!«

»Отъ засвiти, коли братй тутъ не були!«

Засвiтили — нема сала! Щò тодi робить? Вiнъ, узявши залiзне путо, и пiшовъ братiвъ доганять... Переняв iхъ навпростецъ да й ходить по травi; такъ путо — брязь! а вонй думають,

що кобила спутана, да положивши сало: »Ходімъ, брате, кобилу ніймаемъ!«

Приходять ближче, вінъ и перестав бряжчать. Тілько що воні ёго минули, а вінъ за сало да ії принісъ додому.

Общій смѣхъ наградилъ разсказщика, и круговая пошла прежнимъ чередомъ; какъ тутъ дверь отворилась, и входятъ два человѣка, съ палками въ рукахъ: знакъ, что это сотскіе, или десятскіе. Поздоровались съ обществомъ, вынули по куску хлѣба изъ мѣшка, выпили поднесенной имъ горилки, и, на вопросъ потчивавшаго: гдѣ они были? одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

»Да ходили въ О**: тамъ исправникъ изъ становимъ.«

»Чого жъ се?«

»Да десь тамъ у яру зарізано вола, дакъ хто зарізавъ, допрошували. А Богъ ёго знае, хто. Якъ ище ії чого другого не зарізано!... Зарізано вола!... Коли нічого істи!«...

»А чие жъ то село?«

На этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ закричали: »А Тр***! Тр***! Тр***!«

Наступило молчаніе.

»Отъ колибъ такий панъ, якъ Г***!« отозвался кто-то. »Въ такого пана и люде будуть хороші, не тягатимутця по ярамъ; бо въ іхъ усёго доволі. Якъ родився у ёго синъ, такъ изозвавъ увесь миръ да нагодувавъ же то й напоівъ — уже спасибі ёму! И самъ пивъ изъ людьми горілку..... Каже: »Пийте, братця, скілько хто хоче!«

Тутъ отозвался одинъ дряхлый дідъ, который молчалъ во все время общей бесѣды и даже не смѣялся вмѣстѣ съ другими, а только машинально покачивалъ головою. Подносимую ему горилку онъ выпивалъ исправно, но приговаривалъ при этомъ тихимъ голосомъ не болѣе того, сколько требовало приличіе, и, выпивши, опять опускалъ голову и покачивалъ ею, какъ-бы въ какомъ-то раздумьи.

»Эге!« сказалъ онъ такъ, что всѣ его услышали, »да я знаю не то, що ёго батька, да й діда. Мині въ селі уже й товариша

нема́. Сла́ва Бо́гу, мині, мо́же, безъ дня, або́ безъ двохъ, літъ сто̀ вже есть. Якъ огле́жусь, то все вже і́нші лю́де въ селі. Пога́но до́вго жить на світі! а лю́де ка́жуть, що гріхъ бажа́ти сме́рті; то й живѐшъ уже́ собі мо́вчки. Да й зовсімъ такі́ пога́но ста́ло на світі.«

»А въ-старови́ну жъ хиба́ було́ лу́чче?« спросили его.

»Уся́къ було́: и до̀бре й пога́но«, отвѣчалъ онъ равнодушно и замолчалъ.

»Що̀ жъ, діду?« спросилъ кто-то, »и ті́і старосвітські пані́ Г**** булѝ такі, якъ сей Грицько́?«

»Я зазна́ю пято̀хъ«, отвѣчалъ онъ: »Пе́рвий Игна́тъ: про того́ тілько чу̀въ, а самъ не ба̀чивъ. Дру̀гий Грицько̀, — таки́й гру̀бий, страшни́й, здоро́вий, зъ булаво̀ю. Я ще малѝмъ бувъ тоді; то було́ ка̀жуть: »Онъ то̀ панъ!« то я й зна̀ю. Тре́тій Ива̀нъ, — плохѝй пано́къ, не та̀къ-то страшни́й, тихе́нький. Четве́ртий Григо́рий, — пе́рвий синъ полко́вника зъ булаво́ю, на лице́ хоро́ший, чоловікъ нѐдокучний; панъ бувъ га̀рний. А въ его́ сини́ Петро́ и Павло́, а вже въ Павла́ тепе́ръ Григо́рий. При Грицьку́, оттому́ гру̀бому, хлібъ бувъ хоро̀ший; вода́, сіно, все хоро̀ше. Тепе́ръ убáвилось усѐго̀. Жи́то було́ таке́, що снипъ на-си́лу здѝймешъ у-го́ру; а тепе́ръ де́сять сно̀півъ на той оди́нъ.« ....

Дідъ замолчалъ и покачивалъ по прежнему головою. Всѣ тоже нѣсколько времени молчали призадумавшись. Наконецъ два урядника кивнули одинъ другому головой, давая знать, что пора идти, и, простясь съ собраніемъ, вышли. Бандуристъ началъ играть сперва тихо, потомъ громче, громче и запѣлъ высокимъ голосомъ:

Ой не шуміте ви, зелѐні лу́ги!
Не завдава́йте моиму́ сѐрденьку ту́ги....

Но вдругъ прервалъ пѣсню и спросилъ своего поводыря: »А подиви́сь, хло́пче, чи не пора́ мині до вече́рні.«

Поводырь посмотрѣлъ въ окно: »Хто̀ его́ зна́е!«

Бандуристъ по-видимому не очень безпокоился о томъ, чтобъ не опоздать, и запѣлъ уже старинную пѣсню:

Да не бу́де лу́чче,
Да не бу́де кра́ще,
Якъ у насъ на Вкраї́ні!

Но голосъ его выражалъ глубокую тоску, еще глубже, нежели въ первой пѣснѣ. Онъ какъ-будто для того только и запѣлъ этотъ странный куплетъ, который всегда поражалъ меня неожиданною грустью, чтобы поглубже опуститься въ свою душу и добыть оттуда, мрачныхъ, потрясающихъ звуковъ. Видъ его былъ очень печаленъ, и ему, видимо, хотѣлось высказаться....

Видно, его поняли, или почуяли, потому что, едва онъ замолчалъ, тотъ-часъ спросили: »А що̀, Оста́не? мо́же бъ ти схотівъ, щобъ у тебе́ були́ о̀чи?«

»Отта́къ!« отвѣчалъ Остапъ.

»То й ходѝвъ би на на́нщину, а тепе́ръ сидѝ до́ма да й негадки.«

»И тобі, бра́тіку, здае́тця, що на́ша жизнь лу́чча! Ні, на́ша жизнь, те́мнихъ людей, гірка̀! Доро́жче очей нема́ въ світі нічо̀го. Куди́ пройти́, проси́, або́ найми́, щобъ провели́ тебе́. У ха̀ті хо́лодно, — видю́щі поідуть у лісъ, нарубаю́ть да й то̀плять, а нашъ братъ терпи́. Тяга́йся по́ світу въ завеpу́ху та въ моро́зи, зароби́ гро́шей да найми́ на́ймита, щобъ нарубаа́въ дро̀въ та привізъ, та запали́въ у печі, якъ па̀ну; а тамъ зно̀въ роби́, щобъ було́, чимъ топи́ть.« Онъ снова началъ наигрывать.

»Якъ ти, Оста́не, осліпъ?« спросили его.

Остапъ остановился. »Якъ осліпъ? Э, Бо́гъ его́ зна́е... не мо́жна того́ знать. Ба́чте, якъ бувъ я хло́пцемъ, то, ка́жуть, бувъ прово̀рний. Ба́тько молотѝвъ, а хтось увійшо̀въ у ха́ту запали́ть лю́льку да й пита́е: »»Дѐ ба́тько зъ ма́тірью спить? на полу́?«« — »»На полу́««, кажу́. А вінъ рего́че. »»А мо́же, на печі?«« Я кажу́: »»На печі.«« А вінъ рего́че. Да якъ пішо̀въ вінъ, такъ я й

ослі́нъ. Тре́ба бъ було́ мене́ рі́зкою сікти, то, мо́же бъ, я її не ослі́нъ. Мині́ було́ годъ чоти́ри тоді, то, ба́чте, мині́ росказу́ють, якъ воно́ було́... Коли́бъ я ослі́нъ вели́кимъ, тоді бъ я знавъ, що́ таке́ со́нце та ого́нь та що́ воно́ таке́: чи кра́сне, або́ жо́вте: ато́ я нічо́го не зна́ю. Го́ре на́шому бра́ту на сві́ті; ні до ко́го її ні до чо́го. Отта́къ ході́ по сві́ту, поки снага́, а по́тімъ ляжъ да и вмрі́ мо́вчки.«

»Чому́ бъ тобі, Оста́не, не жить у зя́тя въ Калю́жинцяхъ!« спросилъ одинъ изъ слушателей.

»Яке́ жъ тамъ мині́ добро́, щобъ я тамъ живъ?«

И Остапъ началъ играть. Чарка ходила медленнѣе. Бесѣда не вязалась. Многіе молчали, потупивъ головы съ обычною Малороссійскою манерою; другіе посматривали въ оконко и собирались уходить.

»Я ёго́ леда́чого прийня́въ у свою́ ха́ту въ при́йми«, сказалъ помолчавши Остапъ; »а вінъ поча́въ мене́ зневажа́ть, пога́ними слова́ми ла́ять да сказа́въ дочці, щобъ вона́ мині́ не дава́ла ї́сти, ато́ вінъ її го́лову одруба́е. Такъ я — Бо́гъ ї́мъ судя́! — поки́нувъ ї́хъ да й пішо́въ блуди́ть. Якъ-би́ я видю́щий та роботя́щий, то зять би мене́ й поважа́въ....«

Послѣ этого онъ взялъ нѣсколько громкихъ аккордовъ, потомъ запѣлъ и заигралъ:

Нема́ въ сві́ті пра́вди, пра́вди не знська́ти!
Що тепе́ръ непра́вда ста́ла правдува́ти.

Уже́ тепе́ръ пра́вда стоїть у поро́га,
А та́я непра́вда сиди́ть коне́ць сто́ла

Уже́ тепе́ръ пра́вду нога́ми топта́ють,
А ту́ю непра́вду ме́домъ напова́ють.

Уже́ тепе́ръ пра́вда сиди́ть у темни́ці,
А та́я непра́вда — съ пана́ми въ світли́ці

А вже тая правда слёзами ридáе,
А тáя неправда все пъè да гуляе.

Десь ти, прáвдо, вмèрла, чи ти заключена,
Що тепéрь неправда увéсь світь зажèрла! (1)

Тілько въ світі прàвди, що рідная мàти,
Дè бъ ми еі мóгли въ світі одиськáти?

Ой орлйце мáти! дè жъ намъ тебé взяти?
Тебé не купіти, а ні заслужіти!

Колйбъ тебé, прáвдо, въ світі увидіти,
Орлóвими крільми páди бъ ми летіти.

Охъ, якъ же тимъ діткамъ безъ мáтери бýти?
Да що-днй заплáчуть, не мòжуть забýти!

Вже жъ бо конéць віку оцé приближйвся:
Хоть рідного брàта тепèрь стережйся.

Изъ нимъ на судъ стàти — прáвди не зиськàти.
Тілько сріблом-злóтомъ напівъ насипáти. (2)

Хто по прàвді сýдить, то тогó карáють,
А хто не по прàвді, тогó поважáють.

Ой хто бýде въ світі прáвду исполняти,
Томý зошлéть Госпóдь що-днй благодáті:

Бо самъ Госпòдь — прáвда и смирйть гордйню,
Сокрушйть непрáвду, вознесè святйню!

---

(1) Этотъ стихъ онъ повторилъ, и притомъ съ особенною выразительностью тогда какъ всѣ другіе пѣлъ по одному разу.

(2) Этотъ стихъ онъ такъ-же повторилъ.

Эта пѣсня была уже мнѣ извѣстна, но она произвела на меня теперь совершенно новое впечатлѣніе. Еще пѣвецъ не допѣлъ и до половины, какъ пришелъ ко мнѣ кучеръ съ докладомъ, что лошади готовы: но я дослушалъ до конца, и уже потомъ не былъ способенъ къ наблюденіямъ. Все во мнѣ перевернулось. Я поскорѣе опоясался, нахлобучилъ шапку и поѣхалъ далѣе.

Мятель гуляла въ степи по-прежнему, и въ завываньи вѣтра вокругъ моей кибитки мнѣ всё слышался высокій голосъ бандуриста, воспѣвающаго торжество неправды....

1855, декабря 25.
Кіевъ.

II.

Разсказъ современника-Поляка

О ПОХОДАХЪ ПРОТИВЪ ГАЙДАМАКЪ.

РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННИКА-ПОЛЯКА

О ПОХОДАХЪ ПРОТИВЪ ГАЙДАМАКЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изъ преданій, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ »Записокъ о Южной Руси«, мы видѣли, какъ нашъ народъ смотритъ на гайдамакъ. Сочувствія къ нимъ не обнаружилъ ни одинъ разскащикъ. Гайдамаки были ужасомъ всѣхъ мирныхъ жителей; ихъ не боялись только дѣти и бѣдняки, которымъ нечего было терять. Но, когда вспомнимъ, что первыя войны козаковъ съ Польскимъ дворянствомъ были не что̀ иное, какъ гайдамачество; что войны Хмѣльницкаго были только его продолженіемъ въ огромныхъ размѣрахъ, и что оно не прекращалось въ Западной Украйнѣ, на Волыни и на Подольи до послѣднихъ временъ существованія Запорожья: то непремѣнно придемъ къ заключенію, что это зло, при всей своей великости, должно было явиться не иначе, какъ по закону противодѣйствія какому-то другому, гораздо нестерпимѣйшему для гражданскаго общества злу, а можетъ быть и многимъ зламъ, которыя его породили и постоянно поддерживали. Еслибъ оно происходило только отъ дикаго побужденія извѣстнаго класса людей завладѣть чужимъ достаткомъ, то никогда не достигло бы такого страшнаго развитія, не образовало бы цѣлой

націи хищниковъ и убійцъ, какою является козачество, и не родило бы въ ней поэтическаго взгляда на свои кровавые подвиги. Какъ бы ни велика была наглость сборища злодѣевъ; но, если они не будутъ имѣть искренняго убѣжденія въ законности своихъ подвиговъ, то не станутъ ими хвалиться всенародно въ героическихъ пѣсняхъ, да и самъ народъ не будетъ помнить ихъ пѣсень въ-продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Что касается до мирныхъ жителей, то они, вѣроятно, терпѣли столько же, если не больше, и отъ козаковъ Наливайка, которые, какъ по необходимости, такъ и по недостатку правильнаго военнаго устройства, безъ сомнѣнія, захватывали, на пути своемъ, что могли, у зажиточныхъ людей; они не сочувствовали и козакамъ Хмѣльницкаго, какъ это мы знаемъ изъ »Лѣтописи Самовидца«; они всегда страдали такъ, или иначе не только отъ охочекомонныхъ, но и отъ реестровыхъ козаковъ, которые, въ массѣ своей, не отличались ни благородствомъ убѣжденій, ни рыцарскимъ великодушіемъ. Что же мудренаго, если ватаги Зализняка, Швачки и другихъ героевъ Колiивщины памятны народу только по нападеніямъ на дворы богатыхъ людей и по жестокостямъ? Это ближе касалось народа, нежели неясная и для самыхъ гайдамакъ цѣль, къ которой они стремились. Теперь, когда наши матеріальные и нравственные интересы такъ непохожи на тогдашніе и когда старыя симпатіи и антипатіи уступили мѣсто новымъ, мы смотримъ съ равнымъ участіемъ, какъ на тѣхъ, которые терпѣли безъ вины отъ неистовствъ разузданной толпы *затя́жцевъ*, такъ и на тѣхъ, которые, будучи дикими грабителями своихъ братій, въ то же самое время рисковали своею жизнью ради мечтательной независимости своего племени; и по этому для насъ равно интересны разсказы сѣдовласыхъ свидѣтелей гайдамацкаго варварства и героическія пѣсни самыхъ гайдамакъ, въ которыхъ они хвалятся своими подвигами передъ цѣлымъ свѣтомъ. Да и самъ народъ, проклиная ихъ неистовства, въ то же время усвоиваетъ себѣ ихъ пѣсни и передаетъ будущимъ поколѣніямъ ихъ кровавую славу. Напримѣръ, сегодня я записываю отъ него преданіе о низкомъ тиран-

ствѣ надъ какимъ-нибудь Дригою ([1]), а завтра въ томъ же самомъ кружкѣ поютъ мнѣ:

Максимъ, козáкъ Залізнякъ зъ слáвного Запорóжжа,
Процвітáе на Вкраїні, якъ въ горóді рóжа.
Роспустúвъ військо козáцьке въ слáвнімъ місті Жаботúні —
Гей розлилàсь козацька слáва по всій Украіні!

. . . .

И говóрить Максúмъ козáкъ, сúдючи въ невóлі:
»Не бýдуть мать врáжі Ляхú на Вкраїні вóлі!
Течýть рíчкú зъ всего свíту до Чóрного мóря —
Минýлася на Вкраїні Жидівськая вóля!«

Впрочемъ, каковы бъ ни были предубѣжденія противъ, или въ пользу гайдамакъ у ихъ современниковъ, или ближайшаго къ нимъ поколѣнія, но если только съ этими предубѣжденіями до насъ доходятъ какія-нибудь черты, взятыя съ натуры, то наше дѣло — сперва все принять къ свѣдѣнію, а потомъ уже подвергать преданія критической разработкѣ. До сихъ поръ я представлялъ записанное мною отъ Малороссіянъ и говорилъ отъ себя о гайдамакахъ, какъ Малороссіянинъ. На сколько чистой истины въ собранныхъ мною народныхъ преданіяхъ и до какой степени былъ я безпристрастенъ въ своихъ замѣткахъ, это рѣшатъ будущія открытія и изысканія. Теперь посмотримъ, что̀ помнятъ о гайдамакахъ ихъ враги, Польскіе дворяне. Я не буду говорить о запискахъ Липномана, Кребсовой и другихъ, извѣстныхъ намъ печатно. У меня въ рукахъ находится неизданная рукопись, составленная по разсказамъ стараго Польскаго пана, Симона Закревскаго (Zakrzewski), который въ молодости не о̀динъ разъ имѣлъ самъ дѣло съ гайдамаками. За доставленіе ея мнѣ я обязанъ благодарностью знаменитому Польскому писателю М. А. Грабовскому, неутомимому изыскателю Польско-Украинской старины. Я переведу ее здѣсь не всю, оставляя въ сторонѣ то, что̀ инте-

([1]) См. т. 1, стр. 246 — 249.

ресно собственно для Поляковъ; но въ своихъ извлеченіяхъ не опущу ни одной черты, характеризующей Поляка по отношенію къ гайдамакамъ. Воспоминанія пана Закревскаго имѣютъ въ моихъ глазахъ тотъ особенный интересъ, что изображаютъ гайдамачество на Волыни и на Подольи, тогда какъ почти всѣ до сихъ поръ изданные памятники заключали его въ тѣсную рамку Западной Украины. Они даютъ намъ новое понятіе объ обширности поприща, на которомъ подвизались предпріимчивые Запорожскіе витязи грабежа и убійства въ провинціяхъ Польскаго королевства, и о непрерывности ихъ набѣговъ. Съ другой стороны, здѣсь представлена картина домашняго и общественнаго быта Польскихъ пановъ въ пограничныхъ городахъ. Ихъ безконечныя увеселенія и попойки были отъ времени до времени прерываемы появленіемъ гайдамакъ, то въ видѣ осторожныхъ хищниковъ, то въ видѣ грозныхъ убійцъ и грабителей. Вѣчно праздное и безпечное Польское общество сталкивалось съ предпріимчивыми Запорожскими »молодцами« и едва находило у себя столько средствъ, чтобы прогнать, или истребить небольшую ватагу гайдамакъ... Но читатель увидитъ это изъ разсказа самого Закревскаго.

.... Находился я при дворѣ князей Любомирскихъ болѣе десяти лѣтъ, но не въ качествѣ дворянина, а въ качествѣ пріятеля дома. Шумно и весело жили тогда въ Ровномъ. Домашнихъ толпа, гостей каждый день биткомъ набито; пиры, музыка, танцы, открытые столы, кубки за кубками, осушаемые при громѣ мортиръ и ручного оружія; горящіе вензеля и фейерверки. Княгиня, урожденная Поцѣева (Pociejówna), принесла мужу богатое приданое. Чудная была пани: и прелестная и чрезвычайная охотница до увеселеній. Помню, какъ она бывало отброситъ въ сторону Нѣмецкіе реброны да помпадуры и явится въ старо-Польскомъ нарядѣ: въ бархатномъ кунтушѣ, въ *станикѣ* (¹) изъ золотой парчи, въ

(¹) Родъ наружной шнуровки. *Примѣч. издат.*

собольей шапочкѣ, на которой сверкаетъ алмазное перо, и въ красныхъ сапожкахъ, унизанныхъ жемчугомъ и подкованныхъ золотомъ. Пустится бывало въ первой парѣ, въ польскомъ, или въ мазуркѣ, по огромной дворцовой залѣ, — ну просто лань; заглядѣнье да и только. А какъ на поворотѣ въ танцахъ звякнетъ подковками, сердце такъ бывало разыграется, что танцуешь — чуть изъ кожи не выскочишь.

Князь, коронный подстолій, съ своей стороны любилъ заохочивать собственнымъ примѣромъ къ частымъ кубкамъ [въ тѣ времена всѣ пили въ Польшѣ]. Былъ онъ горячій охотникъ и часто устраивалъ охоту для своихъ гостей въ огромныхъ размѣрахъ. Въ Тучинѣ у него обыкновенно содержалась безчисленная псарня, на которую онъ опредѣлилъ всѣ доходы съ этого *ключа* (¹). Обширные лѣса были полны крупныхъ звѣрей, на которыхъ мы охотились съ сѣтями и заборами, при помощи безчисленнаго множества мужиковъ. Настрѣлявши бездну серпъ, волковъ, дикихъ кабановъ, часто такъ-же убивши нѣсколько лосей, а иногда и медвѣдей, садились мы за охотничій обѣдъ. Сколько тамъ было разсказовъ объ охотничьихъ приключеніяхъ! сколько лжи, сколько самохвальства! Рога и волторны гремѣли между тѣмъ въ знакъ торжества, а мы трубили въ кубки, и я не помню, чтобъ когда-нибудь возвратились домой трезвыми.

Однажды случилось князю пожаловаться, что у него нѣтъ подъ Ровнымъ рощи, въ которой онъ могъ бы иногда охотиться хоть за зайцами. Что же? сосѣди и пріятели сговорились сдѣлать ему сюрпризъ въ день его имянинъ. Князь выѣхалъ, кстати, на нѣсколько дней въ Дубно къ князю ординату Сангушко и долженъ былъ воротиться только въ день святого Станислава. Наканунѣ этого дня »согнали« тысячу подводъ съ молодыми деревцами да тысячу рабочихъ изъ ближнихъ и дальнихъ околицъ, насадили самымъ старательнымъ образомъ довольно обширный звѣринецъ,

---

(¹) Ключомъ называется у Поляковъ извѣстное число селъ, принадлежащихъ къ одной экономіи. *Пр. изд.*

пересѣченный правильными просѣками, и пустили въ него множество разныхъ звѣрей. Какъ изумился и обрадовался князь, когда воротясь ночью въ Ровно и проснувшись утромъ, увидѣлъ передъ городомъ гору, покрытую лѣсомъ! Этотъ лѣсъ потомъ старательно поддерживали, и до сихъ поръ онъ существуетъ. Въ день святого Станислава мы, правда, не охотились, такъ какъ это былъ праздникъ патрона Польской короны; но всѣ мы, сколько насъ было гостей и домашнихъ, двинулись, подъ предводительствомъ князя и княгини, къ лѣсу, который какъ-будто какимъ волшебствомъ выросъ изъ земли. Дивное было явленіе — видѣть стада зайцевъ и серпъ, испуганныхъ пріѣздомъ экипажей и шумомъ всадниковъ. Они метались въ разныя стороны, но не могли никуда уйти, потому что лѣсъ былъ окруженъ сѣтьми. Только на третій день вечеромъ начали мы охотиться, при свѣтѣ фонарей и плошекъ. А въ день самыхъ имянинъ было шумное пирнество.

Помню, какъ послѣ обѣда показывали на замковомъ дворѣ коня изъ княжескихъ конюшенъ. Всѣ дамы вышли съ княгиней Гонoратой на огромную дворцовую галерею, которая идетъ вдоль залы, на второмъ этажѣ. Я приказалъ подвесть мнѣ моего сѣраго въ яблокахъ и давай выдѣлывать на немъ разныя штуки. Дамы хлопали мнѣ, а иногда приходили въ ужасъ. А князь, стоя на галереѣ съ полнымъ бокаломъ, закричалъ мнѣ сверху: »Пане Симоне! пью за ваше здоровье *въ ваши руки* (¹); но только возьмите бокалъ, не слѣзая съ коня!«

Не нужно было повторять мнѣ этого вызова; я пришпорилъ своего сѣраго и въ нѣсколько прыжковъ поднялся по ступенькамъ въ переднія сѣни, потомъ далѣе во внутреннія, а оттуда въѣхалъ по лѣстницѣ въ залу и явился на галереѣ, приведя дамъ въ немалый страхъ. Князь подалъ мнѣ большой бокалъ; я опорожнилъ залпомъ за его здоровье, повернулъ коня и той же самой дорогой, хоть ужъ нѣсколько осторожнѣе, воротился на замковой

(¹) Т. е. такъ, чтобы бокалъ перешелъ къ тому, чье здоровье пьютъ. *Пр. изд.*

дворъ. Такъ-то въ тѣ годы подвизались мы въ этомъ Ровномъ, которое теперь такъ отрезвилось! А въ Дубнѣ, въ зáмкѣ князя ордината, надворнаго маршала Литовскаго, текло вино рѣкою, потому что крутоусаго Сангушка не легко было побѣдить на попойкѣ. Пилъ онъ какъ въ бочку и любилъ видѣть вокругъ себя питковъ. Въ замковой залѣ зачастую подымались пары надъ головами собесѣдниковъ, а на дворѣ клубился дымъ отъ стрѣльбы драгуновъ, которые гремѣли изъ ружей за каждымъ тостомъ.

Пировали мы беззаботно, и жилось намъ хорошо въ тѣ времена, по пословицѣ: Za króla Sobka nie było w polu snopka, a za króla Sasa człowiek jadł, pił i popuszczał pasa [1]. Пить было тогда у всѣхъ въ обычаѣ: у пановъ и у мелкаго дворянства [исключая молодыхъ людей, которымъ запрещалось прикасаться къ бутылкѣ], у духовныхъ и свѣтскихъ, у судей и адвокатовъ, у военныхъ и штатскихъ; а кто отказывался, того умѣли и принудить. Паны не нуждались въ средствахъ къ жизни, а мелкая шляхта живилась отъ пановъ...... Внѣшней войны мы не вели тогда, но чтò касается до безопасности внутренней, особенно на пограничьи со стороны Запорожья, то трудно было имъ похвалиться. Даже и на Волыни не разъ смущали насъ, посреди нашихъ увеселеній въ панскихъ домахъ, преувеличенные слухи о гайдамацкихъ наѣздахъ. Мнѣ самому случилось два раза участвовать въ походѣ противъ этихъ бродягъ.

Гайдамацкія шайки, человѣкъ въ пятьдесять, во сто, а иногда и въ нѣсколько сотъ, выходили почти каждую весну изъ Запорожской Сѣчи [2] и только осенью возвращались въ свои ло-

---

[1] При королѣ Собкѣ (Собѣскомъ) не было въ полѣ ни снопа, а при королѣ Сасѣ каждый ѣлъ, пилъ и распускалъ поясъ.

[2] Въ одномъ варіантѣ стиховъ подъ изображеніемъ Запорожца-кобзаря говорится:

Отже жъ веснà наступáе, щò на умі, трéба окончàти:
Якъ день, такъ нічъ, все на дýмці Ляхà обідрáти.
Абó въ Жида мішокъ грòшей узять на рострáти.

Прим. Издат.

говища. Это скопище состояло изъ однихъ отъявленныхъ негодяевъ. Оно пополнялось разными бѣглецами изъ сосѣднихъ земель, но всего больше Украинскими мужиками, между которыми гайдамаки имѣли много доброжелателей и которые указывали имъ, куда безопаснѣе и вѣрнѣе пройти за добычею. Украинныя воеводства Кіевское и Брацлавское всего больше терпѣли отъ этихъ хищниковъ; но иногда они проникали на Подолье, на Волынь и даже къ Мозырю, потому что пограничнаго войска было очень мало, магнаты держали надворныя хоругви при себѣ, а городовые козаки были въ-тайнѣ расположены къ гайдамакамъ. Гайдамаки эти совершали свои походы иногда пѣшіе, но большею частью верхомъ, и увозили добычу на выючныхъ лошадяхъ, что̀ у нихъ называлось *батовнѐю*. Каждая шайка имѣла своего предводителя, котораго они называли ***ватажко̀мъ***. Ватажка̀ выбирали обыкновенно изъ самыхъ опытныхъ, которые сдѣлали уже нѣсколько разбойничьихъ походовъ и знали всѣ переходы и дорожки. Чтобы внушить своимъ къ нему увѣренность, а суевѣрному народу страхъ, разсказывали о немъ, что онъ *характѐрникъ*, то есть чародѣй, что онъ умѣетъ заговаривать пули, такъ что его можно убить только серебряною пулею (¹), а въ случаѣ надобности — можетъ сдѣлаться и невидимымъ. Сколько они увозили изъ края богатой добычи! и сколько проливали невинной крови, когда ими управляло мщеніе! Ужасъ, овладѣвавшій жителями при извѣстіи, что идутъ гайдамаки, превосходитъ всякое описаніе: каждый прятался съ чѣмъ только могъ куда ни попало. Но очень часто вѣсть объ ихъ вторженіи приходила слишкомъ поздо, потому что они пробирались какъ волки и дѣлали свои отдыхи по уединеннымъ хуторамъ и пасѣкамъ.

Однажды гостили мы съ княземъ въ Полонномъ у его дяди, князя Антонія Любомирскаго, старосты Казимірскаго. Сидимъ мы за столомъ, какъ прискакалъ гонецъ отъ генеральнаго региментa-

---

(¹) Смотр. т. I, стр. 284, »Месть за имя Жида«.

ря *Украинской и Подольской партіи*, Яна Тарлы, воеводы Любельскаго, съ приказомъ, чтобы гетманскій регментъ *иноземнаго автораментa*, въ которомъ начальствовалъ князь Антоній, поспѣшилъ къ Ялтушкову на Подолье. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тарло просилъ его въ особомъ письмѣ выслать часть собственнаго гарнизона изъ Полонской крѣпости съ десятью пушками, — и все это для того, чтобы переловить нѣсколько десятковъ гайдамакъ, которые скрылись съ своей добычей въ Ялтушовскихъ лѣсахъ, когда имъ преградили путь къ границѣ, и обрубились тамъ засѣками.

Князь отвѣчалъ, что завтра же выступитъ съ войскомъ лично. Я попросилъ у него позволенія идти съ нимъ въ качествѣ волонтера, на что̀ онъ съ удовольствіемъ согласился. И вотъ на третьи сутки около полудня подошли мы на четверть мили къ лѣсу, въ которомъ укрѣпились гайдамаки; ибо для большей поспѣшности пѣхоту и пушкарей привезли на подводахъ. Войско наше построилось въ боевомъ порядкѣ, поставивъ пушки по крыльямъ. Регментарь сдѣлалъ намъ смотры; потомъ сломали шеренги, и отданъ былъ приказъ, чтобы *жолнѣры* (воины) подкрѣпились и выспались, потому что всю ночь будутъ бодрствовать.

Отдохнувъ немного, просилъ я у князя Антонія Любомирскаго позволенія объѣхать и осмотрѣть позиціи. Онъ далъ мнѣ для безопасности одного офицера и нѣсколько человѣкъ собственныхъ рейтаръ, и я пустился съ ними вокругъ лѣса. Мы ѣхали доброю рысью, а иногда и въ-скачь, однакожъ проѣздили нѣсколько часовъ. Лѣсъ былъ огромный. Кругомъ него, подъ самой опушкой, разставили въ разныхъ мѣстахъ мужиковъ, которыхъ согнали сюда тысячи три. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены ружьями, но большая часть копьями, косами, или просто цѣпами. Имъ было приказано крѣпко стеречь, а ночью жечь огни и часто кричать: Wer da? Позади мужиковъ, шагахъ во стѣ-пятидесяти, стояло войско, какъ то, которое прибыло изъ Полоннаго, такъ и то, которое регментарь привелъ еще прежде съ собою,

всего тысячи двѣ человѣкъ, между которыми были компутовые гусары и *панцырные* въ полномъ вооруженіи, въ леопардовыхъ и волчьихъ шкурахъ, а также и пѣхота. Сверхъ того собрано было здѣсь безъ числа городовыхъ козаковъ. Все это разставлено было какимъ-то Нѣмцемъ-полковникомъ, который служилъ у региментаря адъютантомъ.

Увидѣвъ почтенные панцырные знаки, я присоединился къ нимъ, во-первыхъ, какъ старый товарищъ, а во-вторыхъ потому, что мнѣ эта Нѣмецкая команда въ Польскомъ войскѣ иностраннаго авторамента терзала нестерпимо уши. Какъ-будто у насъ нѣтъ своего языка. Къ чему намъ кричать: Halt! Raus! Wer da? Feuer! когда мы такъ же хорошо могли бы говорить по своему: *Стой! Выходи! Кто идетъ? Пали?*.... Ужъ истинно справедлива пословица: Что Нѣмецъ выдумаетъ, то Полякъ купитъ. Какъ бы то ни было, но я на эту ночь примкнулъ къ панцырнымъ. Начальствовалъ ими намѣстникъ князя подстолія Литовскаго, титуловавшійся чесникомъ Цурскимъ. Мы тотъ-часъ съ нимъ познакомились, потому что оба принадлежали къ партіи Любомирскихъ, и какъ онъ былъ человѣкъ откровенный и общительный, то я легко къ нему привязался. Приказано было наблюдать осторожность и тишину, и потому мы, усѣвшись съ нимъ въ-сторонѣ на разостланной буркѣ, прошептали цѣлую ночь, изрѣдка только, въ противодѣйствіе ночной росѣ, подкрѣпляясь умѣренно напиткомъ изъ дорожной фляжки. Недостатка въ предметахъ для бесѣды у насъ не было. Когда я выразилъ ему удивленіе, что столько войска соединилось противъ какихъ-нибудь полторы сотни бродягъ, онъ отвѣчалъ, что для поимки гайдамакъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть слишкомъ много рукъ, потому что эти злодѣи защищаются отчаянно и гибнутъ до послѣдняго, зная, что имъ пощады не будетъ. »Ихъ ожидаетъ (прододжалъ онъ) собачья смерть на вѣтви дерева, или страшное сидѣнье на колу, и потому они брасаются какъ бѣшеные одинъ на десятерыхъ, и часто пробиваются сквозь засаду не только сами, но и съ добычею. Вотъ увидите завтра, въ какихъ они богатыхъ нарядахъ. Это они у насъ такъ пріодѣлись,

потому что изъ Сѣчи выходятъ только въ напоенныхъ саломъ рубашкахъ и *кажанкахъ* изъ телячьей кожи« (¹).

Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что ватажко, котораго мы теперь окружили, былъ знаменитый между гайдамаками Запорожецъ Иванъ Чуприна, который уже пятнадцать разъ вторгался въ Польшу и возвращался съ богатою добычею безнаказанно, потому что всегда удачно раздѣлывался съ высылаемыми противъ него отрядами войска. Три года тому назадъ, онъ напалъ съ шестьюдесятью »молодцами« на Шаргородъ, замучилъ отца чесника Пурскаго, ограбилъ домъ и захватилъ въ немъ 40,000 злотыхъ наличныхъ денегъ. Когда же проникнулъ въ самую Волынь и его съ навьюченною *батовнёю* окружило въ этомъ самомъ мѣстѣ триста драгунъ изъ регимента королевы, Чуприна ударилъ на нихъ ночью, убилъ полковника, увелъ нѣсколько драгунскихъ лошадей и ушелъ безъ всякой потери. И потому панъ чесникъ Пурскій жаждалъ отмстить ему теперь за пролитую имъ кровь отца.

»Грѣшно [говорилъ онъ] роптать на опредѣленія Всевышняго: да будетъ Его святая воля! но человѣческія погрѣшности осуждать надобно. До чего дошелъ теперь прекрасный край нашъ, имѣя столько источниковъ могущества! Нѣтъ намъ ни уваженія у сосѣдей, ни безопасности внутри государства. И всему этому причиною гордость нашихъ магнатовъ. Они не хотѣли повиноваться королямъ своимъ и всячески старались ослабить въ народѣ уваженіе къ престолу. Отравили жизнь Вѣнскаго героя; Августу Второму поднесли горькую чашу, хотя, можетъ быть, и по заслугамъ; а что̀ всего хуже — на сеймѣ, который прозванъ нѣмымъ, отняли у отечества послѣднія силы, распустивъ народное войско и уменьшивъ его до нѣсколькихъ тысячъ. Самъ нынѣшній король нашъ не былъ бы такъ намъ постылъ, еслибъ они не связали ему рукъ. Пожалуй у нихъ довольно на жалованьи надворнаго войска, но они его держатъ только для собственныхъ надобно-

(¹) См. т. I, стр. 132 — 133, »Похожденія Гайдамакъ въ Смилой«.

стей. Жалкую жизнь ведутъ наши пограничные обыватели, находясь въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ. Года три назадъ гайдамаки замучили моего отца, въ прошломъ году ограбили мой домъ и едва не захватили жены и дѣтей. Я владѣю за долгъ селомъ Забоклицкихъ, Сельницею, но по службѣ долженъ находиться при хоругви, потому что безъ меня некому ею командовать. Мой ротмистръ, князь подстолій Литовскій, живетъ въ своихъ имѣніяхъ, или въ столицѣ; мой поручикъ, Воронпчъ, хозяйничаетъ въ своихъ селахъ, въ Кіевскомъ воеводствѣ; мой хорунжій, Бѣлинскій, уже старикъ преклонныхъ лѣтъ, живетъ, ради спасенія души, во Львовѣ въ Бернардинскомъ монастырѣ. Вотъ почему все и обрушилось на голову бѣднаго намѣстника. Такъ вотъ бродяги напали, какъ я сказалъ, на мой домъ въ Сельницѣ и забрали все, что̀ могли. Къ счастью, жена моя предчувствовала ихъ посѣщеніе, а предчувствовала потому, что одинъ изъ нашихъ парубковъ, негодяй и пьяница, ушелъ было къ гайдамакамъ. Она нѣсколько недѣль не ночевала съ дѣтьми подъ собственнымъ кровомъ, а ночевала въ оврагахъ, въ коноплѣ и въ лозѣ, перемѣняя мѣсто ночлега каждую ночь, и только на день возвращаясь домой. Эта осторожность спасла ее. Разбойники, вломясь въ мой домъ, застали только при мамкѣ самую меньшую дочь мою и хотѣли разбить ее о стѣну; но мамка пала имъ къ ногамъ и слезами своими и просьбами обезоружила злодѣевъ. Вскорѣ потомъ шайка разбойниковъ напала на мѣстечко Красное, гдѣ мой семилѣтній сынокъ воспитывался въ парафіяльной школѣ у *директора*. Школьники спрятались въ небольшомъ острожкѣ, но наставникъ ихъ попалъ въ руки гайдамакъ. Разграбивъ мѣстечко, они приступили къ острожку и требовали сдачи. Но управляющій имѣніемъ (gubernator kluczowy) не отворилъ имъ воротъ своего Гибралтара. Тогда они рѣшились поджечь дубовый частоколъ, который составлялъ главную защиту этого жалкаго укрѣпленія, и начали подкладывать подъ него солому; а чтобы не изнурять перевозкой лошадей своихъ, запрягали въ возъ школьнаго директора вмѣстѣ съ Жидомъ. Этимъ

способомъ подвезено было уже нѣсколько возовъ соломы, за что досталось обоимъ не мало жестокихъ ударовъ. Но вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пистолета за мѣстечкомъ, гдѣ разбойники поставили свою сторожу. Узнавъ по этому сигналу, что приближаются драгуны, они собрали торопливо свой багажъ и поскакали во весь духъ къ Кичманю [такъ называется большой лѣсъ въ окрестностяхъ Краснаго]. Драгуны правда перерѣзали имъ дорогу, но разбойники ударили на-проломъ, застрѣлили изъ ружей двухъ драгунъ и одного коня и ушли съ добычею. Этотъ наѣздъ доставилъ большое удовольствіе моему маленькому Марцисю, тѣмъ, что гайдамаки возвратили сторицею бѣдному Шинкѣ (такъ назывался директоръ) удары, которые онъ имѣлъ обычай разсыпать своимъ школьникамъ.«

Въ такихъ и тому подобныхъ бесѣдахъ провели мы цѣлую ночь. Начинало ужъ свѣтать. Вдругъ по ту сторону лѣса, гдѣ стояла наша пѣхота, раздались выстрѣлы изъ ружей, сперва рѣдкіе, потомъ чаще, чаще, наконецъ загремѣли и пушки. Гулъ, крикъ, громъ стрѣльбы и трескъ валящихся деревьевъ широко разлегались по лѣсу въ утреннемъ росистомъ воздухѣ. Мы ужъ были на лошадяхъ. Испуганные мужики начали бѣжать; панцырные бросились ихъ останавливать. Въ это время сорокъ человѣкъ гайдамакъ, съ двумя десятками вьючныхъ лошадей, выскочили неожиданно изъ лѣсу и дружно ударили на три Волошскія хоругви, стоявшія напереди. Волохи не устояли противъ удара и, не сдѣлавъ даже выстрѣла, опрокинулись въ безпорядкѣ на *комнутовыхъ* и, вмѣстѣ съ бѣгущею чернью, произвели такое замѣшательство въ нашихъ рядахъ, что мы не могли придти въ себя и построиться. Пользуясь этимъ, разбойники выстрѣлили изъ ружей и, убивши нѣсколько рядовыхъ, повернули вскачь къ селу. Намѣстникъ и я настигали ихъ близко; онъ положилъ даже одного негодяя изъ пистолета; но оглянувшись и видя, что мы гонимся за ними только вдвоемъ, мы остановились. Гайдамаки между тѣмъ, пройдя через село и зажегши его за собой, достигли сосѣдняго лѣса. Правда, за ними послана была по-

гоня, которую региментарь, занятый въ другомъ пунктѣ, едва черезъ часъ могъ нарядить, но безъ всякаго успѣха; ибо эти бродяги, сидя на быстрыхъ лошадяхъ, не дали себя настигнуть и ушли въ Сѣчь, оставляя вездѣ за собой пожары.

Не такъ удачно подвизались тѣ гайдамаки, на которыхъ наступила въ лѣсу наша пѣхота. Защищались правда отчаянно эти разбойники, убили нашего подполковника, двухъ, или трехъ офицеровъ и около пятидесяти рядовыхъ; нѣсколькихъ такъ-же ранили, и въ томъ числѣ маіора; но трудно было имъ стоять противъ нашихъ ружей и пушекъ, которыя ломали деревья и пришибали ихъ стволами и сучьями; къ тому жъ они лишились своего ватажка и, смущенные этимъ событіемъ, почти всѣ были перебиты; остальные недобитки и раненые захвачены въ плѣнъ. Погибло ихъ около весьмидесяти, а изувѣченныхъ и здоровыхъ схвачено около сорока. Ватажко ихъ, Иванъ Чуприна, палъ отъ руки молодого князя Мартина Любомирскаго, который при самомъ вступленіи въ лѣсъ, на челѣ своихъ гренадеровъ, замѣтилъ его и убилъ его изъ ружья въ ту самую минуту, когда онъ, стоя на колѣняхъ подъ дубомъ, прицѣливался въ него. Найдено было при Чупринѣ богатое Турецкое вооруженіе въ серебрѣ, нѣсколько брильянтовыхъ перстней на пальцахъ, пять золотыхъ часовъ и полторы тысячи червонцевъ въ поясѣ. У другихъ гайдамакъ такъ-же нашли множество денегъ въ поясахъ и сѣдельныхъ подушкахъ, часовъ и дорогого оружія, а въ батовнѣ ихъ — безчисленное количество серебра, дорогихъ матерій, золотыхъ поясовъ, женскихъ нарядовъ и мѣховъ, церковныхъ *орнатъ, капъ*, рясъ, чашъ и другихъ принадлежностей богослуженія (католическаго), а такъ-же и Жидовскихъ одеждъ, жемчугу, серегъ и тому подобныхъ вещей. Все это было награблено ими въ этомъ несчастномъ пограничномъ краю. Взято такъ-же нѣсколько десятковъ лошадей, между которыми много было отличной породы. Прочія валялись въ лѣсу убитыя, или тяжело раненыя.

Послѣ этого мы расположились обозомъ на возвышеніи и отдыхали трое сутокъ. Въ теченіе этого времени составлена опись

добычѣ и сдѣлалъ дѣлежъ между офицерами и рядовыми. Не забыли и вдовъ, оставшихся послѣ павшихъ въ бою. Каждому капитану досталось, кажется, по 50, поручику по 30, унтеръ-офицеру по 10, а рядовому по 4 дуката. Церковныя же вещи и украшенія потомъ разослано по костеламъ и церквамъ (уніятскимъ).

Въ это время прибылъ такъ-же изъ Каменца-Подольскаго войсковой судья съ инстигаторомъ и палачъ съ своими прислужниками. Начался допросъ пойманныхъ гайдамакъ; ихъ пытали, и изъ ихъ показаній оказалось, что ихъ было 160 »молодцовъ« и что ватажко ихъ Иванъ Чуприна остановился и обрубился въ этомъ лѣсу, поджидая своего отряда изъ пятнадцати »молодцовъ«, который онъ выслалъ на грабежъ въ другую сторону, съ своимъ братомъ; что при батовнѣ ихъ находилось двѣнадцать городовыхъ козаковъ, которыхъ они поименовали, но объявили, что они невинны, ибо служили у нихъ по принужденію; и что въ эту ночь ватажко ихъ, который былъ большой характéрникъ, усомнился въ своемъ счастьи, замѣтивши зловѣщій признакъ, а именно: когда онъ грѣлся у огня, вся *нужа* сползлась у него къ воротнику. Тогда онъ и сказалъ: *Оттепéръ намъ бýде лúхо зъ врáжими Ляхáми!* Раздѣлившись на четыре отряда, гайдамаки намѣрены были ударить на разсвѣтѣ всѣ вдругъ, по данному знаку, на проломъ въ разныя стороны. Знакомъ этимъ долженъ былъ служить выстрѣлъ ватажка изъ пистолета, на который каждый отрядъ отвѣтилъ бы двумя ружейными выстрѣлами. Но этотъ планъ былъ разстроенъ непредвидѣннымъ случаемъ. Когда начало разсвѣтать, ватажко поползъ на четверенькахъ къ опушкѣ лѣса, чтобъ высмотрѣть, что̀ дѣлаютъ Ляхи. За нимъ поползло нѣсколько »молодцовъ«, и вдругъ у одного изъ нихъ ружье, зацѣпясь за вѣтку, выстрѣлило. На этотъ фальшивый сигналъ отвѣтили другіе выстрѣлы, и прежде нежели гайдамаки сѣли на коней и построились въ боевой порядокъ, Польская пѣхота двинулась въ лѣсъ и произвела между ними замѣшательство, тѣмъ болѣе что ватажко ихъ палъ отъ первой пули. Судья записалъ всѣ эти показанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ длинный списокъ убитыхъ и живыхъ

гайдамакъ и произнесъ послѣднимъ приговоръ. Однихъ осудилъ онъ на висѣлицу, другихъ на колъ, третьихъ на четвертованье. Живыхъ отослали подъ сильной стражей въ Каменецъ-Подольскую крѣпость для исполненія этого приговора; а мертвыхъ четвертовали на мѣстѣ и разослали головы, руки и ноги по городамъ и мѣстечкамъ для всенародной выставки на кольяхъ. Остальныхъ зарыли въ Ялтушовскомъ лѣсу надъ большой дорогой и насыпали надъ ними, для вѣчной памяти, курганъ.

Что касается до пятнадцати разбойниковъ, которыхъ поджидала здѣсь главная шайка, то они то же не ушли отъ бѣды. Двое изъ нихъ, высланные *на чаты* (на развѣдыванье), были схвачены. Старый гайдамака не высказалъ ничего и вытерпѣлъ до конца всѣ муки, которыми пытали; но молодой, вовсе не разбойничьей наружности парень, допрошенный особо, объявилъ, что товарищи его засѣли уже нѣсколько дней тому назадъ въ оврагѣ посреди степей между скирдъ, миляхъ въ десяти отъ того мѣста по направленію къ Константинову. Его поколебали увѣренія, что ему не только будетъ дарована жизнь, но что будетъ онъ даже принятъ въ особенную панскую милость и поступитъ въ число надворныхъ козаковъ, потому что онъ понравился молодому князю Любомирскому. Онъ объявилъ такъ-же, что число хищниковъ увеличилось до тридцати новобранцами изъ поселянъ; что они высылаютъ на *Черный шляхъ* сторожу для поимки прохожихъ, которыхъ она уводитъ въ свой притонъ, и что у нихъ ужъ множество лошадей, добычи и плѣнныхъ. Въ заключеніе, онъ обѣщалъ проводить къ тому мѣсту Поляковъ.

Рейментарь тотъ-часъ выслалъ противъ нихъ триста человѣкъ пѣхоты, посадивъ ихъ на коней, взятыхъ въ Волошскихъ хоругвяхъ, и столько же городовыхъ козаковъ, съ двумя пушками, подъ начальствомъ молодого князя Мартина Любомирскаго, который за успѣшное дѣло въ лѣсу произведенъ былъ въ полковники. При немъ находился еще гувернеръ Французъ, какой-то баронъ, старый, какъ видно, служака, который потихоньку давалъ ему со-

вѣты. Старый маіоръ такъ-же отправился въ этомъ отрядѣ. Они двинулись быстрымъ маршемъ, а предводители съ остальнымъ войскомъ выступили въ-слѣдъ за ними. Молодой Любомирскій и здѣсь извернулся молодцомъ. Онъ такъ искусно подступилъ къ гайдамакамъ, и такъ хорошо воспользовался указаніями помилованнаго разбойника, что окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, а высланныхъ на Черный шляхъ козаки нашли спящими за кургапомъ. Но тѣ, что сидѣли въ оврагѣ, не хотѣли сдаться, хотя, для устрашенія, по нимъ выстрѣлили изъ пушекъ; напротивъ, принялись рѣзать своихъ плѣнниковъ, запертыхъ въ одной хаткѣ (потому что потомъ нашли тамъ зарѣзанныхъ восемнадцать Жидовъ, нѣсколькихъ Жидовокъ, одного уніята и одного ксенза; остальные были спасены приспѣвшею пѣхотою). Гренадеры приняли гайдамакъ въ штыки и кололи, какъ дикихъ кабановъ. Трое были убиты, остальные перевязаны; но всѣ были такъ изранены, что большая часть ихъ перемерла до трехъ дней. Съ нашей стороны убитъ былъ только одинъ барабанщикъ и ранено ножами нѣсколько рядовыхъ. Выручено было изъ плѣна шестеро уніятовъ съ женами, пятеро ксензовъ, два Іезуита, болѣе двадцати женщинъ и дѣвицъ шляхтянокъ и болѣе дюжины шляхтичей. Всѣ они были набиты какъ сельди въ этой лачужкѣ и раздѣты почти до-нага. Но потомъ было открыто еще въ сосѣднихъ оврагахъ человѣкъ пятнадцать замученныхъ шляхтичей. Найдено около полутораста лошадей, какъ въ батовнѣ, такъ подъ сѣдлами и безъ сѣделъ. Между скирдъ нагромождено было великое множество колясокъ, брикъ, повозокъ, дорожнихъ возковъ, разнаго рода сундуковъ, чемодановъ, шкатулокъ и погребцовъ, награбленныхъ на большой дорогѣ. Региментарь и князь Антоній Любомирскій только на третій день прибыли съ войскомъ на то мѣсто. Освобожденные изъ разбойничьихъ рукъ плѣнники вышли имъ навстрѣчу съ непритворною радостью и благодарностью. Добыча, найденная при самихъ гайдамакахъ и въ повозкахъ, была очень значительна. Всему сдѣлана обстоятельная опись, и оставшіеся въ живыхъ владѣльцы показывали, что̀ у нихъ заграблено, обозначая разныя вещи, платья и мѣшки; потомъ ихъ отвели подъ особен-

ный навѣсъ, гдѣ разложено было все это имущество, и каждый получилъ то, что было признано ему принадлежащимъ.

И здѣсь войско отдыхало трое сутокъ. По распоряженію начальствующихъ, отслужена была печальная панихида въ долинѣ смерти, и тѣла замученныхъ Христіянъ погребены были приличнымъ образомъ на кладбищѣ сосѣдняго села, а Жидамъ позволено было забрать трупы своихъ единовѣрцевъ для погребенія ихъ по своимъ обрядамъ. Остальная добыча опять была раздѣлена между войскомъ, а молодой князь Мартинъ Любомирскій наименованъ генераломъ, и тотъ-часъ отправленъ былъ гонецъ къ королю съ просьбою объ утвержденіи его въ этомъ чинѣ. Для войсковаго судьи и палача открылось новое поприще допросовъ и пытокъ. Нѣсколькихъ оставшихся въ живыхъ гайдамакъ четвертовали они на мѣстѣ, или посадили на колъ, а одному переломали руки и голени и потомъ повѣсили, зацѣпивъ желѣзнымъ крюкомъ за ребро, такъ какъ онъ признался въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. То былъ какой-то плутъ поповичъ изъ Волыни; приглянулся онъ какой-то уже немолодой госпожѣ, отравилъ ея мужа и на ней женился. Она записала ему свое имѣніе, и онъ началъ было уже называться двоpяниномъ и даже паномъ мечникомъ. Потомъ, когда баба ему надоѣла, онъ такъ-же отравилъ и ее, а имущество ея присвоилъ себѣ. Наконецъ началъ дѣлать сосѣдямъ насилія, наѣзжая на ихъ дома. Его судили и приговорили къ смерти; но онъ ушелъ изъ Волыни и присталъ къ гайдамакамъ, которыхъ изумилъ изысканною жестокостью, съ какою онъ забавлялся муками несчастныхъ жертвъ, допрашивая ихъ, гдѣ у нихъ спрятаны деньги, и заслужилъ отъ разбойниковъ имя *Исповѣдника*. Трупы падшихъ злодѣевъ погребены тѣмъ же самымъ порядкомъ, что и первыхъ; руки и ноги казненныхъ развезены по городамъ и большимъ дорогамъ. Войско разошлось по старымъ становищамъ, а рейментарь и воевода Тарло отправился съ княземъ Антоніемъ Любомирскимъ въ Полонное. Въѣздъ нашъ въ этотъ городъ былъ тріумфальный. Насъ встрѣтили пушечною и ружейною пальбою съ крѣпостныхъ валовъ; а у самаго въѣзда въ Полонное комендантъ крѣ-

ности, старый Французъ Шамбонъ, поднесъ князю на бархатной подушкѣ ключи отъ воротъ, а тотъ передалъ ихъ генеральному региментарю. Мѣщанскіе цѣхи и Жидовскіе кагалы ожидали насъ у Кривыхъ воротъ, а у замковыхъ ректоръ Іезуитовъ на челѣ своего духовенства встрѣтилъ вождей и привѣтствовалъ ихъ рѣчью, въ которой сравнивалъ ихъ съ какимъ-то Римскимъ великимъ Помпеемъ, который такъ-же нѣкогда воевалъ съ разбойниками, а молодого князя Мартина Любомирскаго, за его смѣлое вступленіе въ лѣсъ, уподобилъ какому-то рыцарю Курцію, который бросился въ открытую бездну. Во дворцѣ княгиня Любомирская, окруженная многочисленными гостьми, привѣтствовала на крыльцѣ побѣдителей. Между пріѣзжими находилась супруга коронпаго подстолія, княгиня Гонората, и семейство князя Яблоновскаго, воеводы Познанскаго. Великолѣпный обѣдъ, частые бокалы, пальба съ валовъ, а вечеромъ фейерверкъ и танцы завершили этотъ веселый день. И надобно сказать, что никто не былъ лѣнивъ въ этой работѣ и не заставлялъ себя упрашивать къ очереднымъ бокаламъ, или тянуть за ухо къ танцамъ. Молодой князь Любомирскій и его дядя, князь Францискъ Любомирскій, только что прибывшій изъ-за границы, и нѣсколько другихъ, одѣтыхъ въ короткіе Французскіе кафтаны, танцовали менуэтъ, экоссесъ, страсбургскій и штрайеръ; мы, въ кунтушахъ, отплясывали съ почетными паннами княгини (1) мазурку, краковякъ и польскій; а всѣ вмѣстѣ окончили балъ быстрымъ драбантомъ.

По этимъ днемъ не кончились пиршества и танцы въ Полонскомъ замкѣ; ибо въ-старину съѣзжались рѣдко, но за-то надолго. На третьи сутки устроенъ былъ для дамъ спектакль, представляющій пораженіе гайдамакъ въ долинѣ скирдъ. Не вдалекѣ отъ одного изъ предмѣстій пріискана была мѣстность, напоминающая отъ-части тотъ оврагъ. Были тамъ и скирды, сложили и хатку въ

---

(1) Respectowe panny — родъ горничныхъ изъ шляхетскихъ фамилій. *Прим. издат.*

оврагѣ. Нѣсколько рядовыхъ было одѣто въ гайдамацкіе костюмы; другіе переодѣлись схваченными на дорогѣ проѣзжими; не было недостатка и въ переодѣтыхъ женщинахъ. Навели туда множество лошадей, навезли повозокъ, сундуковъ, словомъ — всего, что было нужно для подражанія дѣйствительному происшествію. Все общество двинулось изъ зáмка къ этому мѣсту — дамы и пожилые мужчины въ многочисленныхъ и блестящихъ экипажахъ, а молодежь вся верхами. Когда зрители усѣлись на приготовленныхъ для того лавкахъ, расположенныхъ уступами и покрытыхъ коврами, раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ, и спектакль начался тѣмъ самымъ порядкомъ, въ какомъ происходилъ онъ на самомъ дѣлѣ. Пѣхота и городовые козаки, разставленные въ отдаленіи, начали приближаться и окружать разбойничій притонъ. Молодой Любомирскій взобрался на стогъ сѣна и наблюдалъ все въ зрительную трубу, а Французъ-гувернеръ, какъ свидѣтель происшествія, объяснялъ княгинѣ и другимъ дамамъ разныя обстоятельства этой стычки съ гайдамаками. Молодой Любомирскій выслалъ одного изъ поиманныхъ шпіоновъ къ разбойникамъ, требуя сдачи, потому что они уже окружены со всѣхъ сторонъ. Вмѣсто отвѣта, двѣнадцать разбойниковъ выѣхали верхомъ на возвышенность и принялись ругать и раззадоривать Ляховъ. Выстрѣлили по нимъ изъ двухъ пушекъ; двое повалилось съ лошадей; остальные поскакали къ хаткѣ и бросились терзать плѣнниковъ. Тутъ гренадеры прибѣжали и выломали дверь, съ крикомъ: »Бей ихъ! руби ихъ! въ штыки!« Началась схватка на штыкахъ и ножахъ; начали таскать раненыхъ и убитыхъ гайдамакъ и плѣнныхъ. Искусственная кровь лилась потоками, обагряя побѣдителей и побѣжденныхъ. Княгиня мать и присутствовавшія дамы осыпали ласками молодого Любомирскаго, который былъ героемъ дня. Жаль только, что полдень и закатъ его жизни не оправдали надеждъ, которыя подавало утро....

На другой день играли на театрѣ, недавно устроенномъ въ зáмкѣ, французскую комедію. Мнѣ кой-какъ объясняли ее; но я всего только и помню, что въ ней много шуму дѣлала какая-то

Турчанка, любовница султана, очень похожая названием на нашу попадью изъ Рогатина, на эту Роксолану, которая, говорятъ, то же была женой какого-то Турецкаго султана (¹). Я сидѣлъ, какъ на Нѣмецкой проповѣди. Роли мужчинъ играли молодой Любомирскій, его гувенеръ и полковой лѣкарь, такъ-же Французъ; а женскія — сестра княгини Любомирской, Француженка, гувернантка маленькой княжны, и дочь старика коменданта, Шамбона; и такъ какъ между паннами-прислужницами не было ни одной, которая бы умѣла parler français [въ тѣ времена не всѣ, такъ какъ теперь, говорили на этомъ *бонжурномъ* языкѣ], то танцору Итальянцу дана была четвертая женская роль, и молодой, тщедушный Итальянчикъ довольно искусно представлялъ бусурманку. Должно было быть въ той комедіи что-то очень трогательное, потому что супруга пана старосты и другія дамы часто отирали глаза платками и кричали: Bravo! charmant! subline! А меня, такъ больше всего забавляло то, что Турки говорили по-Французски и что актеры въ чалмахъ подъѣзжали къ женщинамъ съ такими ужимками, какъ наши пряничные франты, воротившіеся изъ Парижа.

За два часа скуки, которые провелъ я, глазѣя на сцену и ничего не понимая, я вознаградилъ себя на другой день на большой охотѣ, которою угостилъ насъ князь: убилъ я двухъ козловъ и одного вепря. Но какимъ образомъ воротился я съ охоты — не помню, потому что за охотничьимъ обѣдомъ, который данъ былъ подъ навѣсомъ въ лѣсу, князь всѣхъ насъ такъ употчивалъ, а особливо, когда къ концу обѣда начали пить, вмѣсто кубковъ, изъ охотничьихъ роговъ, что всѣ мы повалились тамъ же безъ памяти, и ужъ потомъ гайдуки уложили насъ въ экипажи и перевезли въ замокъ.

Такъ проводили мы въ Полонномъ нѣсколько дней въ пирахъ и танцахъ, а потомъ князь Яблоновскій пригласилъ все общество къ себѣ въ Лабунъ. Остался въ Полонномъ только молодой

(¹) Это, какъ видно, была трагедія Расина »Bajazet«. *Пр. Изд.*

Любомирскій, которому отецъ поручилъ охраненіе крѣпости въ его отсутствіе......

Разскажу теперь о другомъ походѣ противъ гайдамакъ, въ которомъ я то-же участвовалъ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ Ялтушовскаго дѣла, какъ начали ходить по нашей сторонѣ слухи, что сильная гайдамацкая шайка вышла изъ-за рѣки Синюхи, ограбила разныя помѣстья панскія въ Кіевскомъ воеводствѣ, углубилась далеко въ Полѣсье и будетъ возвращаться черезъ Волынь; но гдѣ она появится изъ лѣсовъ и зарослей на поляхъ и какимъ именно путемъ будетъ идти, никто не зналъ. Всеобщій ужасъ распротранился между жителями отъ этихъ слуховъ; съ каждой милей они становились страшнѣе и страшнѣе. Только и рѣчей было всюду, что о гайдамакахъ. Тамъ видѣли какихъ-то подозрительныхъ людей, то нищихъ, то бродягъ, вѣроятно, шпіоновъ гайдамацкихъ; въ другомъ мѣстѣ разсказывали, какъ разбойники сожгли домъ съ хозяиномъ и всѣмъ его семействомъ. Въ Овручскомъ повѣтѣ они, по словамъ разсказчиковъ, обратили въ пепелъ цѣлое мѣстечко, а Жидовъ вырѣзали до одного; въ Мозырскомъ якобы ограбили костёлъ и нѣсколько (уніятскихъ) церквей; а еще гдѣ-нибудь вторгнулись въ монастырь, жгли монаховъ на огнѣ и пороли имъ жилы; и съ каждымъ днемъ силы гайдамакъ, въ этихъ разсказахъ, увеличивались, такъ что ужъ ихъ насчитали, можетъ быть, въ десять разъ больше, нежели сколько ихъ было въ самомъ дѣлѣ. На дорогахъ безпрестанно встрѣчались шляхта и Жиды, перевозившіе женъ, дѣтей и лучшее изъ движимости въ города и небольшія укрѣпленія въ магнатскихъ имѣніяхъ, гдѣ они надѣялись найти какую-нибудь защиту.

Княгиня Любомирская въ то время была беременна. Въ Ровномъ довольно было надворнаго войска; но какъ этотъ городъ не былъ укрѣпленъ, то мужъ, для большей безопасности и спокойствія, рѣшился перевезть ее въ Полонскій замокъ, гдѣ бы она разрѣшилась отъ бремени. Антоній Любомирскій находился въ то время съ женой въ своихъ Сандомирскихъ имѣніяхъ, откуда намѣренъ былъ переѣхать, по судебнымъ дѣламъ, въ Люблинъ, и

сынъ ихъ, молодой князь Мартинъ, остававшійся для охраненія крѣпости, предложилъ къ услугамъ своего дяди весь свой дворецъ. Итакъ мы двинулись изъ Ровнаго, въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя рейтаръ и козаковъ, а пѣхота послана была впередъ. Въ Славутскихъ лѣсахъ встрѣтилъ князя и княгиню молодой Любомирскій, съ сильнымъ отрядомъ войска и четырьмя пушками, изъ которыхъ, во время отдыха въ лѣсу, приказалъ, для забавы княгини, раздробить нѣсколько сосенъ. Достигши благополучно Полоннаго, застали мы всѣ постоялые и мѣщанскіе дома наполненными шляхтою, которая собралась сюда изъ близкихъ и далекихъ окрестностей, ища убѣжища подъ защитой крѣпости. До сихъ поръ не было навѣрное извѣстно, куда повернули гайдамаки. Посылали развѣдывать Жидовъ, но они возвращались ни съ чѣмъ, потому что, хоть ихъ и соблазняла богатая награда, которую имъ обѣщали, но опасеніе попасться въ руки гайдамакъ подавляло въ нихъ и самую жадность къ деньгамъ.

Наконецъ князь Мартинъ Любомирскій выслалъ восемь вѣрныхъ и расторопныхъ козаковъ, давши каждому по десяти червонцевъ на дорогу и обѣщавъ дать въ десять разъ больше тому изъ нихъ, кто привезетъ вѣрныя вѣсти о направленіи пути и силѣ гайдамакъ. Козаки отправились каждый въ свою сторону, и долго не было о нихъ никакого слуху; наконецъ четверо воротились ни съ чѣмъ. Собравшаяся въ Полонномъ шляхта, будучи принуждена дорогою цѣною платить за неудобное помѣщеніе и негодные съѣстные припасы, начала ужъ роптать, что ихъ обманываютъ баснями, что, если гайдамаки и были гдѣ-нибудь, то ужъ должны воротиться въ свои притоны, и стала разъѣзжаться по домамъ. Въ это время двое изъ высланныхъ козаковъ, Гла́дкій и Лобода́ |я помню очень хорошо имена каждаго изъ нихъ| воротились изъ соглядатайства. Тотъ-часъ представили ихъ князю Мартину. Оба они пришли пѣшкомъ, въ мужичьей одеждѣ, и принесли такое донесеніе:

»Милостивый князь и батько! долго мы съ трудомъ пробирались въ-одиночку по лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ; нако-

нецъ случайно встрѣтились у одного хутора въ глухомъ бору надъ ручьемъ и только тамъ получили вѣрныя извѣстія о гайдамацкомъ становищѣ, отъ стараго пасичника. Бородачъ этотъ знается съ ними, а мы прикинулись, что тоже хотимъ пристать къ »молодцамъ«. Онъ и наставилъ насъ, какъ къ нимъ пробраться; и какъ онъ намъ сказалъ, что они покупаютъ лошадей, то мы воротились въ мѣстечко Звяхло и, промѣнявъ тамъ свою козацкую одежу на мужичью, купили за деньги, пожалованныя намъ отъ васъ, милостивый князь, по другой еще лошади и уже знакомыми *мановцами* (дорогами напрямикъ) пустились къ гайдамацкому притону, подъ видомъ парубковъ, которые привели лошадей на продажу. Они стоятъ, отсюда въ добрыхъ десяти миляхъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, въ урочищѣ *Обозовище.* Мы ужъ застали тамъ двоихъ нашихъ товарищей-козаковъ, Кирила Ласуна и Ивана Ворону. Тѣ прикинулись, какъ-будто пристали къ гайдамакамъ и показываютъ видъ, что другъ съ другомъ незнакомы. Особенно Ласунъ имъ полюбился и живетъ съ старшиною за панибрата. Теперь онъ ходитъ въ золотѣ и серебрѣ, точно какой вельможа. Да и всѣ они носятъ золотые пояса, красные суконные кунтуши, шелковые жупаны и собольи шапки, а оружіе у нихъ такое дорогое, что и Турецкій паша не постыдился бы носить при боку. Продали мы имъ своихъ купленныхъ лошадей съ сѣдлами; заплатили они намъ щедро, и вотъ мы принесли вамъ, милостивый князь, въ калиткахъ червонцы. Ворона старался держаться отъ насъ подальше, чтобъ не дать подозрѣнія, посматривалъ только сбоку, поглаживая усъ, и изрѣдка подмигивалъ намъ, нахмуривши брови. Но Ласунъ былъ при продажѣ лошадей, помогалъ торговаться, *могоричъ* пилъ и просилъ насъ привести еще лошадей съ сѣдлами, а между тѣмъ украдкою шепнулъ намъ, что ватажко, Семенъ Чортоусъ, до сихъ поръ не собралъ еще всѣхъ молодцовъ, разосланныхъ за добычею, которыхъ всего у него человѣкъ триста слишкомъ; что до сихъ поръ соединилось только два отряда, а другихъ двухъ поджидаютъ; что они послѣ завтра выступятъ оттуда, двѣ мили далѣе, въ урочище *Мазепина Могила*, гдѣ на-

значенъ сборъ всѣмъ шайкамъ: а оттуда пустятся дальше искать счастья. Онъ велѣлъ намъ летѣть птицею и увѣдомить васъ, милостивый князь, по секрету, чтобы вы были готовы и держали ногу въ стремени, а съ другими не пускаться въ раздобары, потому что у гайдамакъ вездѣ есть свои шпіоны. Когда же перейдутъ къ Мазепиной Могилѣ, то онъ останется, чтобъ ихъ морочить, а Ворона дастъ драла и приведетъ васъ, милостивый князь, прямехонько къ гайдамакамъ.«

Князь далъ этимъ козакамъ по пятидесяти рублей, обѣщавъ выдать остальные, когда донесеніе ихъ оправдается, и велѣлъ имъ до времени гдѣ-нибудь скрыться. Начали готовиться къ походу, никому не объявляя цѣли своихъ приготовленій и дожидаясь прибытія Вороны. Какъ вотъ на третьи сутки въ полночь явился у воротъ, называвшихся Кіевскими, гонецъ на усталомъ и задыхающемся конѣ и требовалъ, чтобъ его тотъ-часъ впустили въ за́мокъ. То былъ Ворона. Но его никто бы не узналъ: онъ былъ въ богатомъ кунтушѣ съ рубиновыми пуговицами и въ гайдамацкомъ вооруженіи. Сторожевой офицеръ, по сдѣланному напередъ распоряженію, тотъ-часъ отвелъ его въ караульню, куда вскорѣ пришелъ и князь Мартинъ Любомирскій. Поклонившись князю въ колѣни, Ворона началъ разсказывать, что, когда, на другой день по прибытіи къ Мазепиной Могилѣ, пришла въ таборъ другая шайка, онъ, воспользовавшись общимъ говоромъ и суматохою, ушелъ отъ гайдамакъ, не будучи никѣмъ замѣченъ и преслѣдуемъ. »Надобно намъ спѣшить, милостивый князь«, продолжалъ онъ, »потому что завтра и остальные гайдамаки соединятся съ ватажкою, а черезъ нѣсколько дней они выступятъ въ степи, къ Константинову, на который намѣрены напасть среди бѣла дня, разграбить и зажечь, потому что чувствуютъ себя довольно для того сильными. Теперешнее ихъ становище заросло молодымъ боромъ и довольно просторное; но окружить ихъ можно, потому что оно расположено на острову, окруженномъ рѣкою и топкимъ болотомъ, черезъ которое не пройдетъ ни человѣкъ, ни конь, ни собака. Только три плотины ведутъ на островъ. Надобно намъ взять

съ собой хлѣба и кушаньевъ дня на четыре, потому что я васъ, милостивый князь, буду вести лѣсами и зарослями, и только одно село будемъ переходить, чтобъ переправиться тамъ черезъ Случъ; а пѣхоту и пушкарей надобно бы везти на подводахъ. Гайдамаки ободрились своею удачею и не очень устороживы, потому что до сихъ поръ никто и въ глаза имъ не заглянулъ; а шпіоны ихъ, которые были здѣсь въ Полонномъ, донесли имъ, что укрѣпляютъ замокъ, что ихъ боятся, и потому имъ не приходитъ и въ голову, чтобы кто вздумалъ искать ихъ. Безпечныхъ легко можно застать въ-расплохъ, лишь бы не терять времени.«

Встрепенулся молодой полководецъ. Уже пришли къ нему, два дня тому назадъ, изъ Бара одинъ козацкій и одинъ пѣшій полкъ, которые вмѣстѣ заключали въ себѣ до шести-сотъ человѣкъ. Прибавивъ сюда первый региментъ старосты Казимірскаго, Антонія Любомирскаго, отрядъ пѣхоты изъ Ровнаго, часть гарнизона, надворныхъ рейтаръ, да козаковъ Полонскихъ и Ровенскихъ, насчитали 600 человѣкъ конницы, 750 пѣхоты и 18 пушекъ. Надобно замѣтить, что въ Полонномъ уменьшилось войска по случаю отъѣзда въ Польшу князя Антонія, котораго сопровождали 21 рейтара и 50 козаковъ; да сверхъ того 50 человѣкъ пѣхоты съ тремя офицерами отправлено въ Варшаву при обозѣ съ поташемъ, саломъ и масломъ для продажи.

Я просилъ позволенія участвовать и въ этомъ походѣ, потому что княгиня Гонората и князь подстолій коронный поручили мнѣ ѣхать и беречь жизнь князя Мартина. Въ полъ-день мы выступили изъ Кіевскихъ воротъ. За городомъ, около Дертки, стояло на-готовѣ нѣсколько сотъ подводъ. На каждой изъ нихъ помѣстилось по три пѣхотинца, и войско двинулось въ путь; а впереди козакъ Ворона указывалъ дорогу. Это была охота на крупнаго звѣря, у котораго и зрѣніе, и слухъ, и обоняніе очень остры, а когти еще острѣе, и потому, подъ строжайшею карою, запрещено было не только разговаривать, кашлять, но даже высѣкать огонь и курить табакъ. Ворона повернулъ съ большой дороги на тропинку вправо. Мы ѣхали лѣсомъ молча, тихо, такъ что только

развѣ изрѣдка пушечное колесо стучало, наскочивъ на древесный корень, или трещали сухіе сучья на дорогѣ. Останавливались на самое короткое время для отдыха, а потомъ опять шли день и ночь. До Случи переправы были еще сносны, но потомъ забрались мы въ такія трущобы, заросли, вертепы и выбои, что съ трудомъ вытаскивали возы и пушки изъ этого истинно Полѣсскаго колтуна. Къ счастью нашему, эту часть пути случилось намъ проходить при дневномъ свѣтѣ. Когда мы выбрались изъ этой пущи и достигли болѣе жидкаго бора, Ворона соскочилъ съ коня и отъ радости поцѣловалъ землю, благодаря Бога, что помогъ намъ выдти безъ всякаго несчастья изъ этой трущобы: ночью намъ удалось бы это развѣ какимъ-нибудь чудомъ. Рѣдкіе люди эти козаки Русины! что̀ за проворство, что̀ за смѣтливость! а проводниковъ не найдете вы нигдѣ подобныхъ; въ бѣдѣ всегда придумаютъ, какъ извернуться, и если который изъ нихъ привяжется душою къ пану, то и Швейцарца не нужно.

Невдалекѣ отъ этихъ зарослей находился хуторъ того пасичника, о которомъ говорили первые вѣстники. Мы тотъ-часъ его окружили и схватили стараго негодяя. Нѣсколько рядовыхъ было оставлено въ его хатѣ для стражи, чтобы кто-нибудь изъ его семьи не увѣдомилъ о насъ гайдамакъ, а самого его взяли мы съ собой и велѣли ему вести себя къ притону разбойниковъ. Ворона предупредилъ насъ, что версты черезъ двѣ по нашей дорогѣ стоитъ небольшая лѣсная деревушка, состоящая изъ нѣсколькихъ хижинъ, и совѣтовалъ такъ-же окружить ее неожиданно, чтобы и оттуда гайдамакамъ не передалъ никто вѣсти, а между тѣмъ, можетъ быть, удастся — говорилъ онъ — схватить кого-нибудь изъ ихъ шайки. Для этого отправленъ впередъ полковникъ Мурзенко съ его козаками и Вороною, а мы слѣдовали за ними поодаль, по указаніямъ пасичника и Лободы. Мурзенку посчастливилось не только окружить деревушку, но поймать и двоихъ гайдамакъ, которые пріѣхали туда покупать сала и хлѣба. И здѣсь красивый и ловкій молодецъ оказался менѣе закоренѣлымъ злодѣемъ, нежели его пожилой товарищъ. На особомъ допросѣ, онъ признался кня-

зю Мартину со слезами, что его гайдамаки похитили еще ребенкомъ на Подольи изъ шляхетскаго дома, что онъ взросъ на Сѣчи, какъ воспитанникъ и слуга реестрового козака, что теперь вышелъ впервые въ походъ подъ надзоромъ этого старшаго гайдамаки, котораго приказано ему называть *дя́дькомъ,* и что на него еще не полагаются и ни на шагъ отъ себя не отпускаютъ. Когда же князь обѣщалъ не только простить его, но еще принять въ число надворныхъ козаковъ, если искренно во всемъ сознается и проводитъ къ табору ватажка, тогда онъ обѣщалъ и поклялся не только провести, но указать мѣста, по которымъ всего удобнѣе обложить находящійся среди болотъ островъ, и заградить на трехъ плотинахъ изъ него выходъ. Онъ сообщилъ, что уже всѣ шайки соединились вчера у Мазепиной Могилы, а послѣ завтра намѣрены двинуться въ степи, къ Константинову. Что касается до описанья мѣстности гайдамацкаго притона, то показанья его согласовались съ разсказомъ Вороны. Но старый разбойникъ не сознался ни въ чемъ. Ни обѣщанія и увѣщанія войскового судьи, ни пытка, въ которой палачъ работалъ отъ всего сердца, не въ силахъ были прервать упорнаго молчанія закаленнаго въ терпѣливости разбойника. Мы провели ночь въ этой деревушкѣ, а между тѣмъ пришли толпы мужиковъ, согнанныхъ изъ ближайшихъ селъ, съ заступами и топорами, — всего человѣкъ тысяча. Рано утромъ пустились мы въ дальнѣйшій путь. Мурзенко съ козаками служилъ намъ авангардомъ. Послѣ дневного похода, достигли мы одного урочища, гдѣ въ-старину должно́ было существовать какое-то поселеніе; потому что въ лѣсу замѣтны были на большомъ пространствѣ слѣды садовъ и загоновъ; остатки хатъ и колодези такъ же указывали на пребываніе жителей въ этомъ мѣстѣ. Здѣсь новообращенный гайдамака сказалъ намъ, что до Мазенной Могилы остается только полъ-мили, и совѣтовалъ, чтобы обождать здѣсь до двухъ часовъ по полуночи, или, какъ выразился онъ, указавъ на искрящееся звѣздами небо, *по́ки не за́йдуть Коза́ре.* А когда молодой князь Любомирскій высказалъ опасеніе, чтобы гайдамаки не замѣтили насъ въ этихъ

мѣстахъ, онъ отвѣчалъ: »Не бойтесь, ни одинъ изъ нихъ ночью не осмѣлится заглянуть сюда, потому что урочище считается заклятымъ, то есть такимъ, на которомъ упыри и вѣдьмы дѣлаютъ разныя накости и пугаютъ прохожихъ: поэтому-то и называютъ его *Кýцого Чóрта Слободá*. Но, видно, та ночь была не по вкусу чертямъ, потому что ни одно страшилище не пришло пригласить на танецъ вѣдьму, которую мы привезли съ собой въ особѣ обозной маркитантки, жены одного капрала, очень способной летать на кочергѣ.

По мѣрѣ того, какъ потухали звѣзды, на небѣ становилось замѣтнѣе зарево отъ разбойничьихъ огней. Основываясь на показаніяхъ Вороны и молодого гайдамаки, составленъ былъ планъ обложенья разбойниковъ. При началѣ каждой изъ трехъ плотинъ рѣшено было поставить по шести пушекъ, обезопасивъ ихъ отрядами пѣхоты и рвомъ; мужиковъ же разставить вокругъ острова, въ пятнадцати шагахъ одинъ отъ другого, съ тѣмъ чтобы они, лишь только начнется пушечная пальба, рубили деревья и кустарники для устройства засѣки; Мурзенко и Берниславскій съ козаками и рейтарами должны были присматривать за древосѣками и понуждать ихъ къ работѣ; остальную пѣхоту предположено было разставить, въ качествѣ стрѣльцовъ, надъ болотомъ вокругъ острова.

Послѣ этого, въ порядкѣ и молчаніи, двинулись мы изъ Куцаго Чорта Слободы, въ два часа по полуночи, оставивъ тамъ брики, подводы и мужичьихъ лошадей. Все пошло у насъ какъ по маслу. Слабый свѣтъ только что начинающагося утра позволялъ намъ расположить какъ слѣдовало пушки, войско, мужиковъ надъ болотомъ, и спящимъ послѣ попойки гайдамакамъ даже и не грезилось, что ужъ попали въ западню, тѣмъ болѣе, что они полагались на недоступность зарослей и топей и не считали даже нужнымъ поставить на плотинахъ сторожу.

Князь Мартинъ, объѣхавши всѣ пункты и удостовѣрившись, что уже всѣ на своихъ мѣстахъ, подалъ условный знакъ. Первыя шесть пушекъ, поставленныхъ противъ самой большей плотины, грянули, раздробляя въ щепья деревья. Имъ отвѣчали другія двѣ

батарей, и тысяча сѣкиръ вдругъ застучали объ сосны. Не весело было проснуться разбойникамъ среди подобнаго гула и треска. Сдѣлавъ по два выстрѣла, пушки умолкнули, остановились и топоры; Ворона закричалъ разбойникамъ въ жестяную корабельную трубу, чтобы сдались, потому что окружены со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько минутъ не было слышно никакого отвѣта. Вдругъ на главной плотинѣ раздался топотъ десяти или пятнадцати лошадей и крики: *Гоні! лові! Постôй, Кирûло!* и прежде нежели пѣхота выстрѣлила изъ ружей, прискакалъ, на распущенномъ, какъ вихорь. конѣ, ѣздокъ и бросился между пушекъ. Тогда только узнали въ немъ Кирила Ласуна. Преслѣдовавшіе его гайдамаки отбиты были густой пальбой изъ карабиновъ, и нѣсколько человѣкъ повалилось съ лошадей. Между тѣмъ разсвѣло. На троекратно, повторенное воззваніе сдаться, гайдамаки наконецъ отвѣчали грубіянскимъ и оскорбительнымъ крикомъ, въ которомъ они не щадили ни насъ, ни нашихъ матерей; и потому опять загремѣли пушки и застучали по лѣсу топоры. Въ нѣсколько часовъ крѣпкая засѣка окружила притонъ разбойниковъ, а пушечные ядра наваляли на острову множество сосенъ, которыя давили людей и лошадей. Гайдамаки пробовали отстрѣливаться изъ ружей, взобравшись на деревья, и наша пѣхота по нимъ стрѣляла; но болото было слишкомъ широко для ручной перестрѣлки. Съ нашей стороны было убито только нѣсколько человѣкъ, да человѣкъ пятнадцать ранено.

Такъ прошелъ цѣлый день. Кирило Ласунъ присовѣтовалъ подѣлать на плотинахъ высокіе завалы изъ сучьевъ, пней, стволовъ древесныхъ и хворосту, на которыхъ бы лошади спотыкались и падали, ибо ватажко непремѣнно рѣшится идти на проломъ. Хорошо мы сдѣлали, что его послушались, потому что, какъ потомъ оказалось, Чортоусъ, раздѣливъ своихъ молодцовъ на три отряда, предпринялъ въ эту ночь ударить разомъ въ три стороны на пушки и проложить себѣ дорогу. Мы сторожили его въ полномъ вооруженіи, прислушиваясь къ малѣйшему шуму. На плотины наведены были пушки, заряженныя картечью. И вотъ, въ глу-

бокую ночь, вдругъ послышался тихій лошадиный топотъ, который, по мѣрѣ приближенія къ плотинамъ, становился яснѣе; наконецъ загудѣли плотины отъ стуку копытъ: гайдамаки громко закричали: *Нýте, брáття, абó добýти, абó дóма не бýти!* и поскакали во весь духъ. Мы дали имъ приблизиться, чтобъ они всѣ взъѣхали на плотину, такъ какъ мы разчитывали, что они увязнутъ на переднихъ завалахъ. Наконецъ грянули пушки. Наступилъ Страшный Судъ! Черезъ каждыя двѣ-три минуты баттареи отвѣчали одна другой, стоны умирающихъ и раненныхъ, топотъ лошадей, трескъ раздробленныхъ картечью деревъ раздавались по лѣсу, и все это происходило въ ночной темнотѣ, которая только отъ времени до времени озарялась пушечными выстрѣлами и увеличивала еще болѣе ужасъ этой сцены. До самого разсвѣта продолжался громъ пушекъ. Это былъ новый родъ игры въ кровавыя жмурки, въ которой пушкари, съ завязанными чернымъ платкомъ ночи глазами, поражали всякаго, кто подвернется подъ выстрѣлъ. Только при утреннемъ свѣтѣ увидѣли мы, какое бѣдствіе постигло гайдамакъ. На каждой изъ трехъ плотинъ лежало по нѣскольку десятковъ убитыхъ людей и лошадей, а въ болотѣ видно было нѣсколько утонувшихъ. На большой плотинѣ, посреди вѣтвей и кольевъ, которыми она была загромождена, лежалъ завязнувшій и уже мертвый ватажко Семенъ Чортоусъ; подлѣ него издыхалъ конь чудной красоты. Узнали ватажка Воропа и Ласунъ. Богатая сбруя и рѣдкаго достоинства сабля, которую нашли при немъ, сдѣлались добычею князя Мартина Любомирскаго. Должно быть, опасно носить оружіе, добытое отъ чародѣя! [а Чортоуса называли *характéрникомъ*.] Можетъ быть, въ этой саблѣ заключена была тайная сила, тянувшая владѣтеля къ насиліямъ и грабежу, которыми, къ несчастью, запятналъ себя въ-послѣдствіи побѣдитель гайдамакъ у Мазенниной Могилы!

По приказанію князя, Ласунъ закричалъ въ жестяную трубу, чтобы оставшіеся въ живыхъ сдались, если не хотятъ погибнуть. Черезъ нѣсколько времени показалось на плотинѣ 36 разбойниковъ здоровыхъ и 8 раненныхъ; только всего и уцѣлѣло ихъ изъ

трехъ-сотъ отборныхъ »молодцовъ«, да еще вытащено нѣсколько человѣкъ изъ болотныхъ зарослей. Къ нимъ приставили караулъ и велѣли ихъ переодѣть въ мужичье платье, а изъ каждаго ихъ жупана выпороли по нѣскольку сотъ червонцевъ. Потомъ приступлено къ вытаскиванью изъ болота труповъ и перебитыхъ лошадей; съ однихъ снимали одежду и вооруженіе, а съ другихъ сѣдла и чепраки; потому что у гайдамакъ вездѣ были зашиты золото, серебро и драгоцѣнности, награбленныя въ нѣсколькихъ десяткахъ домовъ, (католическихъ и уніятскихъ) церквей и мѣстечекъ. Наконецъ гренадеры вступили въ гайдамацкій станъ, чтобъ разорить его. Тамъ нашли въ батовнѣ 80 лошадей живыхъ и около 15 убитыхъ; вытащили изъ лѣсу трупы; оружіе и сбрую снесли къ мѣсту дѣлежа, и тотъ-часъ приступлено къ описи добычи. Между тѣмъ прибылъ войсковой судья съ слѣдователями и палачъ съ своими прислужниками, — одни для изреченія приговора трупамъ, другіе для глумленія надъ ними; ибо живыхъ плѣнниковъ, для подробнѣйшаго допроса, тотъ-часъ отправлено, въ оковахъ и подъ сильною стражею, въ подземелья Полонскаго зáмка, которыя назывались *Индіею*. Войско оставалось здѣсь до слѣдующаго дня, и въ это время раздѣлена добыча между офицерами и рядовыми; даже и мужикамъ дали по нѣскольку мѣдныхъ монетъ. Не забыли такъ-же ни блюстителя правосудія, ни исполнителей его приговора. Послѣдніе увеличили свою награду, найдя въ желудкѣ одного четвертованнаго гайдамаки сто червонцевъ, которые онъ проглотилъ, свернувши въ трубочки. Наконецъ наступила обычная въ такихъ случаяхъ разсылка по мѣстечкамъ и большимъ дорогамъ головъ, рукъ и ногъ разбойничьихъ, чтó, правду сказать, производило больше отвращенія въ прохожихъ, нежели спасительнаго страха въ продавшихъ себя чорту злодѣяхъ.

Войско выступило въ обратный путь, пробираясь мѣстами, ближайшими къ большой дорогѣ. Жолнѣры шли весело, бесѣдуя о недавнихъ приключеніяхъ и радуясь добычѣ, которую получили, неокровавивъ рукъ, ибо все сдѣлали однѣ пушки. Проѣзжая

мимо пѣхоты, я услышалъ пѣсню, которой одинъ куплетъ до сихъ поръ помню:

Cóż będziemy robili,
Gdyśmy wartę odbyli?
Weźmiem flinte, patrontas,
Pójdziem na wieś kury kraść. (1)

»О-го!« подумалъ я, »не даромъ зовутъ васъ курохватами! А отъ лычка и до ремешка. При удобномъ для грабежа случаѣ, вы бывали не лучше этихъ гайдамакъ.« (2)

ЭПИЛОГЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Послѣднія слова престарѣлаго Польскаго пана приводятъ насъ къ причинѣ происхожденія и развитія гайдамачества въ Польскомъ королевствѣ. Первоначальными гайдамаками были въ немъ его собственные *жолнѣры* (военные люди), отъ которыхъ страдали всѣ провинціи и которые, состоя почти изъ одной шляхты, вкоренили въ ея духѣ всеподавляющій деспотизмъ личнаго произвола. Общественный порядокъ въ этомъ несчастномъ государствѣ основанъ былъ на правѣ сильнаго, которое отъ Рад-

(1) Что же намъ дѣлать, отбывъ свою службу? Возьмемъ ружье и патронташъ и пойдемъ на деревню красть куръ.

(2) Слѣдуетъ замѣтить, что оба похода на гайдамакъ, описанные паномъ Закревскимъ, происходили за нѣсколько лѣтъ до 1768 года, то есть до Колiивщины. Онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, или лучше — воспоминаніяхъ, что, еще до этихъ походовъ, онъ видѣлъ однажды Гонту, »который натворилъ столько бѣдъ въ-послѣдствіи«. Далѣе, онъ разсказываетъ, въ числѣ воспоминаній о позднѣйшемъ періодѣ своей жизни, интересныя подробности о казни Гонты, которыя будутъ приведены мною въ другомъ мѣстѣ. *Издат.*

зивилловъ, Потоцкихъ и имъ подобныхъ магнатовъ нисходило до послѣдняго человѣка въ королевствѣ, носившаго оружіе, и чѣмъ ниже спускалось, тѣмъ было нестерпимѣе для народа, который рѣзко былъ отличенъ въ »правахъ и вольностяхъ« отъ шляхетства. Поляки не шутя вѣрили, что мужики произошли отъ Хама и созданы именно для того, чтобы работать на пановъ (¹), и ни одному государственному человѣку не приходило у нихъ въ голову позаботиться объ улучшеніи участи этой отверженной касты, которая составляетъ плодотворную почву каждаго государства. Во внутреннихъ областяхъ все молчало и творило панскую волю отъ поколѣнія къ поколѣнію; но на пограничьи духъ личной независимости былъ развитъ въ высшей степени, и неистовства шляхетныхъ деспотовъ не могли быть долго терпимы Украинскимъ простонародьемъ. Сосѣдство съ хищными Татарами создало здѣсь въ народѣ потребность противодѣйствія ихъ набѣгамъ. Человѣкъ на Украйнѣ зависѣлъ отъ личной храбрости болѣе, нежели гдѣ-либо, и только смѣлый, только рѣшившійся на все могъ пользоваться правомъ займа пастьбищъ и рыбныхъ ловель въ виду степей, по которымъ рыскали, какъ голодные волки, Татары. Не земляной валъ, которымъ окружала себя въ тѣ времена самая ничтожная усадьба въ Украйнѣ, защищалъ здѣсь человѣка, а такой же лукъ, такое же ружье и сабля, какими вооружены были хищники; и если Украинцы умѣли отсиживаться отъ Орды въ своихъ редутахъ, то мало-помалу должны были научиться и нападать на нее. Можетъ быть, они начали учиться этому искусству съ такихъ естественныхъ попытокъ, какую, послѣ *руины* и *сгону*, сдѣлалъ одинъ изъ ея поселянъ, Кузубъ съ товарищами (²), но мало-помалу выдвинулись въ степи смѣлѣе и начали мѣряться съ Татарами наѣздничествомъ не на шутку; наконецъ составили изъ своихъ смѣльчаковъ безженное общество среди недоступныхъ камышей въ низовьяхъ Днѣпра и въ свою очередь сдѣла-

---

(¹) См. т. I, стр. 101, »Базиліяне«.
(²) Тамъ-же, стр. 102 — 103, »Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга«.

лись ужасомъ Крыма и Турціи. Сами Поляки способствовали устройству этого полурыцарскаго, полу-разбойничьяго братства; но какъ оно составлялось большею частію изъ Украинцевъ, недовольныхъ притѣсненіями жолнѣровъ, панов и Жидовъ—арендаторей, то, постепенно развивая въ себѣ къ нимъ ненависть, проникнулось наконецъ такою же враждою ко всему католическому и жидовскому, какъ и ко всему мусульманскому. Отсюда-то пошли войны Косинскаго, Наливайка и т. д. до Чортоуса и Зализняка. Запорожцы выступали изъ Сѣчи на Украйну, дѣлали воззванія къ народу, собирали въ большемъ, или меньшемъ объемѣ ватаги, подобныя ватагамъ Чуприны, Чортоуса и Зализняка, и истребляли все не-Русское и не-»благочестивое«, сопровождая, разумѣется, свою рѣзню грабежемъ и пожарами.

III.

НАЙМИЧКА,

ПОЭМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, въ числѣ бумагъ, доставшихся ему отъ кого-то по наслѣдству, передалъ мнѣ тетрадь разныхъ пѣсень и стиховъ, писанную женскимъ почеркомъ, и всё на Малороссійскомъ языкѣ. Это былъ одинъ изъ альбомовъ, которыхъ множество ходитъ по рукамъ между нашими Малороссійскими барышнями, и въ особенности между тѣми изъ нихъ, которыя не были въ пансіонахъ и не учились по-Французски. Я люблю эти альбомы и не пропускаю ни одного изъ нихъ не перелиставши. Въ нихъ обыкновенно бываютъ набраны стихи безъ особенной разборчивости, но всегда по внушенію сильнаго чувства. Прочитывая пѣсню за пѣснею, стихи за стихами, въ нихъ читаешь тайную исторію свѣжей души, любящей, или готовой любить съ самоотверженіемъ. Какъ бы эти альбомы, или тетради ни были плохо написаны, затасканы и иногда изчерчены дѣтскими перьями и карандашами, — они всегда для меня интересны; и особенно пріятно мнѣ встрѣчать въ нихъ проявленіе вкуса къ мѣстнымъ красотамъ природы и человѣка. Здѣсь самопознаніе важно въ томъ смыслѣ, что оно примиряетъ молодыя души съ окружающими ихъ предметами, заставляетъ ихъ цѣнить и любить то, что̀ представляется глазамъ ежедневно, и удерживаетъ отъ безплоднаго стремленія къ какимъ-то лучшимъ странамъ и лучшимъ людямъ, — тогда какъ для души, согрѣтой истинной поэзіей, нѣтъ страны лучше той, въ которой мы почувствовали впервые наслаж-

деніе смотрѣть на лица человѣческія. Любовь къ родинѣ и ея поэзіи ведетъ человѣка къ тому высокому разуму сердца, который дѣлаетъ всѣ племена земныя намъ родственными, но обращаетъ наши силы на пользу тѣхъ, кто по-преимуществу называется нашими ближними. Не полюбивъ матери, отца, или по крайней мѣрѣ кормилицы, няньки и товарищей дѣтства, мы не полюбимъ, въ позднѣйшемъ возрастѣ, людей, намъ постороннихъ: и если наше сердце не будетъ трепетать отъ звуковъ той поэзіи, которая создала наши колыбельныя пѣсни, — нѣмы будутъ для него всѣ высокіе звуки, устремляющіе насъ къ благому и великому. Поэтому я всего больше радуюсь пробудившейся въ нашихъ грамотныхъ Малороссіянкахъ любви къ роднымъ пѣснямъ и родной словесности. Это вѣрный залогъ распространенія нравственныхъ понятій въ нашемъ обществѣ и примѣненія ихъ къ жизни; ибо, какъ я сказалъ, нельзя любить и чужого, не любя своего; а безъ любви ничто живое, плодотворное не можетъ быть привито человѣку; и дѣти, воспитывающіяся безъ высокихъ нравственныхъ вліяній, не принесутъ истинной пользы ни своему родному, ни другому племени. Національная поэзія, подымая въ молодой душѣ будущей матери все чисто человѣческое надъ матеріальнымъ, готовитъ въ ней апостола добродѣтели не на одно, а на нѣсколько грядущихъ поколѣній. Женщина, проникнутая поэзіею своего народа, проникается его нравственными убѣжденіями, выраженными въ гармоническихъ формахъ; а народъ, въ своей совокупности, есть самое нравственное существо, у котораго лучше всего учиться дѣятельному благочестію. И за добро, принятое отъ него въ душу, каждый возвратитъ ему добромъ, внушаемымъ благодарною любовію: въ чемъ собственно и состоитъ цѣль воспитанія.

Итакъ альбомы нашихъ уѣздныхъ и хуторскихъ барышень, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, получили опредѣленный характеръ — начали наполняться, если не сплошь, то большею частью, произведеніями Малороссійской простонародной и образованной музы. Высказанныя выше причины, а не насмѣшливое любопытство

человѣка, знакомаго съ литературами иноплеменными — какъ водилось во времена Пушкина ([1]) — заставляетъ меня прочитывать ихъ, и часто я бывалъ награжденъ за свой трудъ находками красоты поразительной. Не говоря уже о томъ, что ихъ владѣтельницы, слушая ежедневно народныя пѣсни, имѣютъ больше нашего случаевъ записать особенно счастливыя пьесы, къ нимъ — Богъ знаетъ, какими путями — заходятъ произведенія литературныя на Малороссійскомъ языкѣ, о которыхъ иной любитель только слышалъ и изъ которыхъ едва нѣсколько стиховъ содержитъ въ памяти. Но никогда мои поиски не были такъ удачны, какъ на этотъ разъ. Въ затасканномъ и весьма неправильно исписанномъ альбомѣ какой-то уединенной мечтательницы, а можетъ быть и веселой подруги цѣлаго общества сельскихъ красавицъ, я нашелъ поэму, о которой до сихъ поръ не слышалъ ни отъ кого ни слова. Имя автора на ней не означено, и я даже не знаю, кто бы могъ быть ея авторомъ. Содержаніе ея очень просто и не похоже на вымыселъ; но изящество формы обнаруживаетъ въ ней творчество высшаго разряда. Живопись природы и нравовъ Малороссійскихъ возведена здѣсь до изумительной точности и вмѣстѣ съ тѣмъ свободы, въ которой искусство замѣтно только для опытнаго

([1]) »Евгеній Онѣгинъ«, гл. IV:

Конечно вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи, безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣчной, внесены,
Уменьшены, продолжены.
. . . .
Тутъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки,
Тутъ, вѣрно, клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски.
Какой нибудь піитъ армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской, и проч.

глаза. Наивное и трогательное положено авторомъ въ основу поэмы, и въ этомъ отношеніи я не знаю ничего совершеннѣе ни въ одной Европейской литературѣ. Что̀ касается до языка, то призываю въ свидѣтели людей, изучавшихъ народныя Украинскія пѣсни: здѣсь онъ блещетъ всею свѣжестію и горитъ всѣми красками, какія только мы встрѣчаемъ въ нашихъ лучшихъ пѣсняхъ, изображающихъ семейный бытъ, материнскія чувства и умилительное благочестіе народа. И такое произведеніе скрывается, можетъ быть, въ единственномъ спискѣ, въ тетради какой-то хуторской барышни! и самъ его авторъ, можетъ быть, уже не существуетъ; можетъ быть, мы уже не услышимъ другихъ его звуковъ, другихъ его задушевныхъ мотивовъ! Помѣщая въ своемъ сборникѣ его поэму, я далекъ отъ посягательства на чужую собственность; напротивъ, думаю, что оказываю услугу, какъ ему самому, такъ и его землякамъ, для которыхъ писалъ онъ и которыхъ сердца, созвукнувшіяся между собой, волшебной силою его стиха, будутъ для него лучшей наградою.

НАЙМИЧКА.

ПРОЛОГЪ.

У неділю въ-ранці рано
Поле крилося туманомъ;
У тумані, на могилі,
Якъ тополя, похилилась
Молодиця молодая.
Щось до лоня пригортає
Та съ туманомъ розмовляє:

»Ой тумане, тумане —
Мій латаний талане!
Чому мене не сховаешъ
Оттутъ середъ лану?
Чому мене не задавишъ,
У землю не вдавишъ?
Чому мині злоі долі,
Чомъ віку не збавишъ?

Ні, не давй, туманочку!
Сховай тілько въ полі,
Щобъ ніхто не знавъ, не бачивъ
Моеі недолі!...
Я не одна, — есть у мене
И батько, и мати...
Есть у мене... туманочку,
Туманочку, брате!...
Дитя мое, мій синочку,
Нехрещеный сыну!
Не я тебе христитиму
На лиху годину;
Чужі люде христитимуть,
Я не буду знати,
Якъ и зовуть.....Дитя мое!
Я була багата....
Не лай мене; молитимусь,
Изъ самого неба
Долю виплачу слёзами
И пішлю до тебе.«

Пішла полемъ ридаючи,
Въ тумані ховалась
Та крізь слёзи тихесенько
Про вдову співала,
Якъ удова въ Дунаеві
Сынівъ поховала:

»Ой у полі могила;
Тамъ удова ходила,
Тамъ ходила-гуляла,
Трути-зілля шукала.
Трути-зілля не найшла,
Та сынівъ двохъ привела,

Въ китáечку повила
И на Дунáй однесла:
»Тíхий, тíхий Дунáй!
»Моíхъ дíтòкъ забавляй.
»Ти, жовтéнький пісóкъ!
»Нагодуй моíхъ дітóкъ,
»Искупáй, исповíй,
»И собòю укрий!«

I.

Бувъ собі дідъ та баба.
Зъ давнёго давна у гаі надъ ставомъ
У-двохъ собі на хуторі жилй,
Якъ діточокъ двое, —
Усюди обое.
Ще зъ-малечку у-двохъ ягнята паслй,
А потімъ побралися,
Худоби діждалися, —
Придбали хутіръ, ставъ и млинъ,
Садокъ у гаі розвелй
И пасіку чималу, —
Всёго надбали.
Та діточокъ у іхъ Бігъ-ма,
А смерть съ косою за плечима.

Хто жъ іхъ старість привітае,
За дитину стане?
Хто заплаче, поховае?
Хто душу спомяне?
Хто поживе добро честно,

Въ дóбрую годи́ну,
И згадáе дя́куючи,
Якъ своя̀ дити́на?....
Тя̀жко дітéй годувáти
У безвéрхій хáті,
А щѐ гірше стáрітися
У білихъ палàтахъ, —
Стáрітися, умирáти,
Добрò покидáти
Чужи́мъ лю́дямъ, чужи́мъ дітямъ
На сміхъ, на рострàту!

II.

И дідъ, и бáба у неділю
На при́спі въ-двохъ собі сиділи
Гарнéнько, въ білихъ сорочкáхъ.
Сяяло сòнце въ небесáхъ;
А ні хмари́ночки, та ти́хо,
Та лю́бо якъ у рàі.
Сховáлося у сéрці ли́хо,
Якъ звіръ у тéмнімъ гáі.

Въ такімъ рáі чогò бъ, бáчця,
Стари́мъ сумовáти?
Чи то дàвне яке ли́хо
Проки́нулось въ хàті?
Чи вчорáшне, задáвлене
Знòвъ заворуши́лось,
Чи ще тілько заклю̀нулось —
И рáй запали́ло?

Не знáю, щò и після чòго
Старі сумýють. Мòже, вже

Отсé збірáютця до Бóга,
Та хто въ далéкую дорóгу
Імъ дóбре кóней запряжé?

»А хто насъ, Пáсте, поховáє,
Якъ помремó?«
— »Бóгъ знáє!
Я все отсé міркувáла,
Та ажъ сýмно стáло:
Одинóкі зостáрілись....
Комý понадбáли
Добрà сёгó?....«
— »Стривáй лишéнь!
Чи чýешъ? щось плàче
За ворітьмú... мовъ дитѝна!
Побіжімъ лишъ!... Бàчишъ?
Я вгàдувавъ, що щось бýде!«

И рáзомъ схопúлись
Та до ворітъ... Прибігáють —
Мóвчки зупинúлись.
Передъ сáмимъ перелáзомъ
Дитѝна сповúта —
Та й не тýго, й новéнькою
Свитѝною вкрúта;
Бо то мàти сповивáла
И літомъ укрúла
Остáннёю свитѝною!....
Дивúлись, молúлись
Старі мої. А сердéнне
Инáче благáє:
Вúпручало ручен́ята
Й до іхъ простягáє
Манюсінькі... и замóвкло,

Инáче не плàче,
Тíлько пхи́ка.
»А щò, Нáсте?
Я й казáвъ! Отъ, бáчишъ?
Отъ и талáнъ, отъ и дòля,
И не одинòкі!
Бери́ жъ лишéнь та сповивáй...
'Ачъ якé, не врóку!
Неси́ жъ въ хàту, а я вéрхи
Ки́нусь за кумàми
Въ Городи́ще.«

Чу́дно я́кось
Дiетця мiжъ нáми!
Оди́нъ си́на проклинáе,
Съ хàти виганяе,
Дру́гий свiчечку сердéшний
Пòтомъ заробляе
Та ридáючи станóвить
Передъ образáми —
Немà дiтéй!... Чу́дно я́кось
Дiетця мiжъ нáми!

III.

Ажъ три пáри на рáдощахъ
Кумiвъназбiрáли,
Та въ-вéчерi й охристи́ли
И Мàркомъ назвáли.
Ростè Мáрко. Старi мои
Не знáють, де дiти,
Де посади́ть, де положи́ть
И щò зъ нимъ роби́ти.
Минáе рiкъ. Ростè Мáрко —

И дійна коро́ва
У ро́скоші купа́стця.
Ажъ ось чорнобро́ва
Та молода́, білоли́ця
Прийшла́ молоди́ця
На той ху́тіръ благода́тний
У на́йми проси́тьця.

»А що̀ жъ?« ка́же, »візьмимъ, На́сте.«
— »Візьмімо, Трохи́ме,
Бо ми старі, нездужаемъ,
Та таки́ й дити́на,
Хоча́ воно́ вже й підросло̀,
Та всѐ жъ таки́ тре́ба
Коло ёго піклува́тись.«
— »Та воно́-то тре́ба,
Бо й я свою вже ча́сточку
Прожи́въ, сла́ва Бо́гу, —
Підтопта́вся. Такъ що̀ жъ, тепе́ръ,
Що̀ візьмешъ, небо́го?
За рікъ, чи якъ?«
— »А що дастѐ.«
— »Э, ні! тре́ба зна̀ти,
Тре́ба, до́чко, лічѝть пла́ту,
Заро́блену пла́ту;
Бо ска́зано: хто не лічить,
То той и не ма̀е.
Такъ отта̀къ хиба́, небо́го?
Ні ти на̀съ не зна̀ешъ,
Ні ми тебѐ. А поживе́шъ,
Роззди́вишся въ ха̀ті,
Та й ми тебѐ поба̀чимо, —
Оттоді й за пла̀ту.
Чи та̀къ, до́чко?«

— »Добре, дядьку.«
— »Просимо жъ у хату.«

Посдпалпсь. Молодиця
Рада та веселá,
Ніби съ паномъ повінчалась,
Закупила сѐла.
И у хаті, и на дворі,
И коло скотини,
У-вечері и въ-досвіта;
А коло дитини
Такъ и пада, ніби мати;
Въ буденъ и въ неділю
Голововьку ёму змие,
Й сорочечку білу
Що день Божій надівае,
Граетця, співае,
Робить возики, а въ свято,
То й зъ рукъ не спускае.
Дивуютця старі мої
Та молятця Богу.
А наймичка невсипуща
Що вечіръ, небога,
Свою долю проклинае,
Тяжко-важко плаче;
И ніхто того не чуе,
Не знае й не бачить,
Опрічъ Марка маленького.
Такъ воно не знае,
Чого наймичка слёзами
Ёго умивае.
Не зна Марко, чого вона
Такъ ёго цілуе, —
Сама не ззість и не допъе,

Его́ нагоду̀е.
Не зна̀ Ма́рко, якъ въ коли́сці
Ча́сомъ середъ но̀чи
Прокѝнетця, ворухнѐтця, —
То вона́ вже ско̀чить
И укрѝе, ії перехрі̀стить,
Ти́хо заколѝше:
Вона́ чу̀е зъ тиі ха̀ти,
Якъ дити́на дѝше.
Въ-ра̀нці Ма́рко до на̀ймички
Ру̀чки простяга́е
И ма̀мою невсипу̀щу
Га́нну велича́е....
Не зна̀ Ма́рко, ростѐ собі,
Росте́, виростя́е.

IV.

Чима̀ло літъ переверну́лось,
Води́ чима̀ло утекло́;
И въ ху̀тіръ ли́хо заверну́ло,
И слізъ чима̀ло принесло́.
Бабу́сю На́стю похова́ли
И ле́две, ле́две одвола́ли
Трохѝма ді̀да. Прогуло̀
Прокля́те ли́хо та ії засну̀ло.
На ху̀тіръ зно́ву благода̀ть
Зъ-за га́ю те́много верну́лась
До ді̀да въ ха̀ту спочива́ть.

Уже́ Ма́рко чумаку́е
И въ-осени́ нѐ ночу́е
Ні підъ ха̀тою, ні въ ха́ті....
Кого́-не́будь тре́ба сва̀тать.

»Кого́ жъ би тутъ?« старий ду́ма
И про́сить пора́ди
У на́ймички. А на́ймичка
До царівни бъ ра́да
Слать старости́: »Тре́ба Ма́рка
Само̀го спита́ти«.
— »До́бре, до́чко, спита́емо,
Та й бу́демо сва́тать.«

Роспита́ли, пора́дились,
Та й за старостами
Пішо́въ Ма́рко. Верну́лися
Лю́де зъ рушника̀ми,
Зъ святи́мъ хлібомъ обміненимъ.
Па̀ниу у жупа́ні,
Таку́ кра́лю вѝсватали,
Що хоть за гетьма̀на,
То не со́ромъ. Оттакѐ-то
Ди́во запопа́ли!

»Спаси́бі вамъ!« стари́й ка́же.
»Тепе́ръ, щобъ ви зна́ли,
Тре́ба кра́ю дово́дити,
Коли́ й де вінча̀ти,
Та й весілля. Та ще о̀сь що:
Хто въ насъ бу́де ма̀ти?
Не дожила̀ моя̀ На́стя!...«
Та й зали́вѣсь слёза́ми.
А на́ймичка, у поро́гу,
Вхопи́лась рука́ми
За одвірокъ та й зомліла.
Тѝхо ста́ло въ ха́ті;
Тілько на́ймичка шепта́ла:
»Ма́ти .. ма́ти... ма́ти!«

V.

Черезъ ти́ждень молоди́ці
Коровай місили
На ху́торі. Стари́й ба́тько
За усіеі си́ли
Зъ молоди́цями танцюе
Та двіръ вимітае,
Та прохо̀жихъ, проі́жжа̀чихъ
У двіръ закликае,
Та варѐною часту́е,
На весілля про́сить;
Знай бігае, а само́го
Ле́дві но́ги но́сять.
Скрізь гармидеръ та реготня̀
Въ ха́ті и на дво́рі.
И жолоби̇ ви́котили
Зъ но́вої комо́ри.
Скрізь но̀рання: печу́ть, ва́рять,
Вимітають, ми́ють....
Та все чужі. Де жъ на́ймичка?
На про̀щу у Ки́ївъ
Пішла́ Га́нна. Блага́въ стари́й,
А Ма̀рко ажъ пла̀кавъ,
Щобъ була́ вона́ за ма̀тіръ.
»Ні, Ма́рку, ні я̀ко
Мині ма́тірью сидіти:
То бага́ті люде,
А я на́ймичка.... ще й съ тѐбе
Сміятися бу́дуть.
Нехай Бо̀гъ вамъ помагае!
Піду́ помо̀люся
Усімъ святи̇мъ у Ки́ёві
Та й зно̀ву верну́ся

Въ вашу хату, якъ прийімете.
Поки маю сили,
Трудитимусь....«
Чистимъ сѐрцемъ
Поблагословила
Своѓо Марка... заплакала
Й пішла за ворота.

Розвернулося весілля.
Музикамъ робота
И підковамъ. Вареною
Столи й лавки миють.
А наймичка шкандибає,
Поспішає въ Кийвъ.
Прийшла въ Кийвъ — не спочила,
У міщанки стала,
Найнялася носить воду,
Бо грошей не стало
На акафистъ у Варвари.
Носила-носила,
Кінъ изъ вісімъ заробила
Й Маркові купила
Святу шапочку въ печерахъ
У Ивана святого,
Щобъ голова не боліла
Въ Марка молодого;
И перстеникъ у Варвари
Невістці достала,
И всімъ святимъ поклонившись,
Додому верталась.

Вернулася. Катерина
И Марко зустріли
За ворітьми, ввели въ хату

Й за стілъ посадили;
Наповали й годували,
Про Київъ питали,
И въ кімнаті Катерина
Одпочить послала.

»За що вони мене любять?
За що поважають?
О Боже мій милосердний!
Може, вони знають...
Може, вони догадались...
Ні, не догадались;
Вони добрі....«
И наймичка
Тяжко заридала.

VI.

Трічи крига замерзала,
Трічи роставала,
Трічи наймичку у Київъ
Катря провожала,
Такъ якъ матіръ; и въ четвертий
Провела небогу
Ажъ у поле, до могили,
И молила Бога,
Щобъ швиденько верталася.
Бо безъ неі въ хаті
'Якось сумно, ніби мати
Покинула хату.

Після Пречистоі въ неділю,
Та після Першоі, Трохимъ
Старий сидівъ въ сорочці білій,

Въ брилі на прйспі. Передъ імъ
Зъ собакою упучокъ грався,
А внучка въ юпку одяглась
У Катрину и піби йшла
До діда въ гості. Засміявсь
Старий и внучку привітавъ,
Непаче справді молодицю.
»А де жъ ти діла паляницю?
Чи, може, въ лісі хто одиявъ?
Чи по-просту — забула взяти?...
Чи, може, ще й не напекла?
Э, соромъ, соромъ, ленська мати!«
Ажъ зиркъ, — и наймичка ввійшла
На двіръ. Побігъ старий стрічати
Зъ онуками свою Ганну.
»А Марко въ дорозі?«
Ганна діда питалася.
— »Въ дорозі ще й досі.«
— »А я ледве доплелася
До вашоі хати.
Не хотілось на чужині
Одній умирати!
Колибъ Марка діждатися...
Такъ щось тяжко стало!«
И унучатамъ изъ клунка
Гостинці виймала:
И хрестики, й дукачики,
Й намиста разочокъ
Орипочці, и червоний
Зъ фольги образочокъ,
А Карпові соловейка
Та коників пару,
И четвертий уже перстень
Святоі Варвари

Катери́ні, а дідові
Изъ во́ску свято́го
Три свічечки; а Ма́ркові
И собі нічо̀го
Не принесла́. Не купи́ла,
Бо гро̀шей не ста́ло,
А заробі́ть нездужала.
»А ось ще оста́лось
Нівъ-бу́бличка!«
Й по шмато́чку
Дітямъ розділи́ла.

VII.

Ввійшла́ въ ха́ту. Катери́на
Ій но́ги уми́ла
Й полу̀дновать посади́ла.
Не пила́ й не іла
Моя́ Га́нна.
»Катери́но!
Колѝ въ насъ неділя?«
— »Після́ за́втра.«
— »Тре́ба бу́де
Ака̀фистъ наняти
Микола́еві свято́му
Й на ча̀сточку да́ти;
Бо щось Ма́рко забари́вся....
Мо́же, де въ доро́зі
Занедужавъ, сохра́нь Бо́же!«
Й покапали слёзи
Зъ стари́хъ очей заму̀ченихъ.
Ле́две, лѐдве вста́ла
Изъ-за стола́.

»Катеріно!
Не та вже я стала:
Зледащіла, нездужаю
И на ноги встати.
Тяжко, Катре, умирати
Въ чужій теплій хаті!«

Занедужала небога.
Уже іі причащали,
Ӥ маслосвятие служили, —
Ні, не помагало.
Старий Трохимъ по надвіръю
Мовъ убитий ходить.
Катерина зъ болящоі
И очей не зводить;
Катерина коло неі
И днюе, іі ночуе.
А тимъ часомъ сичі въ-ночі
Не добре віщують
На коморі. Болящая
Що день, що година,
Ледві чути, питаетця:
»Доню Катерино!
Чи ще Марко не приіхавъ?
Охъ, якъ-бій я знала,
Що діждуся, що побачу,
То ще бъ підождала!«

VIII.

Иде Марко съ чумаками,
Идучи співае,
Не поспіша до господи —

Волй попасае.
Везé Марко Катерйні
Сукнà дорогóго,
А бáтькові шйтий пояс
Шóвку червонóго,
А наймичці на очіпок
Парчі золотóі
И червóну дóбру хустку
Зъ білою габóю,
А діточкáмъ черевйчки,
Фйгъ та винограду,
А всімъ въ-купі червóного
Винà зъ Царіграду
Відеръ съ трóе у барйлі
И кавяру зъ Дóну, —
Всёгò везé, та не знáе,
Щò діется дóма!

Идé Мáрко, не журитця.
Прийшóвъ — слàва Бóгу!
И ворòта одчиняе,
И мóлитця Бòгу.
»Чи чуешь ти, Катерйно?
Біжй зустрічáти!
Ужé прийшòвъ! біжй швйдче!
Швйдче ведй въ хáту!...
Слàва тобі, Спасйтелю!
Насйлу діждáла!«
И *Отче нашъ* тйхо, тйхо
Мовъ крізь сònъ читáла.

Старйй волй випрягáе,
Занòзиховáе
Мерéжані, а Катруся

Márка оглядáе.
»А де жъ Гáнна, Катерíно?
Я пакъ и байдýже!
Чи не вмѐрла?«
— »Ні, не вмéрла,
А дýже нездýжа.
Ходімъ лишéнь въ малý хáту,
Пóки випрягáе
Бáтько волй: вонá тебé,
Мáрку, дожидáе.«

Ввійшóвъ Мáрко въ малý хáту
И ставъ у порóгу...
Ажъ злякáвся. Гáнна шéпче:
»Слáва... слáва Бóгу!
Ходй сюдй, не лякáйся....
Вййди, Кáтре, съ хáти:
Я щось мáю роспитáти,
Дé-що роскизáти.«

Вййшла съ хáти Катерйна,
А Мáрко схилйвся
До нáймички у гòлови.
»Мáрку! подивйся,
Подивйся ти на мéне:
Бáчъ, якъ я змарніла?
Я не Гáнна, не нáймичка,
Я...«
Та й занiміла.
Мáрко плáкавъ, дивувáвся.
Зновъ óчи одкрйла,
Пйлно, пйлно подивйлась —
Слёзи покотйлись.
»Простй менé! Я карáлась

Весь вікъ въ чужій хáті....
Простѝ мене́, мій си́ночку!
Я... я твоя́ мáти.«
Та ї замо́вкла...
Зомлівъ Мáрко,
Ї земля̀ задрижáла.
Проки́нувся... до мàтери —
А мáти вже спàла!

IV.

ЗАПИСКА

члена Малороссійской Коллегіи, Григорія Николаевича Теплова,

составленная въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны:

»О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи.«

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Знаменитый Георгій Кониской, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе писатели Малороссійскіе обвинили Теплова въ злобномъ расположеніи къ Малороссіи. Но въ предлагаемой запискѣ его не видно никакой злобы. Тепловъ, напротивъ, любилъ Малороссію: иначе — онъ не старался бы выставить передъ Государыней Елисаветой Петровной злоупотребленія Малороссійскихъ старшинъ и вообще пановъ, отъ которыхъ страдало большинство населенія края. Записка его дышетъ желаніемъ общей пользы, въ томъ смыслѣ, какъ онъ, по своему времени, понималъ общую пользу. Но для насъ она гораздо интереснѣе въ другомъ отношеніи. Намъ дороги замѣчанія современника объ общественномъ устройствѣ Малороссіи въ гетманство Разумовскаго, о взаимныхъ отношеніяхъ ея сословій, о неограниченномъ господствѣ права сильнаго между ея жителями, о хищности старшинъ и пановъ и о причинахъ матеріальнаго упадка низшихъ сословій.

Записка Теплова обнаруживаетъ передъ нами внутреннюю испорченность административныхъ формъ, извѣстныхъ намъ подъ именемъ *Гетма́нщины*, и естественную необходимость ихъ измѣненія. Еслибъ Гетманщина держалась на общемъ благѣ Малороссійскаго населенія, она была бы гораздо долговѣчнѣе; ибо

крѣпко стоитъ гражданское общество, котораго всѣ представители живутъ равно сознанными, равно дорогими для каждаго интересами. Тутъ, напротивъ, стремленія старшинъ совершенно расходились съ пользами народа, и какъ каждый изъ высшихъ дѣйствовалъ для себя и никто для общества, то Малороссіяне естественно угнетали другъ друга, угнетали кто кого могъ, и довели наконецъ край до совершенной безурядицы. Блюстители старыхъ формъ гражданственности сами на каждомъ шагу разрушали ихъ своими неправдами и потеряли наконецъ самую идею общихъ интересовъ. Всѣ интересы ихъ ограничивались личными выгодами и преимуществами; идея націи изчезла; образовались только дома и связи. Пользуясь знатнымъ родствомъ и опираясь на богатство, паны Малороссійскіе сдѣлались, въ отношеніи къ мелкимъ владѣльцамъ и простолюдинамъ, чѣмъ-то въ родѣ феодальныхъ бароновъ; и не только знатный человѣкъ съ простымъ поселяниномъ, но даже панъ съ паномъ позволялъ себѣ и имѣлъ возможность сдѣлать самое вопіющее насиліе.

Эти слова могутъ показаться преувеличенными, но Малороссійскіе архивы XVIII вѣка подтверждаютъ ихъ самыми грустными примѣрами. Напримѣръ, сохранилась *ревокація* пана Коржевскаго, въ которой онъ смиренно разсказываетъ, что онъ, бывши на пиру въ *поважномъ домѣ* Андрея Горленка, осмѣлился напомнить хозяйкѣ о старомъ долгѣ, что панъ Горленко подалъ на него въ полковой судъ жалобу и что судъ заставилъ его отречься отъ своего требованія и сознаться, что онъ въ домѣ Горленка *якъ песъ своею губою брехавъ.* Этого мало: изъ дѣла видно, какъ эта ревокація вынуждена была у подсудимаго: ибо панъ Коржевскій »за опороченіе чести такъ поважной персоны, былъ наказанъ публично на рынку.«

Такихъ случаевъ было множество, и приведенный мною представляетъ явленіе, въ тотъ вѣкъ весьма обыкновенное. Что касается до злоупотребленій старшинъ въ отношеніи къ козакамъ, мѣщанамъ и поселянамъ, то вотъ одно изъ множества архивныхъ свидѣтельствъ. Новгородъ-Сѣверскій сотникъ Лисовскій до та-

кой степени всѣхъ ихъ угнеталъ, что гетманъ Скоропадскій призвалъ его къ себѣ и взялъ съ него письменную *ассекурацію* прекратить угнетенія. Но едва сотникъ вступилъ снова въ должность, какъ началъ опять »людей своей сотни гáнити (позорить), озлоблятн и утѣсняти, грунтá (земли) ихъ власные (собственныя) отнимати, боемъ грозити, а íнныхъ и окрывати (колотить), урядниковъ городовыхъ, цеховыхъ и сельскихъ по своей хóти перемѣняти, мíськими (городскими) людьми и подводами отбувати въ себе роботизну« и пр.

Разсказъ Теплова о томъ, какъ Малороссійскіе паны, занимая разныя правительственныя мѣста въ Гетмáнщинѣ, присвоивали себѣ обманомъ и насиліемъ козачьи земли, ни мало не преувеличенъ. Изъ »Матеріаловъ для Отечественной Исторіи«, изданныхъ въ Кіевѣ г. Судіенкомъ, видно, какъ, гетманы наши, пользуясь своею властью и безмолвіемъ хищниковъ-старшинъ, набрали себѣ »на булаву« земель по всей Малороссіи. Въ такомъ-то полку гетману принадлежатъ цѣлыя села, въ такой-то сотнѣ владѣетъ онъ многочисленными хуторами, въ такихъ-то городахъ, мѣстечкахъ и селахъ есть у него доходныя мельницы, рыбныя ловли, пасики, »верхолазныя бортни«, лѣса и сѣнокосы; и всего этого такъ много, что цѣлыя книги наполнялись описями гетманскаго имущества. Не упускали гетманы и старшины Малороссійскіе никакого случая къ обогащенію на счетъ смиренныхъ земляковъ своихъ. Часто между ихъ владѣніями упоминаются даже небольшіе, далеко отброшенные лоскутки земли и мельницы объ одномъ поставѣ, которыми гетманъ владѣетъ пополамъ съ простымъ козакомъ. Этотъ мелкій наборъ по всей Гетмáнщинѣ самъ за себя говоритъ, изъ какихъ рукъ и какими путями перешла недвижимая собственность во владѣніе всемогущихъ пановъ XVIII вѣка (¹). Въ тѣ времена понятіе о честности въ пріобрѣтеніяхъ до такой степени утратилось, что

(¹) Жаловаться было некому, потому что гетманы хлопотали въ столицахъ, чтобы доносителей считали »неспокойными и ненавидящими добра людьми«. (»Матеріалы для От. Ист.«, т. I, стр. 24.)

гетманша Скоропадская, по смерти своего мужа, присвоила себѣ даже войсковую казну и тѣ пожитки, которыми гетманы пользовались другъ послѣ друга преемственно (¹). Гетманщина съ одной стороны представляла безпрепятственное поприще для всякаго рода злоупотребленій власти и силы, съ другой — была школою ябедниковъ и сутягъ, которыхъ расплодилось въ ней множество. Записка Теплова доказываетъ это фактами, которымъ нельзя не вѣрить, потому что они не разногласятъ ни съ документальными преданіями, ни съ воспоминаніями Малороссійскихъ старожиловъ. О народѣ, о его благосостояніи и о его человѣческихъ правахъ не было никакого помышленія у самыхъ образованныхъ людей того вѣка. Все, что̀ стояло выше простолюдиновъ, смотрѣло на нихъ, какъ на источникъ своего обогащенія, и что̀ только допускалось хитроизвитыми юридическими формами, или могло пройти безнаказанно, все считалось законнымъ во мнѣніи тогдашняго общества. Въ нашъ вѣкъ, когда понятія о честности поступковъ прояснились и когда каждый членъ гражданскаго общества получилъ равное право на вниманіе и участіе къ судьбѣ своей, взглядъ на тогдашнее состояніе Малороссіи приводитъ наблюдателя въ горестное изумленіе. Видишь повсемѣстное отсутствіе идеи добра и справедливости въ высшемъ классѣ ея населенія; видишь какое-то добродушное, совершенно спокойное и какъ бы узаконенное обычаемъ грабительство надъ беззащитною массою простолюдиновъ; народъ бѣднѣетъ, подпадаетъ матеріальной зависимости отъ пройдохъ и богачей, падаетъ въ своемъ безнадежномъ положеніи, и никто о немъ не жалѣетъ. Только одинъ человѣкъ возвысилъ свой голосъ въ пользу большинства Малороссійскаго населенія и старался, по мѣрѣ своего разумѣнія, раскрыть причины его матеріальнаго упадка, но и того слѣпая исторія нашего края записала въ число враговъ его.

(¹) «Матеріалы для Отечественной Исторіи», т. I, стр. 23.

О НЕПОРЯДКАХЪ,

которые происходятъ нынѣ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи.

1.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а притомъ приобыкновеніе къ Польскимъ правамъ, которыя королями Казимиромъ, Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ для лучшаго приведенія въ единство своей области въ нихъ вкоренены, вкоренили въ сей Малороссійскій народъ и особливыя вольности и обыкновенія. А притомъ заключеніе статей, Богдану Хмѣльницкому въ 1654 году, по неизвѣстнымъ нынѣ тогдашнихъ военныхъ подвиговъ обстоятельствамъ, послѣдовало въ подтвержденіе тѣхъ Польскихъ, т. е. Литовскихъ законовъ, которыми, какъ по исторіи видно, тогдашній народъ, яко по большой части безграмотный, управлялся паче по натуральному праву: два третьяго судили. То справедливо и безпристрастно, по довольномъ примѣчаніи Малороссійскихъ дѣлъ, можно сказать, что право Польское осталось у нихъ тщаніемъ только однихъ грамотныхъ старшинъ, о которомъ простой народъ никакого тогда попеченія, ниже свѣдѣнія не имѣлъ. Сіе доказывается явственно и тѣмъ, что прежде 1720 года почти во всей Малороссіи никакихъ канцелярій не было: ибо и самую Гетманскую канцелярію, слу-

чайнымъ образомъ гетману Скоропадскому, въ 1720 году, ноября 19 дня [по причинѣ нѣкоторыхъ при гетманѣ канцеляристовъ, подписывавшихся подъ руку гетманскую, а именно: Григорія Михайлова и Василія Дорошенка] особливою грамотою велено учредить; въ протчихъ же мѣстахъ, яко то: въ сотняхъ и полкахъ, ни сотенныхъ, ниже полковыхъ канцелярій и суда генеральнаго [хотя судьи и были] съ такими прерогативами, каковыя онъ на себя теперь изъ правъ Литовскихъ наводитъ, отнюдь не было, хотя при томъ нѣкоторыя дѣла и письменно производилися; а все тогда въ самоволіе превращенное, не правомъ и законами управлялось, по силою и кредитомъ старшинъ, въ простомъ народѣ дѣйствующихъ, или лучше сказать—обманомъ грамотныхъ людей. Почему и всѣ тамошніе владѣльцы, какъ духовные, такъ и мірскіе, на купленныя свои земли и грунты и на разныя поселенія никакихъ урядовыхъ купчихъ старѣе тридцати, или сорока лѣтъ не имѣютъ: ибо прежде тридцати лѣтъ, ежели кто безъ крѣпости владѣетъ, то они *старымъ займомъ* то называютъ, потому что ни лѣтъ, ни примѣтъ его владѣнію, и почему онъ помѣщикъ, нѣтъ; а которые владѣютъ правильно, у тѣхъ должны быть не токмо гетманскіе универсалы, но и государевы изъ Посольскаго приказа грамоты: ибо съ 1656 года уже все по статьямъ Хмѣльницкаго и Государя было, и *старые займы* тѣ только называлися дикихъ полей, которыми кто завладѣлъ до поступленія подъ державу Россійскую, но и то во время продолжающейся войны съ Поляками, то есть: чрезъ 1653, 1654, 1655 и 1656 годы, а не тѣ, кто отъ времени Хмѣльницкаго безъ грамоты чѣмъ владѣетъ. Сіе самое причиною, что множественное число деревень, собственно принадлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества, разобрано самовольно партикулярными, а въ утвержденіе своего владѣнія почти все прежде бывшее время передъ 1720 годомъ, яко никакихъ урядовъ неимѣющее, служитъ имъ въ очистку. изъ чего же поводъ берутъ называть свое самовольное владѣніе *стариннымъ займомъ*. Но все сіе есть противно статьямъ

Хмѣльницкаго и указамъ Государевымъ, въ тѣхъ же статьяхъ изображенымъ.

2.

Изъ многихъ обстоятельствъ доказать можно, что Малороссія во время приступленія ея подъ державу Всероссійскую ни въ половину столько многолюдна не была, какъ въ нынѣшнее время; но и тогда видѣть можно по статьямъ, Богдану Хмѣльницкому даннымъ, что крестьянскихъ дворовъ, которые нынѣ въ Малороссіи называются посполитыми, то есть Государевыми, гораздо большее число было, нежели нынѣ по ревизіямъ находится на лицо. Что народа въ Малороссіи было тогда гораздо меньше, а земли больше, то доказывается, кромѣ подлинныхъ справокъ, которыми легко дойти до познанія можно, — и тѣмъ, что прежде поля тамъ, на десять работныхъ дней, можно было купить за десять копъ, или за пять полтинъ на двѣ версты, какъ изъ многихъ урядовыхъ недавняго времени купчихъ видно; потому что у владѣльцевъ, за неимѣніемъ крестьянъ рабочихъ, земля, яко излишняя, впустѣ лежала; нынѣ же того и за двѣстѣ рублей купить не можно, а въ Стародубскомъ, Черниговскомъ и большей части Нѣженскаго полку и Гадячскаго и того дороже; понеже жителямъ довольно уже земли къ поселенію недостаетъ. Однакожъ, ежели справиться, сколько нынѣ на лицо находится дворовъ свободныхъ посполитыхъ, то есть крестьянскихъ, надлежащихъ въ казну Вашего Императорскаго Величества, и сколько козаковъ списковыхъ, то есть служащихъ и вооруженныхъ; то не уповательно, чтобъ и десятая доля дворовъ посполитыхъ была, да и козаковъ великаго числа недостаетъ, а людей нынѣ гораздо больше; слѣдовательно, какъ козаковъ въ службу Вашего Императорскаго Величества, такъ и дворовъ посполитыхъ въ казну весьма прибыло бы; но по ревизіямъ явственно, что число обоихъ весьма противу прежняго умалилося.

3.

Неоспоримо тотъ доказать можетъ, кто Малороссіи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чиновными, такожде и денежными людьми къ себѣ въ подданство обращены: по вольности же перехода, ревизіи повсегодно бываютъ, которыя ежели одну съ другою свести, то такъ великое несходство всегда въ числѣ дворовъ являлося, что вѣрить невозможно ни тому, ни другому. Все же сіе всегда происходитъ отъ того, что въ одинъ годъ ревизоры больше, а въ другой меньше утаятъ; а старшины строгости въ томъ не дѣлаютъ, яко въ дѣлѣ собственному своему интересу непротивномъ. Хотя же при нынѣшнемъ гетманѣ не больше какъ три раза дѣлана ревизія: одна въ 1751, когда еще онъ въ Малороссію не пріѣхалъ, а другая и третья въ 1753 и 1756 году по всей Малороссіи, какъ козачихъ, такъ бездворныхъ хатъ и ихъ подпомощниковъ, а притомъ посполитыхъ и ихъ подсусѣдниковъ; но и тутъ въ такомъ маломъ времени разность превеликая найлася, потому только, что вторая немного построже учинена; а именно: въ первой явилося по всей Малороссіи 152,157, а во второй 202,146 дворовъ; итакъ прибыло 49,989 дворовъ; въ третьей же опять убыло, потому что въ прежнемъ безстрашіи дѣло производилось.

4.

Сіе примѣчается только къ тому, что ревизіямъ Малороссійскимъ, которыя Малороссійскими людьми чинятся, съ какою бы строгою инструкціею они ни отправлялися, вѣрить не надобно; ибо ревизоры интересъ въ томъ имѣютъ, чтобы число дворовъ утаивать; а какъ утаить, на то способы весьма наглые и нетрудные употребляютъ. Въ сихъ случаяхъ они не много пекутся о томъ, чтобы дѣлать закрыто, но все то отправляютъ явственно, потому наипаче, что дальнее разстояніе и надежда на судные порядки ихъ укрываютъ; не мало же и взаимная другъ ко другу

помощь чрезъ то между ими наблюдается. При блаженныя памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, когда, послѣ смерти гетмана Скоропадскаго, Коллегія Малороссійская учреждалася, и при гетманѣ Апостолѣ, тогда было учреждено, что офицеры Великороссійскіе во всѣ полки Малороссійскіе были отправлены, для учиненія ревизіи. Хотя еще тогда народу гораздо было меньше нынѣшняго, однакоже число по ихъ ревизіи состоитъ весьма больше, нежели когда-либо въ Малороссіи оказалося. Сію ревизію они и понынѣ *офицерскою* называютъ, съ удивленіемъ сказывая сами, что никогда де въ Малороссіи числа двороваго столько не бывало, какъ тогда; но сіе только то было, что въ тотъ годъ меньше утаено, нежели во всѣ другіе годы.

5.

Что же касается до посполитыхъ дворовъ, слывущихъ такъ называемыми войсковыми маетностями, которыя принадлежатъ въ казну Государеву по силѣ 13 статьи, данной гетману Богдану Хмѣльницкому, то коликое число было прежде гетмана Скоропадскаго, о томъ не по чему справиться; но послѣ смерти Скоропадскаго, то есть по ревизіи офицерской, на лицо состояло 44,961 дворъ. Изъ онаго числа по 1750 годъ роздано не больше трехъ тысячь дворовъ, что, уповательно, малую самую разность дѣлаетъ. Сверхъ того, какъ выше объявлено, число народу противу прежняго весьма прибыло. За всѣмъ тѣмъ нынѣшній гетманъ, графъ Разумовскій, и четырехъ тысячь дворовъ Государевыхъ не засталъ, а о прочихъ ему донесено, яко бы всѣ въ Польшу побѣжали разными годами, гдѣ однакоже по достовѣрнымъ извѣстіямъ мужикамъ весьма труднѣе Малороссійскаго жить въ подданствѣ у господъ Польскихъ, потому что помѣщики все имѣніе крестьянъ своихъ собственнымъ своимъ почитаютъ и берутъ подати не окладомъ съ нихъ годовымъ, но кому когда и сколько вздумается. Въ самомъ же дѣлѣ нашлося, что всѣ Государевы дворы и съ землями раскупила старшина и другіе достаточные

промышленники у самихъ мужиковъ, называя ихъ собственными войсковыми, которые будтобы по сему имени свободные и могутъ сами себя и съ землями продавать. Сіе ихъ истолкованіе хотя вымышлено, однакожъ они по сему вымыслу не меньше, какъ по закону поступаютъ, и никто имъ въ томъ не воспящалъ до 1739 года, доколѣ указъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, подъ крѣпкимъ запрещеніемъ и штрафомъ послѣдовалъ — того не чинить. Но они, не взирая на тотъ строгій указъ, скупили войсковыя Государевы деревни, даже до 1750 года, то есть до пріѣзду нынѣшняго гетмана въ Малороссію, и писали купчія иногда задними годами. А понеже то необходимо, чтобъ купчая всякая стверждена была на урядѣ, и сотникъ, по силѣ права, тотъ, гдѣ продаваемая земля положеніе свое имѣетъ, долженъ подписать; то многія фальшивыя купчія и тѣмъ обличаются, что сотникъ въ сотники пожалованъ, напримѣръ, въ 1745 году, а купчая его сотничею рукою на урядѣ скрѣплена въ 1737 году. Сіе всегда старшины видѣли, но потому что стараются всѣми образами, дабы всѣ Государевы земли переходили въ партикулярныя владѣльческія руки, какимъ бы то образомъ ни было, то никакого воспященія въ томъ не чинили. Свободныя же войсковыя деревни потому называются, что никакому помѣщику за службу не отданы, а состоятъ Государевыми, такъ какъ въ 13 статьѣ именно Богдану Хмѣльницкому изображено: »И кто будетъ крестьянинъ, тотъ будетъ обыклую крестьянскую повинность тебѣ, Государю, отдавать«. Таковымъ же образомъ и козаковъ число весьма умалилося; ибо о семъ заподлинно можно удостовѣрить, что нынѣ Малороссія прямо вооруженныхъ списковыхъ едва ли пятнадцать, а по крайней мѣрѣ двадцать тысячь выставить можетъ, а выборныхъ и николи толикаго числа не выставитъ; по статьямъ же должно списковыхъ имъ имѣть 60,000 козаковъ, кромѣ отшедшихъ въ Заднѣпровскую сторону, а всѣхъ козаковъ около 150,000 имѣть бы должно. Всѣ Малороссійскіе козаки правомъ шляхетскимъ судятся; но потому что они служатъ съ своихъ грунтовъ, то сіе кажется право натуральное,

что козакъ не долженъ своего грунта продать, дабы чрезъ то служба Государева не умалилася; а когда и продать нужду имѣетъ, то не инако, какъ козаку, а не старшинѣ и не посполитому, о чемъ и указъ есть. Но они истолковали козакамъ право: *якобы козакъ*, по силѣ Статута, разд. 3, арт. 47, *все продать можетъ, кому хочетъ;* то потому и всѣ почти грунты козацкіе скупили. Къ сему способствовалъ имянной указъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны на докладъ, въ которомъ въ 10 пунктѣ изображено: »Въ войсковыхъ свобод- »ныхъ селахъ и во владѣльческихъ маетностяхъ, ежели козакъ »грунтъ свой кому продастъ и самъ паки на немъ будетъ жить, тотъ »всякія, по пропорціи имѣній своихъ, посполитыя [т. е. кресть- »янскія] повинности отдавать и чинить долженъ; а которые под- »данные [т. е. крестьяне], продавъ свои грунта, съ нихъ сойдутъ, »а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ и тѣми грунтами владѣть, »тѣ также отдаютъ, по пропорціи своихъ имѣній, повинности, »какъ и другіе владѣльческіе подданные.«

Сей имянной безъ выправки изданный указъ есть наилучшая привиллегія къ искорененію всѣхъ козаковъ и поверстанію ихъ помѣщикамъ въ крестьяне; ибо достаточный козакъ всегда отъ службы откупался, а недостаточный, бѣгая отъ оной, лучше желаетъ подъ имянемъ крестьянина жить, нежели выдти въ походъ, и сверхъ того, бывши козакомъ по имѣнію своему, долженъ, яко грунтовый, платить иногда на консистентовъ цѣлую рацію и порцію, что ему учинитъ рубль, или и больше; а взявши на себя имя мужика безгрунтоваго, службы не дѣлаетъ и, вмѣсто платы на Государя рублевой, плотитъ, яко безгрунтовой, въ годъ алтынъ, или иногда двѣ копейки по раскладкѣ, наравнѣ съ другими подсусѣдками или нищетными. Но о сихъ сборахъ, разорительныхъ народу, а казнѣ третьей доли неприносящихъ, особливое примѣчаніе сдѣлать надлежитъ, по которому окажется великое воровство народныхъ сборовъ, чрезъ многія лѣта уже продолжающееся. Такое указомъ вышепомянутымъ вспоможеніе почти всѣхъ козаковъ истребило и перевело ихъ старшинамъ, яко по-

мѣщикамъ, въ крестьяне; а въ военное время, или во время какой-либо службы, сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобы помѣщики купчія отъ нихъ на ихъ земли приняли, дабы тѣмъ избавиться отъ походовъ. Но понеже, по тому же Статуту, разд. 9-го, арт. 27, опредѣлено точно: у чужого человѣка никто земли закупить безъ воли господина его не имѣетъ, ниже нанимать на лѣто, подъ лишеніемъ данныхъ денегъ и всего того, что на ней посѣялъ; тоже опредѣлено и о самихъ людяхъ владѣльческихъ, дабы ихъ не покупать и не нанимать безъ соизволенія помѣщика, или его управителя: то изъ сихъ положеній ясно видно, что всѣ Малороссійскія вотчины Государевы, которыхъ около пятидесяти тысячь дворовъ, по худой ревизіи, быть должно на лицо, старшинами и чиновниками, не въ силу ихъ же правъ скупленныхъ [о чемъ показано будетъ ниже сего въ своемъ мѣстѣ], и большая часть почти службы козацкой, которая бы по умноженію нынѣшнему народа должна умножиться, изчезла.

7.

Хотя же были о семъ отъ многихъ временъ козачьи на чиновниковъ доносы, при блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, и строгія слѣдствія: но то всегда было долговременными многими ябедами заплетено и никогда добраго конца не воспринимало; почему, какъ по причинѣ другихъ самовольствъ, такъ и въ пресѣченіе сихъ непорядковъ и народныхъ разореній, всѣ почти главнѣйшіе старшины въ 1724 году въ С. Петербургскую крѣпость были забраты, но милостивымъ указомъ, послѣ кончины сего Государя, Императрицею Екатериною Алексѣевною Первою, въ 1725 году, были отпущены, въ ожиданіи отъ нихъ исправленія. Были такожде и въ нынѣшнія времена многіе доносы о расхищеніи козаковъ, свободныхъ деревень и многихъ въ уплату данныхъ суммъ народу старшинами, но тѣ доносы не происходили отъ таковыхъ

людей, которые бы то изъ усердія къ сохраненію интереса Государева доносили; а доносили по злобѣ, въ отмщеніе своихъ партикулярныхъ обидъ, и потому заплетали доносы свои справедливые многими клеветами на своихъ соперниковъ, а соперники чрезъ то сыскивали способы ябедническихъ доносителей опровергать долголѣтнею волокитою и напослѣдокъ всеконечнымъ разореніемъ жизни ихъ.

8.

Причислить надобно къ симъ непорядкамъ, яко главный непорядокъ въ нынѣшнихъ временахъ, право ихъ Малороссійское, которое есть Статутъ Литовскій, данный вновь Литовскому княжеству отъ короля Стефана, бывшаго прежде князя Трансильванскаго, изъ фамиліи Батори, въ 1576 году, какъ то видно въ томъ же правѣ изъ разд. 4, арт. 1, пунк. 1, и Сигизмундомъ Третьимъ, въ 1588 году, подтвержденный. Оное состоитъ въ 14 раздѣлахъ. Права и законы въ народахъ учреждаются на двоїственномъ основаніи: первое состоитъ на натурѣ, врожденной роду человѣческому вообще и всякому безъ изъятія, которое называется *право натуральное;* другое на свойствѣ всякаго народа, особенно его правленія, и оное есть *право гражданское.* Что касается до права натуральнаго, то законы Статута Литовскаго, введенные въ Малороссійскій народъ, суть тѣ же самые, что̀ и Великороссійскіе, только инымъ порядкомъ и иными словами изображенные, и потому отмѣны и исправленія никакого почти не требуютъ. Но права гражданскія, касающіяся до свойства народа, управляемаго самодержавнымъ Государемъ, яко въ Статутѣ Литовскомъ для республиканскаго правленія учрежденные, весьма несвойственны уже стали и неприличны Малороссійскому народу, въ самодержавномъ владѣніи пребывающему. Ежели сіе разнообразіе законовъ отъ республиканскаго Государя и того же Самодержца происходить должно, то какимъ образомъ можно согласить многіе указы

съ Литовскимъ Закономъ, который приличенъ только Рѣчи Посполитой? Хотя въ грамотахъ Государскихъ, и особливо въ Высочайшей 1750 года, на урядъ нынѣшнему гетману, и изображено, чтобъ гетману поступать *по правамъ Малороссійскимъ и по указамъ Государевымъ, присланнымъ и впредъ присылаемымъ;* но тутъ же приполнено, чтобъ чинено сіе было по указамъ и безъ нарушенія правъ и вольностей Малороссійскихъ. Сей темности, ежели оставить въ своей силѣ право Малороссійское, ни по какой мѣрѣ правительству Малороссійскому согласить не возможно, взявъ въ примѣръ нѣкоторые только артикулы права Литовскаго, то́ есть Малороссійскаго. Указы Вашего Императорскаго Величества осуждаютъ преступниковъ именныхъ указовъ къ смерти, а право Малороссійское, разд. 1, арт. 11, опредѣляетъ ему только сидѣніе въ тюрмѣ на шесть недѣль. Первое осужденіе уравнено преступленію противу самодержавной власти, а послѣднее противу короля въ республикѣ. Указы Вашего Императорскаго Величества о рудныхъ и горныхъ мѣстахъ повелѣваютъ отдавать всякаго минерала десятину въ казну и уступать первую продажу Государю; а право Малороссійское, разд. 9, арт. 30, пунк. 3, опредѣляетъ и послѣднему козаку, ежели онъ на своей земли орющейся руду золотую найдетъ, или какое-либо иное сокровище, или окна соляныя и проч., тѣмъ всѣмъ одному ему и пользоваться, а Государь обѣщаетъ клятвою ему въ томъ имѣніи отнюдь не препятствовать. Напослѣдокъ, то же право Малороссійское, въ разд. 1, арт. 1, пунк. 2, опредѣляетъ всѣмъ иноземцамъ [изъ которыхъ числа Малороссійцевъ и Великороссійскихъ не исключаетъ] судимымъ быть тѣмъ же Литовскимъ правомъ и на тѣхъ урядахъ, гдѣ кто преступитъ; почему, ежелибы случилось Великороссійскому, знатному и по имени и по чину, человѣку быть обиженну въ Лубенскомъ, или какомъ-либо полку, въ сотнѣ Пырятинской, отъ какого-либо козака, то по силѣ сего права, яко подтвержденнаго грамотами, надлежитъ по порядку у сотника Пырятинскаго быть обоимъ судимымъ, и по силѣ Статута, разд. 3, арт. 27, имѣетъ за того

безчестіе, какого знатнаго бы чина и достоинства ни былъ козакъ — шесть недѣль въ тюрмѣ высидѣть и 25 рублей, а не больше заплатить; и сіе уровненіе Рѣчи Посполитоїі только прилично. А того же разд., арт. 27, пукт. 4, заочно бранить, кого бы кто ни захотѣлъ, дозволятся, и просить о томъ суду не велѣно, какое бы кто ни могъ показать свидѣтельство. Въ разд. 3-мъ, арт. 12-мъ, Государь себя обязываетъ присягою, что въ великомъ княженіи Литовскомъ и во всѣхъ оному подлежащихъ, достоинствъ духовныхъ и мірскихъ, городовъ, дворовъ, грунтовъ, староствъ, владѣній чиновъ земскихъ и придворныхъ владѣніи въ употребленіе, содержаніе и въ вѣчность никакимъ иноземцамъ и заграничнымъ людямъ, ниже сосѣдямъ сего государства давать не будетъ, а давать самъ и наслѣдники обѣщаетъ тутечнимъ уроженцамъ. Сіе право есть совсѣмъ республиканское; но примѣчено довольно, что Малороссійскіе судьи, гдѣ случай есть, оное навести въ свою пользу противо Великороссійскихъ тамо владѣльцевъ, яко, по ихъ мнѣнію, иноземцевъ и граничныхъ Малороссіи, тутъ не оставляютъ объ ономъ представленія свои дѣлать, а у безсильныхъ, по силѣ сего права, и отнимаютъ. Такъ равномѣрно правы Россійскимъ несогласныя и многія находятся, а именно: разд. 1, арт. 33, пунк. 1: Ежели кому какую маетность Государь пожаловалъ, а онъ за какою-либо отлучкою тѣмъ не владѣлъ десять лѣтъ; то хотябы и грамоту-Государеву на то владѣніе имѣлъ, тогда онъ владѣть не можетъ, и грамота силы ни какой не имѣетъ; или, когда сильный у безсильнаго деревни отнялъ и обиженный случая, за отсутствіемъ, болѣзнію, или другимъ какимъ, хотя и законнымъ, препятствіемъ, на судѣ того искать не могъ, чрезъ десять лѣтъ; тогда молчать вѣчно имѣетъ, по разд. 4, арт. 91, пунк. 1, и сіе право въ Малороссіи сильно наблюдается, понеже изстари сильные безсильныхъ нападеніями грабятъ и обижаютъ, а обиженные десятилѣтнему промолчанію подвержены бываютъ и тѣмъ имѣній отеческихъ и дѣдовскихъ лишаются. Таковыхъ опредѣленій великое множество въ Малороссійскихъ судахъ находится; но изъ права выступить невозможно. Разд. 1-го

арт. 24-й опредѣляетъ: Ежели кто посланнаго отъ лица Государева, хотя съ именнымъ указомъ, побилъ, указы отнялъ и изодралъ, тому не болѣе штрафа, какъ тюрма на полгода; таковжде: ежели шляхтичъ убьетъ въ смерть простолюдина, и указнаго числа, то есть семи человѣкъ шляхтичевъ свидѣтелей истецъ не представитъ, тогда шляхтичъ, хотя и разбойникъ, отприсягнуться можетъ; буде же отъ присяги отказываться будетъ, тогда, по разд. 12, арт. 1, платитъ только малыя деньги за голову. Таковжде, по разд. 11, арт. 16, пунк. 1: Ежели шляхтичъ шляхтича съ сердца ножемъ зарѣжетъ — четвертовать, ежели простой шляхтича — тоже, а ежели шляхтичъ зарѣжетъ по злосердію простаго, или какимъ-либо оружіемъ съ гнѣва убьетъ, тогда шляхтичу только руку отсѣчь. Таковыхъ примѣровъ въ Статутѣ Литовскомъ великое множество можно бы показать, изъ коихъ одни противны самодержавному государству, другіе, яко по угожденію вольному республиканскому народу постановлены, натуральному праву противны; но для показанія неудобствъ довольно и сего. Въ заключеніе самой только важности сего дѣла, надлежитъ взять еще въ разсужденіе разд. 4, арт. 1, пунк. 1, гдѣ опредѣляется и установляется, что естьлибы который изъ чиновниковъ земскихъ, то есть: судья, подсудій и писарь умеръ, тогда другіе чиновники оставшіеся извѣстить имѣютъ короля, а въ отсутствіи короля высшему правительству, и тогда указано будетъ на срокъ съѣхаться для избранія новыхъ изъ природныхъ Литовскихъ четырехъ кандидатовъ, которыхъ на письмѣ представить за печатьми своими королю, а король того, кто угоденъ ему явится, на мѣсто умершаго поставитъ. Изъ сего права Малороссіанцы въ обыкновенный ввели законъ, что не токмо гетманъ и старшины генеральные, то есть: обозный, два судьи, подскарбій, писарь, два асаула, хорунжій и бунчужный, избираются вольными голосами, но и полковникъ и полковые обозный, судья, писарь, хорунжій и атаманъ выборомъ поставляются; и таковые избранные не токмо многимъ безпорядкамъ причиною бываютъ, но и приводятъ иногда злыя намѣренія въ единомысліе; ибо стар-

шина генеральная имѣетъ способъ полковниковъ опредѣлять, а полковники и старшины сотниковъ, потому что выборъ въ сотники славятъ только выборомъ, а въ самомъ дѣлѣ есть точное опредѣленіе персоны отъ старшинъ. Происходящее по сіе время избраніе въ сотники слѣдующимъ образомъ происходитъ. Когда только репортъ изъ сотни въ полкъ, а изъ полку въ войсковую канцелярію придетъ, что сотникъ въ сотнѣ умеръ; то старшины поспѣшаютъ, прежде нежели о томъ увѣдано гетманомъ будетъ, отправить изъ полковой канцеляріи извѣстную и надобную имъ персону на правленіе, до опредѣленія новаго, и сіе, яко маловажное дѣло, происходитъ безъ вѣдома ихъ шефа, по имененемъ только командующаго въ полку полковника. То извѣстная персона уже не сомнѣвается, что ему сотничество предано, и для того, пріѣхавъ на правленіе, нѣсколько бочекъ вина горячаго безграмотнымъ козакамъ выставитъ, священника и дьячка церковнаго подкупитъ и уговоритъ къ подписанію рукъ ихъ, и такимъ образомъ отъ пьяныхъ отобравъ голосъ, выборъ самъ себѣ пишетъ, прежде нежели о томъ изъ войсковой канцеляріи приказано; а къ тому припишетъ, въ силѣ мнимаго права, два или три человѣка негодныхъ, которые сами о томъ сотничествѣ не думаютъ. И такимъ образомъ, по полученіи ордера изъ войсковой канцеляріи о выборѣ новаго сотника, онъ уже съ готовымъ выборомъ поспѣшаетъ, опредѣливъ на то червонныхъ нѣсколько для подарку; почему въ чинѣ и конфирмуется. Сіе есть обыкновенное по правамъ производство въ выборахъ, а въ самомъ дѣлѣ старшины опредѣляютъ во всѣ чины тѣхъ, кто имъ надобенъ. Такимъ образомъ почти во всей Малороссіи сотники и старшины полковые опредѣляются одолженные своимъ протекторомъ; и хотя право Малороссійское гласитъ о выборахъ только на главныя судейскія генеральныя мѣста, да и то разумѣется изъ таковыхъ, которые близко подъ тѣмъ чиномъ стоятъ своимъ достоинствомъ, на которое дѣлается избраніе новаго чиновника: однакожъ нѣкоторые интересъ свой въ томъ находятъ, чтобъ отъ малаго до великаго выборомъ начальства всѣ чины происходили.

вѣдая, что таковымъ порядкомъ милость къ народу изъ ихъ собственно рукъ истекаетъ; и то самое обыкновеніе утверждаютъ они правомъ, чего въ правѣ отнюдь не находится; ибо разд. 4, арт. 1, пунк. 4-й гласитъ дѣйствительно только о судьи, подсудіи и писарѣ генеральныхъ, которые чины въ воеводствѣ Литовскомъ суть главнѣйшіе и уравняются развѣ только старшинамъ генеральнымъ, которыхъ девять персонъ въ цѣломъ народѣ Малороссійскомъ, а не о всѣхъ малочиновныхъ, которыхъ около тысячи во всѣхъ полкахъ находится, ежели взять въ число всѣ полковые и сотенные чины.

9.

Права Малороссійскаго разд. 4, арт. 54, пунк. 4-й: »А буде бы »чего въ семъ Статутѣ не доставало, то судъ, склоняяся къ бли»жайшей справедливости по совѣсти своей и по примѣру другихъ »правъ Христіанскихъ, отправлять и судить имѣетъ.« Малороссійскій народъ, по нынѣшнему состоянію, раздѣлятся на три классы людей: на шляхту, козаковъ и посполитыхъ. Сіе раздѣленіе точно то же, что̀ и въ республикѣ Польской; но потому что въ княжествѣ Литовскомъ и Жмудскомъ отъ короля Сигизмунда магистратамъ многихъ городовъ съ мѣщанами особливое право Магдебургское дано, то, по примѣру тому, и городамъ Кіеву, Нѣжину, Остру, Погару и другимъ, пребывавшимъ тогда подъ владѣніемъ Польскимъ, по ихъ исканіямъ, для уравненія тѣже, Магдебургскія права отъ Сигизмунда и другихъ его наслѣдниковъ опредѣлены; и понеже вышепомянутый Статута Литовскаго разд. 4, арт. 54, пунк. 4-й, въ случаѣ какому-либо дѣлу недостатка въ правѣ Статута, повелѣваетъ примѣняться къ другимъ Христіанскимъ сосѣднимъ правамъ; то Литовцы занимаютъ, въ помочь къ Статуту своему, Саксонское, которое называется ***Порядокъ;*** слѣдовательно Малороссія управлятся уже не двумя, но тремя правами, а именно: Литовскимъ, Магдебургскимъ и Саксонскимъ; и

почему Малороссія, будучи подъ державою Россійскою, дополняетъ свои законы Саксонскими, въ томъ, кажется, она никакого основанія не имѣетъ; ибо кто изъ сосѣднихъ Христіанскихъ народовъ имъ ближе [какъ выше сего показано уже] и въ родѣ и въ законѣ Христіанскомъ, какъ не Россія? Но изъ сего явственно оказывается, что то по единому только развѣ тогдашнихъ старшинъ неусердію къ Россіи въ обыкновеніе введено, а закона къ тому ни въ какихъ ихъ правахъ не находится; польза же ихъ собственная есть та, что они, имѣя многоразличные и намъ мало вѣдомые законы, многоразличные способы имѣютъ пристрастіямъ своимъ угождать и чрезъ то сохранять, яко грамотные надъ неграмотными простыми людьми, власть полномочную; ибо простой народъ только льститъ себя многими мнимыми вольностями, которыхъ онъ отъ времени Богдана Хмѣльницкаго дѣйствительно не имѣетъ; а старшины, напротивъ того, опредѣляя имъ командировъ, яко-бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія въ прихоти, содержа ихъ въ подобострастіи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только старшинами, которые у нихъ называются генеральные, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и нижнихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное. Чрезъ сіе бываетъ, что и изъ права Россійскаго судьи иногда берутъ, но то въ крайности, когда вредъ кому умножить хотятъ. Итакъ судіи Малороссійскіе, вмѣсто точнаго и опредѣленнаго права, имѣютъ удовольствія обременять или уменьшать казни и штрафы многоразличными законами, а именно: когда судья видитъ, что Статутъ истцу, или отвѣтчику строгое рѣшеніе, а не полезное, опредѣляетъ, тогда онъ ищетъ въ *Порядкѣ Саксонскомъ*, тогда прибѣгаетъ и къ Магдебургскому праву, ежели мѣщанину съ шляхтичемъ дѣло, и до тѣхъ поръ мечется изъ права въ право, доколѣ сыщетъ намѣре-

нію своему полезное; а простой, или иначе неграмотной, человѣкъ, будучи въ томъ несвѣдущъ, пріемлетъ все за несумнительный законъ. Временемъ для облегченія пріятелю казни, или для умноженія ненавистному вреда, мечутся и въ законы Великороссійскіе, какъ то по дѣламъ примѣчено; но то случается рѣдко. Сіе есть поводомъ, что всѣ тѣ, которые слывутъ въ Малороссіи приказными и знающими людьми, суть великіе ябедники, и про нихъ говорятъ, что они *съ оборотомъ*; да и подлинно, что таковая юриспруденція требуетъ не того знанія, чтобы право натуральное и гражданское было судіи извѣстно, но чтобы была только намять острая, которая, бывъ соединена съ практикою, дѣлаетъ у нихъ человѣка съ оборотомъ, то есть судію пронницательнаго и скоропоспѣшнаго на всѣ ухватки ябедническія. Отъ того у нихъ истцы никогда недовольны первымъ судомъ, и ни однаго дѣла нѣтъ, которое бы не чрезъ всѣ апелляціи прошло: изъ сотенной въ полковую, изъ полковой въ судъ генеральный, а изъ суда въ войсковую канцелярію къ гетману, оттуда въ коллегію, въ правительствующій сенатъ, а напослѣдокъ трудятъ Высочайшую Особу Государеву; почему и въ маловажныхъ искахъ процессы у нихъ ведутся чрезъ многіе годы. Такъ какъ козакъ у козака плеть или кнутовище отнялъ, процессъ продолжался болѣе восьми лѣтъ; бунчуковой товарищъ одинъ у другого восемь гусей отогналъ, съ шестнадцать лѣтъ процессъ былъ; и много тому подобнаго въ архивахъ суда генеральнаго сыскать можно.

10.

Сія ябеда въ такомъ у нихъ кредитѣ и почтеніи, что по большей части лучшихъ фамилій отцы слѣдующее воспитаніе дѣтямъ даютъ: научивъ его читать и писать по-Русски, посылаютъ въ Кіевъ, Переяславъ, или Черниговъ для обученія Латинскаго языка, котораго не успѣютъ только нѣсколько обучить, спѣшатъ возвратить и записываютъ въ канцеляристы, гдѣ, по дол-

говременном обращеніи, происходятъ они въ сотники. хотя козаки, которые его выберутъ, прежде и о имени его не слыхали. Но съ чиномъ канцеляриста есть еще другіе авантажи соединены. Надобно знать, что чины бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую салвогвардію [преимущество] имѣютъ: они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы то полку не было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ; а искать суда на нихъ надобно въ войсковой канцеляріи и у гетмана. Итакъ бѣдной козакъ всегда ими обиженъ и за отдаленіемъ рѣдко управы ищетъ, что при нынѣшнемъ гетманѣ нѣсколько уже и отмѣнено. При гетманѣ Скоропадскомъ, бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человѣкъ не было, и тѣ были самыхъ знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи подъ свой бунчукъ принималъ; но въ междугетманство больше двухъ сотъ ихъ прибыло, и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привиллегія надобна, что они нигдѣ кромѣ гетмана не судимы. Такъ и канцеляристы войсковые, которыхъ въ одной войсковой канцеляріи гораздо болѣе трехъ сотъ числится, а въ канцеляріи сидящихъ не бывало никогда на лицо болѣе сорока, прочіе же всѣ грабятъ и иногда разбиваютъ во всѣхъ отдаленныхъ концахъ Малороссіи, о чемъ многія и жалобы были. Итакъ право Малороссійское почитать надлежитъ, яко главный непорядокъ въ Малороссіи; оно имъ вливаетъ мнимую вольность и отличіе отъ другихъ вѣрныхъ подданныхъ Вашему Императорскому Величеству; оно судію дѣлаетъ лихоимцемъ безпримѣрнымъ и повелителемъ народу, а суды продажными; оно бѣдныхъ простыхъ Малороссіянъ въ утѣсненіе приводитъ; оно, напослѣдокъ, и командующему шефу дѣлаетъ темноту и препинаніе правду снабдить полезною резолюціею.

11.

Значительное помѣшательство и непорядокъ въ народѣ и отъ

того происходитъ, что козаки, которые особыя привиллегіи имѣютъ отъ мужиковъ и особливоі трудъ несутъ, а именно: отправляютъ Государеву службу съ своихъ грунтовъ въ походахъ, а поселеніе свое имѣютъ по всей Малороссіи въ посполитыхъ деревняхъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, помѣщикамъ принадлежащихъ. Всѣ Малороссійскіе города, мѣстечка, села, деревни, слободы и хуторы съ пахатными и сѣнокосными землями, какъ въ лѣсныхъ, такъ и въ степныхъ полкахъ, не имѣютъ никакого обмежеванія; а понеже живутъ старинными будто заімами и фальшивыми по большоі части крѣпостьми, а иные ни заімомъ старинымъ, ни крѣпостью, по грабежомъ и наѣздомъ сильный на безсильнаго; къ тому же козаки во всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ перемѣшаны съ мужиками: то изъ того послѣдовалъ различный вредъ, какъ собственно самому народу, такъ и въ интересѣ Вашего Императорскаго Величества превеликій ущербъ: 1.) Помѣщики Малороссійскіе, живущіе по большоі части ни у какихъ дѣлъ, по своимъ хуторамъ, или деревнямъ, праздно, въ томъ главное упражненіе имѣютъ, что, за лѣса, за тростники, за степи, за мельницы, за подтопы плотинъ, другъ на друга наѣзды дѣлаютъ вооруженною рукою, и изъ того рождаются многія смертоубійства. 2.) Вступивши въ процессъ, волочатся лѣтъ по десяти и двадцати въ разореніе дому своему, судьямъ въ несказанную корысть, а главному суду по апелляціямъ въ безконечное обремененіе ябедническими процессами, и сіе есть собственное ихъ разореніе. 3.) Ущербъ Вашего Императорскаго Величества интереса есть главный тотъ, что козаки живутъ въ великомъ непорядкѣ, яко разбросанные по разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника, и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ, яко крестьяне; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на великомъ разстояніи, и въ порядкѣ содержать ихъ не можетъ; ибо, хотя всякому помѣщику въ универсалахъ гетманскихъ, при надачѣ деревни, писывалося прежде и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никакого нѣтъ; однакоже, какъ воз-

можно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ, или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякой сотникъ не успѣетъ только на сотню свою пріѣхать, то козаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ. 4.) Первый промыселъ козачій, которымъ они себѣ малые деньги въ годъ промышляютъ, есть тотъ, что козаки, по снятіи съ поля хлѣба, перецѣживаютъ его на горячее вино, и то продаютъ у себя по домамъ, чего ради всякой козачій домъ не что̀ иное, какъ шинокъ. Послѣдовательно то самое причиною и бѣдности ихъ; ибо козакъ, запившися, не много уже помышляетъ о хозяйствѣ, и сѣетъ, и жнетъ хлѣба не болѣе, какъ лишь бы стало ему на зиму съ дѣтьми; а хотябы земля плодородная и принесла свыше трудовъ его что̀ излишнее, но онъ, пріобыкши къ плодородію земли, не чувствуетъ, и хлѣба съ поля не больше снимаетъ, какъ сколько ему про всю его хату надобно до новаго, а временемъ за лѣностію и того не умѣряетъ; и гетманъ временемъ принужденнымъ себя находитъ особливые ордеры о снятіи хлѣба, безъ успѣха въ томъ, посылать; чего ради иногда малый народъ, или саранча, то есть мужики, остаются безъ пропитанія и мру̀тъ съ голоду, или отдаются въ работу и подданство тѣмъ, которые на таковые случаи, не рѣдко бывающіе, съ запасомъ живутъ; а это наиболыше дѣлаютъ старшины и ихъ свойственники. 5.) Живущіе козаки въ деревняхъ, мѣстечкахъ и селахъ помѣщичьихъ и земли свои имѣющіе въ одной границѣ, изчезаютъ и перерождаются на мужиковъ, слѣдующимъ образомъ. Помѣщикъ столько у себя выцѣживаетъ вина, что всегда вышинковать въ своихъ маетностяхъ не можетъ, чего ради большую часть раздаетъ изъ извѣстной части вышинковать козаку въ своей деревнѣ, а ищетъ къ таковому дѣлу изъ такихъ козаковъ, которые бы удобнѣе у него забраться и замотаться могли; напослѣдокъ, когда столько козаку задаетъ, что уже козакъ не въ состояніи все вино прошинкованное выплатить помѣщику того же села, то помѣщикъ, вымучивъ у него обликъ, то есть правнымъ обязатель-

ствомъ удостовѣреніе, бьетъ челомъ на козака о уплатѣ долгу. Козакъ, будучи не въ состояніи уплатить по облику, то есть по обязательству, судимъ бываетъ разд. 4, арт. 28, пунк. 1, въ которомъ опредѣлено »*награждать имьніемъ недвижимымъ по оцьнкь*«; а обыкновенно дворъ съ пашенною землею, которая въ Статутѣ »*волокою осаженою*« названа, предписано отдавать за десять рублей и по пропорціи, ежели меньше, то оную дѣлить, а *моргъ земли*, то есть двадцать саженъ въ ширину и шестьдесятъ саженъ въ длину, ежели унавоженъ, оцѣненъ въ полтину, а безъ навозу въ пятьдесятъ шаговъ, или грошей (¹) Польской монеты. Въ томъ же мѣстѣ цѣна предписывается сѣнокоснымъ землямъ, лѣснымъ удобнымъ къ сѣву, озерамъ, рѣкамъ и проч.; и такимъ образомъ козакъ, грунта свои потерявъ процессомъ за горячее помѣщичье вино, которое шинковалъ, коли земли не достаетъ въ уплату, отдается и самъ тому же помѣщику въ отслугу, по силѣ права. Сіе есть слѣдствіе того неудобства, что козаки съ помѣщичьими мужиками въ однихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ, и отъ сего-то большая часть козаковъ претворалися уже въ мужики помѣщикамъ, а государственный интересъ чрезъ многіе годы терпитъ чувствительный отъ того уронъ, къ пресѣченію котораго хотя мѣры и принимаемы были, а особливо по челобитью козаковъ еще въ 1723 году, по указами, которые тогда послѣдовали, довольно не предусмотрѣно.

12.

Къ внутреннему и собственному разоренію, есть вредъ наиближайшій Малороссійскому народу *вольный переходъ* съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаюся пьяницами,

(¹) Т. е. правную копу, что равнялось 1 руб. 20 коп., когда рубль серебра ходилъ въ рубль, а теперь, по указу 1724 года, взыскивается 4 руб. 80 коп. грошей; значитъ, полтина болѣе чѣмъ 50 шаговъ.

лѣнивцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ странѣ. Ничто столько не вредительно крестьянину, какъ праздность. Она не только его нищимъ, но и впередъ къ работѣ по отвычкѣ неспособнымъ дѣлаетъ. Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно ищетъ прежде всего какъ бы ему найти удобности свой хлѣбъ жевать безъ труда; сего ради не допускаетъ обременять себя никакою излишнею работою. Между тѣмъ изобилующіе помѣщики землями, или грабленными Государевыми, или за долгъ шинковой себѣ приговоренными, или по исходѣ лѣнивцовъ впустѣ лежащими, обыкновеніе имѣютъ поселять слѣдующимъ образомъ: сперва опредѣлитъ слугу, наряженнаго у бѣдныхъ помѣщиковъ подговаривать, прельщая многими льготами, что̀ весьма легко имъ и удается, потому что бѣдный больше заставляетъ мужика своего роботать, нежели богатые, ежели кредита инаго къ тому въ націи не имѣетъ; потомъ выставитъ на пустой своей землѣ большой деревянной крестъ, на которомъ для грамотныхъ надпишетъ, а для неграмотныхъ скважинами провертченными означитъ, на сколько онъ лѣтъ новопоселившимся обѣщаетъ льготы отъ всѣхъ чиншовъ, то есть оброковъ и господскихъ работъ. Между тѣмъ мужики празднодѣльные и лѣнтяи о томъ не оставляютъ навѣдываться, гдѣ и сколько временными свободами крестъ выставленъ на поселеніе слободы, и провѣдавъ выбираютъ мѣсто, которое имъ льготнѣе покажется. Такимъ образомъ вылеживаетъ мужикъ урочные годы въ крайнемъ лѣнивствѣ, а къ концу срока провѣдываетъ о новой кличкѣ на слободку и новаго креста ищетъ, и симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, перевозя свою семью и перемѣняя свое селеніе. Для сихъ причинъ они по большей части и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ тайкомъ отъ помѣщика учинить долженъ; ибо помѣщикъ подъ претекстомъ тѣмъ, яко-бы мужикъ все, что̀ ни имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предпріятіи, грабитъ все его имѣніе,

на которое онъ, по силѣ Статута, право имѣетъ. Такъ поступаютъ помѣщики, безкредитные въ націи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому. Такимъ образомъ въ изобиліи и плодородіи земли Малороссійской, земледѣлецъ претерпѣваетъ гладъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ; между тѣмъ государственная польза изъ Малороссійскаго народа не только изобиліемъ земли не возрастаетъ, но еще часъ отъ часу въ упадокъ приходитъ.

Сіи суть токмо генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежелибы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и вовнутреннюю ихъ собственную экономію; тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженныя и вѣчно достойныя, памяти Государь Императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійскій до познанія Его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало немалаго времени, то, хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему сему начатки премудраго Государя, да времени не доставало то привести въ порядокъ, что̀ исподоволь дѣлать надлежало; а между тѣмъ смерть сего великаго Монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслилъ.

V.

ОРИСЯ,

идиллія.

ОРИСЯ.

I.

Співають у пісні, що нема найкращого на вроду, якъ ясная зоря въ погоду. Отъ же, хто бачивъ дочку покойного сотника Таволги, той би сказавъ, може, що вона краща й надъ ясную зорю въ погоду, краща й надъ повний місяць середъ ночі, краща й надъ саме сонце, що звеселяє й рибу въ морі, и звіря въ діброві, и макъ у городі.

Може й гріхъ таке казати: де таки видано, щобъ дівча було краще одъ святого сонця й місяця? Да вже, мабуть, такъ насъ грішнихъ мати на світъ породила, що якъ споглянешъ на дівоньку вроду, то здаєтця тобі, що вже ні на землі, ні на небі нема нічого кращого.

Гарна, дуже була гарна сотниківна! знали її по всій Украіні; бо въ насъ на Вкраіні, скоро було въ кого виросте дочка хороша, то вже й знають усюди. Було чи треба кому зъ молодого козацтва, чи не треба чого у Войтовці, іде за сто верстъ, аби тілько побачить, що тамъ за дочка въ сотника Таволги, що тамъ за Орися, що всюди про неі мовъ у труби трублять! Да не багато съ того виходило користи. 'Якось не було козацтву приступу до неі зъ залицяннемъ. Чи батько бувъ дуже гордий, чи дочка дуже пишна, того не знаю; а знаю, що було вернетця иншиі кру-

тйусъ изъ Війтовéць да й ходить, мовъ неприкáяннийй. Спитáе ёгó про Орйсю товàришъ...

»Шкодá«, кáже, »брáте, нáшого новàбу й залицàння! Не для нáсъ зацвілá ся квітка! Мóже, хто й застрòмить ії собі за висóку шáпку, тілько той бýде не зъ нáшого десятка.«

А товáришъ похитáе мóвчки головòю, да й подýмае: »Отъ же запанастіла козакá!«

II.

А Орйся булá вже не дитйна, вйрівнялась и вйкохалась, якъ біла топòля въ левáді. Подйвитця булó на ії старий сóтникъ, подйвитця на ії пишний зрòстъ и хорóшу врòду, порáдуетця бáтьківськимъ сèрцемъ, що дождáвъ на стáрість собі такóі дочкй, а чáсомъ и посумýе: »Доспіла есй, моя ясочко, якъ нóвиий кòлосъ на нйві! Да чи знáтиме жèнчикъ, якý благодàть берé собі одъ Гóспода милосéрдного? Есть багáто людéй, и статéчнихъ, и знáчнихъ, що залицяютця на тéбе, да не хотілось би мині оддавáть тебé въ рýки сйвому дідові: звялйть тебé ревнýючи, якъ вітеръ билйну въ пóлі. Ой, не хотілось би оддавáть тебé й за молодóго шибáй-гòлову, що не поживè дòвго безъ стéпу да конá, поляже въ пóлі буйнóю головòю, а тебé зоставить горювáть зъ дітонькáми!«

Такъ собі дýмаючи да гадáючи, старий Тáволга чáсомъ тяжко, тяжко засýмуе, ажъ слёзà покòтитця ёмý зъ óка.

А Орйся рослá собі якъ та квітка въ горóді. Нóвна да хорóша на видý, мáяла то сямъ, то тамъ по госпóді въ старóго сòтника, похожáла якъ по медý бжілка и всю госпòду звеселяла.

III.

Приснйвся разъ Орисі предйвний сòнъ. Здалóсь, прийшлá до нéі съ тогó світу покóйна панімàтка, стáла, надъ нéю въ голо-

вахъ, да й каже: »Дитино моя, Орисю! не довго вже тобі дівувати: що день благаю Господа милосердного, щобъ пославъ тобі вірну дружину.«

Встала Орися ні смутна, ні весела, иде до панотця въ світлицю, зачервонілась, якъ та квіточка, да й каже: »Паночоньку! позолили мої дівчата платтє. Нехай запряжуть намъ коней; поідемо ми до Трубайла, підъ Турову Кручу: тамъ вода, чиста, якъ скло, рине по каміннямъ.«

А панотець рече: »Чого жъ тобі, Орисю, такъ далеко іздити?«

»Хиба жъ то вже, паночоньку, й далеко?... на півъ-години ходи; да туди жъ усе іхати лугомъ да левадами, що й не счуєсся, якъ вода заблищить и зашумить підъ горою.

А панотець: »О, я вже знаю, що аби чого забажала, то вміешъ випросить. Покличъ же мині старого Гриву!«

Поскочила Орися до дверей, не довго шукала Гриви, заразъ привела ёго передъ панотця.

А той Грива бувъ старий, дідизний чоловікъ. Знавъ вінъ пана сотника ще змалечку; випестивъ ёго на рукахъ; вивчивъ и на коні іздить. Потімъ виходивъ зъ сотникомъ у походахъ ледьви не всю Польщу, бувъ зъ нимъ и въ Криму, бувъ и на Чорному морі; да вже на старість не схотівъ би й панства, аби тілько при ёму дожити віку. Старий уже бувъ дуже дідуганъ той Грива; брови на очи ёму понасовувались, и борода сива, до пояса.

Увійшовъ у світлицю, вклонився пану сотнику, да й каже: »Добридень, добродію!«

А сотникъ ёму: »Здоровъ, добродію!« Бо вони одинъ одного звикли добродіями величати.

»Запряжи«, каже, »добродію, пару коней, візьми хочь той візъ, що було сухарі въ поході возимъ, да повези нашихъ прачокъ до Трубайла.«

А той ёму: »Добре, добродію, запряжемо. Чому не запрягти?«

И ото заразъ иде, бере двохъ хлопцівъ, викочує зъ-підъ повітки візъ, довгий и широкій, добре ёму знакомий, що не разъ

у лихій годи́ні, засівши за его, одбива́вєсь одъ Ляхівъ, або́ одъ Татарви́, не разъ прийнявъ черезъ его й ну́жди не ма́ло, ча́сомъ якъ тра́питця було́ утіка́ть изъ нимъ по корча̀хъ, по болота̀хъ, по ба́гнахъ, щобъ ви́хопитьця мановце́мъ изъ зало́ги. Вико́чує стари́й Гри́ва той візъ тепе́ръ на и̂ншую потре́бу; запряга́є па́ру ко́ней, що вже літа́ погаси́ли давно̀ въ нихъ той огонь, що кипи́ть у сѐрці, на́ше зъ очѐй и зъ ніздеръ, и ки́дає коня́ сюдѝ й тудѝ, на страхъ жінка́мъ и дітямъ, а до̀брому козако̀ві на втіху. Сми́рнії тепе́ръ ті́ї два бі́лиі ко́ники ходи́ли підъ руко́ю си́вого Гри́ви, що вже давно̀ одви́къ одъ коза́цького ге́рця.

Отъ же дівча́та Ори́сини несу́ть сорочки́, ши́ттиі рушники́, на-сті̀льники и всяке добро̀; накла́ли по̀вень візъ, и самѝ посіда́ли: усі въ стё̀жка̀хъ да въ квітка̀хъ, — Ори́ся поміжъ ни́ми, — и якъ ма́къ у горо́ді всі квітки́ закрашає, такъ вона̀ сиділа поміжъ своіми дівча́тами. Си́вий Гри́ва сівъ спѐреду; хлопъя́та ки́нулись одчи-ня́ть воро̀та. Ви́глянувъ у вікно́ панъ со̀тникъ:

»Не бари́ся жъ тамъ, Ори́сю!«

А вона́: »Ні, на́по̀ченьку!«

Ля́снувъ пого́ничъ пу́гою; ко́ні заржа̀ли, почу́вши лугову́ на-шу; потю́пали и зни́кли зъ очѐй и зъ во̀зомъ, и зъ пого́ничемъ, и зъ дівча́тами.

IV.

Отъ уже́ й лу́гъ передъ ни́ми. И сюди́ зѐлено, и туди́ зѐлено. Було́ бо се са́ме на весні, якъ ще трава́, свіжа да молода́, тілько що вкри́є зѐмлю. Скілько въ-горі си́нёго нѐба, стілько въ-низу́ зе-лѐного лу́гу. И такъ якъ ясна́ зоря̀ въ-ночі поко́титця, па́ла́ючи по нѐбу, такъ та́я Ори̂ся проїжжа́ла широ́кимъ лу́гомъ зъ своіми дівча̂тами.

Ажъ ось — шуми́ть, реве́ Трубайло за лева́дами. Якъ роз-сту́питця дѐрево, а со́нце якъ заблищи́ть са́ме въ тімъ мі́сці, де

вода́ ріне черезъ камінння, то ти бъ сказа́въ, що то не вода́, а самé чісте скло̀, самиі дорогиі криштàль ріне зъ горі и бъєтця на дрібниі склянки́ объ камінння.

Надъ річкою Трубайломъ стоіть висо́ка кру́ча. Вся обросла́ кучерявимъ вя̀зомъ, а корінння повисло надъ само́ю річкою. Дикиі хміль чіпля́єтся за те корінння и колишетця кудла́тими жму́тками. А въ-низу́ вода́ ріне, да ріне! Оце́ жъ та́я й Ту́рова Кру́ча.

Дивлятця на неі дівча̀та, да й питаютця въ старо́го Гриви, чого̀ вона́ прозва́лась Ту́ровою?

»На́ що вамъ зна̀ть?« ка́же Грива.

»Ажéжъ ти на́ щось зна̀ешъ? Такъ и на̀мъ скажи!«

»Ой, моі голубъята! Сказа̀въ би вамъ, да тілько більшъ не поідете сюди на річку.«

»Що̀ жъ тамъ таке́? Скажѝ бо таки́ намъ, діду́сю!«

Якъ узяли́ просить, не вѝдержавъ старий, сівъ на ка́мені надъ річкою, да й поча̀въ глаго́лати:

»Колись-то давно́, ище́ до Тата́рського лихоліття, пра́вивъ Переяславомъ якийсь князь. Да й бувъ собі той князь стріле́ць такий, що аби зу́здрівъ на о̀ко, то вже й єго́; и коха́вся вінъ у полёва̀нні. Ото́ жъ разъ поіхавъ той князь на полёва̀ние, да й одбився у пу́щі одъ своеі чѐляді. Іде да іде пу̀щею, коли жъ дѝвитця, ажъ на ло́нщині пасе́тця ста́до ту̀рівъ.«

»А що̀ жъ то, діду́сю, за ту́ри?« спита́лася Орися.

»То, моя́ кри́шко, були ди́кі бикѝ зъ золоти́ми рога́ми; тепе́ръ уже́ іхъ нідѐ не зу́здришъ. Ба́чить князь тихъ ту̀рівъ; тілько не дивуетця на іхъ золотиі ро́ги, а дивуетця, що при нихъ стоіть дівчи́на, така́, що усю пу̀щу красо́ю освітила. Поско̀чивъ вінъ до неі; а одъ неі такъ сяе, що й приступи́ть не мо́жна. Забу́въ князь и про свою чѐлядь, и про те, що заблуди́въ у пу́щі: вхопила єго́ за сѐрце та́я чудо́вная краса́.

»Дівчи́но!« рече́, »будь моею жоно̀ю!« А вона́ речѐ: »Тоді я бу́ду тобі жоно̀ю, якъ Труба̀йло наза́дъ ве́рнетця.« А князь іи знову: »Якъ не зго́дисся на мое прохáнне, то я твоі ту̀ри постреляю.« — »Якъ постреля́ешъ моі ту̀ри, то вже більшъ нічого

не стрелятимешъ.« Розсердився князь, взявъ лукъ съ плеча и почавъ стрілять золоторогиі тури. Сунулись тиі тури въ пущу, такъ и вйваляли дерево; а князь за нйми знай пускае стрілку за стрілкою. Прибігли надъ Трубайло... а Трубайло тоді бувъ не такйй узенькйй якъ теперъ, — прибігли надъ високу кручу и всі шубовсть у воду! да й ні одйнъ не перепливъ, усі каменемъ лягли по дну, ажъ річку загатили. Сплеснула тоді дівчйна руками: »Потопивъ есй моіхъ золоторогихъ турівъ, блукай же теперъ по пущі по всі вічниі роки!«... Отъ же й блукае, кажуть, тоіі князь до сего часу по пущі, и нійкъ не знайде свого Переяслава. А Переяславъ бувъ уже и въ Татарськихъ рукахъ, бувъ и въ Лядськихъ, — чого вже не було зъ тимъ Переяславомъ? а вінъ не знайде его, та й не знайде. А дівчйнині тури лежать и досі камінями въ воді, и отъ прислухайсь: то не вода реве, а ревуть тури глухо зъ-підъ води. Отъ же, кажуть, буде таке время, що князь прийде на Турову Кручу, повстають тури и пійдуть шукати собі дикихъ пущъ по Вкраіні.

V.

Слухають дівчата, да ажъ сумно імъ стало; слухае Орйся, да вже боітця й глянуть на камiння, що простяглось купою черезъ річку. Вже ій здаетця, що то справді не каміння; и вода шумить якось не такъ, якъ вода...

Засмутйвъ зовсімъ дівчатъ старйй Грйва. Не знають уже, чи прать би то імъ, чи додому вбиратись; соромъ тілько старого Грйви; поглядае бо на нихъ, да тілько всміхаетця. То було люблять прать на самій бистрйні, положйвши кладку съ камня на камінь; а теперъ одійшли дальше одъ кручи, де вода ще не дійшла до каміння и пливе тиха да чиста, хочъ вигляньсь якъ у зеркало. И, справді мовъ у зеркалі, видно въ воді и небо, и кручу съ тими кудлатими корінями, що переплутались изъ хмелемъ, и кучеря-

ві вязи, що повибігали на самий край и попростягали зелені лапи надъ річкою.

Дивитця Орися въ воду, ажъ у воді на кручі щось зачервоніло; хтось ніби виіхавъ изъ пущи на сивому коні и стоіть поміжъ вязами. Боітця глянуть у-гору, щобъ справді не було тамъ когось; боітця глянуть и на каміння: вже іи здаетця, що ось, ось заревуть и супутця зъ річки зачаровані тури. Смикнула за рукавъ одну дівчину и показала въ воду: дивлятця дівчата, ажъ на Туровій Кручі князь на сивому коні. Такъ и обомліли. Бо хто жъ би сказавъ, що то й не князь? Увесь у кармазині, а зъ пояса золото ажъ капае.

Не мало жъ, видно, здивовавсь и козакъ: стоіть на коні нерухомий. Бо хто жъ би й не здивовавсь, опинившись надъ такою кручею? У-низу рине вода черезъ каміние, а надъ водою сидить нерухомо сивий дідъ на камені, а тамъ стоять нерухомі дівчата, зъ прачами, зъ мокрими полотницями въ рукахъ. Чи дівчата, чи, може, русалки повиходили прать сорочки підводному цареві, що живе въ кришталевому будинку підъ водою. Оце жъ, мабуть, и самъ вінъ вийшовъ зъ води погріть старий кості на сонці. Ще разъ погляне козакъ на сивого діда, ще разъ погляне на дівчатъ: позасукували по локоть рукава, попідтикали плахти й мережані заполоччу подоли... Золото не сяе такъ на дорогихъ перстняхъ, якъ сяють у воді й надъ водою іхъ білиі ноги. Задививсь козакъ, и собі стоіть нерухомо; коли жъ гукне на ёго старий Грива: »Гей, гей! козаче! Чого се тебе занесло на кручу? Хиба хочешъ пополоскать свої кармазини въ Трубайлі?«

И скоро промовивъ, — заразъ наче розбивъ які чарі. Засоромились дівчата и давай бовтать полотницями.

А козакъ одвітуе дідові: »Да и за те слава Богу, що хоть на кручу вибрався. Скажи, будь ласкавъ, дідусю, якъ мині виіхать икъ Вийтовцямъ?«

»А чого тобі треба въ Вийтовцяхъ?«

»Черезъ Вийтовці«, каже, »лежить моя дорога «

»А куди жъ лежить твоя дорога?«

»Моя́ доро́га — до чиє́гось поро̀га, моя́ сте́жечка — до чиє́гось се́рдечка.«

»Эге«, ка́же старий Гри́ва: — »нехай же тобі Госпо̀дь у до́брому ділі помагає! Отъ же куди тобі вийхать. Бери́сь у-ни́зъ, понадъ бѐрегомъ; то тамъ тро́хи ни́зче бу́де тобі дорі́жка; тиє́ю доріжкою вийдешъ ти на рі́чку. Есть черезъ рі́чку й кладочки̂; во̀зомъ не проідешъ, а конѐмъ до́брий коза́къ перехо̀питця.

Подя̀кувавъ коза́къ за пора́ду, поверну́въ коня̀ и схова̀весь по-за дѐревомъ.

Якъ схова̀вєсь, тоді-то вже розгуля́лись на́ші дівча́та: росписа́ли козака́ якъ на папѐрі: які й о́чи, які й бро́ви, якъ и говорить, якъ и всміха́єтця. Та ка́же: »Се твій су́жений!« а та: »Се твій.« А одна́ додала́: »Не змага́йтесь ду́рно, дівча́та: чи рівня жъ такий вамъ пишний князь! Се на́шій па́нночці су́жений!

Почервоніла Ори́ся. »Збожево̀ліла«, ка́же, »ти, Пара́ско! Хиба́ не чу́ла, що̀ він сказа́въ ді́дові?«

И жаль ій було́, сама́ не знає чо̀мъ, що вінъ іде сва̀татьця. Мя́кше одъ во̀ску діво́че се́рце. Та́не воно́ одъ коза́цькихъ очéй, якъ одъ со́нця....

»Що жъ«, ка́же Пара́ска, »що іде сва́татьця! Су́женоі й конѐмъ не объідешъ!«

VI.

Попра́ли дівча́та сорочки̂, зложи́ли на візъ, зеле́ною паху́чою траво́ю прикри́ли, посіда́ли й поіхали додо́му, свіжі да весе́лі; щебе́чуть якъ ла́стівки. Ище́ дале́ко не доіхавъ візъ до со́тницького двора́, а въ дворі вже чутно̀ було́, що вертаютця.

»Ори́сю, на́ша па́нночко!« кри́кнули дівча́та, ско́ро росчини́лись воро̀та. »Чий же то си́вий кінь у дворі стоїть? Се жъ того́ козака̀, що ми ба́чили, се жъ твого́ князя, се жъ твого́ су́женого!«

Гляне Орися, а въ сéрці наче жаромъ запекло. Чи вона злякалась, чи вона зраділа, сама того не знала.

Виглянувъ у вікно изъ світлиці молодий козакъ: іде въ двіръ візъ старими кіньми, изъ старимъ сивимъ погоничемъ; зелена трава волочетця по бокахъ и бъєтця по колесахъ; а изъ-за сивоі бороди старого Гриви, изъ-за білоі зими, червоне літо — повенъ візъ дівчатъ у квіткахъ да въ намисті, — Орися якъ сонце поміжъ ними! Виглянувъ, да ажъ руками сплеснувъ: »Се жъ вона, се жъ вона!« И отó вже тоді почавъ на прямоту викладувать свою мову пану сотникові, и хтò вінъ такий, и чого приіхавъ. Хто жъ вінъ такий, то се вже панъ сотникъ знавъ давно: Миргородський осауленко, отаманъ у своий сотні, хорошого й багатого роду дитина. А чого приіхавъ? приіхавъ подивитьця, що тамъ за Орися така, що тамъ за дочка въ сотника Таволги на всю Гетьманщину; а побачивши та й себе показавши, довідатьця, чи вже надбала шитихъ рушниківъ у скриню… Про що журивсь, чого бажавъ панъ сотникъ, те ёму якъ изъ неба впало. Не довго думавши, позвавъ Орисю. Ввийшла въ світлицю, червона, якъ калина.

»Отъ, Орисю, тобі женихъ! Чи любъ вінъ тобі, чи може підождешъ кращого?«

Хоть-би тобі слово промовила, хоть-би тобі очима зглянула. Стоіть, сердешненька, и головку схилила.

Бачить панотець, що не дождетця одъ неі одвіту, — бо де жъ такий, щобъ дівчина сказала, що въ ií на мислі. Очиці хиба скажуть, а сама ні. Пораховавъ се панотець, да й каже: »Де вже такий козакъ да любъ не буде! Обнимітця жъ да поцілуйтесь, да й Боже васъ благослови!«

Обнявъ козакъ Орисю, поцілувавъ у тиі губоньки, що наче зъ самого меду зліплені, и вклонились обое низько, до самого долу, панотцеві.

Чи багато жъ наіхало дружини на весілля, чи бучно одбули гостей, чи довго гуляли, се вже не наше діло росказувати.

Бачивъ я Орисю саме передъ весіллємъ; хороша була, якъ квіточка. Бачивъ я знову ií черезъ рікъ у Миргороді, — не ста-

ла кра̀ща за̀мужемъ, и дити́на въ не́і, якъ Бо́жа зірочка. Вже я не ра̀зъ ду̂мавъ собі, на не́і ди̇влячись: »Се Бо́жа сла̀ва, а не молоди́ця! Що̀, якъ-би́ хто доте́пниі змалёва̀въ іі такъ, якъ вона́ есть, изъ мале́нькою дити́нкою на рука́хъ! Щобъ то за карти́на була́!«

П. Кулішъ.

Пи́сано 1844, сентября́ 7,
у Ходорко́ві, въ Свідзі́нського,
прочита́вши ше́сту пі́сню Одиссе́і.

VI.

МАЛОРОССІЙСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

положенныя на ноты для пѣнія и фортепьяно

Андреемъ Маркевичемъ.

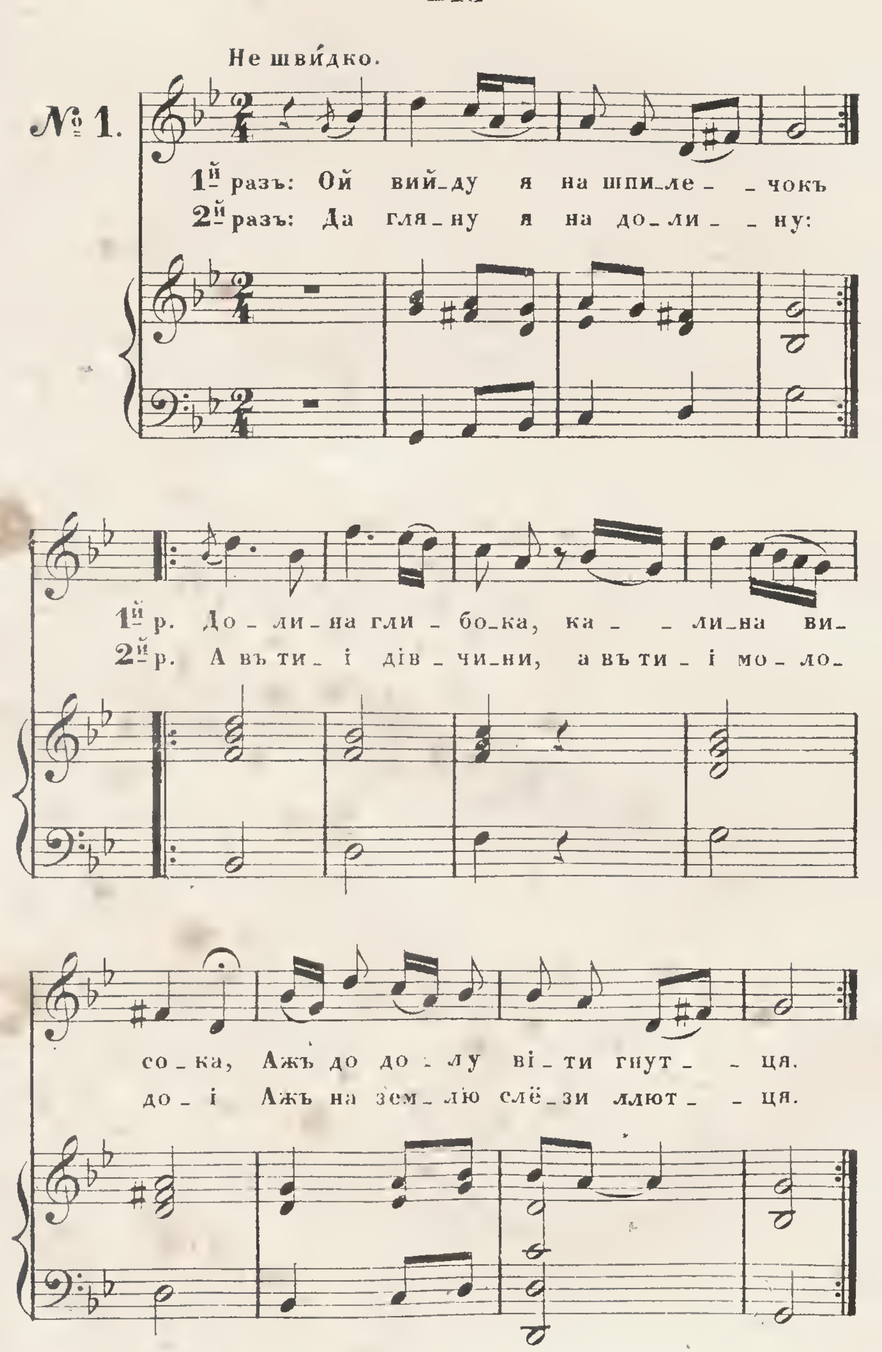
Тетрадь первая.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Издавая нѣсколько голосовъ Малороссійскихъ народныхъ пѣсень, я старался выразить ихъ возможно точнѣе, безъ всякихъ прикрасъ и измѣненій. Акомпаниментъ прибранъ мною соотвѣтственно тому, какъ я понималъ своеобразный характеръ Украинской мелодіи, а не на основаніи общихъ правилъ ученой музыки. Изъ этихъ немногихъ голосовъ увидитъ каждый, что Малороссійская пѣсня представляетъ нѣчто самостоятельное въ области музыки, что она часто противорѣчитъ общепринятымъ законамъ гармоніи, но, нарушая ихъ, даетъ намъ какіе-то новые законы, которые будутъ опредѣлены искусствомъ, когда приведется въ извѣстность богатый запасъ народныхъ мотивовъ.

При исполненіи Малороссійскихъ пѣсень, должно помнить, что въ пѣсняхъ, оканчивающихся двумя одинакими нотами (какъ, напримѣръ, въ пѣснѣ: *И се село́, и то село́*), послѣдняя нота выговаривается почти шопотомъ и коротко, а предпослѣдняя тянется долѣе. То же самое встрѣчается иногда и въ срединѣ пѣсни (напримѣръ, въ пѣснѣ: *А въ ли́пині та въ оси́чині*).

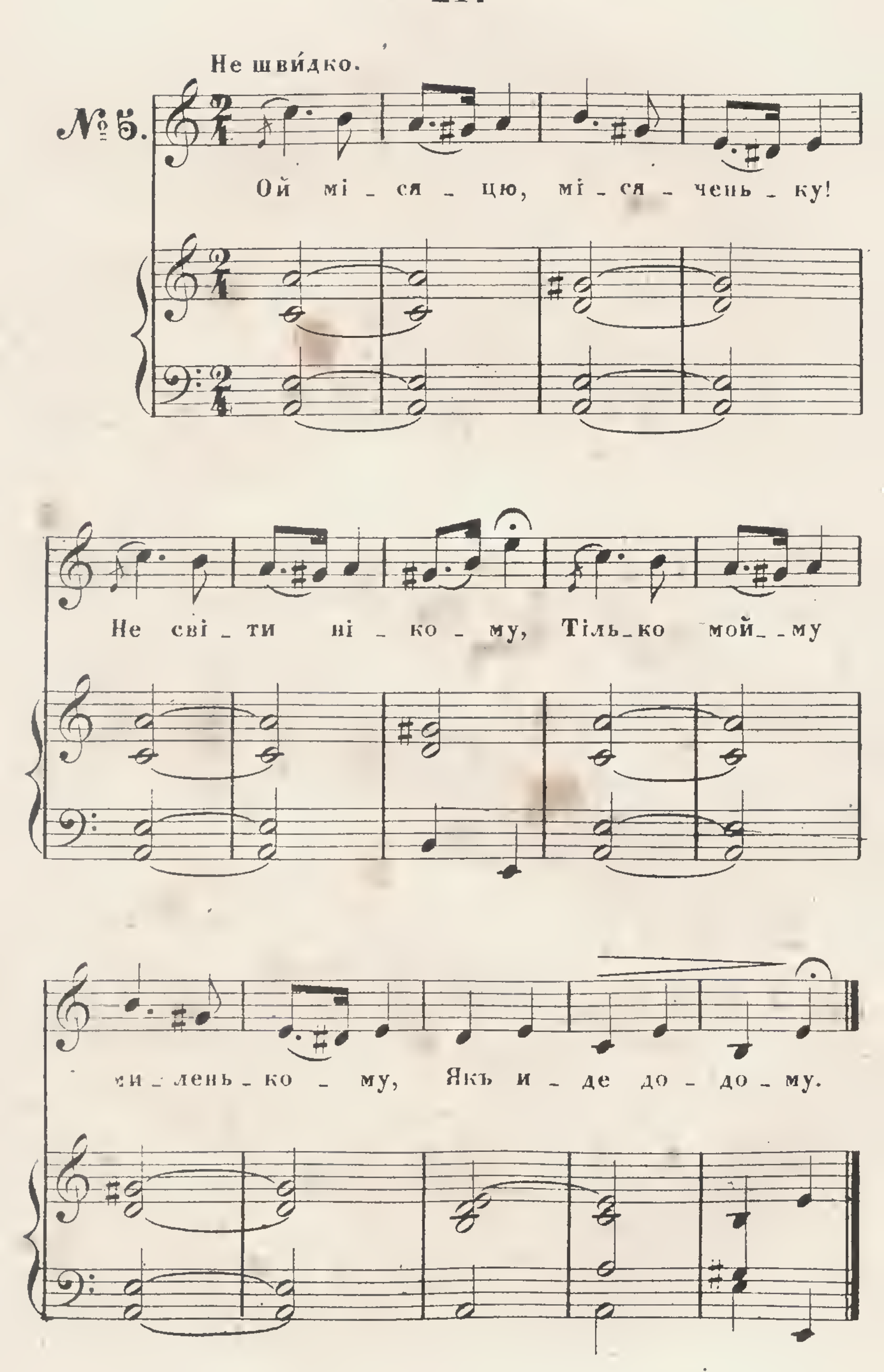
Андрей Маркевичъ.

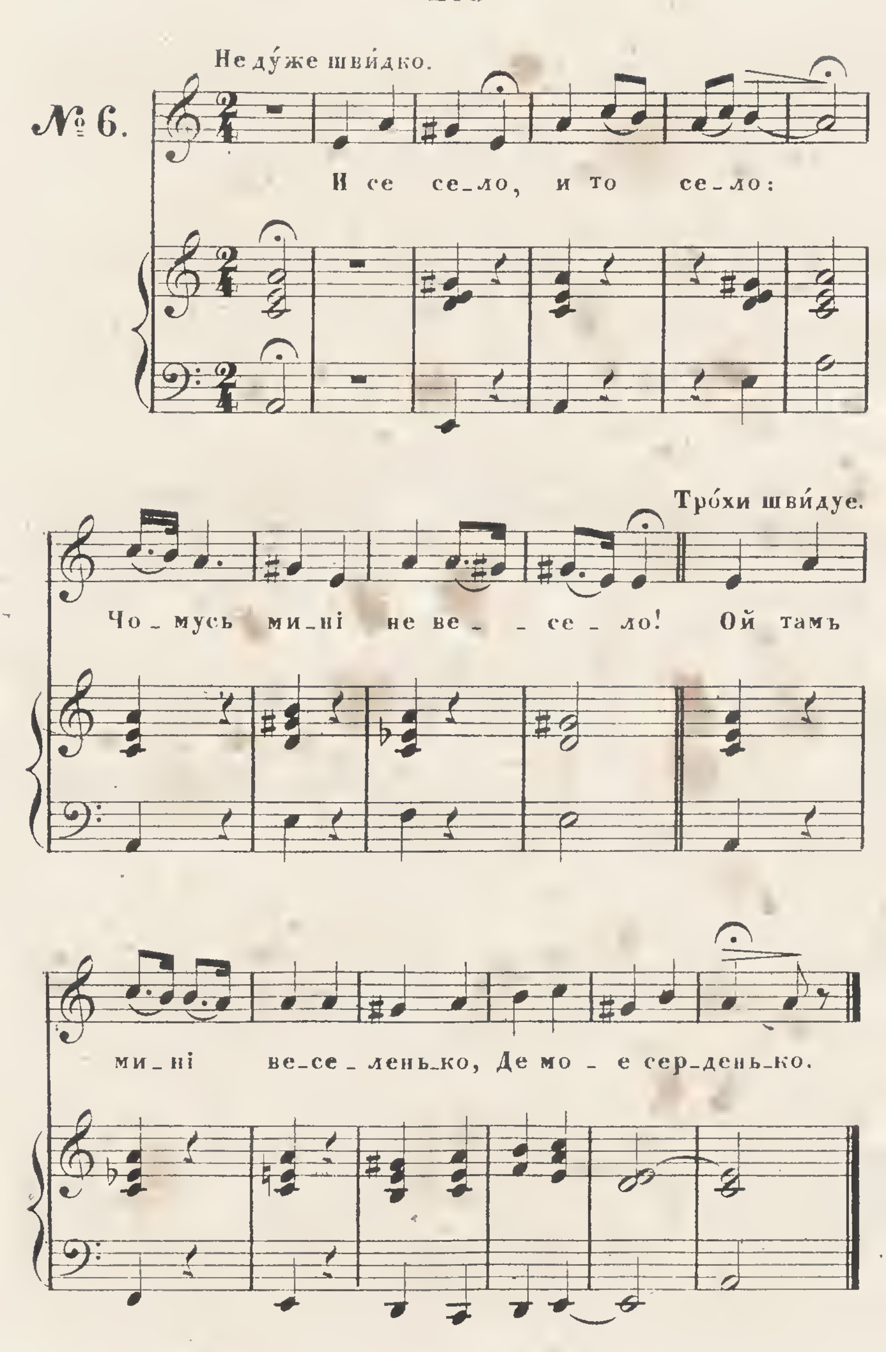

Не швидко.
№ 1.
1й разъ: Ой вий_ду я на шпи_ле_ _чокъ
2й разъ: Да гля_ну я на до_ли_ _ну:
1й р. До_ли_на гли_бо_ка, ка_ _ли_на ви_
2й р. А въ ти_ і дів_чи_ни, а въ ти_ і мо_ло_
со_ка, Ажъ до до_лу ві_ти гнут_ _ця.
до_ і Ажъ на зем_лю слё_зи ллют_ _ця.

Не швидко.
№ 2.
Ой по_ма_гай Бі_гъ, Да ти, не_су_
-же_ний дру - же! Да здо_ро_ва, сер -
день - ко! То - жъ лю_би - ли_ся ду - же!

Не швидко.
№ 3.
Чи се жъ та_я да ді_вчи_
нонь_ка жи_ _ ве, Що хо_ _ _ ро_ші
да ши_ри_ _ _ ноч_ки ші_ _ е?

Не швидко.
№ 4.
Ой пій_ду я, пі_ й_ду не бе_
ре_го_мъ, лу_ гомъ, Чи не зо стрі_
ну_ _ ся зъ не_су_ же_ _ ни_мъ другомъ.


Не швидко.
№ 5.
Ой мі – ся – цю, мі – ся – чень – ку!
Не сві – ти ні – ко – му, Тіль – ко мой – му
ми – лень – ко – му, Якъ и – де до – до – му.

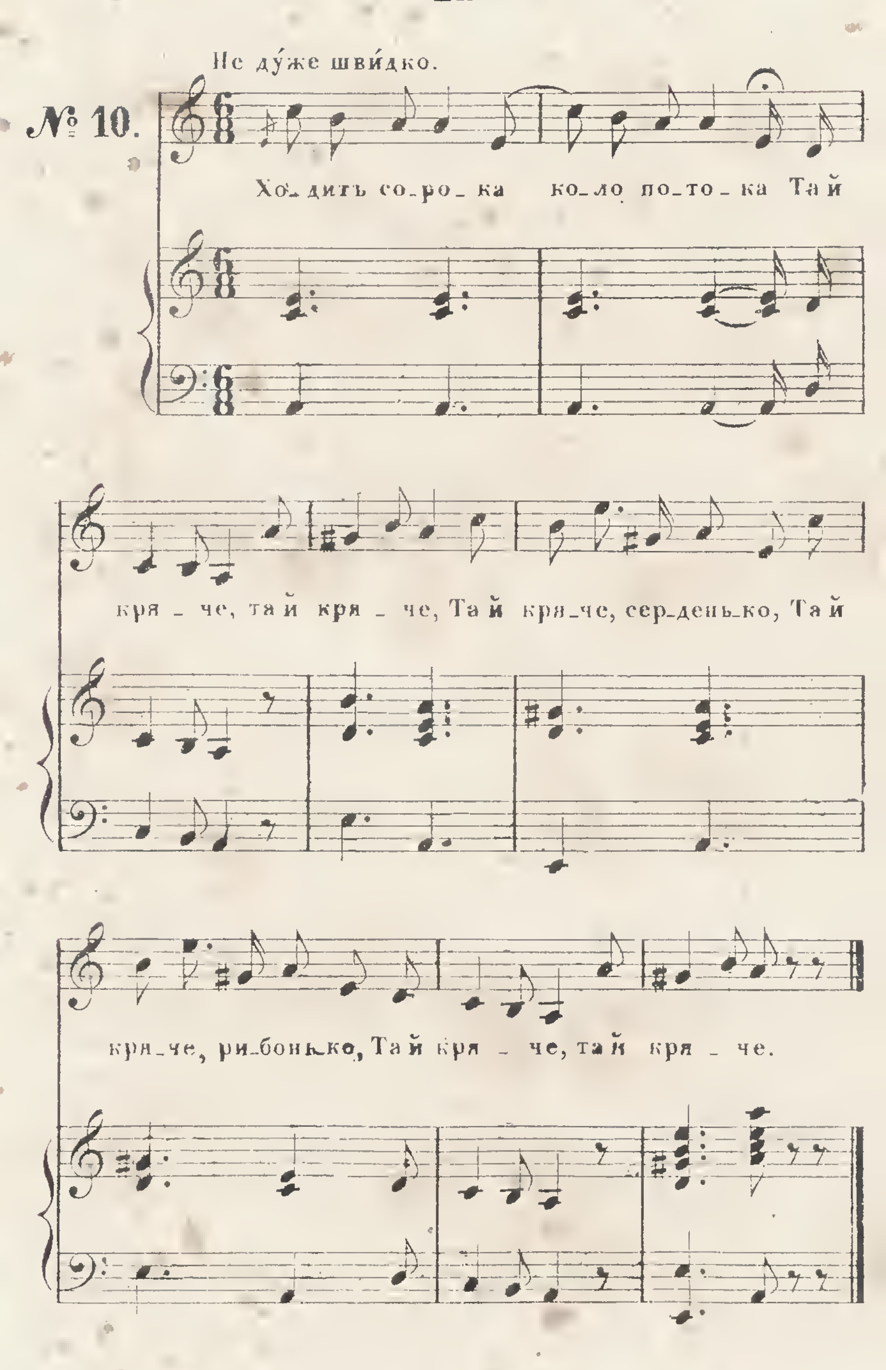

Не ду́же шви́дко.
№ 6.
И се се_ло, и то се_ло:
Тро́хи шви́дче.
Чо_мусь ми_ні не ве_ _се_ло! Ой тамъ
ми_ні ве_се_лень_ко, Де мо_е сер_день_ко.

Швидко.
№ 7.
А вже ве_сна, а вже
кра_сна,
Изъ стріхъ во_да кап - ле,
А изъ стріхъ во - да кап - - ле.

Щедрівка. Не ду́же шви́дко.
№ 8.
Ой сівъ Хри_стосъ та ве_че _ _ ря_ти,
Щед _ рий ве _ чіръ, Доб _ рий ве _ чіръ!
Тихе́нько.
№ 9.
Чи я въ лу _ зі _ не ка_ли _ на бу_ла?

Голоснійше.

Чи я въ лу_зі не чер_во_ _ на бу_ла?
Взя_ли ме_не, по_ла_ма_ли И въ пу_креч_ки
по_вя_за_ли: Та_ка до_ _ля мо_я!


Не ду́же шви́дко.
№ 10.
Хо_дить со_ро_ка ко_ло по_то_ка Тай
кря _ че, тай кря _ че, Тай кря_че, сер_день_ко, Тай
кря_че, ри_бонь_ко, Тай кря _ че, тай кря _ че.

Не ду́же шви́дко.
№ 11.
Ой Мо_ро_зе та Мо_ро_зен_ко, Ой ти славний ко_
за _ _ че! О _ ой за то _ бо _ _ _ ю, та Мо_
ро _ _ зен_ко, У_ся У_кра _ ї _ на пла _ че.

Швиденько.
№ 12.
Ле _ да_ча не_віст_ка, ле_да_ _ ча,
Тай до ро_бо_ _ти не вда _ ча.
Не швидко.
№ 13.
Ой и_зій_ди, зій _ _ ди, Ти, зі_ронько

та ве_чір _ ня _ я! О_й ви_йди, ви_ _ йди,
Дів_чи_нонько мо_я вір_ _ на_я! О_й ви_йди,
ви_ _ йди, Ді_вчи_нонько мо_я вір_ _ на_я!

Не швидко.
№ 14.
Въ чи_стімъ по_лі кри_ни_че_ _нь_ка
На чо_ти_ ри зво_ _ ди; Лю_бивъ козакъ дівчи_
но _ нь_ку Не чо _ ти_ри го _ _ ди.

Швиденько.
№ 15.
Скажи, скажи, сер_це, прав_ _ ду, Не_хай
же я бу_ду зна _ ти, Чи зъ ве_ли_ко_ю
ми_ні ра_ _до_стю А до те_бе при_бу_ва_ти!

Не швидко.
№ 16.
А вь ли_пи _ ні та вь о_сй _ чи_
ні, а вь ли _ пи _ ні та вь о _ си _ _ чи_
ні, Тамъ ста _ ро_ста да тра _ ву кó_сить.

Не ду́же шви́дко.
№ 17.
1й р. Да вже третій ве_чірь, якъ я ді_ _ в_чи_ну
2й р. Хо_жу ко_ло ха_ти, і _ і не ви_
ба_чивъ. 1й р. Ви_ _ йди. ви_йди, дів_чи _ но!
да_ти 2й р. Ви_ _ йди, ви_йди, сер_де _ ня!
По_радь мо _ е се _ р_це, риб_чи _ но!
Дів _ чи_ нонь_ко ми _ _ ла ти мо _ я!

Швиденько.
№ 18.
Ой ко_ку_би_ _ла гор_ли_ця ді_
тей, Объ до_рі жень_ку бьет_ _ця:
Зна_ти ко_за_ка, пре_вра_жо_го си_ла,

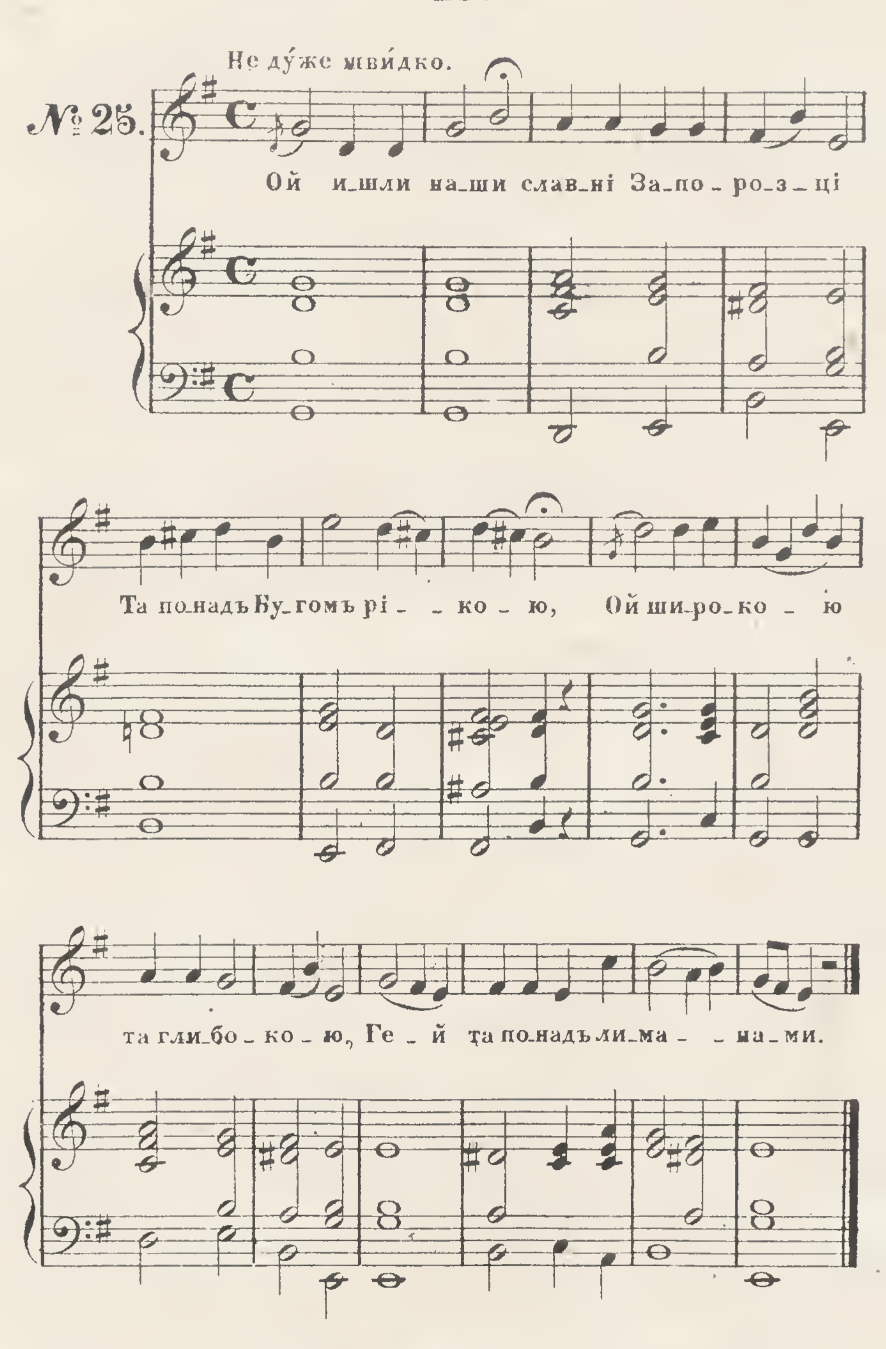
Що зъдів - чи - ни смі - - - ет - ця.
Не швидко.
№ 19.
Да не бу-де луч - че, Да не бу - де
кра - ще, Якъ у насъ да на У-кра-і - ні!

Не швидко.
№ 20.
Ой ви_йду я за во_ро_та, Не бе_ро ме_
не о_хо_ _та: Десь у мо_ _го ми_лень_
ко_ _го Да не_гай_на ро_бо_ _ та.

Не швидко.
№ 21.
Не ди_вуй_те_ _ся, доб_ри_і лю_де,
Усі акорди треба брать якъ на бандурі або на гитарі.
Що на Вкра_і_ні повста_ло: Ой за Да_ше_вомъ
підъ Со_ро_ко_ _ю Множе_ство Ля_хівъ про_па_ло.

Не швидко.
№ 22.
По са_доч_ку по _ хо _ жа _ ю, Са_ма
се_бе роз_ва_жа _ ю: Ко_го люб_лю тай не _ ма _ е!
Не швидко.
№ 23.
Ой не гараздъ,Запорозці, Не гараздъ вчи_ни _ ли,

Степь широкий, край ве_се_лий Тай за_на_ _ па_сти_ли
Не шви́дко.
№ 24.
Да ту_манъ по_лемъ, да ту_ма_нъ по_ _лемъ,
Да ту_мавъ ту _ ма_нит _ ця, Да ту _ манъ ту_ ма _ нит_ця.


Не ду́же мвидко.
№ 25.
Ой и_шли на_ши слав_ні За_по_ро_з_ці
Та по_надъ Бу_гомъ рі_ _ко_ю, Ой ши_ро_ко_ ю
та гли_бо_ко_ю, Ге_й та по_надъ ли_ма_ _ на_ми.

1.

Ой вийду я на шпилёчокъ,
Да гляну я на долину:
Долина глибока, калина висока,
Ажъ додолу віття гнутця.
А въ тиі дівчини, а въ тиі молодоі
Ажъ на землю слёзи ллютця.

Підъ тіею калиною
Стоіть козакъ зъ дівчиною;
Дівчинонька плаче, сильненько ридае,
Свою долю проклинае:

»Колибъ же я да все знала
И съ тобою не стояла...
Гуляла бъ у батька, гуляла бъ до віку
Дівчиною молодою!«

Ой зійду я на шпилёчокъ,
Да гляну я на світочокъ:
Ой світе мій ясний, світе мій прекрасний!
Якій мій таланъ нещасний!

Охъ и жа̀лю ти мій, жа̀лю,
Охъ и жа̀лю не по-ма̀лу!
Упусти́ла до̀лю, упусти́ла щастє
Да ужé ї не пііймаю.

2.

Ой помагай Бігъ,
Да ти, несу́жений дру́же! —
»Да здо̀рова, сéрденько!
То жъ любилися дуже!«

Люби́лися, коха́лися,
А мату́ся и не зна̀ла,
А тепéра розійшли́ся,
Якъ чорнéнькая хма̀ра.

Я жъ тебé любила,
Въ вишнéвий са̀дъ води́ла,
Ягідо̀ньки ирва́ла,
Я жъ тебé годува̀ла.

Я жъ тебé любила,
Білу постілоньку сла́ла,
Одну́ ру́чку въ голо̀воньку,
А другóю обіймала.

Лу̀чче було́ коло́дяземъ,
Аніжъ тепéръ криницею:
Лу̀чче було́ дівчи́ною,
Аніжъ тепéръ молоди́цею.

Пийте, лю́де, горілочку,
А я бу́ду пити во̀ду:

Тяжко жити на чужині
А безъ мого́ ро́ду!

3.

Чи се та́я да дівчи́нонька живе́,
Що хоро́ші да шири́ночки шие?

Шие да шие, да все шовкомъ вишива́е,
Для козака̀, що вірне́нько коха́е.

Пішла́ вона́ да до бро̀ду по во́ду,
Заба́чила да козака̀ на вро́ду:

»Бли́жче да бли́жче ти, коза́че, до мѐне,
Візьми́ мене́ да й у чо̀венъ до се́бе.«

Тілько дівчи́на да й у чо̀венъ уступи́ла,
Де́ся взяла́ся да изъ мо́ря чо́рна фѝля

Ве́рне да ве́рне вся́ку рѝбу изо́ дна,
Вѝвернула да дівчѝноньку съ чо́вна.

»Рятуй, рятуй ти, коза́ченьку, ме́не,
Бу́де вели́ка тобі пла̀та одъ ме́не.«—

»Ой не хо̀чу я одъ те́бе пла́ти бра́ти,
Ми́слю я й хо́чу за се́бе тебе́ взя̀ти.«

4.

Ой піду́ я, піду́ не бе́регомъ, лу̀гомъ,
Чи не зострі́нуся зъ несу́женимъ дру̀гомъ.

Здоро́въ, здоро́въ, лу́же, несу́женнії дру́же!
»Здоро̀ва, дівчи́но! любѝлися ду́же!«

Ой любилися жъ ми чотири годочки,
А не бачилися чотири неділі,

А не бачилися чотири неділі;
Якъ побачилися, разомъ заболіли.

Лежить козаченько въ зеленій диброві,
Молода дівчина въ матусі въ коморі.

Ой по дівчиноньці дзвони задзвонили,
А по козакові вовченьки завили.

Ой по дівчиноньці отець-мати плаче,
А по козакові чорний воронъ кряче

Ой викопай, мати, глибокую яму,
Та поховай, мати, сю славную пару.

Та ій положи, мати, поручъ головами,
Щобъ була розмова тихая міжъ нами!

5.

Ой місяцю, місяченьку!
Не світи нікому,
Тілько моиму миленькому,
Якъ иде додому.

Світи ему въ день и въ ночі
И розганяй мари,
А якъ прийде мій миленький,
То зайди за хмари.

Ой місяцю, місяченьку!
Зайди за комору, —

Нехáй же я зъ своімъ мúлимъ
Трóшки поговòрю.

Ой місяцю, місяченьку
И ти, зòре ясна!
Ой світіть тамъ по подвірью,
Де дівчúна красна!

Співáють и тáкъ:

Стáла слàва, стáла слàва,
Стáли й поговòри
Да на тýю дівчѝноньку,
Що чòрніі бpòви.

Ой зацвілà мàківочка,
Почалà бринíти, —
Идé козáкъ одъ дівчѝни,
Починáє дніти.

Два лебеді да на воді
И днюе й ночýе,
Ой бýдемо, сéрце, въ пàрі —
Душá моя чýе.

Вúйди, вúйди, дівчúнонько,
Підъ вербý густýю,
Нехáй же я надивлюся,
На плàхту дрібнýю!

Ой плáхотка-дрібнѝченька,
По трóсточці чѐрвцю, —
Бідà жъ мині молодóму —
Прийшлá тýга къ сéрцю!

Нехáй тáя тýга-печáль
Пливé за водòю;
Вúйди, вúйди, поговòримъ,
У-двóхъ изъ тобóю!

6.

Веснянка.

И сѐ селó, и тò селó:
Чомýсь мині не вѐсело!
Ой тàмъ мині веселéнько,
Де моé серденько.

Я жъ дýмала — чужúй идé,
Та вже мàла заховàтьця,

Ажъ то мое́ серденя́тко
Иде́ ціловатьця.

Я жъ ду́мала — чужий иде́,
Та вже ма́ла утікати,
Ажъ то мое́ серденя́тко
Мене́ ціловати.

7.

А вже весна, а вже красна,
Изъ стріхъ вода ка́пле, 3

Молодо́му коза́ченьку
Мандрівочка па́хне. 3

Помандровавъ коза́ченько
Зъ Лубе́нь до Прилу́ки, 3

Ой плакала дівчи́понька,
Здийма́ючи ру́ки. 3

8.

Щедрівка.

Ой сівъ Христо́съ та вечеряти,
Ще́дрий ве́чіръ!
До́брий ве́чіръ!

Прийшла́ до Його та Бо́жая Мати:
Ще́дрий ве́чіръ!
До́брий ве́чіръ!

»Оддáй, Сúну, ра̀йськиі ключú —
Щéдрий вèчіръ!
Дóбрий вéчіръ!

»Одимкнýти ра̀й и пѐкло,
Щéдрий вèчіръ!
Дóбрий вéчіръ!

»Вúпустити грішниі дýши;
Щéдрий вèчіръ!
Дóбрий вéчіръ!

»Тілько не вúпустить однієі душú:
Щéдрий вéчіръ!
Дóбрий вéчіръ!

»Що отця̀ іі мàтіръ та налáяла, —
Щéдрий вéчіръ!
Дóбрий вечіръ!

»Не налáяла, а подўмала.«
Щéдрий вéчіръ!
Дóбрий вèчіръ!

9.

Чи я въ лўзі не калúна булá?
Чи я въ лўзі не червòна булá?
Взялú менé, поламàли
И въ пучèчки повязàли:
Такá дòля моя́!

Чи я въ бáтька не дитúна булá?
Чи я въ бáтька не кохàна булá?

Взялй мене́, повінча̀ли
Й світъ мині завяза̀ли:
Така́ до̀ля моя́!

Чи не було́ річеньки утопйтись мині?
Чи не було́ кра́щого полюбйтись мині?
Булй річкй — позсиха̀ли;
Булй кра́щі — повмира̀ли:
Така́ до̀ля моя́!

10.

Хо́дить соро́ка коло пото́ка
Та й кря́че, та й кря́че, —
Та й кря́че, се́рденько,
Та й кря́че, ри́бонько,
Та й кря́че.

Хо́дить Андрійко коло віко̀нця
Та й пла́че, та й пла́че, —
Та й пла́че, се́рденько,
Та й пла́че, ри́бонько,
Та́ й пла́че.

»Ви́йди, Мару́сю, ви́йди, серде́нько,
Та й ви́йди, та й ви́йди, —
Та й ви́йди, се́рденько,
Та й ви́йди, ри́бонько,
Та й ви́йди!« —

»Свічечка горйть, ба́тенько не спить,
Не ви́йду, не ви́йду, —
Не ви́йду, се́рденько,
Не ви́йду, ри́бонько,
Не ви́йду.

»Свічечка згасне, батенько засне.
То й вийду, то й вийду, —
То й вийду, серденько.
То й вийду, рибонько.
То й вийду.«

11.

Ой Морозе да Морозенку,
Ой ти, славний козаче!
Ой за тобою, да Морозенку,
Усія Україна плаче.

Не такъ тая та й Україна.
А якъ тее горде військо...
Ой заплакала да Морозиха,
Идучі враицi на місто.

»Не плачъ, не плачъ, да Морозихо,
Объ сиру землю не бийся;
Ой ходімъ зъ нами, зъ нами, козаками,
Да меду-вина напийся!« —

»Чомусь мині, да миле братте,
Да и медъ-вино не пъетця:
Охъ и десь же мій синъ Морозенко
Да изъ Турчиномъ бъетця!«

12.

Ледача невістка, ледача
Та й до роботи не вдача!

Якъ пріхавъ миленький съ поля,
Стоіть миленька въ порога.

»Ой щò жъ ти, милéнька, такáя,
Якъ водѝченка мутнáя?« —

»Підождѝ, милéнький, роскажỳ:
Я твоїй матỳсі не вгожý:

»Помúю ніженьки у лỳзі —
Вонá помáже въ калỳжі;

»Помúю ніженьки у мѝлі —
Вонá помáже у глѝні.

»Помáжу чобіткѝ — не вбỳе:
Вонá до мéне гордỳе.

»Постелю́ постільку — не ляже,
Ще моймý сéрденьку докáже:

»Ледàча невістка, ледàча,
»Та й до робòти не вдáча,

»Не вміе ділечка робúти,
»Мині старéнькій годѝти!«

13.

Ой изійдú, зійдú,
Ти, зіронько та вечірняя!
Ой вúйди, вúйди,
Дівчѝнонько моя́ вірная!

Рàда бъ зірка зійтú, —
Чòрна хмàра та й наступáе:
Рàда бъ дівка вúйти,
Такъ матỳся ой не пускáе.

Ой зірочка зійшла —
Усé поле та й освітúла:
А дівчúна вийшла —
Козаченька та й звеселúла

»Ой ти, козáче,
Ти, хрещáтий та барвіночку!
Хто жъ тобі постéле
У дорóзі постілоньку?« —

»Ой стéлетця мині
Широкий листъ да бурковина,
А підъ гóлови
Голубáя та жупанина.«

Ой що черезъ мéжу,
Зелéний горошокъ слáвся:
Козáкъ до дівчúни
Черезъ люде та й поклонявся:

»Охъ и поклонітця,
Ой ви, дóбриі люде,
Нехáй моій мúлій
Тамъ легèсенько бýде!«

14.

Въ чúстімъ пóлі кринúченька
На чотúри зводи;
Любúвъ козáкъ дівчúноньку
Не чотири гóди.

Любúлися, кохáлися,
Та й не побрáлися,

Тілько нáши ворòженьки
Та й павтішáлися.

Рỳту сію, рỳту сажý,
Рỳту поливáю:
Ой я тебé, козáченьку,
Що-днà споминáю.

Будь щаслùвий изъ тіéю,
Котóру кохáешъ!
А надъ мéне вірнíйшоі
До віку не знайденъ.

15.

»Скажú, скажú, сéрце, прàвду,
Нехàй же я бýду знáти,
Чи зъ велùкою мині рáдостю
А до тéбе прибувáти?« —

»Прибýдь, прибýдь, мій милéнький,
Ой я тобі рáда бýду:
Я жъ безъ тéбе усю ніченьку
Якъ сùва голỳбка гýду.« —

»Ой десь же ти, моя мúла,
Да изъ шòвку извúта,
Що ти менé да додéржала
А до білого свíта.« —

»Ой извúта, мій милéнький, звúта
А изъ білого білùла;
Тùмъ я тебé да додéржала,
Що я вірно полюбùла.

»Ой десь же ти, мій милѐнький,
У барвінку купа̀вся:
Булй лу̀ччі, булй кра̀щиї,
А ти мині сподоба̀вся.

16.

Весільня.

А въ ліщині да въ осйчині,
Тамъ ста́роста да траву̀ ко́сить,
А ко́сючи да коню̀ по́сить:
»Ой іжъ, ко́ню, да сю́ю траву̀,
Да поідемъ у доріженьку,
Въ доріженьку да далѐкую
По Ва́рочку молоде́нькую,
Въ доріженьку да ще й щасную
По Ва́рочку да й прекра̀сную.«

17.

Да вже тре́тій вѐчіръ, якъ я дівчйну ба̀чивъ.
Хожу̀ коло ха̀ти, — й не вида̀ти.
»Вййди, вййди, дівчйно,
Пора́дь мое́ сѐрце, рибчйно!
Вййди, вййди, серденя́,
Дівчйнонько мйла, ти моя́!« —

»Не вййду, коза́че, не вййду, собо́лю,
Не бу́ду стоя́ти сей ве́чіръ съ тобо́ю.
Ой ра̀да бъ я стоя́ти —
Не пуска́е ма̀ти изъ ха̀ти.

»Коло вікна̀ стою, дрі́бні слёзи роню̀,
Дрі́бні слёзи роню̀, сло̀ва не промо́влю.
Промо̀въ, серце, слове́чко,
Якъ ми любйлися двое́чко!

»Якъ ми любилися, якъ ми кохалися,
Сла́ви-поговору понабіра́лися.
Була слава-поговіръ:
Ти жъ не моя, серце, я не твій!

»Да поможи́, Боже, на рушничку стати,
Тогді не розлучить ні батько, ні мати,
Ні чужая чужина,
Коли́ суди́лася дружина!«

18.

Ой погуби́ла горлиця дітей,
Объ доріженьку бъется:
Знати козака, превражого сина,
Що зъ дівчини сміетця!

»Чи ти багатий, чи гордоватий,
Чи ви́соко несесся?
Ой чи ти жъ мене та вірненько любишъ,
Чи ти зъ мене смієсся?« —

»Я не багатий, не гордоватий,
И ви́соко не несуся;
Я жъ тебе люблю и любить буду,
Я съ тебе не сміюся.«

Ой скрипля́ть-рипля́ть нові ворітечка,
Не можу іхъ заперти:
Кого вірно люблю, и любить буду,
Не забуду й до смерти.

Ти, васи́лечку, широкий листочку,
Часъ тебе сорива́ти:

Ти, козаченьку, моє серденько,
Час тебе забувати!

Ой поплив, поплив серденько Дніпром,
Тихою водою;
Шапочки не зняв, рученьки не дав,
Не прощався зо мною.

Ой пливе щука из Кременчука,
Да пливе вона стиха:
Ой хто не знає жениханичка,
Тоїі не знає лиха.

19.

Да не буде лучче,
Да не буде краще,
Якъ у насъ да на Украіні:
Що немає Жида,
Що немає Ляха,
Не буде уніі!

. . . . . .

20.

Ой вийду я за ворота,
Не бере мене охота:
Десь у мого миленького
Да негайна робота.

Ой хоть гайна, негайна,
А таки не гуляє:
Кріи тихого Дунаєчку
Вінъ коня наповає.

Ой кінь иржѐ, воді́ не пъѐ,
Він доріженьку чу́е;
Ой Бігъ знáе, Бігъ відае,
Дѐ мій мі́лий почу́е.

Ой почу́е мій милéнький
Да у степу́ край доро́ги.
Прихилі́вши голівоньку
Икъ зеленому облòзі

21.

Не дивуйтеся, до́брий люде,
Що на Вкраі́ні повеcтáло:
Ой за Дáшевомъ підъ Соро́кою
Мно́жество Ляхівъ пропáло.

Перебийнісъ про́сить немнòго
Сімъ-сотъ козаківъ зъ собо́ю:
Рубáе мечéмъ го̀лови съ плечéй,
А ре́шту то́пить водòю:

»Ой пийте, Ляхи́. водѝ калю́жи,
Водѝ калю́жи болотяни́й:
А що пивáли по тій Вкраі́ні
Медѝ да ві́на ситни́й.«

Зави́сли Ляшки́, зави́сли,
Якъ чо́рна хмáра на Ви́слі...
Ля́дськую слáву загнáвъ підъ лáву,
Самъ брáвий козáкъ гуля̀е.

Пу́те, козаки́, у ско̀ки,
Заберімося въ бо̀ки:

Зажені́мъ Ляшка́, вра́жого си́на,
Ажъ за той Дуна́й глибо́кий!

Диву́ють Ляхи́, вра́жиі сины́,
Щò ті козаки́ вживàють:
Вжива́ють вони́ щу́ку-риба́ху,
Ще й солома́ху зъ водо́ю.

Ой чи ба́чъ, Ля́ше, я́къ коза́къ пля́ше
На сивімъ ко́ню горо́ю?
Мушке́томъ бере́, ажъ сѐрце вя́не,
А Ляхъ одъ стра̀ху вмира́е.

Ой чи ба̀чъ, Ля́ше, що по Слу́чъ на̀ше,
По Костяну́ю моги́лу?
Якъ не схотіли, забунтова́ли
Да й утеря́ли Вкраїну.

Ой чи ба́чъ, Ля́ше, я̀къ панъ Хмельни́цький
На Жо́втімъ Піску́ підби́вся?
Одъ насъ, козаки́, одъ насъ, юнаки́,
Ні оди́нъ Ляшòкъ не скри́вся!

Ну́те жъ, козаки́, у скòки!
Забері́мося въ бòки:
Загна́ли Ляхівъ за річку Ви́слу,
Що не ве́рнутця й въ три рòки! (1)

22.

По садо́чку похожа̀ю,
Сама́ себе́ розважа̀ю, —
Кого́ люблю, та й нема́е!

---

(1) Этотъ драгоцѣнный варіантъ извѣстной уже намъ пѣсни о Хмѣльницкомъ (см. т. I, стр. 271) записанъ Аѳ. В. Марковичемъ, въ Немировѣ, Подольской губерніи.

И немáе, и не бýде:
Розрáяли лихі люде,

Розрáяли, розсудúли,
Щобъ ми въ пáрі не ходúли.

Ой зійдý я на горбòчокъ,
Да гляну я на ставòчокъ,

Да гляну я на ставòчокъ —
Пливé утятъ табунóчокъ.

Однó 'дногó доганяе —
Кóжне собі пàру мáе.

А я живý въ Бóжій вòлі —
Не дàвъ мині Господь дóлі!

А я живý въ Бóжій кàрі —
Не дàвъ мині Господь пàри.

23.

Ой не гаràздъ Запорóзці,
Не гаràздъ вчинúли:
Степъ широкий, край весéлий
Та й запапастúли!

Наступáе чòрна хмàра
И дòщикъ изъ нéба:
Зруйнувàли Запорóжже —
Бýде колúсь трèба!

Ой чи гарáздъ, чи не гарàздъ,
Нічого робúти!
Бýде дóбре Запорóзцямъ
И підъ Тýркомъ жúти!

24.

Да тума̀нъ полемъ, да тума̀нъ полемъ,
Да тума̀нъ туманиться;

А въ дівчи́ни да чо̀рні бро̀ви,
А любо її подивиться.

Ой на тімъ бо́ці да на толо́ці,
Тамъ Цига̀не стояли.

Охъ и між тіми да Цига́нами
Да Цига̀нка Воло́шка.

Ой туди́ жъ бігла да дівчѝнонька
До Цига́ночки бо́са.

»Ой Цига́ночко да воріженько,
Уволи̇ мою̇ во́лю:

»Ой причаруй да коза́ченька,
Що стоявъ изо мно́ю!«

Ой Цига́ночка да воріженька
Її во́лю вволила —

Ой одрізала да ру̇сої коси̇,
Коза̀ка́ підкурила.

Ой біжи́ть, біжи́ть да дівчи̇нонька,
А якъ ри̇бонька въєцтя;

Ой огля́нетця да дівка наза̀дъ —
Уся̇ че̇лядь сміе́тця. . . .

25.

Ой ишли́ наши сла́вні Запоро̀зці
Та по-надъ Бу́гомъ-ріко̀ю
Ой широ́кою та глибо́кою,
Гей та по-надъ лимана́ми.

Ой уже́ жъ на́ши сла́вні Запоро́зці
Та й невѐсели ста́ли:
Ой обляглѝ іхъ, облягли́ Москàлі
Та всіма́ сторона́ми.

Ой круго́мъ це́ркви, це́ркви Січово́і
Ой караўли ста́ли,
Ой свяще́шику, отцю́ Влади́меру
А служи́ти не да́ли.

Ой лети́ть бо́мба зъ Моско́вського поля
Та посере́дъ Січи впа́ла;
Ой хоть пропа̀ли сла́вні Запоро́зці,
Такъ не пропа́ла іхъ сла̀ва!

VII.

О древности и самобытности
ЮЖНО-РУССКАГО ЯЗЫКА.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Часто случается, что въ воспитаніи юношей забываютъ приводить на память и связывать въ общую систему познаній то, что было узнано юношами прежде. Мудрое изреченіе старыхъ педагоговъ: Repetitio est mater studiorum не всегда примѣняется къ дѣлу, потому что и учителю и ученику хочется идти впередъ. Между тѣмъ забвеніе доказанныхъ и усвоенныхъ положеній рано или поздо оказываетъ свое дѣйствіе и производитъ замѣшательство и остановку тамъ, гдѣ, повидимому, слѣдовало бы дѣлать только новыя завоеванія. То же самое бываетъ и въ литературѣ, которая служитъ школою для каждаго. Въ наше время не рѣдко случается читать самыя произвольныя толкованія о предметахъ, изслѣдованныхъ со всею основательностію задолго до насъ, — потому что мы не всегда хранимъ преданія нашихъ предшественниковъ и охотнѣе внимаемъ разсужденіямъ свѣжимъ.

Предлагаемая здѣсь статья напечатана, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ »Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія«, который издавался тогда какъ-будто для однѣхъ библіотекъ и очень мало имѣлъ ходу въ читающей публикѣ. Да и публика, двадцать лѣтъ назадъ, была не то, что теперь. Наука и жизнь шли въ ней какъ-то порознь, мало принадлежа одна другой. Теперь вопросы науки сдѣлались вопросами жизни; теперь убѣжденія историческія и этнографическія уже замѣтно даютъ направленіе общественной дѣятельности большихъ массъ населенія, ибо оказываютъ вліяніе даже на воспитаніе дѣтей, какъ будущихъ граждань разноплеменнаго Русскаго царства. Слѣдовательно истина и заблужденіе въ наукѣ переходятъ непосредственно въ самую жизнь и сѣютъ

сѣмена будущихъ великихъ общественныхъ и гражданскихъ событій. Этимъ-то объясняется успѣхъ учено-литературныхъ сочиненій, которыя рѣшительно перевѣшиваютъ беллетристическую часть Русской словесности. Счастливъ тотъ, кто своими трудами способствуетъ къ распространенію убѣжденій, имѣющихъ оправдаться самою жизнью и силою вещей! Онъ подобенъ садовнику, который улучшаетъ дикую почву и способствуетъ къ плодотворности деревъ и растеній. Природа вещей сдѣлаетъ свое дѣло и безъ предусмотрительныхъ усилій человѣка; но хвала уму, который вступилъ въ дружественное соревнованіе съ природою! Истины останутся истинами, и ни одна іота изъ нихъ не прейдетъ, пока существуетъ человѣчество; но воплощеніе истины въ самую жизнь есть прямое призваніе всякой дѣятельной души человѣческой. Это-то движеніе заставляетъ молодыхъ людей читать старыя книги, отрывать затерянное, повторять забытое, истолковывать невѣрно понятое, или понимаемое. Оно внушаетъ намъ признательность къ дѣятелямъ, сошедшимъ со сцены дѣйствія, и связываетъ все мыслящее общество въ единую семью, работающую для будущихъ поколѣній.

Упомянутое мною сочиненіе было погребено въ складѣ книгъ и какъ-бы предано забвенію. Но умъ, который произвелъ его, одушевленъ былъ горячею любовью къ истинѣ, и не напрасно же онъ сознавалъ то, что̀ проповѣдывалъ! Современники мало обратили вниманія на его доводы, ибо не видно у насъ ни основательныхъ опроверженій, ни ученаго развитія ихъ. Но вопросъ былъ поднятъ; мнѣніе о немъ занесено въ печатную книгу. Повторяя его новою печатью, я повторяю полузабытое преданіе. Пускай же кто-нибудь изъ людей, обнявшихъ науку народоописанія всецѣло, по живымъ источникамъ, скрѣпитъ это мнѣніе своимъ авторитетомъ, или представитъ, на его мѣсто, мнѣніе новое, которое было бы очевидно вѣрнѣе. Дѣло сто̀итъ возобновленія: отъ рѣшенія его зависитъ многое въ будущемъ.

О ДРЕВНОСТИ И САМОБЫТНОСТИ

ЮЖНО-РУССКАГО ЯЗЫКА.

I.

О значеніи словъ: Русскій языкъ и Русское нарѣчіе.

Первоначальный Славянскій языкъ раздѣляется на разныя вѣтви. Между ними всѣхъ менѣе извѣстно Южно-Русское нарѣчіе, различно именуемое. Такимъ образомъ весьма трудно дать собственное значеніе словамъ: *народъ* и *языкъ Русскій.* Богумилъ Линде, въ предисловіи къ своему Словарю (1), и Іосифъ Добровскій, въ Грамматикѣ Языка Славянскаго (2), совершенно позабыли считать отдѣльною его вѣтвію Южный Русскій языкъ. Одни сливаютъ его съ Церковно-Славянскимъ (3), либо съ простонароднымъ Русскимъ языкомъ (4); другіе же считаютъ его смѣсью языковъ: Славянскаго, Русскаго и Польскаго (5) и, какъ дикой и необработанный, исключаютъ его изъ числа образован-

---

(1) »Slownik Języka Polsk.« S. B. Linde. T. I, ч. I, Предислов., стр. XIV.

(2) »Institutiones Linguae Slavicae«, etc. Jos. Dobrowski. 17 стр. IV.

(3) »O prawach Lit. i Polsk.« T. I, стр. 53. Versuch über die slavischen Bewohner der Oesterreichischen Monarchie, von Rohrer. Ч. II, стр. 16.

(4) »Lehrgebäude der bömischen Sprache.« Іос. Добровскій. Предислов., стр. XIII.

(5) »O Statucie Litewskim«, С. Б. Линде, стр. III. »Pamientnik Warszawski«, 1815, № 9. стр. 29. Lehrgebäude etc. »Опытъ Исторіи Литер. Русск.«, Н. Греча·

ныхъ языковъ (¹). Многіе писатели утверждаютъ, что нарѣчіе Великороссійское и Южное Русское, равно какъ и Бѣлорусское, происходятъ отъ одной вѣтви — Русской (²). А есть и такіе, которые признаютъ его просто областнымъ Польскимъ нарѣчіемъ (provincialismus) (³), или называютъ Малороссійскимъ (⁴); и рѣдко случается, чтобы этотъ Русскій языкъ назывался Русскимъ, такъ какъ его называли въ-старину, безъ всякаго измѣненія и прибавки (⁵).

Нѣкоторые Нѣмецкіе писатели стали было присвоивать Южному Русскому народу и языку совершенно дотолѣ неизвѣстныя и отнюдь имъ несвойственныя имена, напр. Rusniaken, rusniakische Nation, rusniakische Sprache, вмѣсто: Ruthener, ruthenische Nation, ruthenische Sprache и т. п. (⁶).

Передѣлывать самовольно названія народовъ и ихъ языковъ есть конечно важное заблужденіе и всегда рождаетъ новыя. Соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго Копитара, что прямое знаніе языка должно быть слѣдствіемъ постепеннаго раскрытія его исторіи (⁷), гдѣ одни разсужденія ни къ чему не ведутъ, мы то же скажемъ и о самомъ названіи языка, допуская только такое, которое сообразно съ исторіею и на ней основывано. Русь, эта главная отрасль Славянскаго племени, искони составляла одинъ народъ и говорила однимъ языкомъ, которому и не можетъ приличествовать другое названіе, кромѣ *Русскаго*, по-Латыни lingua ruthenica, по-Нѣмецки ruthenische Sprache. Раздѣленіе его на *Бѣлорусскій* и *Малороссійскій* языкъ ошибочно и не согласно съ существомъ дѣла: что поста-

---

(¹) »Исторія Госуд. Россійск.«, Н. Карамзина. Т. IX, прим. 561.

(²) »Prawda Ruska«, Раковецкаго, Т. II.

(³) »Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы«, Н. Греча. Предисловіе Польскаго переводчика Линде.

(⁴) »Pamiętnik Warsz.«, 1815. Кн. 1, стр. 124. »Dzieje Król. Polsk.« Bandtkie. Т. I, стр. 24.

(⁵) »Опытъ краткой Исторіи Русск. Литер.«, Н. Греча. Стр. XX и 56 — 60 »O Statucie Lit.«, Линде.

(⁶) Сюда принадлежатъ: Крамеръ, Рореръ, Чаплович, Гопенъ и другіе.

(⁷) »Grammatik der slavischen Sprache, in Krain.« Пред., стр. XLVI.

раемся ясно доказать. Имя **Россіи** создано только въ XVIII вѣкѣ, названіе же **Россійскаго** языка должно быть, безъ сомнѣнія, еще новѣе, и ему собственно отвѣчаетъ Латинское слово russicus и Нѣмецкое russisch; тѣмъ же прилагательнымъ и Французы означаютъ Русскій и Россійскій языкъ: la langue russe.

Какъ Русскій языкъ, такъ и Русскій народъ есть главный представитель всѣхъ Славянскихъ.

Народъ можетъ потерять свою самостоятельность, но характеръ и языкъ его всегда остаются его достояніемъ. Слава и совершенство языка не зависятъ отъ судьбы народа. Нынѣ уже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда древняго (политическаго) могущества Римлянъ и Грековъ, а знаменитые ихъ языки до сихъ поръ существуютъ. Между тѣмъ возникло много новыхъ государствъ, коихъ языки только теперь достигаютъ извѣстности, по мѣрѣ своего усовершенствованія. Равнымъ образомъ нерѣдко и скипетръ не измѣняетъ народности подвластныхъ ему племенъ. Чехи, Кроаты, Венгерцы и т. п., хотя и подлежатъ Австрійской имперіи, но при всемъ томъ не перестаютъ быть и называться Чехами, Кроатами и Венгерцами. Та же судьба и Южной Руси. Протекло уже много вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ Русское княжество, основанное Владиміромъ Великимъ, пало (¹). Но Южно-Русскій языкъ отъ того не истребился и не перестанетъ существовать въ устахъ (туземнаго) Русскаго народа, при прочихъ языкахъ Славянскаго происхожденія!

Русскій народъ составлялъ нѣкогда значительную часть бывшаго королевства Польскаго, которое вмѣщало въ себѣ четыре главные народа: Польскій, Литовскій, Русскій и Прусскій. Страна, лежащая по Днѣпру и имѣвшая столицею своею Кіевъ, была древнѣйшею страною *Руси;* она неизмѣримо простиралась къ сѣверу, гдѣ возникла держава, которая получила названіе **Великой Руси**, а потомъ, гораздо позднѣе, **Россіи**. Оставшаяся въ пре-

---

(¹) Т. е. на Западѣ, въ областяхъ, отошедшихъ сперва къ Польшѣ и Литвѣ, а по раздѣлѣ Польскаго королевства, къ Австрійской имперіи, подъ названіемъ Галиціи и Лодомиріи, не считая возвращенныхъ Россіи. *Примѣч. Пер.*

дѣлахъ Польши Русь стала называться *Малою;* часть ея, занимающая подошву Карпатскихъ горъ, именовалась Русью *Червонною* (красною); а та, которая была однажды пріобрѣтена Литовскимъ оружіемъ, названа *Бѣлою* и *Черною* Русью. Три части Польской Руси отличались особыми именами: *Подоліи, Волыни* и *Украйны.*

Что Югозападная Русь соединена была съ Польскимъ королевствомъ *не силою оружія, но правами равенства,* доказательствомъ тому служитъ грамота короля Сигизмунда Августа, 1569 года. Въ ней сказано: »Русская земля съ давнихъ временъ предками нашими, королями Польскими, присоединена къ коронѣ Польской, въ числѣ прочихъ главнѣйшихъ ея частей; и мы всѣхъ ея жителей вообще и каждаго порознь, *какъ равныхъ къ равнымъ, свободныхъ къ свободнымъ,* какъ собственные и дѣйствительные члены къ собственному тѣлу и главѣ, къ королевству Польскому, въ общеніе, честь и собственность обращаемъ и присоединяемъ, вмѣстѣ съ прочими коронными жителями равняемъ и ихъ дѣлаемъ и признаемъ участниками во всѣхъ правахъ, преимуществахъ и судьбѣ Польской короны«, и проч.

II.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, Южно-Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ, которымъ говорили и при дворѣ великихъ князей Литовскихъ, и въ знатнѣйшихъ Русскихъ домахъ.

1. Доказательствомъ тому служитъ, во-первыхъ, »Литовскій Статутъ«, первоначально писанный на Южно-Русскомъ языкѣ (¹) и служившій закономъ не только для Литвы, но и для Русскихъ

(¹) Онъ напечатанъ былъ въ Вильнѣ, особыми, подходящими къ скорописи буквами, въ типографіи Мамоничей, въ 1588 году, и потомъ переложенъ на Польскій языкъ. *Прим. пер.*

земель, какъ-то: для Волынской, Подольской и Украинской. По сему закону, всѣ судебныя дѣла производились и были писаны не иначе, какъ только на Южно-Русскомъ языкѣ. Левъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, въ предисловіи своемъ къ упомянутому Статуту, говоритъ: »Если какому народу стыдно не знать своихъ законовъ, то тѣмъ болѣе намъ, имѣющимъ законы, писанные не на чужомъ какомъ-либо языкѣ, но на своемъ собственномъ, т. е. на Южно-Русскомъ«, и т. д.

То же утверждаетъ и Чацкій, говоря, что, какъ большая часть народа въ Литвѣ (¹) признавала свою духовную зависимость отъ Цареградской Церкви и слушала Славянскую литургію, то Южно-Русскій языкъ, по обращеніи Литвы въ Христіанство, былъ въ ней всеобщимъ. На семъ языкѣ подавались просьбы въ судебныя мѣста и къ прочимъ властямъ: на немъ же отвѣчали и давали свои рѣшенія король, судьи и другіе чиновники. Въ царствованіе сыновей Казимира Ягайлы, воспитанныхъ и жившихъ чаще всего въ Польшѣ, языкъ Польскій вошелъ въ употребленіе при дворѣ и заступилъ мѣсто Южно-Русскаго.

2. Судопроизводство въ Южно-Русскихъ земляхъ всегда происходило на Южно-Русскомъ языкѣ; на немъ излагались позывы, или требованія къ суду, приговоры и всѣ оффиціальныя бумаги въ *грóдскихъ* (уголовныхъ), *земскихъ* и *трибунальныхъ* (верховныхъ) судахъ (²).

3. Сигизмундъ III, въ 1589 г., учреждая верховный судъ (трибуналъ) для Русскихъ воеводствъ, обязалъ оный употреблять (Южно-)Русскій языкъ и (Южно-)Русское письмо, постановивъ, чтобы при производствѣ дѣлъ непремѣнно присутствовали и за-

(¹) Здѣсь должно разумѣть Кіевскую митрополію, существовавшую нѣкоторое время отдѣльно отъ Московской, но сохранявшую постоянно Грековосточное исповѣданіе, до отпаденія нѣсколькихъ епископовъ къ уніи. См. »Исторію Росс. Іерарх.«, Т. 1. *Прим. перев.*

(²) Судебные и правительственные акты изъ архивовъ Русскихъ земель, составляющихъ нынѣ королевство Галицкое, собранные вмѣстѣ и хранящіеся нынѣ въ Львовскомъ Бернардинскомъ монастырѣ, всѣ писаны на Русскомъ языкѣ и Русскими буквами, и составляютъ болѣе ста томовъ.

сѣдали Русскіе писаря (секретари), которые вносили бы дѣла въ книги на (Южно-) Русскомъ языкѣ и на немъ же выдавали копіи съ судебныхъ приговоровъ.

4. Привиллегіи, приговоры, постановленія, которыя выдаваемы были Польскими королями для Русскихъ земель и для жителей, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, писаны были обыкновенно на Южно-Русскомъ языкѣ (¹).

Знатнѣйшія, наконецъ, фамиліи Южно-Русскаго и Литовскаго происхожденія, имѣвшія своими родственниками Южно-Русскихъ и Литовскихъ князей, исповѣдуя вѣру Грековосточную, говорили и писали по-Южно-Русски до тѣхъ поръ, пока Латинскій обрядъ и языкъ Польскій не получили перевѣса (²).

(¹) Таковы: привиллегія Сигизмунда Августа, 1558 г., пріостановленіе дѣйствій короннаго суда Стефаномъ Баторіемъ, 1585 г.; привиллегія Сигизмунда III, 1589 г.; его же, 1592 г. и т. д.

(²) Сюда принадлежатъ фамиліи: князей Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ, Сангушковъ, Острожскихъ, Збаражскихъ, Прунскихъ, Друцкихъ, Соломерецкихъ, Горскихъ, Массальскихъ, Глинскихъ, Рожинскихъ, Слуцкихъ, Копыльскихъ, Радзивилловъ, и знатные домы: Огинскихъ, Пузыновъ, Даниловичей, Сапѣговъ, Воловичей, Хлѣбовичей, Ходкевичей, Тишкевичей, Хребтовичей, Пацовъ, Балабановъ, Струсей, Киселей, Тризновъ, Музыловъ, Кирдеевъ, Жолкѣвскихъ, Дрогоевскихъ, Баворовскихъ, Шумлянскихъ, Шептицкихъ, Винницкихъ, Комарницкихъ, Желиборскихъ, Дѣдошицкихъ, Броневскихъ, Дуниковскихъ, Дверницкихъ, Литынскихъ, Бутацкихъ, и тысяча иныхъ, которыхъ, если строго считать въ одной части Галицкаго королевства, нѣкогда называвшейся Русскимъ и Подольскимъ воеводствомъ, то и въ ней число Русскаго дворянства Греческаго обряда значительно превосходитъ число дворянства обряда Римскаго. Сколько же ихъ находится въ Березницѣ, Чайловицахъ, Городницѣ, Яворѣ, Кульчицахъ, Созонѣ, Ступницѣ, Сѣльцѣ, Винникахъ, Добрѣ, и т. п.! Когда же исповѣданіе ни мало не измѣняетъ рода и первобытнаго происхожденія, то *всѣ поименованныя фамиліи, хотя и исповѣдуютъ нынѣ Римскую Вѣру, но отнюдь чрезъ то не перестали быть Русскими.* Правда, мы привыкли обыкновенно называть Русскими только тѣхъ, кто принадлежитъ къ Греческому обряду, а тѣхъ, кто исповѣдуетъ Латинскій, именовать Поляками; но этотъ обычай несправедливъ. Развѣ Англичанинъ, Французъ, Нѣмецъ, потому что исповѣдуетъ ученіе Лютера, Кальвина, или другихъ, перестаетъ по этому быть Англичаниномъ, Французомъ, Нѣмцемъ? Венгерецъ, Далматъ, Кроатъ дѣлается ли Русиномъ отъ того, что славитъ Бога по Греческому обряду? Откуда же могло произойти, чтобы природный Русинъ, перемѣнивъ обрядъ своихъ предковъ на Латинскій (не на Польскій, ибо такого и нѣтъ, и не было), пересталъ быть, относительно проис-

До XVII вѣка не имѣла Польша иныхъ князей, кромѣ князей Русскаго исповѣданія, употреблявшихъ Южно-Русскій языкъ; всѣ они происходили изъ владѣтельныхъ домовъ въ Литвѣ и на Руси.

Почему же столь древній и прекрасный языкъ вышелъ изъ употребленія? Почему никто теперь не говоритъ имъ, кромѣ лишь простого народа Южно-Русскаго, мелкопомѣстнаго дворянства и духовенства Греческаго обряда? Почему въ такомъ пренебреженіи у насъ Южно-Русская письменность, тогда какъ она открыла бы для отечественной исторіи множество важнѣйшихъ памятниковъ? На это можетъ намъ дать удовлетворительный отвѣтъ исторія Польши, особенно же въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Угнетеніе Руси дошло до такой степени, что, дабы избѣгнуть онаго, жители стали отрекаться отъ своего происхожденія и стыдиться языка своихъ предковъ.

III.

Южный Русскій языкъ всегда различествовалъ отъ прочихъ вѣтвей Славянскаго языка, въ особенности же отъ Церковно-Славянскаго, отъ Польскаго и Великороссійскаго.

Выраженіе (Южный) *Русскій* языкъ то же самое значитъ, что̀ языкъ *Малороссійскій*, или *Бѣлорусскій*. Въ грамотахъ Польскихъ королей, ими самими изданныхъ, или по ихъ повелѣнію переведенныхъ съ Южно-Русскаго на Польскій языкъ, гдѣ языкъ и письмо Южно-Русское именуются: idioma ruthenicum, character, etc., lingua ruthenica: что̀ ихъ совершенно отличаетъ отъ Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Въ подтвер-

---

хожденія, Русскимъ. Никто не можетъ рода и племяни ни дать, ни отнять, ни измѣнить. Слѣдовательно, хотя исчисленныя фамиліи и перемѣнили свое исповѣданіе, но при всемъ томъ они не измѣнили своего Русскаго происхожденія, и измѣнить его не могли:

»Fortuna non mutat naturam!«

жденіи привиллегіи Сташка (Станислава) изъ Давидова, Старосты Самборскаго, дарованной, въ 1549 году, королемъ Сигизмундомъ Августомъ Перемышльскому владыкѣ Антонію Радиловскому, сказано, что она отъ слова до слова переведена съ (Южно-) Русскаго языка на Польскій. Другое, того же короля и въ томъ же году, содержитъ въ себѣ всю грамоту князя Льва, сына короля Даніила, на Южно-Русскомъ языкѣ. Въ третьемъ, 1555 года, прописана другая Русская грамота князя Льва. Надобно ли, впрочемъ, приводить еще доводы, что Русскій языкъ всегда отличался отъ Польскаго? Въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться. Но онъ отличался и отъ Великороссійскаго: Екатерина I, какъ пишетъ Шереръ (1), повелѣла въ 1729 году всѣ писанныя на Южномъ Русскомъ языкѣ постановленія переложить на Великороссійскій. Извѣстно же, что всѣ они были писаны по-Русски въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ и Брацлавскомъ.

Не менѣе того разнится Южный Русскій языкъ и отъ Церковнаго; ибо, какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, церковныхъ книгахъ, какъ-то: въ Евхологіяхъ, Требникахъ, Тріодяхъ и т. п., заключающихъ въ себѣ правила совершенія церковныхъ обрядовъ, всегда Славянское нарѣчіе отличалось отъ народнаго Русскаго.

То же самое подтверждаютъ и ученые писатели. Гваньини (2) говоритъ: »Москвитяне не многимъ чѣмъ (это было около 1560) отличаются отъ Русиновъ; но Русины отъ Поляковъ, Чеховъ (Богемцевъ), Кроатовъ и др. столько различествуютъ, что съ трудомъ могутъ другъ друга понимать.« Копитаръ, въ Грамматикѣ Краинскаго языка, описывая словарь, находящійся въ библіотекѣ Лубянскаго алюмната (родъ учебнаго заведенія), явственно отдѣляетъ языки Славянскій, Русскій, Россійскій и Польскій. Смотрицкій, первый Славянскій грамматикъ, въ написанной имъ для Южно-

(1) »Annales de la Petite Russie«. T. II, стр. 375: »Elle ordonne pour le salut des peuples de la Petite Russie, de traduire ces loix en langue de la Grande Russie.«

(2) »Moscowitae a Ruthenis aliquantulum, Rutheni quoque a Polonis ac Moscovitis, sic etiam Bohemi, Croatae ab invicem differunt, ita ut sese intelligere difficile possunt, etc. См. »Sarmatiae Europeae Descriptio«. T. I, стр. 24.

Русскаго народа учебной книгѣ. помѣстилъ предисловіе на Южно-Русскомъ языкѣ; въ переводахъ же своихъ со Славянскаго языка на Южно-Русскій, оставилъ настоящіе образцы собственно-Русскаго языка, который справедливо Добровскій называетъ природнымъ языкомъ Русиновъ. Авторъ книги »Sowita Wina«, изданной въ 1621 году, отвѣчая на возраженія иновѣрцевъ, такъ говоритъ: »Что касается до Славянскаго языка, то мы никогда его не презирали; напротивъ того, мы изъ книгъ же Славянскихъ вамъ доказываемъ и тщательно ихъ бережемъ. Южно-Русскій языкъ употребляемъ и въ проповѣдяхъ, всенародно, и между собою говоримъ на немъ.« То же самое свидѣтельствуетъ и Скарга, въ книгѣ своей: »O Jedności Koscioza Bożego« (о единствѣ Церкви Божіей) изд. въ Вильнѣ 1577 года. Ст. Клечевскій, въ сочиненіи о началѣ и древности Польскаго языка (O Początkach i Dawności Języka Polśkiego. Lwów, 1767), опредѣлительнѣе объясняетъ разность упоминаемыхъ нами языковъ. То же подтверждаютъ Линде, Раковецкій, Ломоносовъ, Гречь и др., и было бы совершенно излишне доказывать столь несомнѣнную истину!

IV.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ нѣкогда подъ именемъ Малой и Червоной Руси, одинъ и тотъ же Южно-Русскій языкъ находился въ общемъ употребленіи.

Ежели и нарѣчія какого-нибудь языка такъ между собою согласны, что ихъ легко можно подвести подъ правила одной и той же грамматики, то, хотябы нѣкоторыя слова и произносились различно, имѣли разныя значенія и проч., отнюдь не слѣдуетъ почитать ихъ за отдѣльныя нарѣчія. Всѣ древнія вѣтви Славянскаго языка, въ XI, XII и XIII вѣкахъ, сходствовали между собою гораздо болѣе, нежели теперь. Можно даже полагать, что, чѣмъ болѣе мы станемъ углубляться въ древность, тѣмъ меньшую должны

встрѣчать между ними разность. Впрочемъ, необходимо должно отличать такъ называемый *книжный*, или, собственнѣе, *церковный* языкъ; ибо на немъ излагались съ самаго начала одни только церковныя творенія; въ обыкновенномъ же разговорѣ и въ письменныхъ сношеніяхъ употребляемъ языкъ *народный*; да и вообще языкъ всегда бываетъ иной въ употребленіи у простого сельскаго народа, составляя собственно отечественный языкъ, нежели тотъ, которымъ говорятъ люди образованные въ высшемъ свѣтскомъ кругу; ибо сей послѣдній имѣетъ по большей части всѣ свойства книжнаго языка.

И у насъ, Русиновъ, нарѣчіе раздѣлять можно на устное и книжное. ***Книжное*** въ Малой, Бѣлой и Червоной Руси, ни сколько, съ XIII вѣка до сихъ поръ, собственно не измѣнилось. Въ обыкновенномъ же разговорномъ языкѣ происходятъ нѣкоторыя небольшія измѣненія, но они такъ малозначительны и такъ рѣдки, что смѣло и утвердительно можно признать и Бѣлорусское, и Малороссійское нарѣчіе за одно и то же. Кто только хорошо вслушался въ разговоръ Кіевлянина, Черниговца, Брацлавца, Львовца, Перемышльца, Брестъ-Литовца, Смольянина и Полочанина, тотъ конечно согласится съ нами въ несомнѣнной истинѣ сего показанія. Небольшія измѣненія въ выговорѣ гласныхъ *е* и *ѣ*, нѣкоторыя выраженія, занятыя у одноименныхъ сосѣдей, не преобразовали конечно языка Южно-Русскаго и не могутъ родить отдѣльныхъ нарѣчій. Когда изъ Поляковъ одинъ говоритъ słysys (слысысъ), а другой słyszysz (слышишъ); одинъ tsyma (тсыма), а другой trzyma (трыма); одинъ pon, другой pun, а третій pan, и т. п., слѣдуетъ ли изъ этого необходимость дѣлить нарѣчіе Польское на ***Мазовское, Краковское*** и ***Горское?*** Въ томъ же убѣждаютъ насъ и самыя сочиненія Русскія, въ разныхъ мѣстахъ печатанныя, какъ-то: въ Вильнѣ, Острогѣ, Львовѣ, Заблудовѣ, Стратинѣ, Почаевѣ, Уніовѣ, Супраслѣ, и т. д. Тамъ, кромѣ молитвенныхъ книгъ на церковномъ языкѣ, напечатано было много и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ на языкѣ народномъ, который писанъ безъ всякой примѣси, чистымъ Южно-Русскимъ нарѣчіемъ. Если срав-

нить эти книги между собою, то, не смотря на разность мѣста и времени, языкъ ихъ вездѣ почти одинъ и тотъ же. Итакъ въ Русскихъ земляхъ, Малой, Червоной, Бѣлой и Черной Руси, одно и то же нарѣчіе было всегда въ употребленіи; а посему, даже до XVIII столѣтія, называлось оно, безъ всякаго прибавленія, просто *Русскимъ языкомъ*, lingua ruthena, idioma ruthenum, а о Бѣлорусскомъ, или Малороссійскомъ и не упоминалось (1).

V.

Если рѣчь идетъ о нарѣчіи книжномъ, то Малороссійское и Бѣлорусское нарѣчія должны означать не что̀ иное, какъ просто Русское.

Я показалъ уже тожество раздѣляемыхъ безъ нужды Русскихъ нарѣчій. Съ того только времени, какъ значительная часть Малой и Бѣлой Руси соединилась съ Великою Россіею, Россійскіе писатели, въ царствованіе Императора Петра Великаго, стали отдѣлять Малороссійскій и Бѣлорусскій языкъ, замѣчая нѣкоторую разность между нарѣчіями Славянскимъ, Россійскимъ, или такъ называемымъ прежде *Московскимъ*, и тѣмъ, которымъ говорятъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи.

Первый разъ упоминается о семъ въ Грамматикѣ, изданной 1721 года въ Москвѣ. Она была, повидимому, списана съ Грамматики Смотрицкаго, хотя переписчикъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Смотрицкій упоминаетъ о Южно-Русскомъ нарѣчіи, не сохранилъ въ точности этого имени, а называетъ его *Малороссійскимъ*.

---

(1) По вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго рода Романовыхъ и по возвращеніи къ Россіи отторгнутыхъ нѣкогда отъ нея областей, въ царскомъ титулѣ начали писать: *всея Великія и Бѣлыя и Малыя Русіи;* а въ слѣдъ за тѣмъ измѣнена буква *у* на *о* въ словѣ *Россія*. Но иностранцы и теперь по большей части сохраняютъ прежній звукъ, называя наше государство *Russia*, *Russland*, Russie и т. д., въ древности Норманами называемое *Gardarick* и *Riseland*. *Прим. пер.*

Но Смотрицкій не зналъ такого имени, хотя безъ сомнѣнія лучше многихъ позднѣйшихъ писателей зналъ Русскій языкъ. Примѣру этому послѣдовали и Польскіе, и иноземные писатели; и нарѣчіе, просто называвшееся *Русскимъ*, измѣнили въ *Малороссійское*. То же самое произошло и съ именемъ Бѣлорусскаго. *Линде* простой Южно-Русскій языкъ, которымъ былъ написанъ Литовскій Статутъ, потому только именуетъ *Бѣлорусскимъ*, что такъ называлъ его *Сопиковъ* (въ своемъ »Опытѣ Россійской Библіографіи«). Авторитетъ Сопикова показался г-ну Линде достаточнымъ для наименованія языка, которымъ писанъ Статутъ, языкомъ *Бѣлорусскимъ*, тогда какъ этотъ языкъ былъ просто *Южный Русскій языкъ*.

Языкъ Литовскаго Статута есть тотъ самый, на которомъ Смотрицкій написалъ къ своей грамматикѣ предисловіе. Смотрицкій же называетъ этотъ языкъ не иначе, какъ просто *Русскимъ*, ибо тогда вовсе не слышно было о Бѣлорусскомъ.

Такимъ образомъ, держась его авторитета, и я именую языкъ Литовскаго Статута не *Бѣлорусскимъ*, а просто *Южнымъ Русскимъ*. Г. Гречь называетъ языкъ книги, подъ заглавіемъ »Вѣнецъ Христовъ«, языкомъ собственно Русскимъ; но это тотъ же языкъ, что̀ и въ Литовскомъ Статутѣ: почему же называться ему Бѣлорусскимъ? и почему отличать разнымъ названіемъ языки, тогда какъ они въ самой сущности ни въ чемъ между собою не разнятся [1]?

---

[1] Однакожъ старинный дипломатическій языкъ Западной Руси отличенъ отъ Южнаго, на коемъ писаны были акты Запорожскаго Войска и пр., и нынѣ Бѣлорусское нарѣчіе есть одно и то же съ Малороссійскимъ. Это можетъ замѣтить всякъ, переѣзжая изъ губерніи Могилевской въ Черниговскую, или изъ Минской въ Волынскую. Ежели авторъ сей статьи не допускаетъ названій *Бѣлорусское, Малороссійское*, какъ позднѣйшихъ, то можно дать симъ нарѣчіямъ болѣе естественныя названія: *Западное Русское*, *Южное Русское*, а Великороссійское назвать *Восточнымъ Русскимъ*, или *Сѣверовосточнымъ Русскимъ*, но все же должно какими-нибудь именами означить такія нарѣчія, между которыми существуетъ разница дѣйствительная и которыя между тѣмъ всѣ имѣютъ неоспоримое право именоваться *Русскими*.

Прим. перев.

VI.

Южный Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго.

Нѣкоторые Россіяне, Чешскіе и Польскіе писатели утверждаютъ, будто Южный Русскій языкъ, какъ разговорный, такъ и книжный, обязанъ своимъ образованіемъ вліянію языка и словесности Польской, или, другими словами, что Русскій языкъ есть смѣшеніе Польскаго языка съ какимъ-то грубымъ нарѣчіемъ, т. е. первобытнымъ Русскимъ. Мнѣніе это самое несправедливое и ведетъ къ униженію и пренебреженію Русскаго языка. Мы ничего иного не желаемъ отъ безпристрастнаго читателя, какъ только, чтобы онъ насъ выслушалъ и разсудилъ послѣ, правы ли мы, или нѣтъ.

Южный-Русскій языкъ подвергался одной участи съ Южнымъ Русскимъ народомъ. Но, подобно народу, и языкъ Южный Русскій отнюдь не произошелъ отъ Польскаго, а напротивъ того, несравненно ранѣе Польскаго цвѣлъ и развивася, по образцу Славянскаго и Греческаго [1]. Хотя же народъ Южно-Русскій, по стеченію обстоятельствъ, и зависѣлъ отъ короны Польской, онъ не менѣе того былъ самими королями Польскими признаваемъ за равный народу Польскому во всѣхъ правахъ и преимуществахъ. Конечно Польскій языкъ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Южно-Русскій но и Латинскій языкъ ничего не потерялъ отъ того, что даже усовершенствовался по образцу Греческаго! Впрочемъ и на Руси заботились объ усовершеніи отечественнаго языка учрежденіемъ училищъ, сочиненіемъ грамматикъ, не только Славянской, но и Русской. Неотрицаемъ, что Южно-Русскій языкъ могъ образоваться, обогащаться, и совершенствоваться на-подобіе Греческаго. Сла-

---

(1) Извѣстный ученый Грекъ *Экономосъ* издалъ 1828 г. въ С. Петербургѣ большое сочиненіе въ 3 част. для доказательства почти тожества Славянскаго языка съ Греческимъ, и особенно съ однимъ изъ древнѣйшихъ его діалектовъ, Эолійскимъ. См. его «Опытъ о ближайшемъ Сродствѣ Языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ». Ч. I, Предисловіе. *Примѣч. Перев.*

вянскаго, а въ-послѣдствіи и Латинскаго; но никакъ изъ исторіи нельзя доказать, чтобы Русскій языкъ получилъ свое начало и образованіе единственно отъ Польскаго. Отдѣльныя слова, хотя-бы даже и въ большомъ количествѣ, находящіяся въ томъ и другомъ Славянскомъ нарѣчіи, ничего болѣе не доказываютъ, какъ только, что всѣ Славянскія нарѣчія происходятъ отъ одного корня, что они соединены между собою родствомъ и долженствовали быть нѣкогда еще ближе одно къ другому.

VII.

Польскій языкъ нынѣшнею своею чистотою и богатствомъ, и самымъ даже слогомъ своимъ обязанъ, большею частію, Южно-Русскому языку.

Древній Польскій языкъ, сохранившійся въ старинныхъ памятникахъ, значительно разнится отъ нынѣшняго (¹).

(¹) Вотъ образецъ древнѣйшаго Польскаго языка, взятый изъ Лелевелева изданія Польскихъ и Мазовскихъ Законовъ и принадлежащій къ 1449 году:

Zapis vmovi myedzi dvchownymi a swyeczskymy o czlonki w nyem pop'sane. Mi Jaroslaw Bozym przerzenym swanthey Gneznenskey cirekwe arcibiskvb w Krakowskem byskvbstwye na urzandze pogesdzania bandancz wsystkym ad kthorich nynyesze lysti przydą chczem bycz yawno kako gdysz myedzy nayasznoyszym ksandzem panem Kaszymyrem Polskym z bozey myloszczy Krolem etc., patronem naszym s yeney a myedzy ksandzem Bodzanthą brathem naszym namyleyszym byskupem Crakowskym stroni z drvghey nyekthore wyanthpyenye o dzeszanczynach i o gynsych czlonkoch nyszey popyszanych bilo szą sthanth y sowąnth porvszylo pothem etc. См. Księgi Ustaw Polskich i Mazowieckich. Wilno, 1824, стр. 10. Statuta Wiślickie.

Переводъ:

»Договорная запись между духовною и свѣтскою властію о нижепоименованныхъ статьяхъ. Мы, Ярославъ, Божіимъ промысломъ архіепископъ святой Гнѣзненской Церкви, имѣя смотрѣніе надъ Краковскимъ епископствомъ и объѣздомъ, даемъ симъ знать всѣмъ вообще, что между пайяснѣйшимъ ксендзомъ паномъ Казиміромъ, Божіею милостію королемъ и пр., покровителемъ нашимъ, съ одной стороны, а съ другой между ксендзомъ Бодзантою, любезнѣйшимъ братомъ нашимъ, епископомъ Краковскимъ, встрѣтились нѣкоторыя недоразумѣнія касательно десятины и нѣкоторыхъ другихъ статей, ниже сего прописанныхъ«, и проч.

Замѣтимъ въ этомъ древнемъ Польскомъ языкѣ Русскій характеръ нѣкоторыхъ словъ и самыя слова Русскія: *Swanthey*, а не *Swiętey* (Святой), *Cirekwe*, а не *Kościoła* (церкви), *kako*, а не *jako* (какъ). Такихъ найдется и еще очень много.

Возьмемъ, для примѣра, изъ позднѣйшихъ временъ (1565 г.) письмо Станислава Оржеховскаго къ Плазу: »Piszałem then list ku W. M., raduiąc szie dobzemu zdorowiu, zem poszłał do Lazarza ku druku Politią Królestwa pol. na trzy *knihi* rozdzieloną. Proszę chzieć yą W. M. widzieć i poprawić, ieśli żeby w czym pobłudziło. Zaprawdę użyłem prace wielkiey i wielkiego nieszpania«, и т. д. т. е. »Я писалъ это письмо къ вашей милости, радуясь, что вы здоровы, и увѣдомляя, что я послалъ къ Лазарю (типографщику) для изданія »Политику Королевства Польскаго«, раздѣленную на три книги. Прошу васъ разсмотрѣть и исправить, еслибы нашлись въ ней какія погрѣшности. По истинѣ мнѣ стоила она много труда и безсонныхъ ночей«, и проч.

Мартинъ Бѣльскій, дерзнувъ писать исторію на Польскомъ языкѣ, едва находилъ возможнымъ свое предпріятіе (¹).

Еслибы я захотѣлъ распространяться въ изображеніи той постепенности, съ какою Польскій языкъ очищался, то нѣтъ сомнѣнія, что я успѣлъ бы убѣдить всякаго въ истинѣ словъ моихъ. Но, сравнивъ и эти примѣры, пусть каждый разсудитъ: Южно-Русскій ли языкъ усовершался по образцу Польскаго, или Польскій по образцу Южно-Русскаго? Слѣдовательно Южный Русскій языкъ отнюдь не былъ *провинціализмомъ* Польскаго языка, какъ угодно было полагать г-ну Линде на стр. 2 предисловія къ »Опыту Краткой Исторіи Русской Литературы«, г. Греча.

Южно-Русскія земли, принадлежащія къ Польскому Королевству, никогда не были Польскою областью, или провинціею.

(¹) А за пять вѣковъ до того Русскій языкъ былъ уже образованъ и приспособленъ къ письменности. Еще въ XI вѣкѣ, Несторъ, инокъ Кіевопечерскій, велъ на немъ Русскую лѣтопись, и Русь XIX вѣка не находитъ его столько непонятнымъ или столько отличнымъ отъ употребляемаго ею нынѣ, сколько Поляки свой нынѣшній языкъ отъ языка XV вѣка. — Въ XV вѣкѣ Русь имѣла уже переложенную на свой языкъ Библію, тогда какъ Поляки перевели ее на свой гораздо позднѣе. Французскій авторъ книги о Евреяхъ, изд. 1818 г., упоминаетъ, что въ спискѣ Библій, хранящихся въ Ватиканѣ, подъ № 300, на стр. 288 находится славное сочиненіе Alf. Halbory, заключающее въ себѣ истолкованіе Моисеевыхъ книгъ, 1094 года, на *Русскомъ* языкѣ.

Южно-Русскій народъ составлялъ часть королевства Польскаго, точно такъ, какъ и теперь Венгрія, Богемія суть части имперіи Австрійской. Если же и положимъ, что Южно-Русскій языкъ обязанъ сколько-нибудь Польскому, то уже этотъ долгъ съ лихвою заплаченъ ему доставленіемъ множества словъ и выраженій, что̀ доказываютъ Клечевскій, Кончинскій и другіе, и подтверждаетъ самъ Линде въ твореніи своемъ о Литовскомъ Статутѣ, говоря: »Сей-то чистотѣ Русскаго нарѣчія должно приписать то, что Польскій слогъ Литовскаго Статута почитался образцовымъ.« Почему же послѣ всего этого выпустилъ онъ Южный Русскій языкъ въ своемъ Словарѣ изъ числа Славянскихъ нарѣчій?

Впрочемъ и теперь даже, при недостаточности правилъ Польской грамматики и правописанія, до тѣхъ поръ нельзя будетъ ничего опредѣлить въ нихъ точнаго, постояннаго, пока не вникнемъ въ духъ и построеніе Южно-Русскаго и Славянскаго языка и, въ случаяхъ нужды, не прибѣгнемъ къ ихъ помощи.

VIII.

Нынѣшнее отношеніе Южнаго Русскаго языка къ Великороссійскому.

Линде, въ предисловіи къ упоминаемому нами сочиненію: »Опытъ Исторіи Русской Литературы«, послѣдуя мнѣнію г. Греча, раздѣляетъ Россійскій языкъ и литературу на три періода. Первый называетъ онъ Греческимъ, второй Татарскимъ, третій Польскимъ. Не оспориваемъ вліянія Греческаго языка на языкъ Русскій, особенно книжный, потому что Священное Писаніе и всѣ почти церковныя книги были переводимы съ Греческаго, и что въ этихъ переводахъ слогъ и правописаніе совершенствовались по образцу Греческаго: почему первый періодъ справедливо можетъ быть названъ Греческимъ. Но что̀ касается періода Татарскаго, то я не согласенъ съ г. Линде. Владычество Татаръ въ Россіи не имѣло такого вліянія ни на языкъ, ни на народные обычаи Рус-

скіе, чтобы могло составить періодъ въ измѣненіяхъ языка и письменности. Ссылаюсь на авторитетъ Карамзина, который явственно доказалъ [1], что владычество Татаръ въ Россіи не оставило важныхъ слѣдовъ ни въ обычаяхъ народныхъ, ни въ законодательствѣ, ни въ домашнемъ быту, ни въ языкѣ. Едва какихъ-нибудь сорокъ или пятьдесятъ Татарскихъ словъ находится во всемъ Россійскомъ словарѣ; а хотябы даже ихъ находилось и вдвое противъ того: все же это не дастъ еще настоящаго повода допускать Татарскій періодъ въ Русскомъ языкѣ и литературѣ. Что̀ касается Польскаго періода, т. е. вліянія Польскаго языка на Русскій, то и это равно бездоказательное мнѣніе не можетъ насъ убѣдить. Могущество Россіи возрасло безъ помощи Польскаго; то же самое должно сказать и о языкѣ и литературѣ Россійской. Нигдѣ не находимъ слѣдовъ, ни въ старинныхъ, ни въ новѣйшихъ книгахъ Великой Руси, чтобы Русскій языкъ созидался по образцу Польскаго. Кто утверждаетъ это, долженъ бы привести намъ примѣры. Мы не допускаемъ даже, чтобы Польскій языкъ произвелъ вліяніе на Южный-Русскій: какимъ же образомъ онъ могъ бы дѣйствовать на Великороссійскій? Иное дѣло языкъ Южный Русскій. Онъ содѣйствовалъ конечно, нѣкоторымъ образомъ, успѣхамъ, красотѣ и богатству Російскаго языка, чего сами Великороссіяне не оспариваютъ и оспорить не могутъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить существованіе *періода Польскаго*.

Когда рѣчь идетъ о языкѣ Россійскомъ, необходимо нужно отличать древній церковный языкъ отъ древняго Россійскаго разговорнаго, или такъ называемаго *гражданскаго* языка, что̀ видѣть можно изъ сравненія ихъ между собою. Но то не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что разговорный и книжный Россійскій языкъ не былъ уже тотъ самый при Петрѣ Великомъ, какой встрѣчается въ древнихъ Россійскихъ сочиненіяхъ. Доказываютъ это Каченовскій въ »Картинѣ Россійской Литературы« и Карамзинъ въ »Исторіи Государства Россійскаго«. Когда въ новѣй-

---

[1] »Исторія Госуд. Росс.«, Т. V, стр. 854.

шія времена нѣкоторые Россійскіе писатели, подражая Французскому языку, начали портить свой народный, тогда возсталъ противъ нихъ Шишковъ въ разсужденіи о *старомъ и новомъ слогѣ*, указалъ прямые источники Русскаго языка и ревностно совѣтовалъ держаться ихъ, какъ въ разговоромъ, такъ и въ письменномъ слогѣ.

IX.

Языкъ Южно-Русскій составляетъ въ нынѣшнемъ Галицкомъ королевствѣ народный языкъ тамошней Руси, которую нынѣшніе Нѣмецкіе писатели ошибочно и несправедливо называютъ Русняками.

Что Русь составляетъ совершенно отдѣльный народъ отъ Поляковъ, такъ что ни пріобщеніе ея къ правамъ, преимуществамъ и составу Польскаго государства не могло отнять у нея собственной ея народности, ни поселеніе въ ея краѣ иноземцевъ не могло ее измѣнить — на то не требуется доказательствъ. Слѣдовательно языкъ, какой она нѣкогда употребляла и какой понынѣ употребляетъ, есть ея народный языкъ. Посему справедливо Бандтке сказалъ (1): »Нѣтъ и не было языка Галицкаго, какъ нѣтъ и не было языка Австрійскаго, Бранденбургскаго и т. д.«

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей стали называть Галицкую Русь *Русняками* (Rusniaken), а языкъ ея *Русняцкимъ* (Rusniakische Sprache). Такого названія, вовсе неизвѣстнаго въ-старину, ни Польскіе, ни Латинскіе, ни Россійскіе, ни даже лучшіе Нѣмецкіе писатели никогда не употребляли: ибо собственное и единственное ея названіе есть *Русь* или *Русскій народъ*, по-Латыни natio Ruthena, по-Нѣмецки Ruthener, а Русскій языкъ Ruthenische Sprache. Кто зналъ бы этотъ народъ только изъ подобныхъ книгъ, тотъ могъ бы подумать, что

(1) »Hist. Król. Pols«. T. I, стр. 26.

кромѣ *Руси* есть особое племя Русняковъ въ Галиціи. Такимъ образомъ, находя въ сочиненіяхъ Рорера названіе *Мазураковъ*, можно бы заключить, что въ Мазовіи существуетъ какая-то особая отрасль тамошняго народа. Но во время Польскаго господствованія не было никакихъ Русняковъ: слѣдовательно и теперь ихъ нѣтъ. Если же кто когда-либо употребилъ это выраженіе въ смыслѣ презрѣнія къ какому-нибудь частному лицу, то благоразуміе и достоинство писателя не должно бы дозволять ему употреблять то же имя въ отношеніи къ цѣлому народу. Первый, какъ намъ кажется, ввелъ это выраженіе г. Краттеръ въ своемъ сочиненіи: »Письма о Галиціи« (¹); ему послѣдовали Рореръ, Крибель, Чаплович и другіе, тогда какъ ни на одномъ другомъ языкѣ не встрѣчаемъ мы этого названія; да и прочіе Нѣмецкіе писатели, какъ-то: Шлецеръ, Гебгардъ, Гоппе, Энгель и др., упоминая о Галицкой Руси, никогда ея такъ не называли. Долгъ и обязанность каждаго писателя именовать каждую вещь настоящимъ ея именемъ и не искажать собственныхъ именъ лицъ и народовъ, но передавать ихъ съ точностью, а смѣшныхъ или презрительныхъ прозвищъ не изобрѣтать. Прозваніе же Руси Русняками потрѣшаетъ противъ всѣхъ этихъ условій! Кажется всѣ сіи писатели могли изъ оффиціальныхъ актовъ и постановленій узнать достаточно, какое собственно имя приличествуетъ Южно-Русскому народу.

(¹) »Briefe über Galizien«, стр. 147.

Примѣчаніе издателя. Статья эта написана была первоначально на Русскомъ языкѣ, потомъ переведена на Польскій и напечатана въ Львовскомъ журналѣ »Czasopism Naukowy« 1829 года, съ Польскаго же переведена опять на Русскій В. Р. и напечатана въ »Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія« 1837 года.

VIII.

ПОХОРОНЫ,

списанныя со словъ поселянина, въ Харьковской губерніи.

— Роскажіте мині, будьте ласкові, Пріхоровичу, якъ у васъ дієтця при похоронахъ старихъ и малихъ, и які у васъ водятця примхи? бо я чувъ, що є, та ні відъ кого правди не добъюсь.

— А що жъ я вамъ скажу? про другихъ, далебі, нічого не знаю, та й діло намъ до того не доходитъ. А у насъ ось якъ було:

Ще годівъ за десять до смерти, покійний панотець [царство іхъ души] зробили собі домовину; горбатоі не схотіли, а таку — зъ дошкою, зъ лісковими колками, та й латку вкинуки на ріжку, [щобъ души полегкість була виходити на страшний судъ], дубову, та простору, та й ляглй въ ню, та й попробовали, чи не буде коротка, або узька. »Гарна«, кажуть, »намъ хата буде вічня.« Потімъ поставили іі у коморі, та й насипали повну самоі кращоі пшениці, та ту пшеницю жоденъ годъ старцямъ и роздавали; а новою насипали упять. Такъ те діло велось, ажъ поки живі булй.

Ось коло другоі Пречистоі и занедужаіі; та все не подаютця, та ходять, то до клуні, то до обжілокъ навідоватьця, а далі — »Ні, вже«, кажуть, »хлопці: мабуть, годі рястъ топтати«, та й звалились на пілъ. Оце ми заразъ до отця Ивана [и вони вже на тімъ світі, царство імъ небесне], пособоровали, посповідали и запричастили; усе стало-буть, якъ довгъ Християнський слідуеть, зробили. А імъ гірша та й гірша. Якъ теперъ знаю, въ пьятницю надъ вечіръ, мати [легенько імъ згадайся] и кликнули насъ, та якъ заплачуть! та сіі речи и промовили: »Ідіть, діти, кланяйтесь батькові, бо недалеко ёго кончина! Усе на долівку проситця, відъ себе важко дише, и духъ холодний, ноги якъ лідъ, нігті посиніли, очи мутнй, усе повертаєтця, руками коло

себе, паче чого шука, все оббіраєтця; а якъ задріма, усе ёму ёго батько покійний убачаєтця, що кличе до себе; та й батюшка, посповідавши, сказали: »»Доглядайте!«« Ужè жъ вони щось помітили. Може, по тії свічці, що не дуже ясно горіла. Идіть, діти-голубъята, просіте благословення.« Ми зібрались усі; мати взяла іхъ підъ плечи и підвела, вони й сіли, и на дзигликъ ноги поставили, а ми імъ у ноги. Вони стали благословляти: насъ, братівъ, образами, а молодицъ и унуківъ христили, а ми всі іхъ руки цiловали; та тілько й вимовили: »Боже, васъ благослови усіхъ, усіхъ! Глядіть же, Бога не забувайте, до церкви ходіть, празники почитайте, матери доглядайте, повинности не тікайте, въ-купці живіть, одинъ другого поражайте. Ти, старший, [мині кажуть] на мість батька будь усімъ. Мене сховайте и відпоминайте, якъ матері велівъ. А що попереду вамъ казавъ, памятуйте, коли кістокъ моіхъ не хочете ворушити.« Та съ тимъ и злягли.

Жінота та дітвора кой-куди розійшлись, а я зъ матерью біля іхъ зостався. Про те вже я вамъ и не балакаю, що родичи и сусіди всі приходили що-для прощатьця на сімъ світі. Отъ ми зъ матерью воскову свічку засвітили, въ черепьянці ладаницю роспустили, водиці для души поставили стаканецъ на вікні, та й доглядаемъ смерти. Саме такъ, якъ перві півні заспівали, віконниця якъ грякне! ми ажъ жахнулись, та до нихъ, ажъ вони вже кончаютця. Тутъ, якъ на те, и молодиці вбігли. А мати: »Цитьте, мовчіть! не плачте! дайте мерщій свічку ёму въ руки: янгели прилетіли за душею! Молітця Богу!« Ми й стали поклони бити. А вони разівъ тричи тількі зіхнули, легенько-легенько, та й душечка вийшла. Мати тілько-тілько що вспіла іхъ перехристити та проказати: »Прощай, дружино, и мене дожидай!«

Я мерщій до церкви. Ударили тричи въ старший звінъ на східъ души; узявъ ставникъ, молитву и вінецъ; поки вернувся, а іхъ зрядили: обмили, причесали, сорочку білу наділи, ноги полотномъ новимъ обгорнули, положили на світі, на лаві, підъ образами, а въ-голови сіна гарного, степового підъ рядно підмостили, обіклали васильками, дали хрестъ у руки, мати вінецъ на голову

положи́ла, парчéю накри́ли; а я въ головáхъ постáвивъ у глéчику ставни́къ и засвіти́въ. Отъ прийшóвъ псалти́рщикъ, удáривъ три поклòни, начáвъ: »Моли́твами святи́хъ«, и ставъ читáти та приказувати: »Упокóй, Гóсподи дýшу рабá твоéго Прòхора«.

У субóту, такъ сáме якъ въ спідання, стáли по душі дзвони́ти во всі дзвòни, та повáгомъ, та жáлібно; пéрше бóвкне въ скликáнчикъ, а дáлі въ дрýгий, пóтімъ у підстàрший, та въ стàрший, та й во всі рàзомъ. Я дзвонарéві півкòпи давъ, щобъ пóти дзвонивъ, поки трічи *Вѣрую* прокáже, бо на *Поми́луй мя* и бідни́й дасть. Усякий хрещéний, якъ почýе такий дзвінъ, стáне на східъ сòнця, перехри́ститця трічи и проговóре: »Царство небéсне, вічний покій перестáвшійся душі!«

Отъ почýли и въ слободі, и стáли збірáтьця и свати́, и свахѝ, всі рòдичи, и всякі люде. Бо, бáчите, бáтька всі знáли по тімъ: позичáли людямъ грòши, и рòсту не брáли, роздавáли пшени́цю на насіння, съ тимъ — віддáсть, спасибі, а ні, Богъ зъ нимъ! на Спáса мèдомъ годувáли, волівъ спосужáли перевóзити біднимъ пашню, та й такъ тихéнько дé-кому роздавáли всячину; а ми хоть и бáчили, то й відвертáлись, нибáче не бáчимо. Вдови́цямъ и си́ротамъ на своіхъ плéчахъ ночнóі добй по мішкý мукѝ носи́ли. клáли на прѝсці, щобъ вони й не чýли, хто положи́въ [мáти тільки тимъ підмічáли, що мішківъ не ставáло]; скáзано, всякого зарятóвували, чимъ хто побідкаетця. У цéркву було́ накýплять ставникѝвъ, та нишкомъ на Вели́кдень, абó на Різдвó у цвинтарі й покладýть біля́ вівтаря, и сторожі не вшолóпають, дè взялóсь; абó корогвý спрáвлять, та й віднесýть.... такъ роби́ли, щобъ нíхтó й не підмічáвъ. Тимъ-то цілий день у субóту мира-мира все до іхъ прихóдило прощáтьця та тілові клáнятьця. А такъ, якъ пізний пòлудень, удáрили на збіръ въ одинъ; стáло бýть, тіло до цéркви винóсили. Оттýть-то було́ плачý, якъ òхристи та мáри принесли! Паньмáтка хотіли самі òхристи рушникáми перевязувати, та слéзи такъ и вдàрили. Ужé тітка Одàрка помоглá. А мáти плáкали, поки бáтюшка приіхавъ, а тоді вже гòді. Проспівáли *сò духи;* а на *вічную* якъ заголòсить увéсь миръ, такъ ажъ

отéць Иванъ [царство іхъ души] не втéрніли, та мерщій за кропи́ло, покропи́ли святóю водóю гріб, та й съ хати. Приятелі тіло въ гріб положи́ли, гріб же мати серпанкомъ ви́слали, и васи́льківъ, и клечальноі травй, и стружечóкъ у гóлови підмостили. Та й понеслй до храму Бóжого. Шість разъ Евангелію станови́лись читати, а въ нашій и въ Слободській, и въ Украінській церквахъ усé дзвóнять. Післй вечéрні ставни́къ у головахъ засвітили на всю пічéньку, а ми поклони́лись, та й додóму, робóчихъ годувати. Въ неділю, післй слýжби. пóхоронъ віднравили и понеслй на кладови́ще. Хотіли въ садý біля дідуся поховати, такъ не мóжна. Мати [легéнько імъ згадайся] самóго ляного полотнá два сувій далй, дубови́ну спускати. И тепéръ отó видніетця хрестъ чóрний та висóкий : тамъ лежать панотéць и бабýся, и дядькй— усі вмісті.

Съ кладови́ща панотéць и ввесь миръ при́йшлй до отцівського куреня номинати. А найбільше ни́щу братію покійний панотéць велівъ годувати. Спасибі жіночкамъ, на горóді розиклали óгнище, и всякоі страви нанаготовляли Ми яловицю вбили, ягнятъ съ пятеро зарізали, а про дрýге — мати то знали. Якъ проспівали *сó духи* и *вічную*, стали за стілъ сідати. панотéць на пóкуті, старі жінкй на лаві, а чоловіки на ослóні. Оцé заразъ куті зъ мéдомъ за царство покуштовали, та все приговóрюють: »Царство небéсне Прóхору Семéновичу! перóмъ земля надъ нимъ! нехай со святи́ми почиває, та й насъ дожидає!« Я ставъ підносити, комý по чарці, комý ситй; а тітка Олéна поставила пампушкй, книшй, паляни́ці; а пирогй, то зъ си́ромъ, то зъ пáчинкою, передъ жóднимъ на столі раскладені булй; сметани поставили въ мисочкахъ скрізь-скрізь по столóві. Бабýся Мовчанка стояла на полý, та все съ пéчи подає, комý чогó трéба; а пічъ, сказано, вся пирогами та паляни́цями булá заклáдена И на дрýгий стілъ, котóрий біля порóга, [посідали ті люде, що копали яму, и гріб неслй, — імъ и полотнó роздалй, на котóрому упускали дубови́ну]... такъ и на тóй стілъ післй сéго пирогй и страву все такй тітка [дай Бóже імъ здорóвья] почалй давати галушкй. пéрцемъ присипані,

бо́рщъ, ку́рятину, а на пе́ршиі передъ панотце́мъ — гу́ску пече́ну, а до поро́га — бара́нину свини́ну усе́ такі́ тітка подаютъ, та кла́няютця, та про́сять: »Году́йтесь такі́, кормі́тесь такі́, помина́йте бра́тіка« [а ма́ти зъ журбі́ у хижці вже звали́лись]. Пiсля́ сего́ ка́шу моло́шну съ пе́рцемъ, усімъ одну́, така́ вже, що ма́сло зве́рху такъ и пла́ва, я́блокъ изъ свого́ садка́ и мѐду сцільникі́въ зъ деся́токъ, покійного ба́тька — трудово́го, білого та хоро́шого, зъ самі́хъ роївъ. При конча́нні я поста́вивъ на стілъ ко̀ливо, поклони́вся низе́нько и мо̀вивъ: »Не погнiва́йтесь на бiльше, звиніте ра́ди Христа́, не посудіть; чимъ бага́ті, тимъ и ра́ді.« Отъ щѐ разъ проспіва́ли *со́ духи* и *вічную*, ко́ливомъ помяну́ли та й ста́ли росхо̀дитися.

На сей случа́й и напіма̀тка, якъ хво́рі ні булі́, а війшли и ста́ли обділя́ти ко́жному, кому́ кни́шъ, кому́ паляни́цю; а я старця́мъ сімъ кіпъ сами́ми копі́йка̀ми роздавъ [бо й воні́, пообідавши на-дво́рі на приміст ка́хъ, рахува́лись росхо̀дитьця]; а гро́ши тиі придба́въ покiйний панотѐцъ. Випровадивши, спе́ршу ста́ли ла́годити столі́ и сажа́ти, які не обiдали, та до самі́сінького смерку́ до́брихъ людей годува́ли; а самі́ почита́й о півно̀чи попоїли, та су́мно, су́мно въ ха́ті ста́ло! Усю ні́ченьку ні на во̀лосъ не заснули, — такі́й о́страхъ узя́въ.

На дру́гий день сорокоу́стъ наня́лі́, десяти́ни спра́вили. На сорокови́нахъ та̀къ було́, якъ и на по̀хоронахъ, тільки панахи́ду ще й на гробу́ пра̀вили. Псалти́рщикъ шість неділь псалти́ръ у ха́ті чита́въ; за те ёму́ покійного ба́тька свиту відміни́ли, и ху́стку, и малаха́й, що колись, якъ молоді булі́ ба̀тько, та все его́ по сіно іхавши накладали. Ма́ти на зорі що-дня́ ходи́ли на кладо́вище навідуватьця та голоси́ти, а відтіля́ въ цѐркву; а піcля́ сорокови́нъ го̀ді се роби́ти. »Тепе́ръ«, ка́жуть, »не піду́ вже до го́ду, бо гріхъ«; та такі́ не втѐрпіли: у Дми́трову субо́ту ще́ хода́ли.

— Та більше й нічо̀го?

— Тільки жъ. Бачъ, чувъ я ще й се: якъ дідуся хова̀ли, такъ люде не неслі́ домови́ни, а везлі́ вола̀ми на са́няхъ, хоть то и въ літку було́. Волі́ самі добрі́ні запряга́ли підъ те діло, и віддава́ли

іхъ ужé на пóминки панотцямъ: такъ прямо съ кладовúща и відганяли съ саньмú до іхъ у двіръ. А після обіда [казáвъ такú покійний бáтько] вонú такú самú достáли каппýкъ карбóванцівъ изъ скрині дідусéвоі, та й вúсипали на підніс, на столі, та скілько хто хотівъ, стілько за пóхороне й брàвъ; бо то грóши булú на те обрèчені; а всіхъ не булò зáбрано, остáлось довóлі ще й на підносі.

— Скажіть же, спасúбі вамъ, Прóхоровичу, нà що той стакáнчикъ зъ водóю на вікні стоявъ?

— Тогó вже до-ладý не докажỳ. Кáжуть старі люде, що душá покійника до шестú неділь на сімъ світі ще побиваєтця и прилітá водúці пúти до старóго куріня, бо іи дýже трýдно и тяжко по митáрствахъ; та Бòгъ ёгó зна, чи тàкъ вонó! Люде, бачъ, ищé й сè рóблять: ворòта зачиняють, якъ вúнесуть трупý зъ двора́, щобъ смèрть не вертáлась; у хáті и лавкú жúтомъ посипáють, щобъ ужé всі жúві та здорòві булú; постèлю съ-підъ покійника у хлівъ викидáють до трохъ день, щобъ усé лихè відстáло. Та се вже, мáбуть, не зовсімъ по-Бóжому, а люде самú вúтіяли. Ще й тè гомонять: есть такі временьщикú, котрі піддалúсь лукàвому; після́ смéрти встають и хóдять на свій двіръ, угáму не дають живúмъ; такъ іхъ нàче бъ то осúковою колякою грібъ прибивáють, та мині сёгó не лучàлось бáчити. А оцé й тепèръ вòдитця: е похóвані надъ дорòгами, то чумакú, то тàкъ дé-які прохожáлі; такъ на іхъ могúли жáденъ, хто йдè абó іде, полінце, скіпку, травý, абó грýдку землі кúдають; а нà що вонó, Бòгъ ёгó зна, — бýцімъ би то й самú помагáли ховáти.

— Чомъ же ви мині про малúхъ дітòкъ нічòго нé росказáли?

— Про іхъ òсь що: не підперѐзаного не трéба ховáти; бо на тімъ світі хтось-то дасть ёмý яблучко червóне грáтьця. а вонó мáе въ пàзуху сховáти; а яблучко до-дòлу, а вонó вишять дастаé, та все въ пàзушку; а вонó вишять до-дòлу; та такъ бідне́ньке й бýде мýчитьця зъ яблучкомъ. А якъ підперéзане пояскòмъ, то схова́, а вонó й не вúпаде съ пáзушки. Ще й нòгтівъ не зрізують малóму, атó на якýсь-то гòру не здерéтця, — чи на святý, чи щò:

бачишъ, нічимъ би то буде ухопитьця. Мати за першою дитиною малою, котра умре, на кладовище не ходить, бо гріхъ відъ Бога заразъ за першимъ та її жалкувати и його провожати. Оттимъ-то и приказка є така:

»Якъ умре мала дитина,
То добра година;
А якъ умре дружина,
Лихая година!«

Воно янгеля за батька та за матірь відмолюватиме.

А оце своіми очима бачивъ, и самъ бувъ при сёму. У Назарёвича Недогона, якъ дочку його ховали, — молоду та хорошу, та чепурну, та звичайну... тільки шістьнадцять годівъ ій було... що то за дівчина була люба та міла, та до людей привітна! та й смерть ії Богъ пославъ швиденько. Захворала, Бо' зна що балакала и жахалась. Кажуть, зъ річки прийшла, сорочки прала, та щось ій и поділялось: або підвіяло, або на ополонці стріло, а може и зъ очей, бо всякі лихі люде есть. Уже й молебінь правили, и ладаномъ херувимськимъ підкурювали, и васильки брали съ-підъ хреста, вичірнею водою умивали; ти-мовъ и получча, та впъять; отъ и до баби возили, и Солодкий приходивъ,—чого не робили! та вже коли наречено вмирати, и знахурі не віднепчуть. Та підъ самоі Варвари, якъ ударили до вечерні, Богу ії душу віддала. Отъ тамъ я надивився, що тамъ робилось! Мати та побивалась, насилу підъ плечі відвели геть; а батько такъ и вхопится за голову: »Де жъ моя Парася, де жъ моя дитина? хто жъ мене розуватиме? хто на вулиці стрічатиме? хто мене роздягнё? Де бъ я не бувъ, хоть о північі прийду, а вона, моя голубка, сіни відсуне, шапку візьме, поясъ повісе и ліжко перетрусе... лучче бъ я ії на світъ не родивъ!...« Позбірались усі сусіде та розважають, щобъ взялись за товкъ та що слідує робили. Ось, якъ прибігла Оёдоровна-бабуся, та якъ загомонить: »Що ви робите, дурні діти? годі вамъ голосити, Бога прогнівляти!« та й ну порядки давати; тоді всі

тільки дивлятця. Отъ и стáли снаряжáти пáче зáміжъ: сорóчку тяпнý наділи, картáту плáхту, червóною окрáвкою підперезáли, кипарúсовий хрèстъ, що дідýсь изъ Кúева припісъ, на чóрній бáрхатці почепúли на шúю, кóси розпустúли, стрічку сúню на гóлову повязáли, віпкй съ червóнихъ скиндячóкъ пришпилúли, сапъяпóві черевúчки па нóги обýли, та й на стілъ, — ужé на лáвку не клáли, — серпáнкомъ рýки прикрúли, квіткáми сухúми то съ крóкосу, то зъ рóжі обквічáли; такъ ужé зрядúли, що хоть неживè, то заплáче. Тутъ и дружкй почалú збірáтьця. А якъ прийшлá порá ховáти, стáли дружóкъ стёжкáми повязувати, усімъ хустки давáти, — крий-Бóже, якъ-то жáлібно! Самú дружкй въ домовúну клáли и до ями неслú. А мáти побивáлась, побивáлись... пóтімъ ужé тілько стóгне; якъ-бй не кумъ Панькó, десь би такъ и ввірвáлась у яму, атó той, спасúбі, держáвъ підъ плèчи та все розважáвъ. А якъ опустúли та стáли землèю закидáти, такъ у-трёхъ насúлу вдéржали; такъ и лізе самá, не бáче кудú. Не дáй, Гóсподи! таке у-другe бáчити!...

Лісовикъ.

IX.

О ПРИЧИНАХЪ

ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ и МАЛОРОССІЯНЪ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

ДВѢ СТАТЬИ, М. ГРАБОВСКАГО и П. КУЛИША, ПО ПОВОДУ НЕДАВНО ОТКРЫТАГО УНИВЕРСАЛА ГЕТМАНА ОСТРЯНИЦЫ.

О ПРИЧИНАХЪ

ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ И МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.

УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА ОСТРЯНИЦЫ.

Переводъ.

Стефанъ-Христофоръ изъ Острога и Остра Остря́нинъ, Божіею милостію новоизбранный гетманъ, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ.

Объявляемъ симъ нашимъ универсаломъ всѣмъ вамъ, благородно рожденнымъ козакамъ, нашей братіи, прославившимся съ давнихъ лѣтъ во всей подсолнечной многими рыцарскими дѣлами

Подлинникъ.

Стефанъ Криштофъ зъ Острога и Остра Остранинъ, по ласці Божой новоучиненний гетманъ, зо всім Войскомъ Запорожским (1).

Ознаймуємъ сімъ універсаломъ нашимъ вамъ, всімъ шляхе́тно урожо́нимъ, братті нашій, отъ многихъ літъ премногими рицарскими дѣлами

---

(1) Открытіемъ этого драгоцѣннаго документа обязаны мы М. О. Судіенку, который помѣстилъ его въ третьемъ томѣ изданной имъ Лѣтописи Величка. Правописаніе универсала Остряницы принадлежитъ началу XVIII столѣтія, ибо онъ открытъ не въ подлинникѣ. Такъ какъ нѣкоторыя гласныя буквы произносились грамотными Малороссіянами того времени иначе, нежели стали бы ихъ

и подвигами, и живущимъ, съ отдаленныхъ временъ предковъ своихъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра въ Малой Россіи, отчизнѣ своей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему простому народу Малороссійскому: что, какъ въ прежнія времена, такъ и въ этомъ году, не могли мы, съ сердечною горестью и болью, переслушать и исчислить приносимыхъ вами жалобъ и слезныхъ просьбъ намъ, войску Низовому Запорожскому, касательно чинимыхъ вамъ притѣсненій, разореній и несносныхъ налоговъ отъ Ляховъ, квартирующихъ во всей Малой Россіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

и отвагами во всей подсолнечной прославившимся, по обоіхъ сторонахъ ріки Дніпра, въ Малой Россіи, отчизні своей, зъ предковъ своихъ, отъ давніхъ временъ мешкаючимъ, тутъ же и всему посполитому пароду Малороссійскому: ижъ яко прошлихъ временъ, такъ и сего літа, зъ великимъ сердечнимъ жалемъ и болізнію не моглісьмо переслухати и изреестровати безпрестанно доносячихся намъ, войску Низовому Запорожскому, отъ васъ скаргъ и плачливихъ суплікацій о дѣючихся вамъ обидахъ, утискахъ, разореніяхъ и незноснихъ налогахъ отъ Ляховъ, во всей Малой Россіи, по обоіхъ сторонахъ Дніпра, консистуючихъ. Не спецификуемъ

читать теперь въ Сѣверной и въ Южной Россіи, да притомъ въ спискѣ, напечатанномъ г-мъ Судіенкомъ, не вездѣ соблюдено однообразное употребленіе извѣстныхъ буквъ для выраженія извѣстныхъ звуковъ; то языкъ универсала для самихъ Малороссіянъ нашего времени кажется какъ-бы чужимъ. Чтобы сообщить ему тотъ видъ, въ какомъ онъ представлялся слуху, а не глазамъ, старинныхъ людей, позволяю себѣ приноровить его правописаніе къ произношенію, принявъ для выраженія мягкаго и остраго звука *и* двѣ буквы — *и* и *і* — и отвергнувъ Великорусскій звукъ *ы*, Малороссійскому произношенію несвойственный. Замѣчу впрочемъ, что универсалъ Остраницы писанъ оффиціальнымъ языкомъ своего времени, и потому въ немъ много словъ и оборотовъ Польскихъ. Видно, козацкій гетманъ нашелъ необходимымъ подражать обычному языку судебныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій въ Украинѣ, чтобы явиться въ глазахъ народа мужемъ государственнымъ. Но рѣчь его не была отъ того темна для слушателей, ибо Польскій языкъ въ то время распространенъ былъ въ Малороссіи, какъ рѣчь людей образованныхъ, какъ рѣчь утонченная и усвоенная высшимъ сословіемъ Южно-Русскимъ, не говоря уже о множествѣ природныхъ Поляковъ, находившихся въ Малороссіи и заставлявшихъ народъ понимать свой языкъ волею и неволею.

Не исчисляемъ подробно здѣсь того, что они, Ляхи, начавъ съ недавняго времени, лѣтъ пять, или шесть назадъ [ибо давнишнія ихъ злодѣйства предали мы забвенію], какъ не-Христіяне, вамъ, православнымъ Христіянамъ, сдѣлали, а именно въ городахъ и повѣтахъ: Козельскомъ, Баришпольскомъ, Басанскомъ, Березанскомъ, Гоголевскомъ, Яготинскомъ, Остерскомъ, въ Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, Прилуцкомъ, Варвинскомъ, Сребрянскомъ, Красноколядинскомъ, Конотопскомъ, Любецкомъ, Березнаскомъ, Менскомъ, Сосницкомъ, Коропскомъ и Кролевецкомъ, въ Лубенскомъ, Лохвицкомъ, Пырятинскомъ, Чигринъ-Дубровскомъ и Роменскомъ, Переяславскомъ, въ Гадячскомъ, Миргородскомъ и во всѣхъ иныхъ, гдѣ только были и есть ихъ безразсудные и безжалостные къ Христіянскому народу постои.

Вы сами, наша братія, живущіе въ исчисленныхъ городахъ и

ретѣльне тутъ того, что они, Ляхи, сіхъ недавнихъ временъ почавши, отъ літъ пяти, или шести [давнійшиі бо іхъ всі збродні и злиі учинки занехавши], аки не-Христіяне вамъ, православнимъ Христіянамъ, виброіли и учинили, а именно въ городахъ и повітахъ: Козельскомъ, Баришпольскомъ, Басанскомъ, Березанскомъ, Гоголевскомъ, Яготинскомъ, Остриццкомъ, въ Ніжинскомъ, Борзенскомъ, Прилуцкомъ, Варвинскомъ, Сребрянскомъ, Красноколядинскомъ, Конотопскомъ, Любецкомъ, Березинскомъ, Менскомъ, Сосницкомъ, Коропскомъ и Кролевецкомъ, въ Лубенскомъ, Лукомскомъ, Лохвицкомъ, Пирятинскомъ, Чигринъ-Дубровскомъ и Роменскомъ, Переясловскомъ, въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и во всіхъ иншихъ (1), где тілько іхъ небачная и милости (на) народъ Християнский неимущая зоставала и зостаетъ конвенстенція.

Самі ви, въ пречечоныхъ городахъ мешкаючиі, браття наше, доносили

---

(1) Величко говоритъ, что Остряница разослалъ шесть списковъ своего универсала въ Украйну Малороссійскую, лежащую по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, именно въ повѣты Черкаскій, Бѣлоцерковскій и Уманскій, а на другую сторону Днѣпра — въ Переяславскій, Нѣжинскій и Лубенскій. Такъ какъ въ этомъ спискѣ не упомянуто ни одного города за-Днѣпровскаго, то надобно думать, что въ спискахъ, назначенныхъ для Заднѣпрія, тамошніе повѣты исчислены такъ точно, какъ здѣсь повѣты Восточной Малороссіи.

повѣтахъ, доносили о томъ, вы сами о томъ знаете, яко самовидцы и жалобливые намъ доносители. Но мы съ своей стороны вамъ это представляемъ и къ вашимъ горестямъ присовокупляемъ нашу горесть, которую причинила намъ вѣсть, дошедшая до насъ изъ Остра, изъ дома отца нашего. А принесъ ее намъ родной братъ нашъ, который прибылъ сюда, въ Запорожскую Сѣчь, съ вышибеннымъ тирански отъ Ляховъ глазомъ. Онъ, съ горячими и неизсякаемыми слезами, объявилъ намъ и всему войску Низовому Запорожскому, на радѣ, о своемъ и всего дома нашего отъ Ляховъ бѣдствіи и разореніи, и именно: что нѣкоторый Геродовскій, квартирующій въ Острѣ, въ настоящую истекающую зиму, передъ радостными святками Рождества Господня, не довольствуясь тѣмъ, что ему и другимъ постояльцамъ козаки и мѣщане Остерскіе [сверхъ правъ и законности] доставляютъ, возымѣлъ какую-то особенную ненависть и злобу къ отцу моему, гордящемуся со временъ предковъ своихъ благороднымъ (шляхетскимъ) козацкимъ правомъ, и грозно приказалъ ему, отцу моему, доставлять еже-

---

о томъ, знаете, яко самовидці и намъ о всемъ томъ жалобливі доносителі. Виражаемъ еднакъ и ко болізнямъ вашимъ печаль и болізнь нашу прилагаемъ, которая дойшла намъ ([1]) на сіхъ часехъ відати зъ Остра, зъ дома отца нашего, чрезъ родного брата нашего, зъ вибитимъ тиранско отъ Ляхохъ окомъ тутъ до Січи Запорожской къ намъ прибилого, которий, зъ ревними и неутолимими слезами, такое намъ и всему войску Низовому Запорожскому, въ раді, учинилъ донесение о своемъ и всего дому нашего бідствії отъ Ляховъ и разоренії, сказавши виразне тое: ижъ ніякийсь Геродовский, консистуючий въ Острі, сеі сходячоі зіми, предъ радостними святками Рождества Господня, при иншихъ всякихъ довольствахъ ему зъ иншимъ товариствомъ отъ козаковъ [надъ права и слушность] и отъ міщанъ Острицкихъ виставчаемихъ, яковуюсь особную къ отцу моему, шляхетскимъ козацкимъ правомъ зъ продковъ своихъ

([1]) Въ изданіи г-на Судієнка это слово напечатано : *насъ*. Я поправилъ потому, что это выраженіе часто встрѣчается въ старинныхъ бумагахъ. См. ниже, стр. 341, *универсалъ Мазепы*.

мѣсячно — не для себя, но для собакъ, своихъ братьевъ, по три ведра творогу и по ведру масла. Когда же мой отецъ не исполнилъ этого — и не по чему иному, какъ по домашнимъ недостаткамъ; то Геродовскій, озлясь на это, — въ самый тотъ день радостнаго праздника Рождества Господня, горемъ и плачемъ наполнилъ домъ нашъ; ибо приказалъ палачамъ, своимъ слугамъ и братьямъ, взять отца моего, семидесятилѣтняго, совершенно сѣдого старца, и ущемить его шею въ частоколъ церковной ограды, — а былъ въ то время сильный холодъ съ мятелью, — и не велѣлъ выпустить его изъ этого нестерпимаго и позорнаго заключенія, пока весь народъ не вышелъ изъ Божіей службы (отъ обѣдни) и пока всѣ люди, бывшіе въ церкви, тому [при всемъ ихъ сожалѣніи] не посмѣялись.

Послѣ этого тяжкаго и нестерпимаго безчестія, сдѣланнаго престарѣлому отцу моему, тотъ же Геродовскій, или лучше Христоненавистный Иродъ, спустя дня два, или три, вторгнулся, въ пья-

---

щитящемуся, завзявши ненависть и ранкоръ, приказалъ сурово ему, отцу моему, на каждий мѣсяцъ, не для себе, но для хортовъ, своіхъ братовъ, вистачати по три ведрі сиру, а по четвертому масла; чого гди отецъ мой не исполнилъ, не для чого иного, тілько для власнихъ недостатковъ домашніхъ, теди онъ за тое узливишись, жалостію и плачемъ наполнилъ домъ нашъ, гди отца моего, семдесятное время въ совершенныхъ сідинахъ жизнь свою провождающого, приказалъ катамъ, слугамъ и братамъ своімъ, вложити въ тинъ шиею на цвинтарі церковномъ, въ самую морозную и снѣжную тогда заверуху, и потоль зъ того незносного и ругательного вязення не повелѣлъ отпустити, поколь зъ служби Божой не вийшли и поколь всі люди, въ церкві бившіе, тому [хочай то било зъ іхъ жалемъ] не посміялися.

Послі того такъ тяжкого и нестерпимого безчестія, отцу моему престарілому учиненого, тотъ же Геродовскій, альбо власній Христоненавистний Иродъ (1), третого, чили четвертого дня, набігши пьяний и без-

---

(1) *Иродъ* по-Польски *Геродъ*; слѣдовательно *Геродовскій* звучало въ слухѣ тогдашняго Малороссіянина такъ, какъ бы сказать *Иродовскій*. *Пр. изд.*

номъ и безумномъ видѣ, въ домъ отца моего и требовалъ, чтобъ его потчевали венгерскимъ виномъ. Когда же отецъ мой не могъ исполнить этого требованія такъ какъ въ Острѣ венгерскаго вина не было, то онъ, на зло, началъ потчевать моего отца оковитою (высшей крѣпости) водкою и, наливъ серебряную чарку, почти въ кварту мѣрою, велѣлъ выпить ее престарѣлому отцу моему за здоровье короля и Рѣчи Посполитой Но, какъ отецъ мой не въ силахъ былъ этого сдѣлать, то онъ, будучи пьянъ, озлился и, для окончательнаго поруганія отца моего, отрѣзалъ ему цвѣтущую сѣдинами бороду, захвативъ и тѣла, а потомъ тяжелымъ и смертоноснымъ чеканомъ своимъ, безъ всякаго уваженія и жалости, далъ ему по плечамъ и по груди болѣе десяти ударовъ. отъ которыхъ отецъ мой, проживъ только шесть дней, переселился отъ сей жизни въ жизнь вѣчную, оставивъ насъ, дѣтей своихъ, въ горести и слезахъ, на всегдашнее сиротство.

Но Героdовскій, этотъ проклятый потомокъ Иродова Христо-

розумний зъ подобною собі компаніею въ домъ отца моего, потребовалъ, абй его частóвано виномъ венгерскимъ; а гди того отецъ мой не моглъ исполнити за небитностью въ Острі вина венгерского, тéди онъ на неню началъ частовати отца моего горілкою своею оковитою (¹) и, налившн оной чарку срібную, мало не въ кварту будучую, велілъ випити всю старушкові отцу моему за здоровье королевское и Річи Посполитой. Того, гди отецъ мой не моглъ учинити, тéди онъ, пьяний, за тое узлившись, не тілько, на веекопечное поруганіе, отцу моему сідинами цвітущую, займаючи и тіла, урізалъ браду, мало къ тому зачепивши и горла, алé и тяжкимъ нáдто и смертоносимъ своимъ обухомъ, безъ жáдного респекту и літости, по плéчахъ и грудяхъ кількопáдесять сотворилъ ударовъ, отъ которихъ отецъ мой больмъ надъ шесть дней не поживши, мусилъ преселитися во вічную жизнь отъ жизни сея, насъ, дітей своіхъ, печальнихъ и плачевнихъ, всегдашнему а непрестаемому вручивши сиротству.

Но и тимъ отца нашего убийствомъ онъ, Героdовский, Иродового

(¹) Высшей крѣпости водка

ненавистнаго племени, не удовлетворился такимъ злодѣйствомъ. На четвертый или на пятый день по погребеніи отца нашего, онъ взялъ изъ нашего дому насильно брата нашего на порошу, въ трескучіе и несносные морозы, и. посадивъ его безъ сѣдла на свою водовозную клячу. далъ ему пару собакъ на сворѣ. Когда же выѣхали въ поле и началась охота, и когда поднято было нѣсколько зайцевъ. — подскочилъ къ моему брату одинъ служка и велѣлъ ему спустить со своры собакъ, которыхъ онъ держалъ, что́, очевидно, сдѣлалъ по приказу своего господина. Геродовскій же, этотъ тиранъ и мучитель человѣческій, увидя моего брата безъ собакъ, наскочилъ на него и, спросивъ: гдѣ собаки? ударилъ безъ милосердія арапникомъ брата моего по головѣ, и въ это время арапникъ концомъ своимъ вышибъ ему глазъ.

Отъ этого тиранскаго и безчеловѣчнаго удара братъ мой, полумертвый, упалъ съ клячи Геродовскаго, который приказалъ еще служкамъ своимъ избить его немилосердно арапниками по всему тѣлу. Наконецъ, видя его мертвымъ и бездыханнымъ, взвалили

Христоненавистного племени проклятий потомокъ, не вконтентовавшися, — по погребеніи отца нашего, четвертого, чили пятого дня взялъ гвалтомъ зъ дому брата моего на порошу, въ часъ тріскучихъ и незносныхъ тогда морозовъ, и, всадивши его о̂хлянъ на свою водовозную бербіггу, далъ ему на смичі хортовъ пару. Виїхавши зась въ поле, гди роспустилъ мисливство и гди спужено пісколько зайцовъ, въ тотъ часъ еденъ служка его, Геродовского, прибігши велілъ пустити брату моему зъ смича хортовъ, якиі били въ него: знатно, учинилъ тое по приказу пана своего. А Геродовскій, тиранъ и мордерца людский, не увидівши хортовъ на смичі въ брата моего, наскочилъ на него конемъ и испитавши: где хорти? ударилъ, тиранскимъ замахомъ, канчукомъ по голові того брата моего, въ якиі часъ канчукъ концемъ своімъ и око вилупилъ оному.

Отъ которого тиранского и безчеловічного удару гди братъ мой полумертвий зъ бербіги Геродовского упалъ на землю, те́ди онъ, Геродовский, еще довольно служкамъ своімъ велілъ его канчуками по веімъ тілі немилостивне зранити, а наконецъ вмісто мертвого и бездушного чело-

его брюхомъ на ту же клячу, какъ-будто мѣшокъ съ какой-нибудь пашнею, и Героловскій велѣлъ одному изъ своихъ служекъ отвезти его къ нашему дому и бросить у воротъ, какъ негодный мертвый трупъ.

Увидѣла это многопечальная моя мать-старушка и, объятая невыразимою болью сердечною, велѣла другимъ братьямъ и сестрамъ моимъ внести въ хату нашего брата, тирански избитаго, изуродованнаго и почти бездыханнаго, и съ трудомъ могли оттереть и привести въ прежнее состояніе замороженныя руки и лицо его.

Послѣ этой тиранской чаши, изуродованный братъ мой едва черезъ нѣсколько недѣль началъ выздоравливать; но тутъ опять услышалъ отъ того жъ мучителя Геродовскаго разныя на себя похвальбы. Спасаясь отъ новыхъ бѣдствій и унося послѣднія свои силы, онъ прибылъ сюда, въ Запорожскую Сѣчь, еще больной, съ тиранскими знаками на своемъ тѣлѣ [кромѣ вышибеннаго глаза], и обо всемъ, что̀ съ нимъ самимъ и съ покойнымъ отцомъ моимъ произошло и что̀ тутъ описано, принесъ всему войску Запорожскому

віка, яко міхъ съ пашнѐю якою, зрінувши чѐревомъ на тую жъ бербігу свою, велілъ єдному служкі своему отпровàдити до дому нашого и предъ ворòтами яко непотребного и мѐртвого изринути труна.

Щò многопечальная и неисказанною болізнию объятая старушка матка моя увидівши, другимъ братàмъ и сѐстрамъ моімъ веліла внести до хати того тиранско убитого и скаліченого и мало въ собі духа иміючого брата нашего и залѐдво отмороженние руки и тваръ возмогли ему отвілжити и до першой приспособити битности. По якой тиранской честі, залѐдво въ кілько недель тотъ окаліченний братъ мой ели почалъ прихòдити до здоровья, знову почулъ на себе отъ того жъ мордѐрці Геродовского происходячие пòхвалки, которихъ уходячи и остатную частку здоровья своего уносячи, прибылъ тутъ до Січи Запорожской, еще хорий и знаки тиранские [кромі вибитого ока] на тілі своемъ иміющий, и о всемъ томъ, що ся зъ нимъ и небòжчикомъ отцемъ моімъ діяло и тутъ виражено, словесную, жалости и неутомимихъ слезъ полную, всему Войску Запорож-

словестную, жалости и неутолимыхъ слезъ полную реляцію. Узнавъ обо всемъ этомъ, не только мы, новоизбранный гетманъ, но и все войско Запорожское, подвинулись великою горестью и рѣшили единодушнымъ совѣтомъ выступить изъ коша (стану) Запорожскаго съ войскомъ на Украйну Малороссійскую, для освобожденія, при помощи Божіей, васъ, народа нашего православнаго, отъ ярма, порабощенія и тиранскаго Ляшскаго мучительства и для отмщенія нанесенныхъ обидъ, разореній и мучительскихъ поруганій вамъ, нашей благородно рожденной братіи и всему простому народу Русскаго племени, живущему въ Малой Россіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

Поэтому вы, братія наши, прочитавъ этотъ открытый листъ нашъ, взгляните на дѣло глазами вашего разума и разсудите: не законно ли мы съ войскомъ Запорожскимъ затѣваемъ войну противъ Ляховъ, непріятелей и враговъ нашихъ, и еще ли не вывели васъ изъ терпѣнія ихъ непомѣрныя на постояхъ у васъ выдумки, »окóрмы и напитки«? И неужели вамъ пріятно видѣть, какъ вашихъ отцовъ и матерей постоянно предаютъ поруганію и безче-

---

скому учинилъ реляцію, которую не тілько ми, новообраний гетманъ, лечъ и все Войско Запорожское жалостію великою взрушені будучи, постановилисмо згóдною порадою и совітомъ рýшити зъ коша Запорожского зъ войскомъ на Украіну Малороссійскую для видвигнення, при помощи Божой, васъ, народа нашого православного, отъ ярма, порабощенія и мучительства тиранского Ляховского и для отмщенія починенихъ обидъ, разореній и мучительскихъ ругательствъ вамъ, братті нашой шляхетне урожóной, и всему поспóльству рода Руского, въ Малой Россіи, по обоіхъ сторонахъ Днipa, мешкаючому.

Ви прéто, браття наше, вичитавши сей отвóристий листъ нашъ, обачте разума своего очима и уважте: если ми зъ войскомъ Запорожскимъ не слýшне затіваемъ діло военное противъ Ляховъ, непріятелей и враговъ вашихъ, и если еще вамъ не допекли іхъ збиточнії на консістенціяхъ вашихъ вимисли, окóрми и напитки, и если вамъ мило видіти отцовъ и матерей своіхъ, всегда ругаемихъ и безчестимихъ, такъ-же бра-

стію, какъ вашихъ братьевъ, сестеръ и женъ тирански убиваютъ, окровавливаютъ и мучатъ, какъ ихъ на льдяныхъ ломкахъ, въ трескучіе морозы, погоняютъ и обливаютъ водою, какъ ихъ (чего не слыхано подъ солнцемъ) запрягаютъ въ плугъ, будто воловъ, и какъ ихъ Христоненавистные Жиды, по Ляшскому приказанію, бичуютъ и погоняютъ, чтобъ они хорошо тащили плугъ и голый ледъ, безъ всякой пользы, для одного смѣха и ругательства, орали и чертили! Все это и многое другое (что и письмомъ выразить стыдно и неприлично) происходило и нынѣ происходитъ въ городахъ и повѣтахъ вашихъ, кратко исчисленныхъ въ началѣ этого нашего универсала.

А что всего важнѣе, такъ это то, что эти непріятели наши, отступники и еретики Ляхи, стараются перемѣнить, привести къ Римскому заблужденію, обратить и насильно преклонить къ Уніи и самую хвалу Божію, которая совершается отъ начала крещенія Руси и, какъ солнце, сіяетъ въ Европѣ незыблемымъ благочестіемъ; и уже въ нѣкоторыхъ Украинскихъ городахъ есть знаки и свидѣтельства этого ихъ посягательства.

товъ, сéстеръ и женъ, тиранско забиваемихъ, роскрівавляемихъ и мордуемихъ, по ломкахъ ледовихъ въ трескучії морози попуряемихъ и обливаемихъ, въ плугъ, аки воловъ (чого подъ слонцемъ не слихано) запрягаемихъ, а чрезъ Жидовъ Христоненавистнихъ, по приказу іхъ Ляховскомъ, бичуемихъ и поганяемихъ, аби добре тягли и голий ледъ безпотребне, на едно посмівиско и ругание, орали и рисовали. Щó все и множайшое (чого и виразити письмомъ встидно и неприлично) діялося и теперъ діется въ городахъ и повітахъ вашихъ, въ початку сего листа нашого коротко намененихъ.

А щó найбольша, же и хвала Божия, въ церквахъ православнихъ нашихъ Греко-Рускихъ отъ начала крещенія Руского отправуемая и, аки слонце, непозиблемимъ въ части світа Европійского благочестиемъ сияющая, отъ тихъ же неприятелей нашихъ, отщепéнцовъ и еретиковъ Ляховъ, хощетъ и усиловуется премінити и до заблужденія Римского на унію обернути и гвалтовне преклонити; чого уже и нéвне по нікоторихъ городахъ Українскихъ суть знаки и документа.

Итакъ вы, братія наши, благородно рожденные козаки, живущіе въ Малороссійской Украйнѣ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, со всѣмъ мѣщанскимъ и сельскимъ простымъ народомъ, уразумѣвъ и обсудивъ все то, что здѣсь кратко изображено, склонитесь вашими сердцами къ нашимъ сердцамъ и желаніями вашими къ нашимъ желаніямъ и, соединясь съ нами [когда мы прибудемъ въ Украйну съ войскомъ Запорожскимъ], извольте начинать, въ полномъ вооруженіи, при всесильной помощи Божіей, со всѣмъ усердіемъ, военное дѣло противъ Ляховъ, своихъ непріятелей. И для того, покамѣсть мы прибудемъ въ Украйну, извольте готовить и кормить коней своихъ, такъ-же добывать и устроивать доброе, исправное оружіе съ надлежащимъ къ нему запасомъ, то есть порохомъ и пулями, а такъ-же заготовляйте себѣ и съѣстные походные запасы. Ляшскихъ же льстивыхъ и лживыхъ писемъ и универсаловъ никакихъ не слушайте и имъ не вѣрьте, на ложные распускаемые ими въ народѣ слухи не обращайте вниманія, и плутовства ихъ не бойтеся. И пускай васъ не устрашаетъ Кумейская война войска Запорожскаго съ Ляхами въ прошломъ году:

А такъ ви, браття наша, шляхетне урожонні козаки, по обоіхъ сторонахъ ріки Днѣпра, на Украіні Малороссійской жиючиі, со всімъ мещанскимъ и сільскимъ посполитимъ народомъ, все тое, що тутъ вократці написалося, зрозумівши и уваживши, преклоніте серца ваша до сердецъ нашихъ и желанія ваша до желаній нашихъ и, совокупившися зъ нами [гди зъ Войскомъ Запорожскимъ на Украіну прибудемъ], съ полнимъ оружиемъ, при всесильной помощи Божой, извольте усердно противъ Ляховъ, непріятелей своіхъ, военное зачинати діло и промыслъ. Для чого, німъ ми зъ войскомъ прибудемъ на Украіну, извольте готовати и кормити коні своі, такъ-же иміти и приспособляти доброе, исправное оружие зъ належйтимъ до него припасомъ, то есть порохомъ и кулями, и харчъ собі походную потребную приспособляйте жъ. Жаднихъ тежъ Леховскихъ прелестнихъ и омайчливихъ письмъ и універсаловъ не слухайте и імъ не вірте, и відомостѐмъ іхъ лживимъ, въ народъ на устрашеніе его розсіваемимъ, ні мало не вірте, и плутовства іхъ не бойтеся. А ні Кумейская тогорочная войска Запорожскаго зъ Ляхами война нехай васъ не устра-

ибо они ложно и несправедливо разглашають, что |дѣло невозможное| будто бы они подъ Кумейками поразили на голову войско Запорожское и устлали козацкими тѣлами дорогу на полъ-мили. Еслибы это было такъ въ самомъ дѣлѣ, то съ кѣмъ бы послѣ этого Ляхи дѣлали договоръ и заключали миръ? развѣ съ мертвыми козацкими трупами? Или они то называютъ пораженіемъ войска Запорожскаго, что |да и то произошло отъ неисправности тогдашняго обозпаго| отрѣзали часть козацкаго обоза съ тремя пушками? но въ людяхъ, благодаря Бога, мало нанесли вреда войску Запорожскому, ибо, по повѣркѣ того войска, оказалось убитыхъ товарищей семь-сотъ-девяносто-пять, а раненныхъ восемь-сотъ-пятнадцать. А что Ляхи говорятъ о дорогѣ, устланной на полъ-мили козацкими тѣлами, то, видно, они — или хорошо не досмотрѣлись, будучи въ воинскомъ запалѣ, чьими тѣлами покрыта наиболѣе та дорога, или лгутъ умышленно и ту свою ложь повторяютъ и разсѣваютъ въ городахъ и селахъ, для устрашенія всего народа. А мы вамъ истинно объявляемъ, что ихъ,

---

шаетъ; бо они фальшиве и неправедно розголошаютъ тое |що річъ есть неподобна|, що будто тамъ, подъ Кумейками, на голову войско Запорожское поразилц и на полъ-милі шляхъ трупомъ козацкимъ устлали. Гди жъ еслибы такъ било, то съ кимъ би они, Ляхи, тогді трактъ чинили и покой завирали? разві зъ мертвими козацкими трупами? И хиба они, Ляхи, тое описують за поражку на голову войска Запорожскаго, же |и то сталося за несправностю обозного тогдашного| часть обозу козацкого зъ трома штуками арматъ урвали? а въ людехъ войска Запорожскаго мало зашкодили, благодареніе Богу; бо, по ревизіи того войска Запорожского, явилося забитихъ товариства сімъ-сотъ-девять-десятъ-пять, а раннихъ осмъ-сотъ-пятнацать. Що тежъ трупомъ козацкимъ Ляхи на полъ-милі усланій именують шляхъ, то, подобно, альбо не досмотрѣлися добре, будучи въ военномъ тогда опалі, чіимъ найбольшеі тотъ шляхъ усланъ билъ трупомъ, альбо нарочно лгутъ и тую ложъ свою въ городахъ и селахъ, для всенародного устрашенія, произносятъ и розсіваютъ. А ми вамъ истотне ознаймуемъ, же іхъ, Ляховъ, въ-десятеро больше отъ

Ляховъ, на томъ Кумейскомъ побонщѣ пало въ десять разъ больше противъ нашего, — какъ знатныхъ родовыхъ товарищей, такъ и ихъ служекъ. Ибо, черезъ пять, или черезъ шесть недѣль послѣ той войны, два знатныхъ товарища, а третій близкій служка гетманскаго писаря, Снѣжинскій, спасаясь отъ должнаго наказанія за нѣкоторое преступленіе, прибыли въ Сѣчь Запорожскую и не только принесли всему войску словесное извѣстіе, но и на бумагѣ подали исчисленіе павшаго Ляшскаго товарищества и служекъ. Тутъ-то и обнаружилось, что съ ихъ стороны было убито двѣнадцать-тысячь-двадцать человѣкъ, кромѣ немалаго числа раненыхъ.

Поэтому, какъ выше сказано, не вѣрьте, ваша милость, братія наши, никакимъ таковымъ Ляшскимъ плевеламъ и страшаньямъ, и безъ всякаго сомнѣнія готовьтесь и снаряжайтесь къ соединенію съ нами, войскомъ Запорожскимъ, на войну противъ нихъ. Однакожъ дѣлайте свои приготовленія тайно и невѣдомо, и читайте эти наши листы между собою подъ присягою, втайнѣ, среди людей добрыхъ, надежныхъ и желающихъ всякаго блага сво-

---

нашихъ на той Кумейской войні пало трупомъ, значного рядового товариства и служокъ іхъ; поневажъ въ пять, чили въ шесть неділь по войні оной два товариші значнихъ, а третій близкий служка писара гетманского, Сніжинский, уходячи за свое певное проступство належитого карання, прибыли до Січи Запорожской и не тілько словесную всему войску учинили реляцію, але и на письмі подали изчисленіе побитого Ляховского товариства зъ служками, где показалося число палихъ труповъ дванадцать тисячъ и двадцать человіковъ, кромі раненихъ, тожъ числа немалого.

Прéто, яко выше намепилося, не вірте ваша милость, браття наша, жаднимъ таковимъ Ляховскимъ плевелемъ и пострахамъ и безъ жадноі вонтплівости готуйтеся и прибірайтеся въ совокупленіе зъ нами, войскомъ Запорожскимъ, на войну противъ іхъ. Однакъ тотъ приборъ свой чините скрито и невідомо, и сіі листи наші между собою вичитуйте подъ присягою, тайно, межъ людьми своіми добрими, поуфалими и всего до-

ему упадающему Малороссійскому отечеству. Козаковъ же реестровыхъ, выродковъ и отступниковъ нашихъ, незаботящихся, ради собственной прибыли и частныхъ выгодъ, объ упадкѣ отечества, берегитесь и опасайтесь, какъ ядовитой ехидны; ибо, какъ только они объ этихъ листахъ и о намѣреніи войска Запорожскаго провѣдаютъ и извѣстятъ о томъ Ляховъ, лживыхъ пановъ своихъ, то наши военные интересы тотъ-часъ пострадаютъ въ своихъ успѣхахъ и придутъ [чего не дай Боже] къ вредному концу, а васъ постигнутъ жестокія мученія отъ Ляховъ, на допросахъ объ этихъ листахъ. Ибо и Кумейская война съ Ляхами, не по чему иному, какъ только по простотѣ и неосторожности братьи нашей, живущей въ своихъ домахъ, навлекла, хотя и не великое, безчестіе и безславіе войску Запорожскому; такъ какъ подобные симъ нашимъ листы тогдашняго гетмана Запорожскаго, пущенные въ Малороссійскій народъ, вскорѣ попали, мимо своего назначенія, въ руки реестровымъ козакамъ, а отъ нихъ Ляхамъ, и они, узнавъ ихъ содержаніе, постигли вполнѣ, какъ предупредить угрожаю-

---

бра упадаючой отчизні своей Малороссійской желаючими. А козаковъ реестровихъ, отродковъ и отщепенцовъ нашихъ, для власнихъ іхъ корпестей и приватъ своіхъ, о упадокъ отчизни недбаючихъ, яко ядовитой ехидни стережітеся и крийтеся; бо, скоро би тілько они о сіхъ листахъ и о наміренні Войска Запорожского провідали и Ляхамъ, обманчивимъ панамъ своімъ, о томъ извістили, то заразъ би интереса наши военние мусили въ своіхъ прогресахъ шванковати и до непомислъныхъ [чого не дай Боже] скутковъ приходити; а вамъ би окрутние наступили мордерства отъ Ляховъ, о сіхъ листахъ нашихъ допитуючися. Гди жъ и Кумейская война зъ ними, Ляхами, отправленная не для чого иного, только для простоти и неосторожности братті нашой, въ домахъ своіхъ жиючой, наволокла, хочай не великое, войску Запорожскому безчестіе и неславу, же листи тогдашнего гетмана Запорожского, въ народъ Малороссійский посланние, сімъ листамъ нашимъ подобние, вскорі непалежне досталися рукамъ козаковъ реестровихъ, а отъ іхъ Ляхамъ, которихъ они силу зрозумівши, научилися совершенно, якъ занобігти наступаючому злу свое-

щую имъ бѣду и какъ сдѣлать отпоръ предпріятію войска Запорожскаго. И потому мы убѣдительно и горячо просимъ и совѣтуемъ вамъ приготовляться къ наступающей войнѣ, а отъ козаковъ реестровыхъ, враговъ своихъ и истинныхъ губителей нашего отечества, все то, что̀ тутъ изложено, какъ отъ злой искры, беречься. Уповайте на милость Божію, покаравшую и помиловать насъ, грѣшныхъ, готовую. Чего всеусердно желая, надѣемся васъ, братіи нашихъ, вскорѣ видѣть и привѣтствовать на Украйнѣ, здоровыхъ и радостныхъ.

Данъ изъ стана войска Низового Запорожскаго отъ Базавлука, отъ Рождества Господня 1638 года, марта 20.

Острянинъ, гетманъ войска Запорожскаго, рукою.

му и якій учинити встрепъ импрéзі войска Запорожского. И повто̀ре тéди пильно и горячо жадаемъ и совітуемъ до войни наступаючой прибіратися, а козаковъ реестровихъ, недруговъ своіхъ и згубцовъ отчизни нашой власнихъ, зъ тимъ всімъ, що̀ ся тутъ виразило, яко искри злой, стерегтися И уповайте несумінно на милость Божію, покаравшую и помиловати насъ, грішнихъ, готовую; чого всеусердно жичачи, желаемъ васъ, братью нашу, здоровихъ и радостнихъ, въ совокупленні зъ собою вскорі на Украіні оглядати и витáти

Данъ зъ табору войска Низового Запорожского, отъ Базувлука, року отъ Рождества Христова 1638, марта 20.

Остря́нинъ, гетманъ войска Запорожскаго, рукою. (M. B. Z.)

ЗАМѢЧАНІЯ М. А. ГРАБОВСКАГО.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя эти замѣчанія на судъ Русской публики, считаю нужнымъ сказать, что они были высказаны мнѣ г-мъ Грабовскимъ сперва изустно, послѣ совмѣстнаго нашего чтенія приложеннаго здѣсь универсала гетмана Остряницы. Взглядъ на него Поляка и католика заинтересовалъ живѣйшимъ образомъ потомка козацкаго. Между понятіями XVII и XIX вѣка большая разница; тѣмъ не менѣе, однакожъ, каждый изъ насъ ведетъ преемство мысли и чувства отъ своихъ предшественниковъ. Вражда между двумя племенами кончилась; самыя причины вражды, въ глазахъ истинно просвѣщенныхъ людей, давно не существуютъ. Мы бесѣдуемъ теперь мирно о кровавыхъ дѣлахъ нашихъ предковъ, и единственное побужденіе нашихъ споровъ (если они иногда возникаютъ) есть желаніе уразумѣть истину. Чтобъ уразумѣть ее, мы должны терпѣливо и съ глубокимъ вниманіемъ выслушивать чужія мнѣнія, какъ бы они ни были противоположны нашимъ. Съ этой цѣлью помѣщаю, безъ всякихъ исключеній, сужденія Польскаго критика нашей старины, изложенныя имъ, по моей просьбѣ, на бумагѣ и переведенныя мною для Русскихъ читателей. Въ чемъ я съ нимъ не согласенъ, о томъ сказано ниже, въ особой статьѣ; а судить, кто изъ насъ ближе къ истинѣ, предоставляется просвѣщеннымъ людямъ обѣихъ націй.

Документъ этотъ (говоритъ г. Грабовскій объ универсалѣ гетмана Остряницы) до сихъ поръ оставался вовсе неизвѣстнымъ. Онъ написанъ за десять лѣтъ до знаменитаго универсала Хмѣльницкаго, которому послужилъ образцомъ, будучи, въ свою очередь, составленъ по образцу прежнихъ прокламацій. Изъ него мы видимъ, что причиною народнаго возстанія въ Украйнѣ, подъ предводительствомъ Остряницы, или лучше сказать — искрою вспышки козацкаго возмущенія, послужила частная обида, такъ точно какъ и въ великомъ возстаніи, которое поднялъ потомъ Хмѣльницкій. Тиранство, претерпѣнное отцомъ и братомъ гетмана Остряницы, изложено въ этомъ универсалѣ очень подробно и характеризуетъ тогдашнихъ Поляковъ и Малороссіянъ. Дѣйствительно ли было поступлено съ Остряницами такъ безчеловѣчно? въ этомъ удостовѣряютъ насъ языкъ и подробности изложенія: все въ нихъ показываетъ, что лица и происшествія списаны съ натуры; не возможно подозрѣвать здѣсь какой-нибудь позднѣйшей поддѣлки. Но еслибы мы и усомнились въ его подлинности, то самый порядокъ вещей во времена Остряницы, извѣстный намъ изъ разнородныхъ источниковъ, заставилъ бы насъ признать его несомнѣннымъ. Буйство и безурядица военнаго сословія въ старой Польшѣ, къ несчастью, слишкомъ хорошо намъ памятны. Постои Польскихъ *жолнѣровъ* въ городахъ и селахъ сопровождались всегда величайшимъ самоуправствомъ, драками и угнетеніемъ жителей. Доказательства тому мы находимъ въ исторіи, въ судебныхъ актахъ и въ памятникахъ литературныхъ, а всего болѣе въ постоянныхъ взываніяхъ войсковыхъ и гражданскихъ проповѣдниковъ, которые гремѣли противъ преступленій, увѣщевали жолнѣровъ образумиться, грозили Божескою карою, которая именно за то можетъ поразить все королевство, и изображали ее съ такой опредѣленностью, въ такихъ вѣрныхъ послѣдовавшимъ событіямъ чертахъ, какъ-будто исполнены были пророческаго духа. Подобныя обиды и притѣсненія военные люди дѣлали мирнымъ жителямъ по всей Польшѣ, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что на Украйнѣ они распоряжались точно такъ же, а можетъ быть, еще и хуже того.

Въ провинціи отдаленной, богатой и нѣсколько пустынной, населенной народомъ иноплеменнымъ и иновѣрнымъ, Польскій жолнѣръ, безъ сомнѣнія, становился еще наглѣе, нежели въ глубокой Польшѣ, а его насилія здѣсь тѣмъ сильнѣе ожесточали жителей, что сравнительно богатый, вольный и почетный въ своемъ обществѣ Украинецъ переносилъ ихъ съ меньшимъ терпѣніемъ, нежели совершенно подавленый *пахо́локъ* Польскій. Русинъ, поселившійся на *крулевщинѣ* (землѣ королевской, казенной), или живущій въ собственномъ хуторѣ, имѣвшій сына, или брата въ реестровомъ козацкомъ, или Запорожскомъ войскѣ и потому самому считавшій себя уже не простымъ человѣкомъ, но родовымъ козакомъ, *шляхетно* (благородно) *урожденнымъ*, или *хоро́шого ро́ду,* какъ до сихъ поръ величаютъ себя иные изъ Малороссійскихъ простолюдиновъ, — смотрѣлъ на всѣ оскорбленія, претерпѣнныя имъ отъ жолнѣра, или даже отъ начальника жолнѣровъ, какъ на оскорбленія отъ равнаго равному, какъ на вопіющую несправедливость, и сопротивлялся всякому насилію до тѣхъ поръ, пока видѣлъ какую-нибудь къ тому возможность. Съ своей стороны Польскій жолнѣръ, не признавая въ самомъ почетномъ и заслуженомъ козакѣ шляхетскаго достоинства, которымъ самъ онъ гордился, упорно стоялъ на томъ, что всякой козакъ есть *хлопъ* (мужикъ), называлъ предъявленіе съ его стороны правъ своихъ наглостью, оскорблялся, сердился и, если былъ въ душѣ негодяй, или, какъ случалось чаще всего, пьяница и буянъ, то позволялъ себѣ съ нимъ самыя низкія жестокости. Такъ именно поступилъ Геродовскій съ семействомъ Остряницы, и я тѣмъ менѣе расположенъ оспаривать возможность подобныхъ насилій и сумасбродствъ жолнѣрскихъ, что они всего болѣе объясняютъ мнѣ роковую вспышку вражды между Украйной и Польшей при Хмѣльницкомъ.

Въ универсалѣ своемъ, Остряница всего больше распространился о тяжести *консистенціи* Ляховъ, то есть постоевъ коронныхъ войскъ въ Украйнѣ. То же самое выражается въ оригинальныхъ современныхъ лѣтописяхъ, въ разныхъ другихъ памятни-

кахъ тогдашняго времени и въ народныхъ преданіяхъ. По позднѣйшія, такъ называемыя ученыя исторіи Польско-козацкихъ войнъ, не только Великорусскія и Малороссійскія, но и Польскія [которыя въ нелѣпостяхъ и поверхностности не уступаютъ никакимъ другимъ], изображаютъ этотъ фактъ въ неясныхъ, сбивчивыхъ чертахъ и, разсказывая даже дѣйствительныя событія, придаютъ имъ иное значеніе. Говоря въ общихъ выраженіяхъ о Польскомъ игѣ, о гнетущемъ господствѣ Поляковъ на Украйнѣ, они наводятъ на мысль, что будто-бы Украйну угнетало Польское правительство, или по крайней мѣрѣ владѣльцы Украинскихъ имѣній. Что касается до правительства, то смѣло можно сказать, что преднамѣренной идеи угнетенія Украйны оно никогда не имѣло и имѣть не могло. Оставляя въ сторонѣ вопросъ: какъ надобно понимать самыя слова ***Польское правительство***, когда говорится о политическомъ тѣлѣ, называвшемся Рѣчью Посполитою Польскою? скажу только, что — чѣмъ бы его ни воображали — оно смотрѣло на Украйну, какъ на другія свои провинціи, и, не дѣлая никакой между ними разницы, поступало, относительно ея, на основаніи общаго всему королевству законоположенія. Что же касается до угнетенія народа отъ владѣльцевъ имѣній, то этого никакъ не слѣдуетъ представлять себѣ по современнымъ нашимъ понятіямъ объ угнетеніи. Все въ тѣ времена было иначе, нежели теперь въ Малороссіи. Украинскія деревушки находились тогда совершенно въ иныхъ гражданскихъ и экономическихъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ, нежели нынѣшнія села къ помѣщикамъ. Сельское хозяйство, въ смыслѣ извлеченія разнообразныхъ доходовъ, далеко не достигло еще тогда современнаго намъ развитія; да и не для чего было тогда панамъ принуждать народъ къ тяжкимъ трудамъ, такъ какъ потребности ихъ — говоря вообще — ограничивались домашнимъ избыткомъ, а вкусъ въ одеждѣ и въ устройствѣ домовъ былъ очень постояненъ. Если кому угодно удостовѣриться въ этомъ изъ документовъ, то достаточно указать на инвентари XV и XVI столѣтій. Не утверждаю, чтобы и въ тѣ времена не было поводовъ къ жалобамъ, и къ жалобамъ справедли-

вымъ. Попадался конечно въ одномъ и въ другомъ мѣстѣ строгій *дѣдичъ*; попадался любитель иноземной роскоши, обременявшій своихъ »подданныхъ« непомѣрными налогами за предоставленную имъ землю ([1]); попадался управитель, обиравшій и притѣснявшій поселянъ; въ-слѣдъ за шляхтой, вторгались въ Украйну Жиды, обманывавшіе мужика, указывавшіе шляхтичу источникъ доходовъ неправый, или для народа обременительный. Но все это не составляло еще того, что̀ можно было бы назвать систематическимъ повсемѣстнымъ *угнетеніемъ*. Смѣю сказать утвердительно, что ни административнаго гнета, ни гнета, проистекающаго изъ права владѣльческаго, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, быть не могло. Напротивъ, не слѣдовало бы забывать добра, которое сдѣлали Украйнѣ Поляки. Литвины прогнали изъ этой страны Татаръ; Поляки эти безлюдныя пустыни почти вновь населили. Изъ несомнѣнныхъ мѣстныхъ документовъ можно удостовѣриться каждому, до какой степени онѣ были безлюдны въ близкое къ Гедимину время. Король Александръ, король Казимиръ Ягеллонъ жаловали иногда какому-нибудь князю, или рыцарю, здѣшнія земли въ границахъ отъ Синюхи до Тыкича и отъ Роси до устья Тясмина, и на нихъ всего только двоихъ, троихъ подданныхъ. Прошло сто, или полтораста лѣтъ, и Украйна дѣлается страною многолюдною. Самыя войны Хмѣльницкаго свидѣтельствуютъ о чрезвычайной ея населенности. Очевидно, что эти войны могли вспыхивать только въ то время, когда край находился въ цвѣтущемъ состояніи, когда онъ былъ богатъ, можно даже сказать свободенъ, и раздраженъ только такими единичными, или мѣстными обидами, о какихъ мы только-что говорили.

([1]) Къ этому факту относится воспоминаніе козацкаго проповѣдника XVII вѣка, который говоритъ: »... що рокъ, що йнині (подати) змисляли и видирали, не пораховавшися зъ сумнінемъ: если его посадилъ на таковимъ грунті и жеби мілъ чимъ виплачовати таковие податки? А хочай-би грунтъ бувъ и найліпшиі, хто наспоритъ на фу̀хи его Влоские? который ба̀рзій припpавляетъ потра̀ви, ніжѐли князь Гданский; который ліпше хочетъ цорку (дочь) свою упстрѝти (изпестрить) и устроіти (нарядить), ніжѐли видівъ ве Вло̀шехъ!« См. ***Южнорусскія Лѣтописи***, изд. Н. Бѣлозерскимъ, стр. 154.

Обиды эти всего больше происходили отъ жолнѣрскаго сумасбродства и самоуправства. Современные письменные памятники указываютъ на это самымъ выразительнымъ образомъ, и я ужъ сказалъ, что, въ моихъ глазахъ, ничто̀ тому не противорѣчитъ. Необузданность жолнѣровъ, буйство шляхты и всеобщая страсть къ попойкамъ должны были дѣлать постои войскъ на Украйнѣ очень тягостными; но, кромѣ наглости и грабительства, важную роль должно̀ было играть здѣсь еще распутство постояльцевъ. Вспомнимъ думу о Бѣлоцерковскомъ мирѣ [1], въ которой *Ляхъ, мостивий панъ,* овладѣваетъ козацкою женою. Это вѣрная живопись съ натуры; и такихъ продѣлокъ, такихъ соблазновъ и насилій въ этомъ смыслѣ было, безъ сомнѣнія, слишкомъ много; а что̀ могло больше этого раздражать Украинцевъ? Въ другихъ частяхъ королевства подобныя оскорбленія со стороны военныхъ людей, наносимыя безоружному обывателю, сносились терпѣливо, или по крайней мѣрѣ оставались безъ кровавыхъ послѣдствій. Но Украйна не была страною безоружною, и виновные неизбѣжно подвергались здѣсь скорому и вѣрному мщенію. Украинскій народъ имѣлъ свое родное войско — на Запорожьи. Каждая претерпѣнная имъ обида отзывалась въ сердцахъ Запорожскихъ *бра́тчиковъ;* каждая справедливая, или преувеличенная жалоба, достигнувъ Низовыхъ степей и луговъ, принималась тамъ съ вѣрою и возбуждала негодованіе. Всѣ мы давно ужъ знаемъ, что Запорожье поднялось по случаю частныхъ обидъ, нанесенныхъ Хмѣльницкому Польскими урядниками. Теперь универсалъ Остряницы представляетъ намъ новый и убѣдительный примѣръ, какъ частное тиранство какого-то буяна Городовскаго навлекло мщеніе степныхъ рыцарей на всю Рѣчь Посполитую. Умы были раздражены жолнѣрами и другими буйными лицами. Украинцамъ казалось, что и подъ солнцемъ не было другой страны, въ которой бы совершались подобныя жестокости. Не доставало только отважныхъ предводителей для возстанія, и лишь только являлся

---

[1] См. т. I, стр. 51, »Записокъ о Южн. Руси«.

между ними человѣкъ надежный и рѣшительный, возстаніе вспыхивало, какъ порохъ отъ искры.

Но перейдемъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ дѣйствительныхъ поводовъ къ разрыву между Южною Русью и Рѣчью Посполитою. Кромѣ Запорожцевъ, въ Украйнѣ существовало другое народное, почти регулярное войско: *козаки реестровые,* или иначе — *городовые козаки.* Вспомнимъ, что Остряница говоритъ о нихъ, какъ объ отступникахъ родины, которые, ради частныхъ корыстныхъ видовъ своихъ, потакаютъ Ляхамъ въ притѣсненіи соотечественниковъ. Возбуждая Украйну къ возстанію, онъ не дѣлаетъ и попытки къ возмущенію реестровыхъ козаковъ. Они стояли еще крѣпко за Поляковъ. Хмѣльницкій съумѣлъ поколебать ихъ убѣжденія, и этимъ объясняется неудача одного и торжество другого; но изъ этого такъ-же видно, что реестровые козаки не могли долго оставаться на сторонѣ Поляковъ: поворотъ ихъ противъ Поляковъ былъ, можно сказать, неизбѣженъ. Стефанъ Баторій создалъ, или по крайней мѣрѣ организовалъ козацкое войско. Всѣ его за то хвалили, и справедливо; ибо велика была мысль — защитить боевымъ народомъ восточныя границы государства; но исполненіе этой мысли, вмѣстѣ съ пользою, вело и къ великой опасности. Въ наше время гражданскаго порядка и спокойствія можно устроивать, не опасаясь вредныхъ послѣдствій, военныя поселенія, какъ въ Россіи, и пограничные полки, какъ въ Австріи; но въ тѣ времена порядокъ вещей былъ иной. Всюду, и особливо у козаковъ, духъ былъ еще неукрощенъ и бурливъ. Козаки образовались изъ самовольныхъ наѣздниковъ на бусурманскія земли и, будучи призваны правительствомъ къ отраженію невѣрныхъ отъ Польскихъ границъ, считали себя посвященными на вѣчную войну съ Татарами и Турками, на войну вездѣ и во всякое время. Поэтому, въ случаѣ войны, ничего не было для Поляковъ полезнѣе этого ополченія; но оно было для нихъ крайне неудобно и тягостно во время мира съ сосѣдями, именно съ Турціею. А надобно помнить, что тогдашняя Турція была не то, что она теперь, и великимъ было безразсудствомъ задѣвать ее

Польшѣ безъ причины, или въ неблагопріятную пору. Вспомнимъ, что все Христіянство трепетало тогда предъ полумѣсяцемъ и что онъ держалъ въ постоянномъ страхѣ не только Вѣну, но едва ли и не всю Италію. Польша, передовое укрѣпленіе Христіянства, должна была стоять на своемъ постѣ съ сердцемъ безстрашнымъ, но и съ напряженнымъ вниманіемъ; и потому козацкое *лицáрство* не одинъ разъ приводило Рѣчь Посполитую въ большое затрудненіе. Отважное *отамáнье* и беззаботное *товарúство* помышляло только о томъ, чтобы разгуливать въ степи и разносить по всему свѣту козацкую славу, а весь Польскій народъ долженъ былъ отвѣчать за это. Козацкіе набѣги сухимъ путемъ, или водою доставлявшіе козакамъ добычу и потѣху, а бандуристамъ новые предметы для думъ, вызывали взаимное вторженіе въ Польскія земли Татарскихъ ордъ, или влекли за собой настоящую войну съ Оттоманскою Портою. Правительство принуждено было, поэтому, умѣрять военный жаръ козаковъ и принимать мѣры, чтобы корпорація, созданная Баторіемъ для обороны государства, не обратилась на его пагубу; а эти мѣры казались козакамъ произвольнымъ гоненіемъ. Степные рыцари не вдавались въ политическія разсужденія и не понимали, или не хотѣли понимать, поступковъ Польскаго правительства. Они не обинуясь называли эти поступки нарушеніемъ своихъ правъ, обидами и угнетеніемъ. Весьма естественно, что назначаемые Поляками гетманы и полковники изъ шляхты обращались съ козаками черезъ-чуръ строго, самовластно, надменно [на это есть жалобы въ современныхъ памятникахъ]; но то были уже случайности, отъ правительства независѣвшія. Люди во всякое, самое святое дѣло вносятъ свои страсти и недостатки. Лишь только начались столкновенія между собой противоположныхъ стремленій и намѣреній, лишь только дошло до необходимости обуздывать и ограничивать свободу козаковъ, что̀ они объясняли себѣ только правомъ сильнаго; то и взаимныя между обѣими сторонами отношенія естественно дѣлались всё болѣе и болѣе непріязненными; а дѣйствующія лица съ обѣихъ сторонъ, пустивъ въ ходъ свои личныя по-

бужденія и чувства, довели ту и другую сторону до послѣдняго ожесточенія.

Итакъ, во времена Остряницы, козацкое войско было недовольно правительствомъ, а народъ сносилъ съ величайшимъ негодованіемъ постои Польскихъ хоругвей въ городахъ и селахъ Украинскихъ. Вообразивъ себя въ положеніи тогдашняго козачества и народа, мы вполнѣ поймемъ, что они легко могли возстать противъ Польши; но мы обязаны имѣть такое же сочувствіе и къ другой сторонѣ, мы обязаны уразумѣть побужденія Польскаго правительства и не взводить на него преступленій, которыхъ оно не дѣлало. Обратимъ здѣсь вниманіе на одно весьма важное обстоятельство, которое наши историки упускаютъ изъ виду: почему знаменитые Южно-Русскіе патріоты, какъ Острожскій, Вишневецкій, Кисѣль, и вообще все дворянство Южной Руси, дворянство большею частью родовое Русское и православное, или »благочестивое«, держали сторону Поляковъ? Что ни говори, а Украинскія смуты были не что иное, какъ войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война. Неужели между Украйной и Польшей не было никакой разумной внутренней связи? Провидѣніе не отдѣлило родовъ другъ отъ друга опредѣленными границами, и гдѣ та земля, на которую кто-нибудь предъявитъ въ наше время *право перваго займа?* Видно, для самого счастья людей, необходимо имъ существовать въ связяхъ политическихъ и въ связяхъ одного рода съ другимъ; и, такъ какъ мы признаемъ за другими политическими системами право держать въ соединеніи разноплеменныя части государства, то надобно признать и право господства Польши надъ Украйной. Это господство не было ни у кого похищено, ни отнято силою — развѣ только у Татаръ. Обладаніе Южною Русью было со стороны Польши не завоеваніемъ, не порабощеніемъ, а, напротивъ, *освобожденіемъ* этой земли. Отнятыя у Азіятскихъ дикарей и очищенныя отъ нихъ пустыни Поляки мало-помалу населили, упрочивъ безопасность Русичей, остававшихся на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ, и захотивъ разбѣжавшихся въ другія земли возвратиться на родину. Да-

же первоначальный раздѣлъ поземельной собственности, сопровождаемый въ другихъ странахъ (напримѣръ въ Англіи) вопіющею несправедливостью, здѣсь не былъ запечатлѣнъ ничьей потерею; ибо кто владѣлъ имѣніями въ Украйнѣ? князья *Южно-Русскіе,* дворянство *Южно-Русское,* возвратившіеся изъ скрытныхъ и отдаленныхъ мѣстъ, куда загнали ихъ Татары. Если же владѣли Поляки, то имъ доставались отъ Литовскихъ князей и Польскихъ королей, естественныхъ господъ безлюдныхъ пустынь, земли *незаселенныя,* и доставались не иначе, какъ съ опредѣлительно выраженною [и въ-послѣдствіи выполненною] обязанностію *заселить* ихъ. Противъ этого сказать нечего, ибо доказательства на лицо, хотя Великорусскіе, Малороссійскіе и вѣчно наравнѣ съ ними Польскіе историки, въ своихъ сочиненіяхъ, представляютъ Польскую шляхту какими-то бродягами. Всѣ они описываютъ съ какимъ-то восхищеніемъ изгнаніе Ляховъ изъ Украйны, какъ-будто Украинцы въ самомъ дѣлѣ прогнали прочь чужеземцевъ и отняли у нихъ то, что̀ еще вчера принадлежало имъ самимъ, тогда какъ на дѣлѣ выходитъ, что поднятая козаками къ возстанію чернь, въ-слѣдъ за ненавистными ей жолнѣрами, прогнала и своихъ родовыхъ пановъ, и что она грабила и отнимала у нихъ ихъ несомнѣнную собственность. Въ ея глазахъ, *Ляхами, Недоляшками* и *ополячившимися панами* были не только военные люди Рѣчи Посполитой, не только необузданные своевольники и буяны, но и всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что̀ заграбить. Естественно послѣ этого, что вся Польская шляхта воспламенилась мщеніемъ за своихъ собратій изъ Южно-Русскихъ провинцій и что Вишневецкіе и Кисѣли называли войско Хмѣльницкаго взбунтовавшимися мужиками. Я не вступаюсь ни сколько за лица, надъ которыми разразилась буря народнаго возстанія, но, изъ уваженія къ исторической истинѣ, желалъ бы установить какія-нибудь общія оправданія и обвиненія, какъ одной, такъ и другой стороны. При тогдашнемъ порядкѣ вещей, разрывъ между Польшей и Южной Русью былъ неизбѣженъ: нанесенныя, или, лучше сказать, почувствованныя козаками обиды, вмѣстѣ съ дру-

гими, возбужденными въ нихъ до энтузiазма, страстями, должны были произвести возстанiе; но какъ козаки не обличили Поляковъ въ посягательствѣ на дѣйствительныя права свои, такъ точно не признавали за ними никакихъ правъ и заслугъ относительно своей родины. Мы должны стоять выше козацкой логики и видѣть въ представителяхъ Польско-Русскаго дворянства людей, по крайней мѣрѣ съ такою же долею врожденной правдивости и здраваго смысла, какую приписывали себѣ козаки.

Къ сожалѣнiю, Польско-Украинская исторiя до сихъ поръ не отличается ни безпристрастiемъ, ни точнымъ знанiемъ трактуемаго предмета. Я ужъ сказалъ, что господство Польши надъ Украйной было справедливымъ; теперь прибавлю — чего никто до меня не произносилъ — что оно было *благотворнымъ*. Это новое мнѣнiе не требуетъ новыхъ доказательствъ. Состоянiе Украйны до Хмѣльницкаго, ея населенность и богатство говорятъ о томъ слишкомъ убѣдительно. Политическое господство всегда чѣмъ-нибудь оправдывается, но чего ничто и никогда не оправдываетъ, такъ это посягательство на какую бы то ни было народность, на какiя бы то ни было обычаи, языкъ и внутреннюю жизнь народа. Смѣло можно сказать, что Поляки не дали никакого повода обвинять себя въ такомъ посягательствѣ. Польскiе законы извѣстны и доступны каждому: никто не найдетъ въ нихъ никакого, даже и отдаленнаго намѣренiя подавить Южно-Русскую народность. Духъ подавленiя другой народности былъ чуждъ Полякамъ; напротивъ, единственную силу политической системы соединенiя разноплеменныхъ провинцiй составлялъ у нихъ духъ терпимости и какой-то великодушной гордости, которая не только не позволяла имъ отнимать у кого-нибудь что̀-нибудь, но заставляла еще придавать что-нибудь отъ себя, и это всего яснѣе выражается въ добровольномъ соединенiи Литвы съ Польшею. Влiянiе Поляковъ на первоначальное образованiе Запорожскаго братства [на что̀ есть много указанiй] и устройство потомъ козацкаго ополченiя [фактъ, давно ужъ признанный исторiею] доказываютъ, что Поляки даже слишкомъ неблагоразумно были спокойны на счетъ развитiя самостоя-

тельной Украинской народности. А Малороссійскіе этнографы могли бы представить и другія доказательства. Они безпрестанно открываютъ прекраснѣйшія проявленія Южно-Русскаго духа въ народныхъ понятіяхъ, въ пѣсняхъ и обычаяхъ, хотя и смѣшанныя съ *Польщизною*, но такъ мирно, такъ гармонически, что эти проявленія почти столь же дороги для Поляка, какъ и для Малороссіянина. Такое развитіе духовной жизни въ Южной Руси не иначе могло совершиться, какъ подъ вліяніемъ любви и свободы.

Итакъ не правительство Польское виновато въ ожесточеніи Украинцевъ противъ Поляковъ и въ разрывѣ между двумя народами. Первымъ поводомъ къ тому было безчинство жолнѣровъ; но уничтожить этого безчинства не было въ то время никакой возможности: оно было такимъ же бѣдствіемъ во внутреннихъ провинціяхъ королевства, какъ и на пограничьяхъ. Вторымъ — были строгія мѣры къ обузданію козаковъ; но правительство было вынуждено къ нимъ политическою необходимостью. Раздраженный тѣмъ и другимъ, Украинскій народъ видѣлъ со стороны правительства притѣсненіе и насиліе во всемъ, что̀ отъ него ни исходило. Такое именно значеніе придалъ онъ и его желанію соединить Южно-Русскую Церковь съ Римскою. Эту несчастную *унію* предали проклятію и Малороссіяне, и большая часть писателей Польскихъ; но она требуетъ еще внимательнаго и безпристрастнаго и разсмотрѣнія. Я не могу здѣсь о ней распространиться, ради одной важности и обширности предмета; скажу только одно: что задачею уніи было *устройство іерархіи*, а не *перемѣна вѣроисповѣданія*. Но, принятая въ послѣднемъ смыслѣ, она сдѣлалась оскорбительна и ненавистна для народа, и какъ она появилась въ самую пору несогласія убѣжденій и раздраженія страстей, то естественно доставила новое, сильное побужденіе къ разрыву между Поляками и Русинами. Она служила знаменемъ, которое каждый козацкій предводитель выставлялъ передъ народомъ, чтобы освятить въ его понятіяхъ предпринимаемое возстаніе. Самъ Остряница, въ возмутительномъ своемъ универсалѣ, упоминаетъ о ней въ общихъ выраженіяхъ, не приводя никакихъ фактовъ, ко-

торые бы, въ глазахъ народа, были такими вопіющими событіями, какъ тиранство Городовскаго, или ему подобныхъ пьяницъ и негодяевъ надъ козацкимъ семействомъ; а между тѣтъ говоритъ, что это самое нестерпимое притѣсненіе со стороны отступниковъ, еретиковъ и непріятелей народныхъ, Ляховъ. (1)

Вотъ нѣсколько мыслей о Польско-Украинской старинѣ нашей, возникнувшихъ у меня по прочтеніи универсала Остряницы. Онѣ давно уже образовались въ умѣ моемъ изъ другихъ историческихъ источниковъ; открытіе этого новаго для всѣхъ насъ документа только ихъ подтвердило.

---

(1) »А що *найбольша* (а что всего важнѣе), же и хвала Божія въ церквахъ православнихъ нашихъ.... отъ сіхъ же неприятелей нашихъ, отщепенцовъ и еретиковъ Ляховъ, хоцетъ и усиловуется премінити и до заблужденія Римского на упію обернути и гвалтовне преклонити; чого уже и певне по нѣкоторихъ городахъ Украінскихъ суть знаки и документа.«

ЗАМѢЧАНІЯ ИЗДАТЕЛЯ.

Польскій критикъ нашего прошедшаго имѣетъ, въ моихъ глазахъ, особенный интересъ въ томъ отношеніи, что онъ стоитъ внѣ нашего круга понятій и дошелъ до уразумѣнія исторической истины путемъ, противоположнымъ нашему. Все, что̀ онъ говоритъ о Польско-Украинской старинѣ, освѣщаетъ для насъ — или по крайней мѣрѣ для пишущаго эти строки — давно исчезнувшую жизнь съ новой стороны и чрезъ то даетъ намъ возможность взглянуть на нее съ свѣжимъ, оживленнымъ вниманіемъ. Но, вглядѣвшись въ совокупность явленій Польско-Украинской исторіи, мы увидимъ, что, излагая свои мысли, почтенный авторъ содержалъ въ умѣ своемъ не всѣ условія общественной жизни Рѣчи Посполитой въ XVII вѣкѣ. Отъ-того раздраженіе умовъ Украинскаго простонародья противъ всего шляхетскаго, при богатствѣ края, при сравнительной незначительности работъ на помѣщика, не вполнѣ еще для насъ понятно. Отъ-того и самъ г. Грабовскій впадаетъ въ односторонность и преувеличеніе, говоря, что »для Украинцевъ *Ляхами, Недоля́шками* и *ополячившимися панами* были всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что̀ заграбить.«

Въ концѣ второй статьи этого тома »Записокъ о Южной Руси« (стр. 139—141) я высказалъ мысль о правѣ сильнаго, господствовавшемъ въ Польшѣ повсемѣстно, принятомъ и какъ-бы узаконенномъ повсемѣстно, и о равнодушномъ презрѣніи, съ которымъ смотрѣли Поляки на положеніе чернорабочаго сословія въ государствѣ и на его будущность. Порицая жолнѣрское самоуправ-

ство и безнаказанность шляхетскаго буйства. г. Грабовскій этимъ самымъ соглашается съ моимъ мнѣніемъ о внутреннемъ порядкѣ дѣлъ въ старой Польшѣ. Онъ можетъ возразить, что шляхта была слишкомъ горда въ своей массѣ и не позволяла проявляться въ отношеніи къ себѣ праву сильнаго. Такъ, оно было сдерживаемо общественнымъ мнѣніемъ и готовностью каждаго обнажить саблю за нарушеніе шляхетскихъ правъ; но сама же шляхта, служа, по заведенному искони обычаю, при дворахъ богатыхъ и знатныхъ собратій своихъ, помогала имъ приводить въ исполненіе самыя вопіющія посягательства на имущество сосѣдей, на мѣста, заслуженныя другими, и на самыя опредѣленія сеймовъ и сеймиковъ. Гордясь своимъ шляхетскимъ равенствомъ съ могущественнѣйшими магнатами въ государствѣ, она допускала ихъ захватывать въ свои руки обширнѣйшія помѣстья, на правахъ наслѣдственныхъ старостствъ и потомственныхъ пожалованій со стороны управляемаго ими короля. Духъ магнатской гордости сообщался тѣмъ, которые, будучи сами важными сановниками, служили у нихъ *при дворахъ* маршалками, кравчими и т. п. Каждый въ своемъ домѣ и въ своемъ кругу былъ тотъ же магнатъ въ отношеніи къ своимъ кліентамъ, презрительно-великодушный и повелительно-благосклонный; каждый держалъ открытый столъ для званныхъ и незванныхъ гостей, давалъ средства къ обогащенію болѣе мелкой шляхтѣ и готовъ былъ поднять домашнюю войну съ сосѣдомъ изъ-за малѣйшей неуступчивости въ дѣлѣ, или словѣ. Такая іерархія слугъ, которые преклонялись передъ надменными своими покровителями, льстили имъ и объѣдали ихъ, іерархія враговъ каждаго, кто осмѣлился посмотрѣть косо на *пана*, не имѣя на то іерархическаго права, нисходила до послѣдняго прислужника, носившаго при боку шляхетскую саблю [1], и наконецъ упиралась въ народъ, чуждый шляхетскихъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе

---

[1] Въ »Pamiętnikach Domowych«, изданныхъ М. Грабовскимъ, старосвѣтскій шляхтичъ Борейко говоритъ: »Надобно отдать справедливость панамъ, что они окружали себя только шляхтою, отъ самой высшей до самой низшей комнатной прислуги.« (Стр. 50.)

гордый сознаніемъ человѣческихъ правъ своихъ, именно — въ народъ Украинскій. Что ни говори, но если Поляки и Южно-Русскіе родовые паны, при всей своей благонамѣренности относительно Малороссіи, довели ее до непримиримой къ себѣ ненависти и возбудили въ главной массѣ ея населенія самую дикую злость, продолжавшуюся до временъ Чуприны и Чортоуса ([1]); то виноваты въ этомъ не столько жолнѣры съ своими постоями, не столько козаки, раздраженные стѣсненіемъ своей свободы, сколько господствовавшія въ Польскомъ обществѣ понятія и, въ слѣдствіе понятій, правила поступковъ, которыми сознательно и безсознательно руководствовалась, относительно козаковъ и Украинскихъ поселянъ, каждая шляхетская личность въ Польской Рѣчи Посполитой. Мы соглашаемся съ г. Грабовскимъ, что правительство Польское (котораго почти неограниченно произвольными представителями были всё таки паны и шляхта, съ гордымъ сознаніемъ своего государственнаго значенія и съ презрѣніемъ ко всему нешляхетскому) не имѣло умысла угнетать Малороссію, то есть систематически довести ее до матеріальнаго и нравственнаго упадка. Такъ, паны желали ей благоденствія; они довели ее до цвѣтущаго состоянія, поощряя сельское хозяйство, ремесла и промыслы; но они смотрѣли на нее не иначе, какъ на помѣстье, которое вѣчно будетъ доставлять средства для великодушнаго ихъ хлѣбосольства. Надобно отдать имъ справедливость, что они не были низкіе корыстолюбцы: они дѣлились своимъ достаткомъ, подъ разными условными формами, съ убогими своими собратіями, и признано было даже за правило общежитія, что каждый, кто входилъ при саблѣ въ общество пирующихъ, имѣлъ право на его гостепріемство. Но дѣло въ томъ, что эта щедрость, эта общительность, эта, какъ они называли, *людскость* существовала у нихъ, только для одного, сравнительно малочисленнаго сословія. Остальное населеніе Украйны, котораго часть (городовые козаки) то-же была вооружена саблями, но только въ качествѣ служилыхъ лю-

([1]) См. выше, стр. 121 — 138.

дей, буквально оставалось *безъ мѣста на пиру земномъ* у старосвѣтскихъ паповъ Украинскихъ. Козакъ, по духу Польскихъ обычаевъ, усвоенныхъ и родовыми нашими панами того времени, не могъ быть посаженъ за столъ у гербового шляхтича, съ которымъ онъ былъ равенъ по образованности, по достатку, по военнымъ подвигамъ, или даже во всемъ этомъ превосходилъ его. Надобно знать характеръ *нынѣшняго* свободнаго Малороссійскаго поселянина и его понятія о своей человѣческой личности ([1]), чтобы судить, до какой степени нестерпимо было для него въ тѣ времена *неукротимости* и *бурливости* (о которыхъ упоминаетъ и г. Грабовскій) ежедневное и повсемѣстное униженіе, которое давали ему чувствовать надменные жолнѣры и бренчавшіе саблями шляхтичи, легкомысленно дѣлавшіе изъ себя что-то въ родѣ полубоговъ и обрекавшіе многолюдную касту простолюдиновъ на вѣчную покорность и униженное смиреніе передъ ними. Замѣтимъ притомъ, что происхожденіе Польской шляхты остается до сихъ поръ неизслѣдованнымъ, по отсутствію письменныхъ документовъ, — что, судя по аналогіи общественныхъ явленій, шляхта, въ своемъ началѣ, должна была произойти тѣмъ же путемъ, какимъ изъ чернорабочаго класса происходятъ джентельмены въ Англіи и какъ происходили изъ *посполи́тыхъ* козаки въ Малороссіи, и что только сама она дѣлала великое различіе между своимъ и козацкимъ сословіемъ. Мнѣніе шляхты о своей

([1]) Приведу одинъ примѣръ, поразительный для наблюдавшаго нравы простонародья у разныхъ племенъ. Ѣдучи однажды съ пріятелемъ въ Кіевъ по столбовой дорогѣ, въ знойный лѣтній день, и обгоняя усталыхъ богомольцевъ, мы бросали имъ яблоки, которыхъ множество набрали съ собой изъ дому. Ни одно Малороссійское существо, какого бы оно ни было возраста и пола, не удостоило вниманія нашу любезность. Мы остановились и спросили у одного мальчика о причинѣ такого равнодушія. Отвѣтъ его былъ замѣчателенъ: *Хиба́ ми собáки, що ви намъ ки́даете?* По мнѣнію этихъ усталыхъ путешественниковъ, если мы хотѣли подѣлиться съ ними яблоками, которыхъ они, идучи пѣшкомъ, набрать съ собою не могли, то намъ слѣдовало остановить свою коляску, поздороваться съ ними и потомъ уже сказать: *Мóже бъ, ви, лю́де дóбрі, схотíли смáгу прогнати? Ось у насъ есть кисли́чкй: íжте на здорóвъе.* Иначе честному Хохлу не пойдетъ въ горло никакое съѣстное.

исключительной знатности принадлежало собственно ей, основывалось на правѣ сильнаго и освящено было только временемъ. Доказательсгвомъ этому служитъ то, что Остряница, основываясь то-же на одной давности общественнаго мнѣнія между своими земляками, говоритъ, что отецъ его, »*шляхетскимъ козацкимъ* правомъ съ предковъ своихъ щитится«. Нося оружіе и служа отечеству наравнѣ со шляхтою, козаки создали себѣ тѣмъ же путемъ, что̀ и она, понятіе о своемъ благородствѣ, и потому оскорблялись до глубины души надменностью старой, или Польской шляхты; а будучи двигателями народныхъ возстаній, они и самому народу Украинскому дали почувствовать всю нелѣпость шляхетскаго права, которое уполномочиваетъ одно сословіе глумиться надъ другимъ безнаказанно. Вотъ откуда, по-моему, родилась страшная международная ненависть въ Рѣчи Посполитой; и, въ этомъ смыслѣ, Малороссія и Польша представляютъ едва ли не единственный примѣръ войны изъ-за *оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства,* къ которому примѣшались другія оскорбленія и обиды, уже въ качествѣ горючихъ матеріаловъ, бросаемыхъ въ готовое пламя.

Каждый, кому извѣстны правы Польской шляхты и то, что̀ у ней называлось *гойностью* (чувство собственнаго достоинства), согласится, что Геродовскій не осмѣлился бы, счелъ бы для себя стыдомъ и униженіемъ поступить такъ съ послѣднимъ изъ своихъ собратій-шляхтичей, какъ поступилъ онъ съ семействомъ Остряницы. Возьмемъ и другой примѣръ. Ни одному шляхтичу не сказалъ бы староста, какъ Хмѣльницкому, что онъ не имѣетъ права владѣть землею, которая дана была его отцу за военныя заслуги для населенія и потомственнаго владѣнія. Но положимъ, что тутъ вышло недоразумѣніе; положимъ, что на Украинской почвѣ могъ заводить поселенія и пользоваться ими только нобилитованный правительствомъ, или природный шляхтичъ, а не выслужившійся въ козацкомъ войскѣ старшина (¹); всё же подстаро́стій Чаплин-

(¹) Впрочемъ съ Паліемъ произошло та же самая исторія. См. т. I, стр. 129.

скій не засѣкъ бы публично шляхетнаго ребенка, какъ онъ сдѣлалъ съ сыномъ Хмѣльницкаго, и навлекъ бы на себя вѣчный позоръ въ глазахъ своихъ товарищей такими поступками, какіе онъ себѣ съ нимъ самимъ позволилъ. Эти два разглашенные исторіею случая произошли не отъ чего другого, какъ только отъ нелѣпаго, глубоко вкоренившагося въ Польскомъ обществѣ понятія о шляхтѣ и не-шляхтѣ; и по нимъ можно судить, сколько происходило отъ этого понятія другихъ случаевъ, о которыхъ мы такъ точно ничего не знаемъ, какъ до сихъ поръ не знали о наглости и тиранствѣ Геродовскаго. Можно себѣ представить, какъ должны были они отзываться въ сердцѣ каждаго, кто сознавалъ, что онъ, будучи не-шляхтичемъ, долженъ быть готовъ къ терпѣливому перенесенію всякаго нахальства со стороны шляхтича, или къ неравной борьбѣ съ сословіемъ богатымъ, дерзкимъ отъ привычки повелѣвать, закаленнымъ въ дракахъ и битвахъ и которое притомъ тѣсно связано между собою общими матеріяльными и *гоноро́выми* интересами. Но мы не дивимся тому, что въ Украинской черни, къ которой по всему принадлежали и Запорожцы, достало смѣлости, или лучше отваги, объявить открытую войну противной сторонѣ, которую поддерживали ея же собратія, городовые козаки. Мы дивимся тому, что, не смотря на неоднократное пораженіе ея ополченій, не смотря на казни *бунтовщиковъ,* взятыхъ Поляками въ плѣнъ, не смотря на крутыя мѣры, принятыя правительствомъ къ обузданію *бунтливаго и вѣроломнаго хлопства,* не смотря на сидѣвшихъ у этого хлопства на шеѣ жолнѣровъ-притѣснителей и Жидовъ, заѣдавшихъ его, какъ кровожадные насѣкомые, оно не было подавлено и доведено до нравственнаго ничтожества, подобно Мазурамъ, Литовцамъ, Жмуди и другимъ худороднымъ аборигенамъ въ Рѣчи Посполитой! Разверните Боплана, описавшаго Украйну передъ самимъ возстаніемъ Хмѣльницкаго: какая жалкая картина порабощенія, хотя, положимъ, и вынужденнаго у пановъ и правительства частыми бунтами! »Одни«, говоритъ онъ, »наслаждаются, какъ въ раю, другіе мучатся, какъ въ аду.« И этотъ народъ, выйдя, подъ предводительствомъ

Хмѣльницкаго, изъ рабскаго общественнаго состоянія, отдѣлясь отъ собственнаго дворянства, то есть лишась сословія просвѣщеннаго, знакомаго съ администраціей и политикой, въ тотъ же самый моментъ образовалъ у себя своеобразное правительство, съ судопроизводствомъ и расправою на всѣхъ пунктахъ земли Южно-Русской, съ почтовымъ сообщеніемъ для разсылки административныхъ распоряженій, съ *громадскими мужами* въ каждомъ самомъ малолюдномъ селѣ, съ представителями сословій для рѣшенія важныхъ общественныхъ дѣлъ и съ верховнымъ трибуналомъ, котораго президентомъ былъ избирательный гетманъ, ограниченный голосами генеральныхъ старшинъ. Какъ бы мы ни объясняли себѣ это необыкновенное перерожденіе бунтливыхъ рабовъ въ единомысленное гражданское общество, но оно показываетъ присутствіе въ Малороссійскомъ народѣ высшихъ гражданскихъ понятій. И такой народъ отдѣленъ былъ въ Рѣчи Посполитой отъ шляхетской касты непреоборимою преградою общественнаго убѣжденія, названъ мужиками, обреченъ на услуги праздному, пьяному и драчливому сословію! Конечно, въ тотъ вѣкъ мудрено было понимать вещи, объяснившіяся для насъ многими событіями вѣковъ послѣдовавшихъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, причина великаго историческаго явленія существовала, и наконецъ обнаруживается для нашего разумѣнія. Итакъ, соглашаясь во многомъ съ почтеннымъ авторомъ замѣчаній на универсалъ Остряницы, прибавляю къ нимъ отъ себя: что въ Украинскомъ простонародьи, откуда бы ни воротилось оно въ опустошенную Татарами Южную Русь, изъ какихъ бы остатковъ стараго населенія и при какихъ бы благопріятныхъ вліяніяхъ оно ни размножилось, — въ необыкновенной степени было развито сознаніе своей человѣчности, — что шляхетное устройство Рѣчи Посполитой діаметрально противорѣчило этому сознанію, и что тѣ причины возстанія, которыя такъ осязательно выставлены г. Грабовскимъ въ его статьѣ, были только случайными побужденіями къ проявленію этого сознанія. Двѣ совершенно противоположныя національности столкнулись на почвѣ, занятой Польскою полити-

ческою системою, и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло на пользу человѣчества, доказали наконецъ другъ другу, кажется, слишкомъ ясно свою несовмѣстность. И потому да будетъ миръ костямъ Острожскихъ, Вишневецкихъ и Кисѣлей, которые у Поляковъ прослыли *Русскими патріотами* и о которыхъ современныя лѣтописи наши говорятъ, что они *плакали по своимъ имѣньямъ на Украйнѣ!* Они принесли свою пользу въ общей дѣятельности Рѣчи Посполитой Польской, а ихъ заблужденія, вмѣстѣ съ заблужденіями цѣлаго сословія, къ которому они принадлежали, способствовали первому послѣ Татарщины и — какъ мы вѣруемъ — не напрасному шагу Русскаго племени къ истинному самосознанію и самодѣятельности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ статьѣ: »О взаимномъ ожесточеніи Поляковъ и Малороссіянъ въ XVII вѣкѣ«.

Примѣчаніе. За составленіе этихъ оправдательныхъ статей обязанъ я благодарностью извѣстному Польскому археологу Э. О. Руликовскому.

Къ стр. 309. *Доказательства тому мы находимъ въ исторіи, въ судебныхъ актахъ*, и проч.

Дѣйствительно въ судебныхъ жалобахъ, въ современныхъ литературныхъ памятникахъ и въ рѣчахъ войсковыхъ проповѣдниковъ встрѣчается безконечное множество случаевъ, изъ которыхъ видно, какія притѣсненія, насилія и самоуправства терпѣли Украинцы отъ своихъ военныхъ постояльцевъ. Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ юридическихъ документовъ. Передъ возстаніемъ Хмѣльницкаго, послѣ только-что подавленныхъ возмущеній Павлюка, Скидана и Остряницы, кварцяное войско расположилось квартирами по Украйнѣ, съ цѣлью обуздывать своевольство козаковъ. Въ судебныхъ актахъ сохранились слѣды неоднократныхъ буйствъ и обременительныхъ для народа требованій, которыя позволяли себѣ эти постояльцы въ окрестностяхъ Черкасъ и Звенигородки. Но кромѣ кварцянаго войска, въ Кіевскомъ воеводствѣ квартировали наемныя роты (zaciężne roty) Самуила Лаща, стражника короннаго, которыя дѣлали еще несравненно больше самоуправствъ и насилій. Роты эти составлялись изъ разноообразнаго сброду Нѣмцевъ, Волоховъ, Татаръ и даже Волошскихъ Цыганъ и извѣстны были подъ общимъ названіемъ *Лащовчиковъ*. Они такъ-же производили неслыханныя безчинства и драки по

всему краю. Отряды этого нестройнаго войска безпрестанно разъѣзжали по Украйнѣ, и каждый порознь грабилъ вездѣ, гдѣ могъ. Села, въ которыя являлись эти разбойники, дѣлались жертвою самыхъ возмутительныхъ притѣсненій, и судебные акты того времени наполнены жалобами на ихъ самовластіе. Что касается до самого Самуила Лаща, то онъ не только не обуздывалъ этихъ злодѣевъ, напротивъ, явно потакалъ имъ и подавалъ примѣръ собою. Это былъ извѣстный бандитъ своего времени, который кутилъ и разбойничалъ на-пропалую, пренебрегши всѣ гражданскія права и подавивъ въ себѣ всякій стыдъ передъ людьми. Онъ наѣзжалъ съ своей толпою на помѣщичьи села, прогонялъ владѣльцевъ и присвоивалъ себѣ ихъ имущество. Такимъ образомъ онъ овладѣлъ большею частью мелкихъ имѣній въ Кіевскомъ повѣтѣ, а съ управителями людей сильныхъ, какъ-то: князей Вишневецкихъ, Корецкаго и Кіевскаго воеводы Тишкевича, велъ постоянную войну, насылая наѣзды на ихъ имѣнія, грабя и разоряя все, что попадало подъ руку его шайкамъ. Мало того: онъ не щадилъ даже личности своихъ жертвъ: кто ему противился, того онъ всячески мучилъ, обрѣзывалъ уши и носы, а женъ и дочерей шляхетскихъ похищалъ насильно и выдавалъ замужъ за своихъ подручниковъ. 236 разъ былъ онъ провозглашенъ бандитомъ и 37 разъ осужденъ на лишеніе правъ состоянія; но, не смотря на то, титуловался стражникомъ коронным и удерживалъ за собой болѣе десяти лѣтъ старо́ства Каневское и Звенигородское, единственно потому, что его любилъ и покровительствовалъ гетманъ коронный Конецпольскій. Можно послѣ этого судить, какъ беззащитны были поселяне противъ насилій Лащовчиковъ. Современникъ Ерличъ, въ своей лѣтописи (Latopisiec, albo Kroniczka, str. 50), говоритъ, что народъ пересталъ ѣздить по дорогѣ въ Кіевъ, изъ страха нападеній и грабежа со стороны этихъ злодѣевъ и что она заросла травою и исчезла въ пустыхъ поляхъ. Изъ судебныхъ документовъ того времени мы видимъ такъ-же, что Самуилъ Лащъ въ 1644 году высылалъ наемныя роты изъ своего Звенигородскаго староства въ Бѣлоцерковщину, на грабежъ тамошнихъ мѣщанъ. Въ 1646 году какой-то Шидеравскій, ротмистръ Самуила Лаща, идучи съ его хоругвью въ Звенигородское старо́ство и остановясь ночевать въ Бѣлоцерковскомъ селѣ Шкаравкѣ, ограбилъ тамошняго попа и велѣлъ обрить ему бороду. Одно это злодѣйство частнаго лица, совершенное, безъ сомнѣнія, въ пьяномъ видѣ, недостойнѣйшимъ представителемъ правительственной власти

въ Украйнѣ, за годъ до возстанія Хмѣльницкаго, способно было возмутить противъ Поляковъ цѣлый околотокъ, который видѣлъ въ немъ посягательство на вѣру благочестивую и непростительное святотатство со стороны католиковъ, тогда какъ обиды, претерпѣнныя католическою шляхтою отъ Лаща, оставались незамѣченными народомъ, да и самими лѣтописцами Малороссійскими. Возьмемъ бумаги нѣсколько старѣе. Въ 1633 году мѣщане Сквирскіе жаловались на хоругвь Лаща, которая выбрала рыбу изъ ихъ прудовъ. Въ 1630 году панъ Немиричъ жаловался на пана Лаща, что его хоругвь брала съ мужиковъ въ Ивницѣ, безъ всякаго права, поборъ хлѣбомъ и фуражемъ. До какой степени раздраженъ былъ народъ Украинскій подобными насиліями, можно видѣть изъ одного того уже, что Хмѣльницкій не могъ забыть Лаща и въ 1649 году, послѣ своихъ блистательныхъ побѣдъ надъ коронными войсками. Онъ выговаривалъ съ запальчивостью Польскимъ посламъ въ Переяславѣ за то, что Конецпольскій отдалъ Украйну во власть Лащовчикамъ, »которые военныхъ людей обращали въ мужиковъ, грабили, вырывали имъ бороды и запрягали въ плуги.«

Но своевольство жолнѣровъ терзало не одну Украйну, а цѣлое королевство Польское. Въ современныхъ брошюрахъ и въ проповѣдяхъ войсковыхъ священниковъ католическихъ выражается такъ же, какъ и въ судебныхъ актахъ, безсиліе правительства надъ необузданностью военнаго сословія Рѣчи Посполитой. Въ старой брошюркѣ подъ заглавіемъ: »Zwrócenie Matyasza z Podola« (передъ 1620 годомъ) живыми красками изображены солдаты того времени, а именно:

Bardziéj my tam patrzyli, gdzie zawarte wrota,
Choćby to w mili było, to my przecież po nie.
Nie masz li w polu co wziąść, to my przecie do chałupy,
Weźmie się mięso, masło, grosz, kapusta, krupy,
Gęsi — to nasza własność, i kaczki, i kury,
Tylko co jedno chłopa nie odrzemy z skóry.
Nie ciężko pobanłować po chałupce wszędzie.
Najdą li się pieniążki — nasze szczęście będzie,
Jesli gdzie dziewka gladka, ta się nie wysiedzi..... ([1])

([1]) Приложенія эти напечатаны для спеціалистовъ въ изученіи Польско-Украинской исторіи, которые безъ знанія Польскаго языка не могли бы сдѣ-

Славный войсковой проповѣдникъ Бирковскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей, упрекая воиновъ въ развратѣ и необузданности страстей, и грозя гнѣвомъ Божіимъ, который долженъ поразить за то всю Рѣчь Посполитую, представляетъ намъ такое изображеніе тогдашняго жолнѣра: »Dziś służy żolnierz wojnę: idzie na wojnę — drze, łupi ubogie ludzie; z wojny wraca — pieniądze bierze, ani wie, jak mu one talary z garści wyleciały; ledwie przyszły, a już ich niemasz. Idzie tedy jako zmyty ad pisarstwu skarbowych, i że niema nic w trzosie, patrzy kędyby szablą znowu chleba dostawał. Nie śmie do Tatar, ani do Turek, więc się puści do swoich; ci u niego się miasto pogańskich synów; miasto Tatar, nad tymy się pastwi, te zabija, gwałci, zdziera, plondruje«, etc.

Надобно здѣсь замѣтить, что войско такъ называемое *чужеземное* было самое необузданное въ Польшѣ. Эти наемные солдаты, эти *мохнатые кнехты* (knechty kudłate), какъ называетъ ихъ Старовольскій, эти драгуны на краденныхъ кобылахъ, были самыми страшными притѣснителями народа; а они-то всего больше и квартировали въ Украйнѣ.

Жалобы на самоуправства жолнѣровъ слышались отовсюду, такъ что на сеймѣ 1685 года постановленъ законъ, въ силу котораго учреждена была коммиссія для удовлетворенія просьбъ Волынскаго воеводства и Кіевскаго Полѣсья, гдѣ жолнѣры надѣлали множество грабежей, наѣздовъ и разнаго рода уголовныхъ преступленій. (Vol. Leg. 5-tum.)

Но эта необузданность Польскаго войска представляетъ слишкомъ близкое сходство съ безчинствами войскъ въ среднихъ вѣкахъ, на Западѣ. Во Франціи и въ Нѣмецкихъ земляхъ происходило то же самое. Такъ намъ извѣстно, что во Франціи въ 1356 — 1360 годахъ образовались было изъ иноземныхъ войскъ славныя Grandes Compagnes, которыя долго терзали Французскія провинціи своими наѣздами и грабежами. Вспомнимъ также о страшныхъ Routiers, Brabançons, Coutereaux, Tardvenus, которые прославились не менѣе первыхъ своими грабежами, зажигательствами и разбоями, и о знаменитыхъ своими злодѣйствами Нѣмецкихъ солдатахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Vogelfreye Menschen.

Къ стр. 312. *Но все это не составляло еще того, что мож-*

лать ни шагу въ своей наукѣ; и потому переводить Польскія выписки изъ старинныхъ книгъ и бумагъ считаю дѣломъ излишнимъ. *Изд.*

но было бы назвать систематическимъ, повсемѣстнымъ угнетеніемъ.

Систематическаго угнетенія подданныхъ въ Рѣчи Посполитой Польской не было, и, если Гроцдскій, въ своей исторіи войнъ козацкихъ, писалъ о нихъ, то на его слова не слѣдуетъ вполнѣ полагаться. Извѣстна жизнь этого человѣка. Сперва онъ передался на сторону Шведовъ, потомъ присталъ къ Ракочію, и когда Ракочій не успѣлъ въ своемъ походѣ противъ Поляковъ, онъ, какъ измѣнникъ, бѣжалъ въ Седмиградію и тамъ написалъ исторію войнъ козацкихъ, наполнивъ ее множествомъ выдумокъ. Что не было въ тѣ времена угнетенія, происходящаго изъ владѣльческаго права, доказательствомъ тому служатъ хозяйственные инвентари, изъ которыхъ видно, что подданные платили всего только небольшой чиншъ землевладѣльцу. Приведемъ здѣсь извлеченіе изъ *люстраціи* города Гулянникъ (нынѣ село Мотовиловка, въ Кіевскомъ уѣздѣ) и другихъ владѣній, 1616 года: она дастъ намъ точное понятіе о повинностяхъ крестьянскихъ того времени на Украйнѣ.

»To miasto nowoosadzone na pustym gruncie i nowym korzeniu.... W tym mieście jest osiadłych domów więcej niż 300; było i dobrze więcej, ale na swawolę się rozeszło... Nie wysiedzieli jeszcze słobody według listu, ale do lat 7 siedzieć i wolności zażywać mają. A powinność ich będzie taka: możniejsi konno wsiadać z dobrym orężem pko nieprzyjacielowi przy swym dzierżawcy abo jego namiestniku, a ubożsi do parkanu z orężem. Czynszu po staleniu na on czas, gdy wysiedzą słobodę i będą bogatsi, powinni dawać. Puszkarze tylko do posługi i strzelby, a jeszcze im koszuly dawać. Do folwarku niemasz roboty żadnej, tylko co swemi pługami i swym kosztem zrobi się. Summa prowentu całego 160 zp.«

Вотъ еще люстрація мѣстечка Романовки, того же 1616 года:

»Miasteczko to roku przeszłego przez Tatary spustoszone. Jest w niem osiadłych ludzi numero 52. Czynsze przed spustoszeniem Tatarskim różne płacili. Tych, co dawali po groszy 10, jest 30; tych, co po groszy sześć, a niektórzy po groszy 4, ostatek. Ale teraz, dla spustoszenia przez Tatary, nie dają. Innych podatków nie dawali. Summa proventu 150 zp.«

»Wieś Czarnawka, do tegoż stwa należąca. W tej wsi osiadłych jest 30. Robią dzień jeden zimie, a lecie dwa w tydzień. Czynszu dają po groszy sześć — czyni złotych sześć. Owsa po ćwierci valoris grossos quatuor czyli zł. 4. Summa prowentu wsi tej zp. 10.«

Къ стр. 312. *Поляки эти безлюдныя пустыни почти вновь населили.*

Послѣ того, какъ Татары вышли изъ Украйны, она представляла страшное безлюдье. Жители частію были истреблены, частію разбѣжались въ мѣста болѣе безопасныя. Плано Карпини, проѣзжавшій въ 1246 году черезъ Кіевъ и его окрестности, выражается такъ: »Вездѣ мало жителей; Монголы ихъ истребили, или увели въ неволю.« Но, по изгнаніи Татаръ, Польскіе короли начали дѣятельно заботиться о заселеніи этого края и довели бы его до цвѣтущаго состоянія, еслибы не столь частые Татарскіе набѣги, которые не позволяли Украинцамъ спокойно сидѣть на своихъ земляхъ. Татары нападали на нихъ безпрестанно, полонили народъ, жгли села, и все это дѣлалось по внушенію Порты, которая постоянно держалась той политики, чтобы окружать себя со всѣхъ сторонъ пустынями. Уже со временъ Витольда начались пожалованія Кіевскимъ обывателямъ на этомъ пограничьи *пустынь, пустошей, пустовщины,* урочищъ *пустыхъ* и селищъ. Въ правленіе князя Александра (Олелька) населеніе края начало особенно увеличиваться, потому что въ это время Татары были заняты войною въ Малой Азіи съ султаномъ Баязетомъ и перестали безпокоить Русскія области. Сохранилась интересная ревизія Житомирскаго зáмка, произведенная въ 1545 году Юріемъ Фальчевскимъ, епископомъ Луцкимъ, и Львомъ Поцѣемъ, въ царствованіе Сигизмунда Августа. Изъ нея видно, что городъ Житомиръ и его окрестности, въ царствованіе короля Казимира, были довольно многолюдны, что *сéла седили на своихъ сéлищахъ;* но Татары сдѣлали набѣгъ подъ предводительствомъ Менглигирея, и послѣ набѣга въ этомъ краю почти совсѣмъ не осталось жителей. Во время упомянутой ревизіи, по селамъ жителей не было, деревни оставались пустыми, поля лежали облогами, а всѣ поселяне, уцѣлѣвшіе отъ набѣга, укрылись въ укрѣпленномъ Житомирѣ и жили въ немъ, построивши себѣ *городни.* Приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ той ревизіи, чтобы дать понятіе о ничтожной населенности края, который заключалъ въ себѣ нынѣшніе уѣзды Житомирскій, Бердичевскій, часть Сквирскаго и Радомысльскаго.

»....Нініе сéлища держалъ въ головахъ напнервѣй именя материзные пана Ивана Горностая Дворного, подскарбія земского, и брата его милости пана Онікія Юлины.... *Людей ихъ милости въ мѣстѣ мѣшкаютъ десять человиковъ.* Панъ Василій Тишкевичъ, имене его Сло-

бодище, Бердичовъ, Рудники, Селцо, двои Чартолесы, Берпавка отчизна, а куплепые имеия Кодия и Озерапе. Людей его, которые тутъ мешкали, пошли всѣ до слободищъ. — Панъ Кмитичъ Криштофъ, имене его выслужоное Коростышовъ за Александра короля отець его выслужилъ. *Людей его осмь человиковъ.* — Князь Дмитрій Любецкій держить имене пасынковъ своихъ, князей Сенекихъ, на имя Ставокъ. Выслужилъ дидъ его, панъ Полозъ на короли Александрѣ, *одинъ человикъ.* — Панъ Олизаръ Волчкевичъ; имеия его Топорище а Волыици а Волосовъ: *людей его девять человиковъ.* — Панъ Герасимъ Андріевичъ; имеия его Хотиничи, Колодіево, Ивановичи а Вильско отчизна и дедизна; *людей его пятнадцать человиковъ.* — Иванъ Стрибиль зъ братаничомъ Стецькомъ; имеия ихъ Пилиповичи, отчизна, и купление Студена Вода у Корчовскихъ, а закупное Староселыци у продка Корчовского, а другое закупленое зъ Теберпици: *Людей ихъ десять человиковъ.* — Грицько а Стецько Воронпчъ; имеия ихъ Трояновци, Мократичи отчизна, а купленое Грицково... у Макаровича, также повѣдаютъ отчизна, а выслужоное имене Грицьково жъ на Алексаидре королю, на имя Крошия, отець его Ивашко Ворона выслужилъ, а другое имеия Ловковъ, отець Стецьковъ Гневошъ выслужилъ на королю Александрѣ; *людей ихъ двадцать чотири человики.* — Есифъ Немиричъ, имене его Чернеховъ материзна по Скобейку; *людей его одинадцать человиковъ.* — Богданъ а Жданъ, Семенъ а Васько Презовскіе; имеия ихъ отчизное Презовъ, а особливо имене выслужоное Богданово, што отець его Андрей выслужилъ, на имя Трибѣсовъ, а закупное имене матки Скоморохи; *людей ихъ два человики.* — Богданъ а Васько Корчевскіе и братаничъ ихъ Васько; имеия ихъ Селцо а Корчовъ а Минийковичи, дядьковщина ихъ, держить въ застави Стрибиль; *людей ихъ четири человики.* — Нефедко Мошковичъ держить имене по жони, на имя Зезиловъ а Хамутовъ на Пяту, отчизна жоны его нижъ ты повидитъ, ижъ ти сѣлища панъ Василій Тишкевичъ въ него одиимаетъ. — Сенко а Жданъ Шереніевскіе; сѣлища ихъ на имя Шереніево, отчизна; *Въ тихъ людей нитъ.* — Всихъ тихъ головъ пановъ и земянъ Житомирскихъ двадцать и два, а *сѣлищъ тридцать и девять, а людей ихъ всихъ сто и чотири человики, а кромѣ тихъ вышей менеиыхъ, инишихъ никого нитъ. И тые люде ихъ въ местѣ Житомирскомъ мешкають, а на сѣлищахъ не смиють передъ Татары жити....«*

Изъ всего этого видно, что въ 39 деревушкахъ считалось тогда только сто четыре жителя и что самыя деревушки были слишкомъ малочисленны, принимая во вниманіе огромное пространство, на которомъ онѣ были расположены. Отсюда такъ-же можно заключить, какъ ничтожна была первоначальная населенность этого края. Что же сказать о болѣе украинныхъ земляхъ около Кіева, Черкасъ и Умани? Онѣ были тогда въ полномъ смыслѣ слова *дикою степью* и *пустынею*.

Чтобъ показать безлюдность Украйны въ старыя времена и вмѣстѣ съ тѣмъ ея постепенное заселеніе, приведемъ нѣсколько фактовъ. Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ Триполь Дыдку Трипольскому, и въ пожалованной грамотѣ сказано, что въ Триполѣ есть только »*7 человиковъ, и то недавнихъ.*« — Въ 1522 году Овручскій обыватель Федько Омельяновичъ Вешнякъ получилъ отъ короля Сигизмунда Перваго *пустовскую* землю въ Овручскомъ повѣтѣ и *пустое* дворище въ Овручѣ (fol. 185, § 15 Metr. Lit.) — Въ 1550 году король пожаловалъ Козаровичи Ельцу. Въ Козаровичахъ было тогда только двое подданныхъ, Бачило и Комина, которые платили медовую дань. — Въ 1554 году король Сигизмундъ Августъ далъ Ѳедору Тишѣ *пустовскія* земли, подъ названіемъ Ходорковъ и Крыве, Машкова и Таніевцы, и землю Козіевку, и при этой послѣдней *одного человика,* Останка Котовича, съ братьями его Иваномъ и Жданомъ. (Изъ грамоты.) — Въ 1590, предоставлена королю свободная раздача *пустынь* за Бѣлою Церковью, а именно: монастырь Черехчинаровскій надъ Днѣпромъ, Барышполь съ селищемъ Иванковскимъ, городище Влодерецкое и къ тому сѣлищу въ Зволозѣ Прузвицкомъ большая слобода надъ рѣкою Росью, Рокитня надъ рѣкою Рокитнею особамъ тремъ, такъ-же Гороше и Слѣпородъ надъ рѣкою Неущею на границѣ Московской. (Vol Leg. Konstytucya, fol. 588.) — 1609, пожалованіе *пустыни* Умани Валентію Александру Конецпольскому »за знатныя и кровавыя послуги« (Vol. Leg. 2-dum).

Къ стр. 314... *въ случаѣ войны, ничего не было для Поляковъ полезнѣе этого* (козацкаго) *ополченія; но оно было для нихъ крайне неудобно и тягостно во время мира съ сосѣдями, и именно съ Турціею.*

Походы Запорожцевъ по Черному морю, безпокоившіе и раздражавшіе Турцію, давали ей поводъ къ безпрестанному нарушенію мира съ

Рѣчью Посполитою и къ мстительнымъ вторженіямъ въ ея предѣлы. Страдала отъ этого Украйна, страдалъ и весь Польскій народъ. Правительствовавшія лица въ королевствѣ пытались отвратить эти бѣдствія — одни совершеннымъ уничтоженіемъ козаковъ, другія преобразованіемъ ихъ корпораціи, и на сеймахъ безпрестанно подымались огромныя массы голосовъ съ предложеніемъ или уничтожить козаковъ, или удержать ихъ отъ произвольныхъ морскихъ походовъ. Конституціонныя книги наполнены повтореніемъ постановленій противъ ихъ дѣйствій, вредныхъ для общаго блага Рѣчи Посполитой Польской. Выписываемъ цѣлый рядъ такихъ постановленій:

»O swawoli Ukrainnej kozackiej, r. 1611. — O kozakach i ludziech swawolnych, r. 1615 (Vol. Leg. 3-um.) — O kozakach i zmniejszeniu ich, r. 1619. — Kommissja kozacka na zatrzymanie w porzadku wojska Zaporozkiego, 1623. — Aprobacja ordynarji kozaków Zaporowskich, r. 1624. — Pohamowanie inkursij morskich od wojska Zaporozkiego, r. 1635. — Ordynacja wojska Zaparozkiego i rejestrowego, r. 1638 (Vol. Leg. 3-um.)

Уже Гурницкій, въ rozmowie o elekcji, сказалъ о козакахъ пророчески: »Ten Niż wielki kiedyś upadek Koronie przyniesie« , и, видно, изъ этого-то опасенія часто на сеймахъ подымали вопросъ о козакахъ. Велико было бы большинство голосовъ противъ ихъ совершеннаго уничтоженія, еслибы въ тѣ времена всѣ не имѣли въ виду войны съ Турціею, войны въ большихъ размѣрахъ, которая должна была положить конецъ могуществу Османовъ. Къ ней готовились, какъ къ крестовому походу, называя ее sacrum bellum, и намѣревались поднять на Турокъ все населеніе Польской Рѣчи Посполитой. Не смотря на трудность и, можетъ быть, даже невозможность осуществить такую мысль, всѣ тогдашніе политики Польскіе были горячо ей преданы; а предвидя близкое начало войны, начали щадить козаковъ, которыхъ дознанное мужество могло играть въ ней не послѣднюю роль. Поэтому то Криштофъ Пальчевскій первый подалъ въ пользу козаковъ голосъ въ своей небольшой книжкѣ, подъ заглавіемъ: »O kozakach, jesli ich znieść, lub nie, discurs.« Kraków, 1618. Въ ней онъ доказываетъ, что козаки, будучи передней стѣною Рѣчи Посполитой, нужны ей для отпора Турецкихъ силъ; но всё таки говоритъ, что надобно ихъ преобразовать кореннымъ образомъ, давая имъ гетмановъ и ротмистровъ по назначенію короля. То

же самое мнѣніе о козакахъ высказалъ и Симонъ Старовольскій, въ сочиненіи своемъ: »Pobudka albo rada na zniesienie Tatarów Pererops kich«, г. 1671.

Къ стр. 317... *Кто владѣлъ имѣніями въ Украйнѣ? князья Южно-Русскіе, дворянство Южно-Русское.*

Изъ ревизіи Житомира въ 1545 году мы уже видѣли, кто владѣлъ землями въ этомъ краю. Горностаи, Тишкевичи, Олизары, Гринольскіе, Проскуры, потомки Вороны и другіе дворяне Южно-Русскаго имени и Греко-Русскаго исповѣданія. Они-то заселили Украйну, по грамотамъ королей Польскихъ, жалованнымъ имъ за заслуги общему отечеству ихъ, Польшѣ, подъ которою разумѣлось все, что не принадлежало державамъ сосѣднимъ. Были между Украинскими колонизаторами и родовые Поляки, то есть Поляки по фамильнымъ именамъ и по Римскому вѣроисповѣданію; но естественно, что на опустошенныя земли старой Руси выходили изъ Польши (если не укрывались тутъ же въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ) всего больше потомки урожецевъ Русской земли, заселяемой заботами Польскаго правительства; и такимъ образомъ Украинская почва, подъ владычествомъ Польши, принадлежала не иноземному племени, господствовавшему надъ простолюдинами, а самимъ туземцамъ.

Что касается до заботъ правительства заселить безлюдныя пустыни Южной Руси, то онѣ видны не изъ однихъ земскихъ юридическихъ актовъ, но такъ-же изъ современныхъ брошюръ и книгъ. Назовемъ нѣкоторыя: 1) »Droga pewna do prędszego i snadniejszego osadzenia w Ruskich krainach pustyú rycerswem królewstwa Polskiego«, 1590 г.; 2) Juzefa Wereszczyńskiego, biscupa Kijowskiego, »Sposob osady nowego Kijowa«, 1595 г; 3) Piotra Grabowskiego, »Polska Niżna, albo Osada Polska«, 1596 г; 4) Szymona Starowolskiego, »Votum o naprawie Rzplitej«, 1625 г.

КЪ ЗАПИСКѢ ТЕПЛОВА.

Примѣчаніе. Не имѣя подъ рукой Малороссійскихъ архивовъ для потвержденія выписками изъ подлинныхъ бумагъ того, что̀ сказано мною въ предисловіи къ »Запискѣ« Теплова и что̀ пишетъ самъ Тепловъ, я обратился съ просьбою къ молодому этнографу и археологу Южно-Русскому, Н. М. Бѣлозерскому, и онъ доставилъ мнѣ прилагаемыя здѣсь выписки, за которыя приношу ему искреннюю благодарность. Выписки, включенныя мною сюда изъ каталога архива Н. А. Маркевича, означены словами: *Арх. Марк.*

Универсалъ гетмана Мазепы, 1701. »Вамъ, пану полковникови наказному Лубенскому, сотникамъ и атаманѣ городовой и сѣлской полку того жъ симъ писанемъ нашимъ ознаймуемъ: ижъ дойшло намъ вѣдати, же многое число легкомыслного и непостоянного полку вашого Лубенского товариства, не чинячи своей повинности досить, и не хотячи на нинѣшной монаршой его царского пресвѣтлого величества службѣ зъ паномъ полковникомъ своимъ попрацовати и указы наши гетманскіе легце собѣ важачи, самоволне въ домахъ своихъ пооставалися. На которихъ легкомысликовъ и повеленія властителей своихъ преслушателей, яко не малую имѣемъ уразу и гнѣвъ нашъ, такъ посылаемъ отъ боку нашого умыслного посланного нашого пана Тимофѣя Радича, товариша войскового, зълецивши ему и приказавши, жебы тыхъ осталцовъ зревидовалъ и кождого именно въ реестръ написавши, вѣдати намъ донеслъ; а мы знатимемъ якое имъ за тое преслушаніе и самоволство наказаніе учинити. Зачимъ, приказуемъ вамъ, старшинѣ, подъ неласкою нашею и срокгимъ вой-

сковымъ караномъ, абысте тыхъ осталцовъ, бышамнѣй не кріючи, нашимъ посланнымъ для учиненія скутечной ревизіи, обявляли. О тое и повторе пилно вамъ приказуемъ, и поручаемъ ихъ же въ сохраненіе Господу Богу.«

Изъ »Вѣчистой Книги« Стародубовского магистрата, 1712. Жители слободы Чубковичъ (въ полку Стародуб.), ставши на урядъ, объявили: »Іжъ що покойныкъ блаженной памяти, подъ часъ уряду своего полковничого, панъ Михайло Миклашевскій привлащилъ былъ и до своего окону прівернулъ кгрунту ихъ ...... пахотныи до хуторца и речки Істровкы. Теды теперъ, яко поссесоровѣ покойного, его милости пану Андрею Миклашевскому, респектуючому нашой кривдѣ, той крунтъ въ оконѣ пахатномъ найдуючийся..... отвели, продали и поступили въ моцъ и вечистое держание его мил. пану Андрею Миклашевскому, малжонце и потомкомъ его на вѣчность, за суммy исполне до рукъ нашихъ одобраную, то есть за золотыхъ чотыриста грошей, личбы Литовской, монети доброй...«

Изъ протеста сотника Антипа Соколовскаго, 1712. »Будучи мни, Антипу Соколовському за невнимъ интересомъ у двори рейментарскомъ Бакланьскомъ, за староства Соболевського, первая мене спиткала укоризна отъ Соболевського: »Що ты таке и одкуль узявся, що »для тебе панъ гетьманъ Гудовича, зацного чоловика и заслужоного, зъ »сотництва вдаливъ и чести ёму на-вики спраздпивъ для тебе самого! А »ти бъ знавъ, що ти кушнирськый сынъ. Да хиба для того, що въ герцювъ »служивъ, а въ виську бакъ нигде не бувъ; такъ соби у гетьмана лопатою сотництва заробивъ, що бувало кони пидгрибуешъ« ...*Арх. Марк.*

Изъ универсала генеральнаго асаула Бутовича (1718) товариству сотни Новомлинской, которое жаловалось на своего сотника Тишкевича за »утеменжене (угнетеніе), озлобленіе и безчестіе, що яко есть вельце праву давнему и волностямъ козацкимъ противно и погришително.« *Арх. Марк.*

Изъ универсала Скоропадскаго Ивану Бороздинъ, 1718. Іосифъ Шидловскій, бывшій инспекторомъ сына вашего, котораго при-

дано нсъ школъ Латинскихъ съ коллегіумъ Оршанскаго, плачліве намъ ускáржился (жаловался) на васъ. що вы.... за цилорочную прáцю около науки сына вашого и добрыхъ процедéровъ належной контрактомъ отъ васъ вымовленной платы, именно рублей десять грошей, Французского тонкого сукна локтій 5 на кунтушъ и лудáну локтій 12 на жупанъ, не тилько ему не заплатилисте, але, хотячи забрати у его шаблю, фузію... безъ боязни Божой кровавымъ его немилостиво окрíлисте боемъ прилюдне и намировалисте забитого въ колодки на згинене заслати въ гуту« (стеклянный заводъ)... *Арх. Марк.* (Это напоминаетъ поступокъ графа Савойскаго въ балладѣ Шиллера: Der Gang nach dem Eisenhammer.)

Изъ донесенія Кіевскаго полковника Антона Тáнскаго гетьману Скоропадскому, 1719. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда полковники навязывали козакамъ сотниковъ противъ права свободнаго выбора. Танскій посылалъ въ Ирсовку Ханенка для врученія сотенной хоругви Былинѣ. Когда Ханенко, прибывъ туда и взявъ церковныя хоругви, приказалъ читать универсалъ гетманскій, козаки взбунтовались, вырвали у Ханенка универсалъ и не только самого его »безчестно конфундовали«, но чуть не убили; универсалъ истоптали, сотенную хоругвь изломали и »вздумали« избрать вольными голосами въ сотники Шаулу-Ворошила; а Былину безчестили и хотѣли убить. *Арх. Марк*

Изъ письма Павла Полуботка къ гетману, 1719. Семенъ Лизогубъ выслалъ нѣсколько сотъ душъ на его земли и забралъ всю траву; »грунтá« его вспахалъ и засѣялъ; положилъ свои рубежи владѣніямъ Полуботка; изранилъ саблею его слугу, и пр. *Арх. Марк.*

Изъ письма Гадячскаго полковника Михаила Милорадовича къ гетману Скоропадскому, 1720. Сотникъ Опошнянскій жаловался на Милорадовича, что онъ виисываетъ его подданныхъ въ козаки, не допускаетъ свободно владѣть селомъ; слугъ его полковничьи слуги »обдираютъ«; полковникъ Милорадовичъ запрудилъ рѣку и подтопилъ земли его крестьянъ. *Арх. Марк.*

Изъ универсала Ивана Чарныша, 1721. Карпо Власенко, производя слѣдствіе надъ Ѳедоромъ Проскурненкомъ, »первій яко злочинцю

на верби зависивъ и черезъ дви години мордовавъ, а потомъ знявши зъ верби, киями бивъ безъ пощады, а зверхъ того гонячи попидъ лавами, веливъ ему яко псу щекати (лаять), що онъ, оринужденъ будучи его зъ розыщиками мордерствомъ (тиранствомъ), мусивъ чинити.« *Арх. Марк.*

Изъ жалобы Пахома Семака генеральному асаулу, 1723. »Село Семаки еще за Жигимонта по-правдѣ служили войску.« Послѣ Чигиринской войны, когда »мало-помалу власть пановъ Лизогубовъ расширилать, тогда подгорнули (они) село Семаки себѣ въ подданство.« Поселяне уговорились единодушно доказать свои права на козачество. Семенъ Лизогубъ узналъ о томъ и хотѣлъ поколотить Семака. »Сохранившужеся мнѣ отъ таковаго гвалту«, убили Лизогубы 50 ульевъ пчелъ, взяли пшеницу, ржаную муку, овса три осмачки, »кабана годованого и одно сало.« *Арх. Марк.*

Изъ акта начала, или первой четверти XVIII вѣка. Сердюки полка Бурляя возили по Деснѣ набайдакѣ ванну въ Черниговъ, для гетмана. Подпивши, они говорили между собою: »Лѣпше бы намъ, друзи, въ походъ военный ходити, нежели теперь ванну возити!«....

Изъ прошенія бунчуковаго товарища Стефана Тарновскаго, 1725 — 1727. Въ 1716 г. онъ купилъ въ Городницкой сотнѣ (Черниговскаго полка, часть дубровы и, найдя тамъ свободную землю, упросилъ гетм. Скоропадскаго дать позволеніе »осадить загреничныхъ человѣка десять и больш«. Гетм. приказалъ Черниговскому полковнику Павлу Полуботку »ограничить« тотъ грунтъ и ввести Тарновскаго во владѣніе. Полуботокъ же, гнѣваясь на тестя Тарновскаго, не велѣлъ »граничить«; а послѣ, съ позволенія жителей тамошнихъ, занялъ ту дуброву, къ ней прикупилъ земли и началъ самъ »садить слободку«. Тарновскій жаловался гетману; исполненіе прошенія всё было отсрочиваемо. По смерти Скоропадскаго, Тарновскій сталъ просить самого П. Полуботка; тотъ обѣщалъ возвратить земли; но былъ взятъ въ Петербургъ. Земли Полуботка были отобраны въ казну; а послѣ — часть возвращена его дѣтямъ, а часть, какъ »собственно на власть полковничую належачихъ«, по приказу бригадира Румянцева, отдана во владѣніе Черниговскаго полковника Михаила Богданова. Дѣти Полубоутка отдали захвачен-

ныя ихъ отцомъ земли Тарновскому. Вмѣстѣ съ Полуботкомъ былъ схваченъ и Тарновскій и посаженъ подъ арестъ. По освобожденіи, былъ посылаемъ въ Гилянскій походъ и, нуждаясь въ деньгахъ, отдалъ ту слободу во владѣніе на три года генералу Ропну, за 300 рублей. »Теперь же Черниг. полковникъ Богдановъ привлащаетъ ее себѣ«, говоря что она належитъ »на полковничую власть«. Отобралъ воловъ; схватилъ ста-старосту. По жалобѣ Тарновскаго, изъ войсковой генеральной канцеляріи были посланы разыщики; но Богдановъ ихъ обругалъ, и указъ имъ данный отобралъ.

Это дѣло тянулось еще и въ 1732 г., какъ видно изъ письма къ гетм. Данилу Апостолу вдовы того Тарновскаго, 1732 іюля 2.

Изъ донесенія слѣдователей, 1727: дѣйствительно ли села: Полуботки, Пивци, Выхвастовъ, Буровка и Дроздовица принадлежали дѣду жены Семена Лизогуба, Каленику, т. е. тестю гетмана Скоропадскаго по первой женѣ. »Селомъ Полуботками владѣлъ прадѣдъ Ирины Ильинишны, Каленикъ, и сынъ его Никифоръ Калениковичъ, и внука его Пелагея Никифоровна, которая вышла за Ивана Ильича Скоропадскаго (впослѣдствіи гетмана). А пріѣхалъ и женился, то имѣлъ при себѣ только одного челядника, коней четверо и палубецъ (крытый возъ) одинъ.« *Арх. Марк.*

Изъ доноса на старшинъ, производившихъ въ Почепѣ слѣдствіе, 1727. »Начали пити за здоровье его свитлости генералиссимуса (Меньшикова), а онъ, Ладинскій, за здоровье е. св. пити не схотивъ, которому троекратно говорилъ, чтобъ онъ за такое высокое здоровье выпилъ; но онъ, Ладинскій, того учинити не хотивъ; и я ему на то еще сказавъ: что »и бабушка твоя такого высокого чину не слыхивала, а »ты нынѣ слышишъ и пити за такую высокую особу не хочешъ; а будучи ты у Парковской у-почи́ и до оной комплементу́ючи, сивуху не помалу тягнулъ.... она одъ тебе принуждена была кочергою одбиватися.« ...»И приходятъ къ Ладинскому по почамъ дивки й бабы, зъ которыми онъ, Ладинскій пьетъ, а ихъ, козаковъ, заставляетъ имъ, бабамъ, кланяться въ землю и просить, чтобъ онѣ пили, и за то ихъ, козаковъ, бьетъ смертнымъ боемъ, которая не выпьетъ.« *Арх. Марк.*

Изъ письма Якова Лизогуба къ гетману Апостолу, 1728. Жалоба на Якова Полуботка, который отнимаетъ у него Рудню Гунковскую, принадлежащую ему »съ отца и дѣда«. Проситъ защиты въ Руднѣ отъ Полуботковъ, а въ Чумгакѣ отъ Лукаша. *Арх. Марк.*

Изъ другого письма, безъ числа. Проѣзжіе Великороссіяне и *Малороссіяне* беззаконно требуютъ отъ жителей села Бѣгача живности, провіанта, лошадей; водятъ войта »за шію« и вяжутъ его; насильно берутъ все у обывателей и грабятъ такъ, что народъ обнищалъ и разбѣжался. *Арх. Марк.*

Изъ перваго тома »Матеріаловъ для Отечественной Исторіи«, изданныхъ М. Судіенкомъ.

Въ 1728 году, »9 марта писана грамота въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, что на бившую гетманову Скоропадскую многіе являются челобитчики, а она въ Малой Россіи [сказуетъ] несудима, понеже имѣетъ грамоту протекціальную; тако жъ о прежнемъ скарбѣ войсковомъ, что оного мало по смерти гетмана Скоропадского осталося, а оний скарбъ необикновенно содержали его гетмана Скоропадского дворовые люди. (Стр. 16.)

»18 марта, туда же... писана (грамота) о скарбѣ войсковомъ и о пожиткахъ гетманскихъ, которіе она жъ, гетманова Скоропадская, завладѣла, а прежде того было обыкновеніе такое, что всѣ бывшіе гетмани, принимая гетманскій урялъ, принимали и всѣ остающіеся по гетману скарбы и пожитки. (Стр. 23.)

»По донесено ся ясневелможному вѣдати, что въ сотняхъ Ирклѣевской и Золотоношской, такожъ и Кропивянской, козакамъ и протчіимъ обивателямъ отъ сотников ихъ починени немаліе отнятемъ грунтовъ, взятками, неэносними работизнами, побоями и протчіими налогами обиди. (Стр. 26.)

»Старшина полку Гадяцкого пишутъ къ его велможности, въ подтверждение прежнихъ своихъ жалобъ, доносячи на полковника своего Милорадовича, же онъ, Милорадовичъ, заѣхавши въ полковіе маетности, жадного полкового дѣла не правитъ, но свои домовие прихоти и новое свое господарство разширяючи, козакамъ и посполитимъ безмѣрне и необычайне барзѣй, накидаемъ горѣлокъ по тридцати и по сороку рублей куфу, чинитъ здирство и налоги, такожъ, мимо волю и указъ ясневельмож-

ного, зъ доходовъ войсковыхъ денги и хлѣбъ на свой домъ самовольно позабиралъ и беретъ... (Стр. 39.)

»По поданной суплѣцѣ отъ полчанъ Стародубовскихъ... что въ помянутомъ сими недавними роками со всего народа разними дачами стягненную сумму урядники тамовшіе, самовластне позабиравши, удержуютъ напрасно, виданъ универсалъ... (Стр. 69.)

»По словесной жалобѣ пана Василія Журековскаго, асаула енерального, что старшина сотенная Глуховская излишними податми подданныхъ его непропорціонално обтяжаютъ и людей его и старостъ къ суду своему, а особливе курѣнчиковъ его до сотенныхъ повинностей, которіе прежде до того не належали, притягаютъ, занесенной, писанъ листовній указъ... (Стр. 70.)

»По суплѣцѣ войта Никифора Бруевича на сотника Бакланского Леонтіа Кгалецкого, что якобы онъ суплекуючого домъ незносными обидами обтяжилъ, жену его жъ подъ караулъ взялъ, худобу заграбилъ, такожъ и въ полю, якое въ его, Бруевича, въ заставѣ за денги, чинитъ перешкоду къ отбиранию пожитковъ, поданной, писанъ листовный указъ... (Стр. 75.)

»Писани универсали во всѣ Малороссійскіи полки... дабы... запретить накрѣпко старшинѣ и протчіимъ, дабы козакамъ и посполству налогъ, обыдъ и тягостей отнюдъ не чинили, при судахъ зъ козаковъ и посполства накладовъ и взятковъ на себе и ни на кого отнюдъ не брали и нѣякого пиття и протчего своего и ничіего на нихъ не накидивали, и ни на якіе свои приватніе работи ихъ не посилали, и зверхъ того, что указами повелено, ничего не брали, такожъ у козаковъ кгрунтовъ, земель и протчего недвижного не отнимали, и тимъ ихъ въ подданство себѣ не привлекали, и до раззоренія не приводили... (Стр. 87.)

»По жалобѣ Ивана Бабича, жителя села Погребокъ съ товарищи, прибувшого въ Москву, на пана Андрѣя Лизогуба занесенной, что якобы онъ ихъ, въ козацство опредѣленнихъ, притягаетъ до подданства и чинитъ имъ грабителства позабиранемъ воловъ и коней, писанъ универсалъ...« (Стр. 105.)

Потверждая Козелецкому магистрату Магдебургское право, гетманъ Данило Апостолъ, въ универсалѣ 1729 года, говоритъ: »... жебы панъ полковникъ Кіевскій и старшина полковая тамошняя, отъ ратуша Козелецкого, о святкахъ, ралціовъ и другихъ нѣякихъ датковъ не вимагали, и под-

даннихъ нхъ ратушнихъ на приватніе свои работи не употребляли...« (Стр. 58, второй нумераціи.)

Изъ жалобы генеральнаго хоружжаго Забѣлы гетману Апостолу (безъ числа). Староста Полтавскаго полковника поколотилъ крестьянина Забѣлы, вышибъ зубъ, рвалъ за волосы и топталъ, другому крестьянину разшибъ голову, прикащика забилъ въ колодки, набѣжалъ на господскій дворъ, угналъ 16 штукъ рогатаго скота, 20 штукъ овецъ, приколотилъ слугу палками, приговаривая: »Щò то за Забѣла? черный, или бѣлый? чортъ его знає!« *Арх. Марк.*

Извлеченіе изъ жалобы Дейнекъ на хищничество Павла Полубка, 1730. Дейнеки, занимаясь торговлею за границею Малороссіи, ѣхали съ табакомъ черезъ имѣніе маршáлка великаго княжества Литовскаго, Поцѣя. Староста Поцѣевъ арестовалъ ихъ товары и отправилъ къ своему господину въ Вильно. Когда Дейнеки явились къ самому Поцѣю, онъ сказалъ, что они ограблены за Полуботка, который долженъ ему 40,000 злотыхъ. Поцѣй объяснилъ свою претензію въ письмѣ къ гетману Скоропадскому, которое и было вручено Дейнекамъ. Гетманъ по этому письму, велѣлъ Полуботку удовлетворить ихъ. Но Полуботокъ медлилъ. Между тѣмъ Скоропадскій умеръ. Началась тяжба Полуботка съ Поцѣемъ и съ Дейнеками. Поцѣй утверждалъ, что Полуботокъ бралъ у его арендатора деньги и товары, чрезъ шляхтича Цыбульскаго; Полуботокъ запирался. Дейнеки приводили въ доказательство письма Поцѣя; Полуботокъ доказывалъ, что эти письма — вздоръ. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что Полуботокъ потребованъ былъ въ Петербургъ и вскорѣ умеръ. — Но не одинъ Поцѣй обвинялъ Полуботка въ хищничествѣ. Шляхтичъ Цыбульскій купилъ у Полуботка нѣсколько сотъ пудовъ табаку, по 4 злотыхъ за пудъ, а »звонникамъ« (колокольнымъ мастерамъ) продалъ 200 пудовъ мѣди. Полуботокъ объявилъ ему, что онъ охотно заплатитъ по 6 рублей за пудъ мѣди, принявъ ее въ счетъ за табакъ, и, на этомъ основаніи, во время провоза ее изъ Слуцка въ Кіевъ, арестовалъ ее въ Черниговѣ, а недочетъ доплатилъ наличными деньгами. Цыбульскій предлагалъ ему, вмѣсто мѣди, 80 воловъ, которыхъ онъ купилъ для него, по его словесной просьбѣ; но Полуботокъ воловъ не принялъ, и Цыбульскій по-

казалъ въ своей жалобѣ 1437 злотыхъ убытку. — Тотъ же Цыбульскій, въ 1716 году, купилъ у Борковскаго хлѣбъ, »осмачку по два талера«, и послалъ за нимъ подводы. Но Полуботокъ, въ качествѣ Черниговскаго полковника, не позволилъ ему вывезть хлѣбъ за границу; потомъ призвалъ его къ себѣ и предложилъ ему купить у него, Полуботка, »100 куфъ (бочекъ) горилки« съ тѣмъ, что если онъ купитъ горилку, то позволено будетъ ему вывезть и хлѣбъ. У Мокріевича Цыбульскій купилъ по 10 битыхъ талеровъ куфу; Полуботокъ содралъ съ него по 18. Но этимъ не кончилось: когда Цыбульскій уѣхалъ за границу, оставивъ у своихъ факторовъ, для перевозки хлѣба и горилки, 74 червонца и 150 золотыхъ, Полуботокъ тотъ-часъ арестовалъ и перековалъ всѣхъ ихъ, »за дукатъ, найденный между червонцами«. *Арх. Марк.*

Изъ инструкціи гетмана Апостола обозному Ивану Носу, 1731. Ѣхать туда-то. На пути »никакихъ обидъ обывателямъ не чинить, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія.« *Арх. Марк.*

Изъ жалобы Коропского мѣщанина Семена Литуша гетману Апостолу, 1731. Сотникъ, войтъ, бурмистры и двое мѣщанъ, по жалобѣ священниковъ о святотатствѣ, безъ доказательствъ и свидѣтелей, вытащили его жену изъ дому въ Коропскую ратушу, три раза сѣкли плетьми и посадили въ тюрму. Онъ поѣхалъ въ Кіевъ жаловаться митрополиту. Узнавъ о томъ, эти старшины три раза высѣкли ее голую розгами и опять посадили въ тюрму, гдѣ просидѣла она восемь недѣль. Къ ней пришла дочь повидаться; они и ее два раза клали и сѣкли. *Арх. Марк.*

Изъ универсала генеральной войсковой канцеляріи, 1734. Подтверждаются всѣ прежнія права, дарованныя Черниговскому магистрату; въ заключеніе сказано: ».... позволяется тими всѣми вишше показанними мастностми, млинами и другими угодіами владѣть ему, войту, зъ маистратомъ безпрепятственно, такъ: дабы полковникъ Черниговскій съ старшиною полковою и сотниками во владѣніи тихъ селъ, грунтовъ и протчихъ угодій и въ отбиранію съ оныхъ всякихъ пожитковъ, а зъ млина розмѣровихъ приходовъ, ему, войну, зъ маистратомъ нихто ни малѣй-

шей не важился чинити трудности и перешкоды, — пилно предлагается...«

Изъ универсала той же канцеляріи, 1746. Говорится объ универсалѣ генеральной канцеляріи, отъ 1744 г., іюня 24, данномъ по челобитью войта Черниг. магистрата, въ которомъ сказано: »что многия грунта зъ жалованнихъ на оную ратушъ Черніговскую и старішину маистратовую селъ и другихъ угодій въ разние владѣнія невѣдомо почему поотходили; также полковникъ нинѣшній всякихъ ремеснихъ людей къ работѣ въ домъ свой привлекаетъ и за работу ничего имъ не платитъ; онъ же, полковникъ, и полковая канцелярия тамошняя въ протекцѣи своей мѣщанъ знатнихъ содержитъ, отъ полатей общенароднихъ уволняютъ, въ козачое звание мѣщанъ притягаютъ, и мимо ратушній судъ къ своему суду мѣщанъ и приежжихъ людей привлекаютъ, торговимъ людемъ приежжимъ товари ихъ въ розпь оартою продавать позволяютъ, и перекупней, живущихъ при городѣ Черніговѣ въ дворахъ приежжихъ, разного звания людей зъ ратушного вѣдомства отняли и помоществовать въ общенароднихъ нуждахъ мѣшанамъ тѣмъ людемъ запрещаютъ; его жъ, войта, бурмистровъ и другихъ маистратовихъ чиновниковъ къ своему суду извлекаютъ, и тѣмъ многие чинятъ обиди. И просили о таковыхъ, отшедшихъ съ подъ владѣния ихъ грунтахъ и угодияхъ о учинении надлежащого слѣдствия и разсмотрения... отъ войковой генералной канцеляріи конфирмаціи...«

Изъ жалобы Черниговскаго магистрата гетману Разумовскому, 1753. Магистратъ жалуется на полковника и комендаита Черниговскаго, Божича, который, злобствуя на магистратъ за то, что последній »подсудственними своими въ командѣ его, г-на полковника, не состоитъ«, причиняетъ магистрату разныя обиды, и публично побилъ одного война; »райцу магистрату Черниговского, Никиту Инспекторенка, безъ всякой оного винности, сыскавъ въ домъ свой, билъ его, Инспекторенка, нещадно плетми; а минувшого мая 14 д. 1750 г. магистратового слугу, Лукяна Симонтовского, зъ другимъ магистратовимъ служителемъ, не по командѣ его полковничей, взявъ и осадивъ между колодники, содержалъ чрезъ многое время въ секвестри весма напрасно. Тому же служителю Лукяну Симонтовскому такъ домъ магистратовій, яко и служителѣ

магистратовие всѣ поручени били въ смотрение; о которомъ хотя и требовано зъ магистрату, точiю, неведомо для чего, не отпущено. Съ чего магистрату всепокорнѣйшая послѣдовала обида; ибо когда минувшого мая, зъ 19 противъ 20 числа того жъ 1750 году, въ городѣ Черніговѣ учинился пожаръ, то тотъ би слуга магистратовий зъ другими служителями и съ тѣмъ служителемъ, съ коимъ онъ въ секвестри полковомъ содержался, сначала такова пожара |какъ уповательно| оному пожару распространитись не допустилъ, или дѣла, въ магистратѣ имѣвшиесь, виратовать моглъ би, — которой, хотя въ то время, когда тотъ пожаръ распространятись начиналъ, плачучись проснлся, точiю и въ самой тотъ самонужнѣйшій случаі не отпущенъ; почему такъ магистратъ ввесь съ письменними дѣлами, яко и все того слуги убожеское имущество, до остатку згорѣло. При последовавшемъ же пожару мая 20 оной госп. полковникъ Божичъ, браня и грозя магистратовую старшину, произносилъ похвалки: »Ежели би, де, »войтъ вашъ былъ зде, я би, де, его, войта, нинѣ велѣлъ вбросить въ »сей огонь!« При взятіи же на томъ пожарѣ шинкаря магистратового и десятниковъ двохъ подъ свой караулъ, принародно жъ браня, сказивалъ бурмистрамъ и писарю магистратовому, кои были на томъ пожарѣ: »Е»жели, де, ви что ни-на-есть объ етомъ пожарѣ будете въ войсковую »енеральную канцелярию писать, то, де, я вашему этому писарю пере»ламаю руки и ноги!« И таковими своими угрожениями такъ тогда магістратъ Черніговскій привелъ въ страхъ, что не точию въ другихъ отъ его г-на полковника, обидахъ подсудственнимъ магистратовимъ причиненнихъ по вишшей командѣ бить челомъ невозможно, но й по указнимъ дѣламъ магистрату правление имѣть было опасно....« и. т. д.

Изъ листа полковой Лубенской канцелярiи, за подписью полковника Лубенскаго, Ивана Кулябки, ко всѣмъ сотникамъ того полка, 1758. »Во время недавно бившого въ Лубняхъ въ полковой канцелярии всѣхъ господъ полковой старшини і сотниковъ собрания, съ представления нѣкоторихъ господъ полковой старшини на пановъ сотниковъ и сотеннихъ старшинъ, отъ коихъ надлежащого имъ, полковимъ старшинамъ, почтения никогда не чинится, обявлено отъ нижеподписавшагося полковника всѣмъ въобщѣ командирски, даби чинъ чина почиталъ всегда и вездѣ, какъ должно и запристойно есть и вездѣ водится По какъ нинѣ самимъ нижеподписавшимся полковникомъ усмотрѣвается зъ обхож-

деній здешнихъ полковихъ сотниковъ, какъ могуть полковие старшини отъ сотниковъ и сотеннихъ старшинъ имѣть почтеніе, когда оного нижеподписавшомуся полковнику, настоящему и первому въ полку командиру, въ началѣ того почтенія нѣтъ? ибо, чего нѣгдѣ не водится, зъ оныхъ сотниковъ мало когда которого, а иного и никогда і въ glаза видимо не биваетъ, и что въ городѣ дѣлается — невѣдомо, кромѣ развѣ кто случайно и сторонно обявитъ. Состоящие же при полковихъ резиденціяхъ старшини повседенно должни приходя полковимъ командирамъ являться и, что̀ происходитъ, репортовать....«

Изъ жалобы Крестоваго намѣстника Ѳедора Савицкаго на сотника Второсенчанскаго Ѳедора Слюза, въ судъ полковый Лубенскій, 1762. Въ 1761 году человѣкъ Савицкаго, Антонъ Чехъ, вмѣстѣ съ козакомъ Запорожскимъ пили горѣлку у священника въ с. Скоробогаткахъ. По какому-то подозрѣнію, сотникъ Слюзъ, жившій въ томъ же селѣ, схватилъ Запорожца и отправилъ въ сотенное правленіе; но Запорожецъ бѣжалъ. Тогда сотникъ ни съ того, ни съ сего, схватилъ и Чеха, отобравъ у него и коня, »и, заковавъ въ желѣза, содержалъ въ земляномъ погребѣ, подъ арестомъ«, не давая знать о случившемся, какъ слѣдовало по закону, Савицкому. Чеха »батожжемъ немилосердно билъ, домагаясь, чтобъ говорилъ, кто таковъ есть съ людей его, Савицкого, воръ. И при томъ онъ, Слюзъ, и самого его, Савицкого, воромъ порицалъ и другими многими пашквильними словами ругалъ и упослѣждалъ«. Настрашенный Чехъ говорилъ то, чего не бывало, а наконецъ бѣжалъ. Въ то время сотникъ, »чрезъ многочисленную козачую команду, гвалтовно взялъ« изъ двора Чехова коня. Вслѣдъ за тѣмъ, по приказанію сотника, сотенный писарь Товстоногъ, съ такою же »командою«, напалъ на шинкъ Савицкаго въ с. Жданахъ (гдѣ жилъ Савицкій): »тамо шинкаря Оврама Яценка (онъ же и Сербинъ) възялъ и, связавъ назадъ руки, отвезлъ въ село Скоробогатки«; во время пути, Товстоногъ, безъ всякой вины, »билъ (шинкаря) где ни попавъ плетью немилосердно; а и бившие при немъ козаки, смотря на его, Товстонога, потому же нещадно плетьми били«. Потомъ сотникъ опять послалъ Товстонога съ сотеннымъ хоружимъ Паламаренкомъ и съ такою же командою, и они схватили третьяго человѣка Савицкаго, отобрали у него лошадь и привезли въ с. Скоробогатки, гдѣ эти люди были »содержани подъ арестомъ при сотен-

номъ правленіи, въ ручныхъ и ножныхъ колодкахъ, въ земляныхъ погребахъ, чрезъ шесть недѣль« Послѣ люди были забраны въ Лубенскую полковую канцелярію. Лошади же остались у сотника и были употребляемы имъ въ работу. На этихъ людей Сотникъ доносилъ въ Лубенскую полковую канцелярію, что они схвачены за то, что, будто, воровали заодно »съ домашними« Савицкаго. Эти люди даже не были подвѣдомственны Слюзу.

При допросахъ людей, сотникъ называлъ Савицкаго воромъ и пр.; еще прежде замоталъ у послѣдняго деньги; писалъ въ Лубенскую полковую канцелярію, »попрекая ему, Савицкому, нѣякимись непорядками, привичкою къ тяжбамъ, отъ начала живота его, Савицкого, уфундаментованною, самоволствомъ, безстрашіемъ и високимъ о себѣ мнѣніемъ, и что будто онъ, Савицкій, въ тяжбахъ жизнь свою провесть желаетъ. Тако его, Савицкого, опашквилевалъ и опотварилъ предъ полковою канцелярiею, національнимъ правительствомъ.« Когда отъ Слюза изъ полковой Лубенской канцеляріи былъ потребованъ отвѣтъ о дерзостяхъ, говоренныхъ при человѣкѣ Савицкаго на полковую канцелярію и особливо на полковника, то Слюзъ »и въ томъ отвѣтѣ опашквилевалъ его. Савицкого, неякоюсь природою къ тяжбамъ, а особливо нѣякимсь злодѣемъ его, Савицкого...« Въ домѣ полковника Лубенскаго »поносилъ его, Савицкого, воромъ, злодѣемъ и смертоубійцею.«

Судъ Лубенскій велѣлъ сотнику Слюзу возвратить Савицкому коней и съ козакомъ послалъ къ нему указъ, съ требованіемъ въ 4—мѣсячный срокъ или самому явиться въ судъ, или прислать отъ себя повѣреннаго. Слюзъ въ полученіи этого указа, не смотря на требованіе, не далъ росписки, и въ судъ ни самъ не явился, ни повѣреннаго не прислалъ, и не далъ никакого отвѣта. Прежде же этого, »всѣ тѣ указы... презрѣлъ и преслушалъ, и еще доношеніемъ полковую канцелярію обругалъ, а людей (Савицкаго) съ подъ караула не освободилъ.«

Изъ прошенія жителей Кролевца, гетману Разумовскому, 1764. Съ согласія гетмана, маіоръ Яковъ Скоропадскій и бунчуковый товарищъ Григорій Долинскій взяли на откупъ право »продавать собственные іхъ напитки въ имѣючихся въ Малой Россіи свободнихъ войсковихъ маетностехъ — мѣстечкахъ, селахъ і деревняхъ« и обязались платить въ скарбъ войсковый вдвое противъ получавшагося прежде. Назначенный,

для надзора въ городѣ Кролевцѣ »свободнихъ мѣщанъ« значковый товарищъ Өедоровскій, по требованію повѣренныхъ откупщиковъ — войсковыхъ товарищей Павловскаго и Михайловскаго — отвелъ послѣднимъ на шинки »уѣздныхъ дворовъ« (т. е. заѣзжихъ) 4 и цеховихъ церковныхъ столько же, тогда какъ цеховые дворы были всегда свободны отъ постоевъ и т. п., и устроены собственнымъ коштомъ — козаками и мѣщанами, »товариствомъ города Кролевца«; изъ доходовъ же съ этихъ дворовъ »къ церквамъ, въ силѣ закона Божія, разнія потребности и въ церквахъ узаконенія свѣчы всегда по православію Хрыстіянскому единственно исправляются і нѣкогда не угашаютъ въ молебномъ пѣнія..« Изъ мѣщанъ же назначены въ его дворы »ліодовшикы — ліодъ бить и возить«; что »нынѣ въ отведенныхъ пронисаннымъ Федоровскимъ цеховихъ церковныхъ дворахъ шинковать Скоропадскаго і Долѣнского напитками весма будетъ намъ обидно«, потому что иные изъ нихъ, не имѣя собственныхъ домовъ, живутъ въ тѣхъ дворахъ; въ »уѣздныхъ« же дворахъ, всегда, отъ ратуши отводились квартиры для знатныхъ проѣзжихъ, »і по требованію техъ проежаючыхъ персонъ всегда дается імъ разная провизія. Егда жъ будетъ шинкъ, то уже въ случае проезду изъ знатныхъ персонъ квартерою стать не пожелаеть ныкто и хозяе лышатся чрезъ то вовся своего пропитанія«, церкви же лишатся свѣчъ. И въ шинкари некого назначить, потому что большая часть ихъ — негрунтовые ремесленники. Для битья и возки льду въ 7 ледниковъ, необходимо болѣе 20 пѣшихъ и болѣе 30 конныхъ людей, »коихъ людей намъ, нижайшимъ, коннихъ за ежеденно неуспишими подводами і переходами разнихъ командъ, а пѣшихъ за подчикою во все весняное і лѣтное время вездѣ по находячимся около Кролевця трактамъ мостовъ і гатей — вистачать крайне несносно.« По всему этому просятъ: »освободить насъ, беднихъ, отъ одкупу Скоропадского і Долѣнского, а імѣть імъ оной въ техъ мѣстахъ толко, гдѣ въ 1762 году содержанъ билъ.«

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

Въ первомъ томѣ »Записокъ о Южной Руси« есть недосмотръ. На стр. 116, вмѣсто словъ: *Новой Басани, Переяславскаго уѣзда,* слѣдовало бы напечатать: *Новой Басани, Козелецкаго уѣзда.*

Опечатки. Въ нотахъ напечатано нѣсколько разъ *швиденько*, а слѣдовало бы *швидéнько.* — На стр. 283 напечатано *Пріхоровичу*, а слѣдовало бы: *Прóхоровичу.* — На стр. 300 напеч. *честі*, а слѣдовало бы *чиші.* — На стр. 322 напеч. *сеймковъ*, а слѣдовало бы *сеймиковъ.*